РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. В. ТЮТЮКИН *(главный редактор),*
А. И. АКСЕНОВ, Ю. С. БОРИСОВ, В. Я. ГРОСУЛ,
П. Н. ЗЫРЯНОВ, А. П. КОРЕЛИН, Ю. С. КУКУШКИН, В. С. ЛЕЛЬЧУК,
Л. Н. НЕЖИНСКИЙ, Ю. А. ПЕТРОВ, Е. И. ПИВОВАР,
Ю. А. ПОЛЯКОВ, М. А. РАХМАТУЛЛИН *(зам. главного редактора),*
А. Н. САХАРОВ, С. С. СЕКИРИНСКИЙ, В. А. ФЕДОРОВ,
К. Ф. ШАЦИЛЛО, Я. Н. ЩАПОВ

Адрес редакции

117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 123-90-10; 123-90-41

Ответственный секретарь **Ю. В. Мочалова,** тел. 123-90-10

EDITORIAL BOARD

S. V. TIUTIUKIN *(Editor-in chief),*
A. I. AKSIONOV, Yu. S. BORISOV, V. Ya. GROSUL,
P. N. ZYRIANOV, A. P. KORELIN, Yu. S. KUKUSHKIN, V. S. **LEL'CHOUK,**
L. N. NEZHINSKII, Yu. A. PETROV, E. I. PIVOVAR,
Yu. A. POLYKOV, M. A. RAKHMATULLIN *(Assistant editor-m chief),*
A. N. SAKHAROV, S. S. **SEKIRINSKII, V. A. FEDOROV, K. F. SHATSILLO, Ya. N. SCHAPOV**

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia, tel. 123-90-10; 123-90-41

Managing Editor Yu. V. Mochalova, tel. 123-90-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ. ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 2-х АВТОРСКИХ ЛИСТОВ (48 СТР МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРУ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ТРИ ЭКЗЕМПЛЯРА, ОДИН ОСТАЕТСЯ В АРХИВЕ РЕДАКЦИИ

© Российская академия наук,
Институт российской истории, 1997 г.

© 1997 г. И. В. КУРУКИН*

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1741 года: ПРИЧИНЫ, "ТЕХНОЛОГИЯ", УРОКИ

Еще в начале XX в крупнейший русский специалист в области истории нового времени Н. И. Кареев подчеркивал, что практика дворцовых переворотов была незнакома европейским абсолютным монархиям XVII-XVIII вв. В историографии отечественной истории специфика этого феномена также осознавалась - не случайно В. О. Ключевский счел необходимым выделить "эпоху дворцовых переворотов", отличающуюся "некоторыми новыми явлениями в нашей государственной жизни"[1].

Наметившаяся в работах учеников В. О. Ключевского (П. Н. Милюкова, М. М. Богословского) линия на пристальное изучение социально-политической истории XVIII в была прервана грянувшей в 1917 г социальной революцией. В науке утвердилась известная формула В. И. Ленина "Перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой"[2]. Произнесенная в 1919 г на II съезде профсоюзов фраза означала лишь, что перипетии борьбы за власть между группировками навсегда свергнутого класса не имели никакого значения и тем более не заслуживали рассмотрения.

Между тем научная постановка проблемы предполагала обращение к уже накопленному опыту. Версия В. О. Ключевского о социальной обусловленности событий 1725-1762 гг. нашла свое продолжение в монографии Я. Я. Зутиса, увидевшего в дворцовых переворотах проявление "непримиримых политических противоречий в рядах господствующего класса" и реакцию части его на утверждение абсолютной монархии в России. Наиболее последовательно и четко данную концепцию переворотов изложил С. М. Троицкий, по мнению которого их "истинные причины таились в обострении внутриклассовых противоречий среди господствующего класса феодалов, что было связано с консолидацией его в единое привилегированное сословие и обострением антифеодальной борьбы трудящихся масс"[3]. Однако поставленная С. М. Троицким задача монографического изучения проблемы стала решаться лишь в последние десятилетия в работах Н. Я. Эйдельмана, Е. В. Анисимова, Я. А. Гордина, задавшихся целью разобраться в особенностях политического строя и политической культуры послепетровской России.

Важность изучения традиций политической культуры России определяется прежде всего исторически сложившейся особой ролью и самостоятельностью верховной власти в России - тем, что А. С. Пушкин называл "необъятной силой правительства", т. е. необычным для Западной Европы давлением государства на все сферы общественной жизни, которое при всех политических режимах в значительной степени проявляется и поныне. При этом характерно, что термин "дворцовый переворот", отсутствует в языке современной западной политологии, а традиционное понятие "coup d'etat" ("государственный переворот") используется по отношению к политическим системам X1X-XX вв. и не включает российскую практику XVIII столетия. В отечественной политологической литературе нет единой точки зрения силовые методы борьбы за власть то вообще считаются не свойственными российской политической традиции, то указывается на наличие "дворцовых" и "государственных" переворотов в советское время[4]. Проблема порой толкуется весьма упрощенно "Гвардия начала диктовать свои условия (кондиции), которые вынуждены принимать монархи"[5], некоторые же участники политических дискуссий полагают, например, что "участие армии, использование ее военной силы в политической жизни общества - это давняя историческая традиция" (не замечая при этом разницы между армией и гвардией)[6].

Автору этих строк уже приходилось высказываться о причинах и механизме российского "переворотства"[7]. Данная же статья посвящается одному из наиболее ярких событий в цепи

Курукин Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

"дворских бурь" - перевороту 1741 г., который в историографии рассматривался как важный рубеж во внутренней и внешней политике, а также в процессе развития общественного сознания.

В начале XIX в., как только ученые получили некоторую возможность высказываться по проблеме переворотов, приход к власти императрицы Елизаветы объяснялся "приверженностью" россиян к дочери Петра Великого. При этом авторы не настаивали на особом, "патриотическом" характере политической борьбы[8]. Затем Н. А. Полевой сформулировал тезис о свержении в 1741 г. "партии немцев", а С. М. Соловьев определил это событие как "народное движение, направленное против преобладания иноземцев". С тех пор оценка переворота как выступления против "немецкой клики" прочно утвердилась в историографии, в том числе и в работах последних лет[9]. Но еще И. Д. Беляев сомневался в том, что "вражда русских к немцам" была главной пружиной дворцовых переворотов, а В. О. Михневич полагал преувеличенной роль в них "общественного мнения"[10].

По-разному оценивались движущие силы и итоги переворота. С. М. Соловьев полагал, что его совершили "лучшие люди, которым были дороги интересы страны и народа", а в результате произошло "возвращение к правилам Петра Великого". В. О. Ключевский, напротив, видел в царствовании Елизаветы "крутой поворот от реформы Петра I" и отказывал гвардии в самостоятельной политической роли: она восстанавливала привычную власть путем утверждения на троне лица, "которое вожди ее представляли ей законным наследником этой власти". Еще более резко - как "естественное продолжение бироновщины" - определял время Елизаветы Я. Я. Зутис. Е. В. Анисимов убедительно показал, что попытка реставрации петровской концепции служения "общему благу" оказалась нереальной вследствие усиления социально-экономических позиций дворянства. Он же указал на такую особенность переворота 1741 г., как самостоятельное его осуществление гвардейскими низами, "солдатством", обратил внимание на подчеркнуто патриотический его характер, что, по мнению автора, свидетельствует о "высоком уровне общественного сознания если не всего русского общества, то, по крайней мере, его широких столичных кругов". Я. А. Гордин даже полагает, что в 1741 г. гвардия стала своеобразным российским "парламентом", т. е. заняла место, "которое осталось вакантным после упразднения земских соборов и любого рода представительных учреждений, так или иначе ограничивающих самодержавный произвол". Ю. Н. Смирнов, напротив, считает, что гвардейские выступления того времени вызваны прежде всего "преторианскими настроениями"; при этом гвардейцы никогда не были единой силой и использовались в качестве орудия придворными группировками. А Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина указывают на традиционный характер этого переворота, в котором "активное участие приняли представители знати и высшей бюрократии"[11].

В данной статье на основании как известных, так и впервые вводимых в научный оборот документов РГВИА и РГАДА автор ставит цель вновь рассмотреть (и частично пересмотреть) сложившиеся в литературе представления о причинах, обстоятельствах и последствиях дворцового переворота 1741 г., его движущих силах и - насколько это возможно - об окружавшей его "атмосфере".

Существовала ли "партия Елизаветы"? Со времени С. М. Соловьева вплоть до работ последних лет приход к власти Елизаветы Петровны принято рассматривать как следствие хорошо законспирированного заговора, в котором участвовали гвардейские офицеры. Даже Е. В. Анисимов допускает существование особой "группировки Елизаветы" с возможным участием известных государственных деятелей и генералов[12]. В представлениях современников и потомков заговор был связан с фигурой французского посла при русском дворе маркиза де ла Шетарди, инструкции которому предусматривали возможность осуществления "внутреннего переворота" в России старинными русскими фамилиями, "недовольными иноземным игом". О ситуации в правящем кругу речь идет ниже, пока же стоит отметить, что французская дипломатия исходила из признания "переворотной" ситуации как *нормы* российской политики.

Вскоре после ареста регента Бирона, в начале декабря 1740 г. посол союзной французам Швеции Э. Нолькен информировал Шетарди о наличии у принцессы своей "партии", в которую якобы входили обер-прокурор Сената И. И. Бахметев, генерал-майор Г. А. Урусов, обер-комендант столицы С. Л. Игнатьев. При личных встречах с послом в начале января 1741 г. цесаревна заявила о готовности ее "партии" к немедленному выступлению, "как только придут иностранцы с явным намерением поддержать права потомства Петра I". "Вождем" своей "партии" Елизавета назвала шефа Тайной канцелярии гвардейского подпол-

ковника А. И. Ушакова, канцлера А. М. Черкасского, а исполнителями - всех офицеров гвардии русского происхождения при поддержке их действий полками петербургского гарнизона[13]. Позднее в числе своих сторонников Елизавета указала князей Трубецких (генерал-фельдмаршала и генерал-прокурора Сената) и принца Людвига Гессен Гомбургского - еще одного гвардейского подполковника. Таким образом, судя по донесениям Шетарди, в конце 1740 - начале 1741 г вокруг Елизаветы образовалась партия, и посол обратился к начальству за санкцией на свое участие в ней. Насколько же описанный выше *заговор* Елизаветы связан с произошедшим *переворотом?*

В апреле 1741 г английский посол Э. Финч по поручению своего правительства конфиденциально известил кабинет министра А. И. Остермана и мужа правительницы Анны принца Антона Брауншвейг-Люнебургского: из полученных в Стокгольме докладов Нолькена следует, будто в России образовалась большая партия, готовая взяться за оружие для возведения на престол великой княгини Елизаветы Петровны и соединиться с этой целью со шведами, едва они перейдут границу [14], в числе участников заговора были названы Шетарди и врач Елизаветы А. Лесток. Но за столь важной информацией не последовало никаких мер предосторожности: сохранившиеся материалы Кабинета и Тайной канцелярии не содержат распоряжений о следствии или арестах по этому делу. Черкасского в августе 1741 г хватил удар, а Ушаков демонстративно уклонился от контактов с Шетарди, чем вызвал немалое беспокойство посла. О каких-либо действиях Трубецких и принца Гессен Гомбургского в пользу Елизаветы также ничего не известно. Все названные лица сохранили свое положение и с воцарением Елизаветы, но ни один из них не принимал непосредственного участия в перевороте. Да и сама цесаревна не скрывала от послов, что у нее отсутствует организованная поддержка. "Здесь <... > слишком велико недоверие между отдельными лицами, чтобы можно было заранее привести их к соглашению: главное состоит в том, чтобы заручиться их сочувствием отдельно, а как скоро начал бы действовать один, все двинулось бы как снежная лавина, всякий с удовольствием бы присоединился к движению, считая, что он равным образом разделит и славу успеха, *в худшем же случае она принцесса предложит себя в предводители гвардии*"[15].

Елизавете нельзя отказать в понимании трудности стоявшей перед ней задачи: в условиях постоянной борьбы в правящих кругах создать сплоченную опору среди высших сановников едва ли было возможно. Однако кандидатка на трон предполагала обращение к гвардии только в худшем случае. Вероятно, расчет Елизаветы строился на затрагивавшемся в беседах с Шетарди предположении о возможной смерти царя-младенца. В такой ситуации, при отсутствии другого законного наследника, Анна Леопольдовна лишалась бы всяких оснований претендовать на регентство, а Елизавета как дочь царствовавшего императора обрела бы бесспорные права на престол. Выступление нескольких высших должностных лиц вполне могло предоставить дочери Петра корону без какого-либо насилия.

Но расчет на близкую смерть императора не оправдался, и Нолькен с Шетарди подталкивали принцессу к действиям: в случае предполагаемого шведского вторжения (война действительно началась 8/19 августа 1741 г., но была крайне неудачна для Швеции, так как уже через две недели ее войска были разбиты). Шетарди подробно освещал в своих донесениях, как от нее пытались добиться согласия на ревизию условий Ништадтского мира, но о конкретной подготовке переворота, о деталях и исполнителях замысла посол ничего сообщить не мог, кроме упоминания о каких-то готовых к действию гвардейских офицерах. Известный же рассказ Шетарди от 9 (20) июня о том, как цесаревна в Летнем саду уговаривала гвардейских офицеров отложить преждевременное выступление, имеется только в публикации П. П. Пекарского — в тексте депеши по изданию РИО его нет*.

По-видимому, сведения Елизаветы о влиянии ее партии стали вызывать сомнения у дипломатов. На последней перед отъездом встрече с принцессой Нолькен пытался уточнить число ее сторонников в гвардии (как выяснилось, речь шла не обо всех, а только о 54 офицерах) и их готовность к борьбе. Елизавета ограничилась тем, что обещала действовать со своей партией мужественно. В августе она передала Шетарди, что раздала своим сторонникам 2000 руб., в сентябре придворный музыкант принцессы саксонец Христофор

---

* Это обстоятельство позволяет сомневаться в достоверности публикации депеш Шетарди в издании П. П. Пекарского (Маркиз де ла Шетарди в России 1740-1742 гг. СПб 1862) она осуществлялась как указал сам автор, не по подлинным дипломатическим документам, а по копиям, сделанным А. И. Тургеневым.

Шварц сообщал послу о раздаче по 5 руб. каждому отправленному на войну со Швецией солдату гвардейского отряда, в связи с чем и занял у Шетарди 2000 червонных.

Между тем о действиях сторонников Елизаветы Шетарди вплоть до самого переворота не смог сообщить в Париж ничего обнадеживающего. Можно бы предположить, что инициаторы заговора умело скрывали свои планы. Однако тогда трудно объяснить факт, о котором французский посол сообщал 15 (26) октября 1741 г.: явившийся к нему в полночь камергер Елизаветы объявил, что, по сведениям принцессы, царь умер, и спросил, что следует делать[16]. И это при наличии якобы широкого круга заговорщиков-офицеров во главе с опытными генералами и при поддержке первых лиц государства!

Неподготовленность Елизаветы и полная неопределенность сведений о составе заговорщиков позволяют заключить, что заговора с участием вельмож и офицеров не было, как не было и четкого плана действий. Все сведения о нем содержатся лишь в донесениях Шетарди и Нолькена, которые получали их только от самой Елизаветы, Лестока и Шварца, не имея возможности проверить. Напомним, что предупреждение Финча о заговоре также основано на полученных английскими дипломатами в Швеции данных из донесений того же Нолькена. Неудивительно и отсутствие каких-либо репрессий со стороны правительства: и после сообщения Финча, и после письма графа Линара в августе 1741 г., предупреждавшего правительницу о "мятежных замыслах" иностранного министра, разговоры принцессы и ее агентов с французским послом беспокоили Остермана, но реальной опасности не представляли. Сохранившиеся материалы следствия по делу свергнутого правительства Анны Леопольдовны не содержат указаний на то, чтобы слежка за домом Елизаветы хотя и продолжалась с января до осени 1741 г., дала какие-то основания для подозрений.

Тем не менее дворцовый переворот все же произошел - с триумфальным успехом и без какого-либо сопротивления. Каковы же были его пружины, если версия о заговоре выглядит не вполне убедительной? Серьезных аргументов в пользу всеобщих патриотических" симпатий к Елизавете нет. Приведенные у С. М. Соловьева и Е. В. Анисимова факты такого рода относятся к гвардии, так же как свидетельства Миниха-отца и Манштейна, и в значительной своей части извлечены из тех же донесений иностранных дипломатов. Что же касается якобы безоговорочного признания прав на престол за Елизаветой, то едва ли общественное мнение было однозначным. Наряду с проелизаветинскими высказываниями до нас дошли и противоположные - о незаконном рождении цесаревны и ее недостоинстве[17]. В материалах Тайной канцелярии периода регентства Анны нет дел, связанных с высказываниями о правах Елизаветы на престол.

Несостоявшаяся императрица. Несомненно, что фактором, максимально способствовавшим новому перевороту, стала деградация самого брауншвейгского режима. Вообще Анна Леопольдовна правила на редкость милостиво: разрешила строить каменные здания по всей империи, отменила взыскание недоимок и проведенную было в 1740 г. фактическую секуляризацию церковных вотчин. Акты ее правления содержат огромное количество всевозможных пожалований. Тем не менее никакого существенного обновления в правящем кругу не последовало. На своем посту остались клевреты Бирона - Преображенский майор И. Альбрехт и обер-гофкомиссар Исаак Либман, а доносивший на секретаря Анны М. Семенова камергер А. М. Пушкин был назначен в Сенат. Других выдвиженцев Бирона сначала даже повышали чином, хотя в дальнейшем это не мешало снятию их с должности (как, например, президента Академии наук К. Бреверна или обер-прокурора Сената И. И. Бахметева).

Начавшиеся было по предложенной Остерманом программе преобразования (состав-пение налоговых ведомостей, пересмотр штатов учреждений) замерли без энергичного побуждения до конца правления Ивана Антоновича более или менее энергично продолжался только целенаправленный пересмотр дел по Тайной канцелярии Раздачи чинов и должностей не обеспечили Анне Леопольдовне надежной опоры Новые командиры гвардейских полков - Л. Гессен-Гомбургский, Ю. Ливен, П. Черкасский, П. Воейков - в ноябре 1741 г не выступили в защиту правительницы, а ревностно выполняли все приказы Елизаветы. Сами назначения были не всегда продуманными и порой вызывали у чиновников раздражение Так, в сентябре 1741 г определенные в Сенат АМ Пушкин, Я. П. Шаховской, П. С. Салтыков, А. Д. Голицын выражали недовольство новыми обязанностями и тем, что с ними не советовались перед назначением[18] (кстати, сама Анна Леопольдовна, в отличие от Бирона в период его регентства, ни разу не удосужилась посетить Сенат).

Военные чины бригадира и полковника правительница жаловала далеким от походных

тягот камергерам и камер-юнкерам двора[19]. Наравне с безвинно пострадавшими награды получали любимая фрейлина Юлиана Менгден и ее родственники - им достались доходные посты и "мызы" в Прибалтике[20]. Другим не давали ничего: без всякого ответа осталась поданная в августе 1741 г. челобитная о награждении "деревнями" явно не пользовавшегося доверием правительницы генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого. Вместе с боевыми офицерами чины и награды жаловались придворным кофешенкам и лакеям. А наказаний избегали не только невинно оговоренные, но и скупщики краденого, и пойманные на подлогах адмиралтейские чиновники. Окружавшие Анну Леопольдовну лица умело использовали массовые награждения для продвижения по службе "своих" людей (в чем признавался на следствии Миних). Произвольные повышения нарушали сложившиеся традиции чинопроизводства, после переворота 1741 г. одним из первых актов правительства Елизаветы стал указ о соблюдении порядка награждения чинами "по старшинству и заслугам"[21].

Прусский посол А. Мардефельд в июле 1741 г. резюмировал плоды "милостивой" политики правительницы. "Нынешнее правительство самое мягкое из всех, бывших в этом государстве. Русские злоупотребляют этим. Они крадут и грабят со всех сторон и все-таки крайне недовольны, отчасти потому, что регентша не разговаривает с ними, а отчасти из-за того, что герцог Брауншвейгский следует слепо советам директора его канцелярии, некоего Грамотина, еще более корыстного, чем отвратительный Фенин, бывший секретарь Миниха"[22]. К этому можно добавить, что поток милостей едва ли ощущался на улице, несмотря на полицейские попытки регламентировать цены на продовольствие. Так же, как при Анне Иоанновне, полиция нещадно брала с обывателей штрафы за поломку свежепосаженных "линейных берез", клеймила хомуты извозчиков с целью регистрации промысла и "с крайним прилежанием" ловила нищих. Однако личным распоряжением правительница освободила протестантские кирки и их служащих от тяжелой повинности мостить улицы.

Фаворитизм, отсутствие сколько-нибудь твердого курса внутренней и внешней политики приводили к расстройству работы и без того несовершенного государственного аппарата. Принятые решения не исполнялись (так, остались на бумаге "Регламент и работные регулы" для рабочих суконных фабрик - против них выступали фабриканты, недовольные ограничением своих прав) или сменялись противоположными. Анна Леопольдовна отменила намеченный Бироном рекрутский набор, но уже в декабре, а затем в январе и сентябре 1741 г. вышли указы о новых наборах. В нарушение положения о подушной подати с инородцев и черносошных крестьян сверх нее стали собирать хлеб на довольствие армии[23]. Подготовленное Н. Ю. Трубецким назначение прокуроров было отменено по проискам Остермана, оправдывавшего этот шаг привычным бюрократическим аргументом от прокуроров в делах остановка". Несостоявшиеся прокуроры дружно били челом о скорейшем определении к делам, и правительнице в срочном порядке пришлось решать, куда назначить 36 оставшихся без жалованья чиновников, да так, чтобы новыми должностями не обидеть их перед "прочей братьею"[24].

"Все идут врозь", - характеризовал деятельность правительства в октябре 1741 г. Шетарди. Подобные же отзывы о русском дворе давал его коллега и соперник английский посол Финч. Вслед за новостью об отставке "героя" переворота 1740 г. Миниха дипломаты сообщали, что Анна Леопольдовна при поддержке вице-канцлера М. Г. Головкина выступает против принца Антона и руководившего его действиями Остермана. А Остерман и Антон, в свою очередь, стремились через венский двор повлиять на саксонского курфюрста, чтобы тот не присылал в Россию графа Линара - фаворита правительницы. Головкин создал в Кабинете противовес Остерману в лице осужденного вместе с Бироном, но возвращенного из ссылки А. П. Бестужева-Рюмина[25].

Раздоры внутри Кабинета отражались и на внешнеполитическом курсе в условиях начавшейся в декабре 1740 г. войны за "австрийское наследство". Если Миних отстаивал только что заключенный союз с Пруссией, то Остерман и принц Антон предпочитали поддерживать старого союзника, т. е. Австрию. Тем временем английское правительство, полагая, что внутренняя нестабильность режима позволяет ему считать себя свободным от условий только что заключенного союзного договора с Россией (апрель 1741 г.), отказалось не только послать в помощь России свой флот на Балтику, но и уплатить ей обещанную денежную субсидию. Несмотря на унижение со стороны "союзника", договор правительница все же ратифицировала

Обостряло ситуацию и желание Анны Леопольдовны издать новый акт о престолонаследии. Действительному статскому советнику И. Н Тимирязеву она приказала подготовить два манифеста. "Один в такой силе, что буде волей Божиею государя не станет и

братьев после него наследников не будет, то быть принцессам по старшинству; в другом напиши, что ежели таким же образом государя не станет, чтоб наследницею быть мне"[26]. Оба проекта манифеста были написаны и дошли до нас; окончательная редакция этих документов принадлежит М. Г. Головкину[27]. 1 ноября 1741 г. был подготовлен и проект секретного указа Кабинету, предлагавший выработать условия, каким образом новый порядок престолонаследия "в действо произвести": передать престол сразу матери или же сначала дочерям [28].

Сохранился и перевод составленного Остерманом протокола совещания по этому вопросу с М. Г. Головкиным, архиепископом Амвросием и А. М. Черкасским, состоявшегося 3-4 ноября 1741 г. Присутствовавшие согласились распространить право наследования на сестру императора, но вопрос о воцарении матери остался открытым[29]. Мардефельд и Манштейн после вступления на престол Елизаветы отмечали, что ее соперница собиралась объявить себя императрицей ко дню своего рождения, 7 декабря 1741 г. П. В. Долгоруков столь же определенно отмечал, что был подготовлен специальный манифест о коронации Анны Леопольдовны 6 декабря 1741 г. [30] Однако в числе дошедших до нас документов последних дней правления Ивана Антоновича подобного акта не обнаружено. По-видимому, окончательное решение так и не было принято за три недели, остававшиеся до нового переворота.

Толки об изменении порядка престолонаследия не могли не беспокоить Елизавету и ее сторонников: цесаревна опасалась перспективы воцарения соперницы с самого начала ее правления, тем более, что надежды на поддержку шведов рухнули: их армия была разбита 23 августа при Вильманстранде. Единственной надеждой для принцессы оставалась гвардия.

"Солдатский" заговор. Не возражая против мнения о популярности Елизаветы в гвардии, все же подчеркнем, что нет оснований полагать, будто утверждение у власти Анны Леопольдовны было встречено в полках с недовольством. Дела Тайной канцелярии не сохранили ни одного "антибрауншвейгского" выступления в офицерском корпусе, что особенно заметно по сравнению с "антибироновским" движением осенью 1740 г. Не встречается в первые месяцы правления Анны и случаев неуважительного о ней отзыва среди солдат. Правительница явно стремилась добиться расположения гвардии. Впервые нарушение присяги было оплачено: участники ареста Бирона получили следующие чины; бездействовавшие 52 караульных гренадера - по 6, а 177 мушкетеров - по 5 руб. [31] Офицеров регулярно приглашали на куртаги; на придворных и полковых празднествах Дворцовая контора "трактовала" солдат водкой и пивом; именно при Анне Леопольдовне гвардейцам стали выдавать по 10 руб. за несение ночных караулов во дворце. В апреле 1741 г. правительница распорядилась, чтобы работавшие на постройке казарм гвардейские солдаты получали оплату в размере 4 коп. в день[32]. Считал необходимым проявить заботу о гвардии и принц Антон: в апреле 1741 г. он распорядился сварить для солдат специального "витаминного" пива для предупреждения цинги.

Однако сохранившиеся книги приказов по полкам за 1740-1741 гг. показывают, что дисциплина в частях была не на высоте. По количеству взыскания намного превосходили поощрения. Несмотря на повторявшиеся из месяца в месяц приказы о пресечении "своевольств" и "обид" и назначение обычного наказания - батогов, гвардейцы являлись на службу "в немалой нечистоте", "безвестно отлучались" с караулов, играли в карты "на кабаках", "чинили обиды" полицейским постам и обывателям, устраивали на улицах драки и пальбу, воровали, многократно "впадали" во "французскую болезнь" и не желали от таковой "воздерживаться". Обыденной "продерзостью" стало пьянство, так что даже приходилось издавать специальные приказы по полку, "чтоб не было пьяных в строю". Более серьезные проступки показывают, что гвардейцы образца 1741 г. чувствовали себя во дворце и в столице хозяевами положения: семеновцы и преображенцы не стеснялись воровать посуду из дома канцлера Черкасского и из самого дворца; Преображенский солдат И. Дыгин нанес оскорбление камер-юнкеру правительницы и офицеру конной гвардии Левенфельду, а гренадер Г. Наумов вломился в дом французского посла и требовал у иноземцев денег[33].

Навести дисциплину в гвардии попробовал сам генералиссимус, глава Военной коллегии и гвардейский подполковник принц Антон. В мае 1741 г. он повелел восстановить в полках особые гренадерские роты (созданы при Петре I, ликвидированы в 1731 г.), которые, по его замыслу, должны были стать образцовыми частями и примером для всей гвардии. Книга приказов по Преображенскому полку свидетельствует, что принц лично отбирал солдат и офицеров в новую гренадерскую роту. Ее командир под руководством самого принца сразу

же приступил к интенсивной муштре и "экзерциициям", а наиболее способных приказано было отправлять в другие роты для обучения солдат; с лета 1741 г. заметно увеличилось количество выговоров и наказаний гренадерам и другим солдатам-преображенцам[34].

Меры по укреплению дисциплины вместе с тяготами военного времени (запрет отпусков и командирование в августе сводного гвардейского отряда на фронт) явно не способствовали популярности брауншвейгского семейства. Начиная с августа 1741 г. в Тайной канцелярии вновь начинают рассматриваться дела о "непристойных словах" гвардейцев-солдат в адрес верховной власти. Рядовые Измайловского полка А. Псищев и Л. Сокольников на упреки капрала в неисправном несении службы заявили: "Тако ты черту присягал, а не государю!" Музыкант П. Муромцов был уверен, что "генерал-фелтмаршал фон Миних и другие генералы, и генерал фелтцейхместер, да и третей император дураки". А "гошпитальный надзиратель" М. Крюков выразился о властях предержащих еще более резко: "Только они Россию-ту нашу ядят"[35]. Появление подобных разговоров показывает, что престиж власти к осени 1741 г. ощутимо упал.

Ситуация усугублялась тем, что новые правители явно не умели выбирать себе помощников и удерживать сторонников. Занявшие высокие посты рекетмейстер А. Фенин и секретарь принца Антона П. Грамотин оказались заурядными взяточниками, так же как и генерал-директор дворцовых волостей барон Г. фон Розен. С другой стороны, в отставку уходили те офицеры и чиновники, которые при Бироне шли на риск заговора ради брауншвейгского семейства (И. Орлов, И. Чирков, А. Яковлев, П. Ханыков, И. Алфимов, Л. Пустошкин). Анне Леопольдовне не добавило популярности и ее увлечение саксонским графом М. Линаром: слишком уж он напоминал только что свергнутого Бирона.

Пока "наверху" ссорились и интриговали, в гвардейском "низу" копилась критическая масса для очередного переворота. Решающая же роль гвардии в столице определялась слабостью полиции и небоеспособностью расквартированных в Петербурге армейских частей: по рапорту обер-коменданта С. Игнатьева, в июле 1741 г. в 4 полках гарнизона (4135 строевых при некомплекте в 1317 человек) 2621 солдат и офицер находились на различного рода работах[36].

В сентябре 1741 г. гренадерская рота Преображенского полка была переведена с отдельных квартир в только что отстроенные казармы. Собранные в общих "светлицах" солдаты и унтер-офицеры без контроля со стороны начальства (офицеры в казармах не жили) свободно могли высказывать недовольство: солдатам запретили топить печи "годными" бревнами и досками: у только что вернувшихся из похода в Финляндию отобрали казенные шубы; бдительный принц Антон лично распорядился сломать поставленные гренадерами "рогожные нужники", явно не украшавшие окрестности казарм[37]. Всем солдатам было запрещено обращаться к принцу-генералиссимусу помимо нижестоящих командиров, а гвардейцам-именинникам не разрешалось более являться с калачами во дворец[38].

Сочетание кризиса власти с попытками навести порядок путем муштры и повседневных наказаний подводило ситуацию к критической черте. Но "наверху" этого не желали замечать: 7-8 ноября 1741 г. Анна Леопольдовна торжественно отмечала годовщину переворота и "благополучно окончившегося первого года правления" Ивана Антоновича. Правительница блистала в особом "грузинском" костюме на собольем меху и готовилась к новым балам: к празднику Андреевского ордена (30 ноября) ей срочно шили "кавалерское платье", а ко дню рождения (7 декабря) уже были заказаны сюжеты для фейерверка и разучивалось представление с участием придворных слонов.

Скорее всего в те дни октября-ноября 1741 г. и сложился настоящий заговор, тот, который привел Елизавету к власти, но заговор не "офицерский", а "солдатский". Специфическую черту переворота 1741 г. отметили уже современники. И Манштейн, и Миних-младший, и собиравший сведения о послепетровской истории России немецкий журналист и историк А. Ф. Бюшинг определенно указывали, что агентам Елизаветы - Лестоку и Шварцу - удалось привлечь на свою сторону только нескольких гренадеров Преображенского полка. Называлось разное число солдат, но наиболее обоснованным выглядит суждение С. А. Панчулидзева, что ведущую роль сыграли первыми пожалованные Елизаветой в сержанты Лейб-компании (особого привилегированного воинского соединения из числа солдат гренадерской роты Преображенского полка, созданного Елизаветой в конце 1741 г.) 9 человек во главе с Ю. Грюнштейном.

Разорившийся в России саксонский купец-авантюрист Грюнштейн успел побывать в татарском плену, однако вырвался оттуда и в 1741 г. пытался добиться суда с не добросовестными компаньонами у самой Анны Леопольдовны. Просьбы остались без последствий, и осенью 1741 г. незадачливый купец поступил в гвардейские гренадеры[39].

Грюнштейну и его друзьям-сослуживцам, насмотревшимся, как делаются дела в столице, нетрудно было найти общий язык с людьми типа Лестока и Шварца. Последние и стали главными организаторами заговора, не возбуждая особых подозрений; "засветился" при своих контактах с Шетарди только Лесток. В бумагах Головкина сохранились распоряжение установить за ним наблюдение и соответствующий доклад принцу Антону. Но похоже, что никаких конкретных шагов так и не было сделано, связи агентов Елизаветы с гвардейской казармой остались для окружения Анны неизвестными. А заговорщики располагали информацией о поведении противников. Из донесений Шетарди и анонимных сообщений некоего дипломата из его окружения следует, что "камер-юнгфера" Анны и слуга принца Антона докладывали Лестоку и Шварцу обо всех происшествиях во дворце и даже о поступавших к их хозяевам деловых бумагах[40].

Манштейн и Бюшинг утверждали, что выступление предполагалось приурочить к крещенскому параду 6 января 1742г., когда принцесса собиралась обратиться к войскам и увлечь их за собой. Иных сведений о планах заговора в мемуарах современников нет. Но кое-что можно извлечь из пропагандистских сочинений начала царствования Елизаветы, выпущенных для обоснования совершенного ею захвата власти. Имеются в виду "Краткая реляция" (разосланная русским послам за границей записка с описанием переворота, которую они должны были пересказывать со ссылкой на полученное из Петербурга частное письмо) и проповеди на ту же тему, предназначенные для формирования общественного мнения внутри страны. Тенденциозность этих документов очевидна. Но тем интереснее встретить в них подробности переворота, не известные по иным источникам.

Так, их авторы, несмотря на все усилия представить поступок Елизаветы вынужденным, проговариваются, что контакты гренадеров во главе с Грюнштейном и цесаревны начались задолго до переворота. А затем один из сочинителей счел нужным упомянуть и достигнутую договоренность: переворот должен был произойти в период, когда караулы во дворце несли сами заговорщики-преображенцы[41]. Подобный план был, несомненно, более реальным, по сравнению с театральной попыткой обращения к войскам во время парада.

Однако переворот пришлось ускорить из-за непредвиденных обстоятельств. В литературе не раз отмечалось, что Анна Леопольдовна неоднократно получала предупреждения о готовившемся перевороте от Остермана, обер-гофмаршала Р. Левенвольде, а также из присланных из-за границы писем Линара и других лиц[42], но не придавала им значения. На следствии после переворота главными из таких фактов Остерман назвал уже указанную информацию Финча, письмо своего агента Совплана из Брюсселя и сообщение посла А. Г. Головкина из Гааги. Все эти сведения и были переданы Анне. Но названные документы, например, письмо графа Линара, были посвящены интригам Шетарди и шведского правительства и их контактам с Елизаветой. Никаких конкретных сведений о заговоре и заговорщиках они не содержали.

Именно об этих обстоятельствах и беседовала с Елизаветой правительница во время куртага в понедельник 23 ноября 1741 г. (так со слов Лестока и описал этот разговор Шетарди)[43]. Вежливый допрос был неприятен Елизавете, но оправдаться ей не составило труда: шведского посла уже давно не было в России, и все упреки в контактах с представителями враждебной державы можно было смело отвергать; визиты Шетарди продолжались уже целый год и никаких последствий не имели, о чем правительство Анны не могло не знать. "Сигналов" по поводу офицеров-заговорщиков не поступало: в 1741 г. у Тайной канцелярии вообще было мало работы - большей частью по делам о ложном произнесении "слова и дела". Информацией же о "солдатских" связях Елизаветы осенью 1741 г. ни правительница, ни Остерман не располагали, о них не было и речи во время последней встречи принцесс-соперниц. Но мирно завершившаяся беседа должна была подтолкнуть Елизавету к немедленным действиям. Правительницу ей удалось убедить в своей невиновности (Анна даже послала к Остерману сказать, что Елизавета "ничего не изволит ведать"), но Лестоку грозил арест, а молчать на следствии он бы не стал.

В тот же день, 23 ноября, Елизавета послала за гренадерами, которые заверили ее в своей готовности. Но в эти дни преображенцы не заступали на караул, и поэтому утром 24-го один из заговорщиков, П. Сурин, отправился во дворец договариваться с караульными солдатами Семеновского полка. Соглашение было достигнуто, и гренадер предупредил солдата С. Карцева, что "в сию нощь будет во дворец государыня цесаревна", о чем сам Карцев и сообщил в 1742 г. при поступлении в Лейб-компанию[44].

Последним толчком к перевороту стал поступивший 24 ноября в гвардейские полки приказ быть "к походу во всякой готовности": гвардии предстояло поздней осенью отправляться из столицы на театр военных действий в Финляндию. Этот приказ, по иронии

судьбы поставивший точку в судьбе брауншвейгской династии, вопреки сложившемуся в историографии мнению, *не был вызван какими-либо опасениями заговора*[45]*:* акцию по замене войск на фронте рекомендовал осуществить сам главнокомандующий П. П. Ласси, и Анна без колебаний начертала на его докладе резолюцию "Быть по сему"[46].

К вечеру 24 ноября 1741 г. переворот "созрел". У Елизаветы уже не было выбора. Но она не сразу отправилась в гренадерскую казарму. Сначала, присягнув Елизавете в ее дворце, туда пошли заговорщики-гренадеры - инициаторы предприятия во главе с Грюнштейном, -чтобы подготовить солдат к приезду основных действующих лиц. Тем временем Лесток удостоверился через своих агентов во дворце, что правительница ни о чем не подозревает, и в доме некоего английского купца получил от французского дворянина из свиты Шетарди (как свидетельствовал придворный ювелир И. Позье) деньги для раздачи солдатам. Шетарди позднее назвал сумму в 2000 руб. Французский посол отнюдь не щедро финансировал предприятие цесаревны, и позднее Мардефельд сообщал в Берлин, что Елизавете пришлось заложить свои драгоценности[47]. После 10 часов вечера Лесток покинул дом купца, и остававшееся до полуночи время приближенные Елизаветы посвятили последним приготовлениям к перевороту. Вероятно, тогда и был составлен "памятный реестр" для ареста сторонников Анны Леопольдовны, о котором упоминает "Реляция".

Ни военные, ни гражданские власти в столице ни о чем не подозревали. Принц Антон подписывал очередные доклады Военной коллегии. В Тайной канцелярии допрашивали ложно объявивших за собой "слово и дело" солдат Вятского и Нижегородского полков. Двор Анны Леопольдовны веселился на последнем в это царствование балу в честь именин жены М. Г. Головкина.

Между тем, прибыв вместе с камер-юнкером М. И. Воронцовым и Лестоком в казармы, царевна застала уже подготовленных к ее появлению солдат. Любимица гвардии знала, как с ними говорить: "Знаете ли, ребята, кто я? И чья дочь?" - так воспроизводит первые ее слова произнесенная в дворцовой церкви 18 декабря 1741г. проповедь новгородского архиепископа Амвросия. Затем принцесса призвала гвардейцев спасти ее: "Моего живота ищут!" Сторонники соблюдения присяги оказались в явном меньшинстве: Елизавету поддержала большая часть унтер-офицеров, отобранных в образцовую роту самим принцем Антоном. Опытные служаки (у большинства гвардейский стаж составлял более 10 лет) сумели быстро организовать гренадеров и арестовали единственного дежурного офицера-подпоручика Берхмана[48]. Арестовали и тех гвардейцев, которым принц Антон поручил надзор за Елизаветой.

После принесения присяги рота выступила в поход. По дороге к Зимнему дворцу (по Манштейну, после его занятия) от колонны отделялись отряды для ареста Левенвольде, Миниха, Головкина, Менгдена, Остермана и близких им лиц. Семеновский караул Зимнего дворца не оказал сопротивления. Правда, по данным Бюшинга и Шетарди, офицеры не спешили выказать свою преданность; однако именно стоявшего в ту ночь на посту П. В. Чаадаева (деда знаменитого "басманного философа") Елизавета послала в Москву с известием о перевороте, а через год он стал премьер-майором и членом суда по делу Лопухиных.

Затем гренадеры под руководством Лестока и Воронцова вошли в дворцовые покои и арестовали ничего не подозревавших "немцев" вместе с младенцем-императором. Кроме упомянутых лиц, Миних-младший и Я. П. Шаховской называли в числе участников переворота Шуваловых, Разумовских и В. Ф. Салтыкова, но в чем именно состояло их участие, не вполне понятно. Основную часть операции по захвату престола гвардейцы Елизаветы проделали быстро, умело и, видимо, вполне самостоятельно. Высшие военные командиры -далекий от придворных интриг генерал-фельдмаршал П. П. Ласси и подполковник гвардии принц Л. Гессен-Гомбургский (его жена, урожденная княжна А. И. Трубецкая, была подругой Елизаветы) - были вызваны после описанных событий и действовали уже по приказу новой власти. Они распорядились стянуть к Зимнему дворцу части гарнизона и гвардейские полки, в то время как столь же спешно созванные вельможи - А. П. Бестужев-Рюмин, А. М. Черкасский, А. Б. Куракин, Н. Ф. Головин, Н. Ю. Трубецкой - приносили Елизавете поздравления и сочиняли манифест о ее вступлении на престол.

Вслед за ними к Елизавете в ее прежний дворец (где уже сидело под арестом бра¬уншвейгское семейство и его "партизанты") спешили и столичные обыватели: "Большой зал дворца был полон Преображенскими гренадерами. Большая часть их были пьяны; одни, прохаживаясь, пели песни (не гимны в честь государыни, но неблагопристойные куплеты), другие, держа в руках ружья и растянувшись на полу, спали. Царские апартаменты были наполнены простым народом обоего пола <... > Императрица сидела в кресле, и все, кто

желал, даже простые бурлаки и женщины с их детьми, подходили целовать у ней руку"[49], - такими увидел победителей безвестный офицер Воронежского полка, находившийся проездом в столице.

К восьми утра "генеральное собрание" в старом дворце Елизаветы завершилось составлением новой формы титула, присяги и манифеста. В последнем объявлялось, что в правление младенца-императора произошли "как внешние, так и внутрь государства беспокойства и непорядки, и следовательно, немалое же разорение всему государству последовало б". Поэтому все верные подданные, "а особливо лейб-гвардии нашей полки, всеподданнейше и единогласно нас просили, дабы мы <... > отеческий наш престол всемилостивейше восприять соизволили", что и было сделано по "законному праву", т. е. "по близости крови" и по "единогласному прошению"[50]. Вслед за тем Елизавета приняла орден св. Андрея Первозванного, объявила себя полковником всех гвардейских полков и показалась с балкона войскам и толпе. В третьем часу пополудни Елизавета в качестве новой императрицы переселилась в уже взятый ею ночным "штурмом" Зимний дворец, где в придворной церкви был оглашен манифест и прошел под гром пушек торжественный молебен. После официальных поздравлений должностные лица и собранные вокруг дворца полки приняли присягу. Что же касается Анны Леопольдовны с мужем и сыном, то они остались ждать решения своей участи, а их сторонники к вечеру "переехали" в казематы Петропавловской крепости.

Закрепление успехов. 25-27 ноября приказы по гвардейским полкам обещали солдатам "материнскую милость" и особое покровительство Елизаветы, а также напоминали о непременном принесении присяги и явке с поздравлениями к "ручке ее императорского величества"; дозволялось вновь приходить во дворец гвардейцам-именинникам и обращаться с просьбами о крещении детей. Дойти до "ручки" удалось не всем: 26 ноября началась раздача вина по ротам, и приказы последующих дней требовали от командиров "унимать" загулявших гвардейцев, которые "по улицам пьяные шатаютца"[51].

Во дворце же завершался очередной передел власти. Официальные документы и донесения послов позволяют говорить о сложившемся при новой императрице "Совете одиннадцати", в который вошли и деятели прежних правительств (И. Ю. и Н. Ю. Трубецкие, А. М. Черкасский, А. И. Ушаков, опытные придворные Н. Ф. Головин, А. Б. Куракин, А. Л. Нарышкин и только что возвращенный из ссылки А. П. Бестужев-Рюмин, старый петровский генерал Г. П. Чернышев, фельдмаршал П. П. Ласси и генерал В. Я. Левашов)[52]. Очевидно, что это была временная комбинация: в кругу вельмож выдвигались новые лидеры, прежде всего А. П. Бестужев-Рюмин. Принц Л. Гессен-Гомбургский стал командующим гвардейскими полками, но пост руководителя Военной коллегии уступил срочно возвращенному из ссылки фельдмаршалу В. В. Долгорукову. А. Лесток занял влиятельный пост лейб-медика с чином действительного тайного советника. Генерал-аншефом стал В. Ф. Салтыков - именно ему Елизавета поручила деликатную миссию надзора за брауншвейгским семейством. Вслед за названными лицами получили должности камергеров двора братья П. И. и А. И. Шуваловы и М. И. Воронцов — им принадлежало будущее елизаветинского царствования.

В 1741 г. никаких проектов нового государственного устройства не требовалось. Новый "Совет" единодушно осудил деятельность Верховного тайного совета и Кабинета. Но Елизавета отнюдь не спешила расставаться с деятелями прежнего режима. Сохранили свои посты безликий канцлер А. М. Черкасский и ветеран "эпохи дворцовых переворотов" генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой, встречавший без единой опалы уже шестое царствование. Сомнения в лояльности последнего были: сохранился рапорт бывшего уфимского вице-губернатора П. Аксакова, докладывавшего новой императрице: "Вашего императорского величества всемилостивейшим указом от его светлости принца Гессен-Гоумбургского мне объявлено, не имею ли я подозрения на господина генерал-прокурора князя Трубецкого, на которой всеподданнейше нижайше доношу, что подозрения на него никакого не имею"[53]. Не доверяли князю и гвардейцы: в 1743 г. Преображенский солдат Е. Вицаков сообщал лейб-компанцам, что "злодей" Трубецкой "собирался з гранодерской ротою и хотел в Петергоф итить и государыню взять" (однако на допросе Вицаков традиционно сослался на пьянство)[54]. Тем не менее ловкий царедворец пережил и Елизавету, и очередной переворот 1762 г. и только перед смертью в 1767 г. раскаялся в том, что с его помощью многие не столь гибкие "персоны" потеряли в придворной борьбе честь, имущество и жизнь... Заверения в высочайшей милости были даны и дяде Анны Иоанновны, московскому главнокомандующему графу С. А. Салтыкову. "Безотлучно" состоял при императрице глава Тайной канцелярии А. И. Ушаков: необходимость в его услугах была в глазах

Елизаветы очевидной, и 2 декабря она отменила уже состоявшееся было назначение главного следователя империи в действующую армию.

Расправа над поверженными соперниками совершалась вполне традиционно. Опала "министров", заключенных в Петропавловскую крепость, сопровождалась устранением их "конфидентов". В числе последних были арестованы некоторые офицеры Семеновского и Преображенского полков (майоры И. Альбрехт, Н. Стрешнев, Н. Соковнин, В. Чичерин); другие (как капитаны И. А. и Ф. А. Остерманы, М. Аргамаков, И. Путятин) были переведены в армию или отставлены.

12 декабря 1741 г. по делу арестованных "партизантов" бывшей правительницы была создана следственная комиссия во главе с неизменными А. И. Ушаковым и Н. Ю. Трубецким. Но еще 26 ноября Елизавета отдала первые распоряжения о допросах Остермана и Головкина по наиболее интересовавшему ее вопросу о "проекте наследства"[55]. Подчиненные арестованных (И. О. Брылкин, канцелярист Дронов) тут же доложили обо всех подготовленных по делу документах, и следователи получили точную информацию о роли каждого из опальных вельмож в этом "преступлении". Головкин и Остерман полностью признали свою вину, в чем Елизавета могла лично убедиться, присутствуя на допросах. Интересовали ее и поступавшие в адрес Анны Леопольдовны предостережения о заговоре, и организация слежки за "домом цесаревны". Прочие обвинения (в подкупе со стороны иноземцев, в "скрытии" завещания Екатерины I, в предпочтении при назначениях русским людям иноземцев и т. д.) носили откровенно риторический характер. Результат следствия был предрешен.

Указ Сенату от 13 января предписал судить преступников. В реестр судей были включены и многие выдвиженцы "незаконного правления": П. С. Салтыков, В. Ф. Наумов, П. Воейков, Я. П. Шаховской. Им в очередной раз предстояло доказывать свою преданность. 15 января Н. Ю. Трубецкой объявил в Сенате, что следствие закончено. При этом частные бумаги и письма подследственных было приказано сжечь. Очевидно, такой была общая судьба не представлявшей интереса для следствия части архивов государственных преступников. 16-го объявлен приговор: Миних осужден к четвертованию, Остерман, Головкин, Левенвольде, Менгден, Тимирязев - к "обычной" смертной казни (отсечению головы).

18 января 1742г. осужденные выслушали на эшафоте манифест о своих "винах". В момент, когда Остерман уже положил голову на плаху, все получили высочайшее помилование. Казнь была заменена сибирской ссылкой. Остальные обвиняемые - сенатор В. И. Стрешнев, генерал М. Хрущев, майор-семеновец В. Чичерин, секретарь принца П. Грамотин — отделались сравнительно легко: переводом в армию или удалением со службы и ссылкой в свои имения.

Традиционной мерой была и конфискация имущества осужденных. С недвижимой собственностью все обстояло достаточно просто. Но поиски движимых ценностей встретили препятствие: предусмотрительный Остерман осенью 1741 г. перевел через своего "банкера" Андреаса Пельса 10 000 фунтов стерлингов в Англию и 117 660 гульденов в Голландию, не считая крупных сумм, размещенных там же, начиная с 1732г. Заграничные банки отказывались выдать эти вклады без правительственной гарантии на случай возможных претензий вкладчика. В ноябре 1742 г. правительство Елизаветы предоставило такую гарантию, но и через год после этого поиски всех вкладов Остермана не были доведены до конца[56].

На новую императрицу обрушился поток челобитных. Только в 1742 г. их поступило более 2000. Просили о выдаче жалованья, о пересмотре судебных решений и прежде всего о наградах, заслуженных и незаслуженных. Чьи-то ожидания оправдывались. Е. И. Индова обратила внимание, что в 1742-1744 гг. прошла очередная (после 1730-1731 гг.) "волна" земельных раздач. Имения и дома Миниха, Остермана, Левенвольде, Головкина, Менгденов частью попали в состав дворцовых владений, частью достались новым хозяевам: их получили возвратившиеся из ссылки В. В. Долгоруков, дети А. П. Волынского, родственники его конфидентов. А. М. Девиер, фавориты императрицы (А. Г. Разумовский и А. Я Шубин), ее приближенные В. Ф. Салтыков, М. И. Воронцов, А. П. Бестужев-Рюмин, духовник Елизаветы священник Федор Дубенский, кабинет-секретарь И. А. Черкасов, камергер Н. Корф, генерал Д. Кейт, будущий фельдмаршал С. Ф. Апраксин, лейб-компанцы. Всего в раздачу пошло 21 297 дворов с 63 893 душами; 8773 души получили гренадеры-преображенцы[57].

Осуждение деятелей свергнутого правительства сопровождалось опять-таки традиционной раздачей милостей: была объявлена очередная амнистия (кроме осужденных "по первым двум пунктам", т. е. за политические преступления), "сложены" по 10 коп. с подуш-

ной подати на 1742 и 1743 гг. и "казенные доимки" за 1719-1730 гг.; ликвидирована и сама Доимочная комиссия[58]. Тайная канцелярия получила распоряжение "наказаний не чинить" тем, кто обвинялся в оскорблении брауншвейгской фамилии, и ложно объявившим "слово и дело" духовным лицам - их надлежало передавать в Синод. На несколько дней, судя по протоколам, сыскное ведомство замерло: прекратились допросы и пытки. Но уже в декабре оно продолжило обычную работу в прежнем составе и с прежним жалованьем.

Восстановление "отеческого духа"? В литературе давно было отмечено, что воцарение Елизаветы сопровождалось широкой пропагандистской кампанией. Манифест 28 ноября 1741 г. разъяснял, что завещание Екатерины I, по которому право на корону принадлежало потомству Петра I, было скрыто иноземцем Остерманом. Таким образом, царствование Анны Иоанновны признавалось незаконным, а правление младенца-императора -незаконным вдвойне, поскольку Остерман, Миних и Головкин вместе с Анной Леопольдовной "насильством взяли" управление империей в свои руки в то время, как Иван Антонович и его родственники "ни малейшей претензии и права к наследию всероссийского престола ни по чему не имеют". Несмотря на то, что "законная" власть в лице Елизаветы повелела брауншвейгское семейство "в отечество всемилостивейше отправить"[59], свергнутый император с родителями вместо заграничного отечества угодил в строгое заточение сначала в Риге, потом, в 1742-1744 гг., в Динамюнде (нынешний Даугавпилс) и в бывшем меншиковском Раненбурге под Рязанью, в 1744-1756 гг. в Холмогорах, откуда "принца Иоанна" перевели отдельно от семейства в Шлиссельбург.

Власти и раньше уже изымали из обращения отдельные документы (как в 1727 г. манифест по делу царевича Алексея). Теперь же правительство Елизаветы решило вычеркнуть из истории страны "незаконное" царствование. Сразу же начался сбор из центральных учреждений всех законодательных актов царствования Ивана Антоновича (указ об этом от 21 декабря 1741 г. не вошел в "Полное собрание законов Российской империи") и обмен монет с его изображением, в 1742г. были сожжены печатные листы с присягой, с 1743 г. планомерно изымались все официальные документы с упоминанием свергнутого императора и правительницы. Уничтожить годовую документацию всех государственных учреждений не представлялось возможным, и целые комплексы дел передавались на особое хранение в Сенат и в Тайную канцелярию, а ссылки на них давались без упоминания имен. Вступив на престол, наследник Елизаветы Петр III повелел после снятия необходимых копий уничтожить все дела "с известным титулом", и только очередной переворот не позволил выполнить это распоряжение[60].

Учебники Вейсьера де ла Кроца и Гильмара Кураса по всеобщей истории, изданные в годы правления Елизаветы (их "русские" известия добавлялись к основному тексту переводчиками), упоминали только об угрожавшем "погибелью" России "незаконном правлении", которое было пресечено Елизаветой[61]. Забвению подлежали и имена бывших министров - и не только в России. Когда в Германии стали появляться в продаже биографии Миниха, Остермана и Бирона, А. П. Бестужев-Рюмин в 1743 г. предписал русским послам в европейских странах добиваться запрещения торговли подобными изданиями и "уведать" подлинные имена их авторов. Попавшие же в Россию экземпляры "пашквилей" должны были немедленно конфисковываться и сжигаться[62].

В проповедях и публицистических произведениях, призванных оправдать произведенный переворот в глазах соотечественников и за границей, восхваление деяний Петра служило прямым оправданием действий его дочери в борьбе с врагами России. В образе последних представали Миних, Остерман и другие "эмиссарии диавольские", которые истребляли людей верных и отечеству "весьма нужных" и назначали вместо них иноземцев, обирали казну (неправедно нажитые деньги "из России за море высылали и тамо иные в банки, иные на проценты многие миллионы полагали"), подрывали истинное благочестие и не допускали законную наследницу к власти[63]. Усердные сочинители представляли переворот подчас в совершенно кощунственном виде: сам Бог "влия благодать свою в немощного и неимущего дома и родителей и мало ведомого, в чине солдатском служащего Георгия Федорова сына Гринштейна"; ночной поход Елизаветы выглядит столь же священной миссией: "По вооружении силой крестною и исшествии из казармы сия блаженная компания <... > утвердиша слово: намерения не отменить и действо исполнить" [64].

Официальным курсом нового царствования стало возвращение к заветам Петра 1, что многократно декларировалось новым правительством: были восстановлены права Сената, возобновлена деятельность упраздненных было коллегий, произошло возвращение к армейским штатам 1720 г. Но насколько взятые Елизаветой на вооружение лозунги со-

ответствовали действительности? На деле "петровская" риторика новой власти оборачивалась продолжением официально осуждаемой практики "незаконного правления": Елизавета еще выше подняла значение придворных чинов - камер-юнкер приравнивался уже к армейскому бригадиру. Новые фельдмаршалы, вроде А. Г. Разумовского или С. Ф. Апраксина, едва ли могли сравниться в военном искусстве с Минихом. Зато торопливый пересмотр и отмена прежних решений приводила к конъюнктурным искажениям действительных петровских предначертаний. Так, в 1743 г. появился "отчет" об итогах Камчатской экспедиции В. Беринга (его составил комендант Охотского порта Г. Г. Скорняков-Писарев), которая оценивалась как "разорение от Беринга с товарищи самого лутчего Сибирского края" и пустая трата огромных денег. В таком же духе был написан и утвержденный Елизаветой доклад Сената о прекращении экспедиции, от которой он, Сенат, "ни малого плода быть не признавает"[65].

В сфере социальной политики правительство Елизаветы продолжало наметившийся ранее курс на укрепление "регулярного" государства. Но если для дворян восстановление обязательной явки на смотры сопровождалось получением новых льгот (в виде монополии на винокурение), то для крестьян крепостническая политика послаблений не предусматривала. По-видимому, переворот 1741 г. породил некоторые надежды на облегчение положения крепостных. Во всяком случае, крестьяне некоторых недавно пожалованных сторонникам Анны Леопольдовны деревень просили о передаче их обратно в дворцовое ведение. Указ от 2 июля 1742г. упоминал, что помещичьи люди "немалым собранием" подали прошение императрице о разрешении им записываться в армию, и категорически запретил такой уход; самих же просителей ожидали кнут и ссылка на сибирские заводы. При принесении присяги Елизавете крепостные были исключены из числа подданных - за них присягали их владельцы. Первоначальные послабления сменились распоряжениями о взыскании недоимок (11 декабря 1742г.) и увеличении подушной подати на 10коп. для крепостных и на 15коп. для государственных крестьян (30 декабря 1745г.). Проведение в 1744-1747 гг. новой ревизии ставило задачу сделать невозможным само существование "вольных разночинцев" — их всех надлежало непременно записать в подушный оклад, в армию, на фабрики.

Усиление государственного и помещичьего гнета вызывало соответствующую реакцию: продолжались действия разбойных "партий" и массовое бегство на окраины и за границу; русские крестьяне охотно селились во владениях польских вельмож, а на южном берегу Каспийского моря строили флот шаху Ирана Надиру. С конца 40-х гг. резко увеличилось количество челобитных, в которых крестьяне отстаивали свои права ссылками на петровские указы о наказаниях за злоупотребления "в народных сборах"[66]. Они как бы напоминали о нарушении тех самых законов, возвращение к которым декларировала новая власть. Что же касается горожан, то восстановление в 1743 г. магистратов и цехов нисколько не облегчило их положения: эти органы находились в полном подчинении у администрации.

Оборотную сторону - ограничение веротерпимости - имела и официально демонстрируемая приверженность православию. Указы 1741-1742 гг. предписывали обратить все строившиеся лютеранские кирки в православные храмы и запрещали армяно-григорианское богослужение. Дважды, в 1742 и 1744гг., объявлялось о высылке из империи всех евреев, за исключением принявших крещение. С 1742г. Сенат прекратил разрешенную ранее запись в раскол; возобновлялось взимание денег с "бородачей" и ношение шутовских кафтанов с красным воротником-козырем для раскольников. Елизаветинское время отмечено резким усилением репрессий против старообрядцев, в ответ на которые в стране вновь начались самосожжения[67].

Ужесточили власти и контроль за повседневной жизнью подданных: этим занимались возникшие в 1744 г. при каждом епархиальном архиерее духовные консистории, призванные бороться с ересями и расколом, а также осуществлять суд над духовными лицами и мирянами. Примером такой "заботы" может служить завершенное в 1742 г. дело о незаконном сожительстве Максима Пархомова и Дарьи Колтовской, тянувшееся 15 лет. Находившихся уже "в довольных летах" и имевших взрослых детей супругов, которые "бессовестно и каменносердечно, аки свинии во блате, чрез многие годы валялись в прелюбодействе", разрешили от церковного проклятия, но разослали "под караулом скованных" по разным монастырям, поскольку "отнюдь не надежно, чтобы они всесовершенно разлучились"... Указы Синода начала 40-х гг. запрещали устраивать кабаки близ церквей и монастырей; в храмах предписывалось никоим образом не вести бесед о "светских делах", даже на торжественных молебнах не рекомендовалось громко выражать свои верноподданнические

чувства. Распоряжения светской власти определяли и поведение на улице, чтобы "на лошадях скоро ездить и браниться не дерзали".

Новая власть восприняла из петровского "наследства" не его динамику и новаторство, а крепостничество и стремление к всеобщей регламентации. В этом смысле переворот 1741 г., в отличие от ситуации 1725 г. или января 1730 г., не столько открывал возможности изменения сложившейся системы, сколько "закрывал", консервировал официально канонизированное "наследство".

Уроки переворота. "Доброй" правительнице Анне Леопольдовне не помогли ни лавры "избавительницы" от злодея Бирона, ни победа над шведами. Регентша оказалась непригодной для созданного Петром I политического режима, в котором все нити и рычаги были замкнуты на ключевой фигуре императора без какого-либо разделения прав и обязанностей с другими институтами власти. Анна Иоанновна и Елизавета по сравнению с Анной Леопольдовной были не более компетентными, но именно она допустила такой уровень дезорганизации высших эшелонов власти, который представлялся опасным для стабильного функционирования государственной машины. Неспособность Анны создать свою "команду" и управлять ею означала в итоге такую изоляцию правящей группы, которая привела к успеху "солдатского" заговора Елизаветы. В отличие от других дворцовых переворотов, в 1741 г. победившая сторона не имела "партии" среди вельмож и офицеров. Но Анну никто не собирался защищать, и вся "верхушка" (за исключением Левенвольде, Миниха, Остермана и Головкина, которые даже перед лицом опасности не смогли объединиться) тут же признала Елизавету и сохранила свои позиции.

Пропагандистские усилия новой власти и их "православно-патриотическую" направленность можно считать особенностью произошедшего переворота. Прошлые "революции" такого идеологического обеспечения не имели. Однако чрезмерная активность такого рода представляла и очевидное неудобство: сама власть внушала подданным, что выступление против ее верховных носителей при определенных условиях может быть и вполне богоугодным делом. По-видимому, и этот урок был усвоен: в дальнейшем таких широких кампаний по оправданию совершившихся переворотов уже не было.

Но можно ли вслед за елизаветинской пропагандой считать Миниха, Остермана, Менгдена "внутренними супостатами", а их политику - принципиально антинациональной? Все же это были российские государственные деятели и, возможно, не самые худшие. Честолюбивые, жестокие, коварные (хотя едва ли их русские собратья были более симпатичными), но они сделали карьеру на российской службе и всеми своими интересами были с ней связаны. "Иноземное" правительство отнюдь не стремилось продавать национальные интересы страны: Остерман принципиально не получал "пенсионов"; Кабинет, вопреки мнению Коммерц-коллегии и настояниям английских купцов, отказался снизить пошлины на английские товары, транзитом направлявшиеся в Иран[68]. Не следует забывать и того, что решение о победоносном для русской армии Вильманстрандском сражении в августе 1741 г. принял военный совет, шесть из восьми участников которого вместе с главнокомандующим были "немцами".

Имеющиеся списки генералов и штаб-офицеров армии 1741-1742 гг., по нашему мнению, также не дают оснований говорить о каких-то преимуществах для иноземцев. Среди произведенных при Анне Леопольдовне генерал-аншефов "немцев" нет, из 5 генерал-лейтенантов - 2, из 7 генерал-майоров - 3, из 5 бригадиров - 1; при этом, за исключением генерал-адъютанта П. Ф. Балка, все они - старые служаки, не связанные с придворными "конъектурами". Сравнение перечисленных назначений с такими же списками за 1748 г. показывает, что "национальное" правительство Елизаветы проводило точно такую же политику: из 5 полных генералов, произведенных ею, 2 - "немцы", из 8 генерал-лейтенантов -4, из 31 генерал-майора - 11[69]. Необходимо при этом учесть, что многие офицеры из прибалтийских губерний вынуждены были служить в имперской армии, так как их маленькие владения в 1-3 гака не оставляли иного выбора. Подпоручиками и прапорщиками в полевые полки отправлялись и их дети, выпускники Шляхетского кадетского корпуса (в 1741 г. из 71 "курсанта" - 21 "немец"), не получавшие никаких особых благ при распределении.

Что же касается статской службы, то и здесь все назначенные в 1741 г. губернаторы (М. И. Леонтьев, А. Г. Загряжский, А. П. Баскаков, В. Н. Татищев, А. А. Оболенский, И. И. Шипов, главнокомандующий на Украине И. Бибиков), за исключением посылаемых в Прибалтику, были русскими. Из назначенных в том же году президентов и вице-президентов коллегий (И. Одоевский, Н. Кречетников, К. Принценстиерн, Г. Кисловский, М. Раевский, Б. Бибиков) только один был "немцем", к тому же давно находившимся на

русской службе[70]. Стоит отметить, что Елизавета попробовала 31 декабря 1741 г. отменить все чинопроизводства "незаконного" царствования, но уже через несколько дней сочла более благоразумным утвердить их[71].

С другой стороны, именно Елизавета и ее окружение пошли на контакты с Шетарди и Нолькеном, содержание которых (будь оно открыто при аресте Лестока или Шварца) вполне могло послужить основанием для самого сурового приговора. И именно при Елизавете соперничество *"партий" во главе с иностранными дипломатами* стало на несколько лет характерной чертой российской политической жизни. Шетарди и Мардефельд не жалели сил и средств, чтобы свалить А. П. Бестужева-Рюмина с помощью пенсионов и наставлений своим креатурам - И. Лестоку и М. И. Воронцову. К этой же группировке примыкал и Н. Ю. Трубецкой. Канцлер не оставался в долгу. Усилиями организованного им "черного кабинета" во главе с академиком-математиком Х. Гольдбахом через год были дешифрованы депеши Шетарди, и его миссия завершилась полным провалом. В 1748 г. опала постигла и Лестока. Но ни Воронцова, ни Трубецкого Елизавета не тронула: она умела лавировать и использовать противоречия между своими слугами[72].

Насколько же совпадал специфический патриотизм гвардейской казармы с настроениями "улицы"? Вот в каком ряду событий описывается свержение Бирона в редком для первой половины столетия документе - дневнике отставного семеновского поручика А. Благово: "Воскресение морозец. Регента Бирона збросили. Крестьяня женились Ивонин внук. В 741 году в 34 побор Василей Марков в рекруты взят... " Бесстрастно фиксирует это же событие "записная книга" кронштадтского подштурмана И. М. Грязнова, а позднее столь же лаконично отмечает: "Ноября 25 соизволила всеросиской престол принять государыня императрица, а прежнея правительница с мужем и сыном своим отлучены и свезены с честию в незнаемое место". Не сочли нужным комментировать происшедшие события в своих подробных записках Измайловский капитан В. Нащокин и представитель украинской старшины Я. Маркович, который на всякий случай вымарал в тексте все записи с именами представителей "незаконного правления"[73]. Похоже, современники воспринимали "дворские бури" как далекие от их повседневных дел события. Или авторы записок даже наедине с собой не считали возможным дать более эмоциональную оценку? В начале XIX в. престарелые очевидцы сообщали интересующимся о настроениях своей юности: "Отец мой видел Бирона и так боялся, что не любил говорить о нем даже тогда, когда его уже не было в России"[74].

При поисках источников о событиях 1740-1741 гг. автору этих строк попался в отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России дневник некоего московского чиновника, написанный на полях и между строк печатного "Санкт-Петербургского календаря на лето 1741 г. " (ГПИБ, ОИК, № 29497). Из него можно узнать, когда начался на Москве-реке в 1741 г. ледоход и когда пошел первый снег, почем продавали летом огурцы и на ком женился тайный советник и кавалер И. И. Неплюев. Нет в дневнике только "политики". Интересующие нас проблемы затронула одна-единственная запись от 29 ноября: "Прибыл капитан гвардии Семеновского полку Петр Васильев сын Чадаев с объявлением о восшествии на престол всероссийский е. и. в. всемилостивейшей нашей императрицы Елисаветы Петровны". Событие отмечено не только принесением присяги, но и особой торжественностью: "И от того числа вседневно звон в соборе и у всех церквей целую неделю был, а нощию везде иллуминация. В приказех и в рядех в ту неделю не сидели". А дальше все входит в привычную колею, и автора волнуют прежде всего непредвиденные расходы: на подарок вестнику-капитану (1000 руб.), на бал в ратуше, на сборы "в поднос" самой императрице (3500 руб.). Похоже, что столичные события воспринимались без особых эмоций, как весьма далекие от жизненных забот и уж во всяком случае не как избавление от засилья иноземцев. Среди потока прошений к новой императрице можно встретить и челобитные тех, кто считал необходимым напомнить о своих заслугах в качестве давних сторонников опальной принцессы. Но при проверке оказывалось, что таковые, как, например, аудитор инженерного корпуса П. Муравьев и его друзья, действительно попали при Бироне в Тайную канцелярию, но... как сочувствовавшие Анне Леопольдовне[75].

Атмосфера в Петербурге была иной, но итоги переворота воспринимались современниками по-разному. Шетарди, метрдотель его посольства и автор анонимного французского донесения от 28 ноября (9 декабря) 1741 г. единодушно сообщали о народном ликовании, какого "по заявлению лиц, живущих в этой стране уже более 30 лет, никогда не было видано ни при коем случае". А послу Англии картина виделась в ином свете: он не замечал в народе никакой "общей радости". С Финчем был согласен и адъютант арестованного в эту

ночь Миниха Х. Манштейн (его военной карьере в России новый переворот положил конец): "Когда свершилась революция герцога Курляндского, все были чрезвычайно рады: на улицах раздавались одни только крики восторга; теперь же было не то: все смотрели грустными и убитыми, каждый боялся за себя или за кого-нибудь из своего семейства"[76].

Едва ли можно приписывать эти разноречия только предвзятости авторов, ведь реакция на очередную "революцию" могла быть на самом деле неоднозначной и для них, и для того круга, к которому они принадлежали. Но одно обстоятельство осталось памятным всем: небывалое доселе выдвижение гвардейского "солдатства". "Они и считают себя здесь господами, и, быть может, имеют для этого слишком много оснований", - так передавал свои впечатления о начале нового царствования Финч. То же отмечали и другие дипломаты, и их русские современники. Можно согласиться с Е. В. Анисимовым, что выдвижение в ходе переворота на первый план гвардейских "низов" - важнейшая из изложенных выше особенностей ситуации 1741 г. [77] Но отсутствие "господского" заговора придает этой специфике еще большую значимость: *предельно допустимый для правящей элиты уровень политического действия был ею четко осознан.* Не случайно Миних-младший привел в замечаниях на записки Манштейна резкий отзыв генерала Левендаля об арестованном Минихе. фельдмаршала в любом случае следует осудить - и прежде всего за то, что "он первый подал опасный пример, как с помощью роты гренадеров можно низвергать и возводить на престол государей". В начале нового столетия эту особенность ситуации 1741 г. подчеркнул А. Р. Воронцов в записке, адресованной только что вступившему на престол Александру I. По мнению отставного министра и сенатора, даже "незаконное" избрание Анны Иоанновны с "несвойственными" для России кондициями было все же предпочтительнее, поскольку "не солдатство престолом распоряжало, как в последнее время похожее на то случалось"[78].

После открытого столкновения придворных группировок в относительно "цивилизованных" формах в 1725 и 1730 гг. политическая борьба приняла форму "военного" переворота 1740 г., а затем перессорившиеся "верхи", по сути, передали инициативу действий самой ударной силе - гвардии, которая и в 1725, и в 1730, и в 1740 гг. была все же послушным орудием в руках командиров. В 1741 г. эта сила оказалась на грани выхода из-под контроля: впервые гвардейцы пошли на свержение *законного и правящего императора,* и это оказалось реальным и даже "геройским" делом для роты солдат.

Гвардейские амбиции отражали не только жалобы на безобразия пьяных солдат. В апреле 1742 г. в Петербурге и в мае в действующей армии гвардейцы устраивали форменные побоища вплоть до нападений на офицеров-иностранцев, и только вызванные армейские части смогли навести порядок[79]. Атмосфера 1741 г. кружила головы многим военным: вот уже и 19-летний сержант Невского полка А. Ярославцев, возвращаясь с приятелем и дамой легкого поведения из винного погреба, не счел нужным в центре Петербурга уступить дорогу поезду самой Елизаветы. "... И бранили тех ездовых и кто из генералов и из придворных ехали, матерно, и о той их брани изволила услышать ее императорское величество", - хвастался сержант приятелям и на их увещания отвечал: "И сама де государыня такой же человек, как и я, только де тем преимущество имеет, что царствует... "[80].

Дело было не только в случаях открытого неповиновения. Ночной поход 1741 г. открыл еще одну закономерность российского "переворотства": легкость и безнаказанность захвата власти породила в гвардейско-придворной среде представления о возможности *"переиграть"* ситуацию, ведь "в случае" оказывались немногие, а обиженных при распределении наград и чинов всегда хватало. Уже в январе 1742 г. Финч отметил ропот в гвардии. Затем эти настроения стали материализовываться: летом Преображенский прапорщик П. Квашнин, камер-лакей А. Турчанинов и Измайловский сержант И. Сновидов сочли вполне возможным собрать "партию человек в триста или и больше, и с тою бы партиею идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а принца Иоанна возвратить". Наличие препятствия к "возвращению" принца в виде императрицы уже не смущало; на вопрос, что с ней делать, Турчанинов прямо пояснил: "Где он их увидит - заколет"[81]. Знаменитое "дело Лопухиных" выявило подобные же настроения и в придворных кругах: подполковник И. Лопухин летом следующего 1743 г. не стеснялся заявлять о скорых переменах в правительстве и воцарении того же "принца Иоанна", называя при этом многих недовольных происшедшим переворотом офицеров.

Платой за успех было заметное снижение престижа императорской власти, что не могло не беспокоить Елизавету, однако действовать ей приходилось не столько кнутом, сколько пряником. 7 декабря 1741 г. императрица угощала преображенцев в той самой казарме, куда она явилась в ночь переворота, и указала построить на месте съезжей избы гренадерской

роты храм во имя Спаса Преображения и св. Сергия. По указу от 21 декабря каждому гвардейскому солдату увеличили жалованье на 3 руб., а сверх того назначили выдачу особых крестинных и именинных денег (на четыре полка в год - около *35* 000 руб.), но было запрещено самовольно являться во дворец [82]. Наконец, 31 декабря состоялся указ о выдаче всем полкам гвардии $^1/_3$ жалованья "не в зачет" - этот подарок стоил казне 72 178 руб. В тот же день была образована Лейб-компания под командованием самой императрицы-капитана; принц Л. Гессен-Гомбургский стал капитан-поручиком, Ю. Грюнштейн прапорщиком, прочие офицерские должности получили самые близкие к императрице люди - А. Г. Разумовский, М. И. Воронцов, братья П. И. и А. И. Шуваловы. Сержантами, капралами и вице-капралами были назначены наиболее активные заговорщики, обеспечившие успех дворцового переворота. В печатном указе все участники переворота были названы поименно; лейб-компанцам из разночинцев было пожаловано дворянство, им составили гербы с девизом "За веру и ревность" и пожаловали по 29 крепостных душ. К весне 1743 г. сумма расходов на эту "гвардию в гвардии" из "кабинетских" сумм Соляной конторы составила 143 136 руб. [83]

Сохранившиеся приказы по Лейб-компании отражают столь твердую веру сподвижников Елизаветы в свое особое положение, перед которой былые гвардейские "продерзости" выглядят детскими шалостями. "Шумство" и драки становились обычным явлением не только на улице, но и во дворце, где гренадеры буянили и пьянствовали прямо в "покоях" императрицы, приглашая туда с улицы для угощения "неведомо каких мужиков", вывешивали из окон свое исподнее или могли заявиться в любое учреждение с указанием, как надо решать то или иное дело.

Выходки своих "детушек" Елизавета терпела, но "распущенность" городских низов поощрять не собиралась. По указам нового царствования не допускалось скопление "подлого" народа - поэтому в 1742 г. харчевни и кабаки предписывалось убрать со "знатных улиц" в "особливые места" и переулки. Такие предписания будут повторяться неоднократно (даже вопреки мнению Сената, исходившего из финансовых соображений), в перечень нежелательных объектов станут включать и ремесленные мастерские с их вывесками - "как ныне их множество разных ремесел видно и против самого двора е. и. в. "[84]

Столь же энергично Елизавета уладила и принципиальный вопрос о престолонаследии: 7 ноября 1742 г. ее племянник, голштинский принц Карл-Петр-Ульрих был объявлен наследником. Однако уже в том же году о судьбе правительницы Анны сокрушалась старица Успенского монастыря в Александровой слободе. В 1743 г. за здоровье брауншвейгского семейства поднял тост в сибирской глуши иноземец-портной "из Ангальтского княжества" И. Зибек. В 1754 г. императрица лично допрашивала дворянина А. Беклемишева, показавшего на своих знакомых чиновников и "иноземок", сожалевших об участи свергнутой принцессы и ее сына - "нам де при ней гораздо лутче было". Поручик Канцелярии от строений Е. Зимнинский винился в желании, "чтоб оному принцу быть на всероссийском престоле", и утверждал, что в гвардии есть его единомышленники. Информация же о самом Иване Антоновиче в столице распространялась из первых рук: многие гвардейцы командировались в караул к брауншвейгскому семейству и, подобно сержанту-преображенцу И. Назарьеву, не считали нужным скрывать, что он "весьма умен". Подобные разговоры находили отклик у тех, кто считал себя несправедливо обойденным наградами. Гвардейский капитан-поручик П. Тимирязев, охранявший "брауншвейгцев" после их свержения, негодовал: "В ту де пору приезжал Шувалов и сулил де ему очень много, ан де вот и поныне ничего нет, да и впредь не будет - какой кураж служить?" Бывший секретарь Антона-Ульриха П. Грамотин, проведя несколько лет в ссылке, выражал уверенность, что "будет на царстве Иван Антонович вскорости". Еще через несколько пет следователям пришлось разбираться с полковником И. Ликеевичем, предлагавшим в своих докладах Елизавете и канцлеру Бестужеву скорее отпустить "принца Иоанна" за границу: ведь от долгого заключения пленник "как зверь будет", а после смерти императрицы непременно произойдет выступление его приверженцев против законного наследника[85].

Характерно, что многие из "сторонников" свергнутого императора независимо друг от друга рассчитывали, что помощь ему придет из-за границы. "Магазейн-вахтер" И. Седерстрем верил в участие прусского и английского королей, на Фридриха II и Францию полагался П. Грамотин. Даже уже уличенный сутяга, дворовый человек прокурора Монетной канцелярии И. Долбилов счел возможным ложно донести на своего брата, якобы доставившего вместе с греком-купцом из-за границы деньги заточенному "Антону Урлиху" и собиравшемуся возвести на престол Ивана Антоновича[86].

В поле зрения Тайной канцелярии систематически попадали люди, чьи связи вызывали

самые серьезные подозрения. В 1744 г. в Риге был арестован бывший офицер шведской службы лифляндский барон Стакельберг, на которого поступил соответствующий "сигнал" из Кенигсберга: он заявлял, что русская государыня "никогда на престоле спокойна не будет", и намекал на свои шведские связи и планы войны с Россией. Едва барона отправили в Сибирь, как на него поступил новый донос: ссыльный подполковник Д. Опочинин сообщал, что Стакельберг хорошо осведомлен о положении семейства Антона-Ульриха и в 1743 г. встречался с брауншвейгским дипломатом Кейзерлингом, собираясь с помощью прусского короля освободить или, по крайней мере, наладить связь с пленниками. Оказалось, Стакельберг знаком с другим ссыльным из окружения принца, И. Путятиным. На сибирских просторах им как-то довелось встретиться и в дружеской беседе обсудить, как сделать, чтобы "государыне не быть", а фельдмаршала Миниха по подложному указу освободить из ссылки. На допросах барон категорически "заперся", и беспокойного лифляндца на всякий случай отправили за полярный круг, в Мангазею, где и держали в "железах" вплоть до 1763 г. [87]

В 1745 г. новое предостережение поступило из Англии. Русский посол князь И. Ф. Щербатов докладывал, что итальянский кондитер Д. Алипранди (состоявший в 1742 г. в голштинской свите наследника Петра Федоровича) уполномочен от брауншвейгского двора "привести на престол Иоанна" и даже обещал "ядом окормить императрицу всероссийскую!" Через два года прибывший в Россию "конфектурщик" вместе с семейством был препровожден прямо в Петропавловскую крепость, а содержимое его багажа попало на экспертизу лейб-медикам Бурггаве и Кондоиди. Кондитер отрицал все обвинения, хотя и признал, что заезжал в Брауншвейг, но исключительно с целью заработка, и никаких политических целей не имел. На счастье итальянца, в привезенных им лекарствах и "лакомствах" ничего "вредительного" не обнаружили, но его все же сослали в Казань, где "Жузеп Алипрандий" с семьей и провел 15 лет под охраной, несмотря на ходатайство посла об освобождении подданного австрийской короны[88].

В обоих случаях Тайной канцелярии не удалось отыскать "брауншвейгский" или "прусский" след в деятельности арестованных, однако категорически его исключать нельзя, тем более, что иностранные посланники в России были неплохо осведомлены о положении заключенных и их перемещениях. Фигура заточенного принца интересовала Фридриха II: в начале 40-х гг. он подавал Елизавете советы, как охранять престол от брауншвейгской династии. Если верить показаниям тобольского купца И. Зубарева о данном ему поручении прусского короля - помочь "скрасть Ивана Антоновича и отца его" и устроить бунт для возведения принца на престол, - он помнил об узнике и позднее[89].

О свергнутом императоре не забывали, несмотря на все официальные усилия. О нем говорили и лейб-компанцы (хотя "и отца его и мать бранят по матерны"), и их оппоненты; суждения о его участи можно было слышать "по всем ямам", в столичной Москве и в далеком Тобольске. Однако в народном сознании царственный отпрыск, по-видимому, не расценивался как "свой". В отличие от Алексея, Петра II и Петра III, самозванные Иоанны как будто не появлялись[90]. А сохранившиеся "отзывы" о царе-младенце сочувствием не отличались (например, убеждение калужского купца Д. Ракова, что Ивану Антоновичу предстоит "быть на царстве", но в образе появившегося в России Антихриста). Во всяком случае, когда в 1749 г. поручик И. Батурин готовился произвести переворот с помощью бунта московских фабричных рабочих, то престол он предложил официальному наследнику Петру Федоровичу. То ли, действительно, свергнутый мальчик-император воспринимался как "немец", то ли пропагандистские усилия Елизаветы, подчеркивавшей легитимность своего прихода к власти, оказались эффективными. Радикально решить проблему экс-императора Елизавета так и не смогла. Все 20 лет ее правления беспокойство по поводу узника не оставляло ее, а фигура загадочного принца была своеобразным катализатором "переворотных" надежд внутри страны и не вполне ясных планов зарубежных политиков.

Примечания

[1] См.: Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. СПб., 1908. С. 192; Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 36, 238.

[2] Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 443.

[3] См.: Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 61, 66.

[4] См.: Политология на российском фоне. М., 1993. С. 187, 292; Пихоя Р. Г. О внутренней борьбе в советском руководстве. 1945-1958 // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 8.

[5] Исаев И. А. История России традиции государственности М, 1995 С. 52

[6] См.: Военное насилие в политической борьбе М, 1994 С. 12

[7] Волкова И. В., Курукин И. В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII-XIX вв //Вопросы истории 1995 №5-6 С. 40-61

[8] Глинка С. Н. Русская история. Ч. 8 М, 1823 С. 130, Вейдемейер А. Обзор важнейших происшествий в России с кончины Петра Великого и до вступления на престол Елисаветы. Ч. 3 СПб, 1832 С 66-67, Сумароков П. И. Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой СПб, 1852 С. 116

[9] См.: Полевой Н. А. Столетие России с 1745 до 1845 г. СПб, 1845 С. 55, Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XI М, 1993 С. 140, Любавский М. К. Русская история XVIII в. М., 1913 С 63, Платонов С. Ф. Лекции по русской истории М, 1993 С. 560, Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в. М, 1957 С. 266, История СССР с древнейших времен до конца XVIII в / Под ред. Б. А. Рыбакова М, 1983 С. 323, Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII в. Борьба за наследие Петра //В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII в. М, 1988 С 52, Бу шуев С. В. История государства Российского. Историко-библиографические очерки XVII—XVIII вв. М, 1994 С. 373, Волгин И. Л. Метаморфозы власти. Покушения на российский трон в XVIII-XIX вв. М, 1994 С. 29, Щепетов К. П. Немцы - глазами русских. М, 1995 С 91, Павленко Н. И. Страсти у трона М, 1996 С 134

[10] См.: Беляев И. Д. Российское общество от кончины Петра Великого до Екатерины II // Библиотека для чтения 1865 № 3 С. 65, Михневич В. О. Женское правление и его противники // Исторический вестник 1882 №2 С 264-265

[11] См.: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI С. 12, 140, Ключевский В. О. Указ. соч. Т. 4 С. 312, 327, 3 у т и с Я Я Остзейский вопрос в XVIII в Рига, 1946 С 200, Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 53, 69-70, 281, Гордин Я. А. Власть и гвардия // Знание - сила, 1991 № 12 С. 72, Смирнов Ю. Н. Армия и дворцовые перевороты XVIII в // Общественно-политические движения России XVIII-XIX вв. Самара, 1993 С. 12-13, Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2 М, 1987 С. 82

[12] См.: Фирсов Н. Н. Вступление на престол императрицы Елизаветы Петровны. Казань, 1887 С. 138-143, Вандаль А. Императрица Елизавета и Людовик XV М, 1911 С. 131, Анисимов Е. В. Указ. соч С. 56, Вдовина С. И. Дочь Петра // На российском престоле 1725-1796 М, 1993 С 226, Павленко Н. И. Указ. соч. С. 75, Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии Становление русско-французских отношений в XVIII в 1700-1775 М, 1995 С. 38

[13] Сб РИО Т. 92 С. 132, 142, 214-215, 229-231

[14] Там же, Т. 91 С. 98-99 (РГАДА, ф. 3, оп. 1, № 9, л. 8)

[15] Там же, Т. 92 С. 229-230

[16] Там же, Т. 96 С. 518

[17] РГАДА, ф. 7, оп. 1, № 269, ч. 9, л. 154-155

[18] Сб РИО, Т. 96 С. 448-449

[19] РГВИА, ф. 393, оп. 1, №155, л. 169-179, № 243, л. 109

[20] См.: Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве Т. 3, СПб, 1878 С. 18, 23, 26, 63

[21] ПСЗ-1 Т. 11 № 8516, Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии М, 1974 С. 126-127

[22] Цит. по: Валишевский К. Царство женщин М, 1989 С. 388-389

[23] См.: ПСЗ-1 Т. 11 №8638

[24] РГАДА, ф 248, оп. 106, № 1543, л. 29 и след

[25] Сб РИО Т. 91 С. 294-295, 331, 337, Т. 96 С 358, 399, 467, 489

[26] Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI С. 48

[27] Сенатский архив Т. 5 СПб, 1898 С. 311-312, РГАДА, ф 3, оп. 1, № 8, л. 10 об, 15

[28] РГАДА, ф. 3, оп. 1, № 8, л. 23 об -24, 27, Соловьев С. М. Указ. со. Кн. XI С. 49

[29] РГАДА, ф. 2, оп. 1, № 55, л. 3-10, Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым // Сборник отделения русского языка и словесности Имп Академии наук СПб, 1872 С. 134-160

[30] См.: Валишевский К. Дочь Петра Великого. М, 1989 С. 30, Записки о России генерала Манштейна 1727-1744 СПб, 1875 С. 228, Долгоруков П. В. Правда о России Париж, 1861 Т 1 С 231

[31] РГВИА, ф. 2583, оп. 1, №246, л. 43-44 об, ф. 393, оп. 12, № 63, ч. 1, л. 34

[32] Внутренний быт Российского государства с 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г Кн. 1 М, 1880 С 240, 248, Смирнов Ю. Н. Русская гвардия в XVIII в. Куйбышев, 1989 С 21, РГВИА, ф. 393, оп. 12, №114, л 9, №63, ч 1 л 228

[33] РГВИА, ф. 393, оп. 12, №98, л. 42, № 214, л. 7, № 62, ч. 1, л. 44, № 63, ч. 1, л. 158 об

[34] Там же, № 63, ч. 2, л. 25 об, 36, 42, 45, 47 об, 49 об, 50 об, 51, 73 об, 74, 161

[35] РГАДА, ф. 7, оп. 1, № 269, ч. 10, л. 659, 664, 667-667 об.; № 781, л. 3 об.; № 785, л. 3 об. -4 об.; № 803, л. 5 об.; № 823, л. 3 об.; № 807, л. 6 об.

[36] РГВИА, ф. 393, оп. 13, № 1929, л. 1-3.

[37] Там же, оп. 12, № 63, ч. 2, л. 181 об., 182 об., 208.

[38] Там же, л. 144; ф. 2584, оп. 1, № 257, л. 27, 62 об.

[39] Записки о России генерала Манштейна. С. 230; Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России: 1725-1825. М., 1991. С. 251; Архив кн. Воронцова. Кн. 25. М., 1882. С. 41; Панчулидзев С. А. История кавалергардов. Т. 1. СПб., 1899. С. 234. О Грюнштейне см.: Сб. РИО. Т. 6. С. 392-394; РГАДА, ф. 14, оп. 1, № 47, ч. 1, л. 51-52.

[40] Архив кн. Воронцова. Кн. 25. С. 104-105; Сб. РИО. Т. 96. С. 351.

[41] Краткая реляция восшествия ее императорского величества всемилостивейшей государыни Елисавет Петровны на всероссийский отеческий престол // Русская старина. 1872. № 6. С. 1174; Историческое описание о восшествии на престол императрицы Елисаветы Петровны // Русский вестник. 1842. № 4. С. 10-11

[42] Валишевский К. Дочь Петра Великого. С. 31; Записки о России генерала Манштейна. С 230; Со шпагой и факелом. С. 252; Архив кн. Воронцова. Кн. 25. С. 39; Павленко Н. И. Указ. соч. С. 76; Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 64; Вдовина С. И. Указ. соч. С. 228.

[43] РГАДА, ф. 6, оп. 1, № 304, л. 23 об. -24 об., 44; Исторические бумаги... С. 261-262; Валишевский К. Дочь Петра Великого. С. 31; Сб. РИО. Т. 96. С. 630-631.

[44] РГВИА, ф. 32, оп. 1, № 32, л. 184.

[45] Там же. ф. 393, оп. 12, № 63, ч. 2, л. 216 об.; ф. 2584, оп 1, № 257, л. 242 об.; Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 64; Наумов В. П. Елизавета Петровна // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 56; Вдовин а С. И. Указ. соч. С. 228.

[46] РГАДА, ф. 177, оп. 2, № 10, л. 167. Сообщение Шетарди о якобы введенных в Петербург 20 ротах ландмилиции содержится только в публикации П. П. Пекарского.

[47] См.: Панчулидзев С. А. Указ. соч. С. 234-235; Позье Е. Записки придворного брильянтщика. СПб., 1870. С. 87; Сб. РИО. Т. 96. С. 633; Валишевский К. Дочь Петра Великого. С. 33.

[48] Гренадерские унтер-офицеры, участвовавшие в перевороте, получили затем звание сержантов и капралов Лейб-компании (РГВИА, ф. 393, оп. 12, № 63, ч. 1, л. 275-275 об. Ср.: Именные списки е. и. в. Лейб-компании чинам 1741-1759 гг. // Русский архив. 1880. № 2. С. 17).

[49] Превратности судьбы. Воспоминания поляка на русской службе // Русский архив. 1898. № 4. С. 496.

[50] ПСЗ-1. Т. е11. №8473.

[51] РГВИА, ф. 393, оп. 12, № 62, ч. 2, л. 243-245 об.; ф. 2584, оп. 1, № 257, л. 245-247 об.

[52] Сенатский архив. Т. 5. С. 301; Сб. РИО. Т. 91. С. 346.

[53] РГАДА, ф. 16, оп. 1, № 162, л. 1.

[54] Там же, ф. 7, оп. 1, № 269/11, л. 15.

[55] Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. С. 80; Сенатский архив. Т. 5. С. 302-303, 317.

[56] РГАДА, ф. 340, оп. 7, № 1197, л. 34 об., 45, 116-116 об.

[57] Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. С. 96, 98, 109, 112, 122, 128, 134, 135, 137, 150, 157, 162, 163, 168; Индова Е. И. Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 65, 73-77; РГАДА, ф. 19, оп. 1, № 182, ч. 2, л. 66 об.; ф. 340, оп. 1, ч. 6, № 14241, л. 6-7, 10-11, ф. 1239, № 30606, л. 1.

[58] См.: ПСЗ-1. Т. 11. № 8480, 8481, 8492.

[59] Там же. № 8476.

[60] ПСЗ-1. Т. И. № 8494, 8641, 8690, 8712, 8822; Т. 12. № 9133, 9192, 9197, 9213; Т. 15. № 11472.

[61] Курас Г. Сокращенная универсальная история. СПб., 1762. С. 293; Ла Кроц В. де. Краткая универсальная история. СПб., 1761. С. 419.

[62] См.: Оболенский М. А. Материалы для русского индекса Librorum prohibitorum // Библиографические записки. 1861. № 7. С. 192-194.

[63] Цит. по: Попов Н. А. Придворные проповеди в царствование императрицы Елисаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. Т. 2. М., 1859. С. 5-6.

[64] Краткая реляция... С. 1179; Историческое описание... С. 9, 13.

[65] Экспедиция Беринга. М., 1941. С. 366, 368.

[66] См.: Раскин Д. И. Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII в. // История СССР. 1979. № 4. С. 183-185.

[67] Нечаев В. В. Раскольничья контора // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 7. М., 1890. С. 16; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 3. СПб., 1912. С. 499-500.

[68] См.: Русско-британские торговые отношения в XVIII в. М., 1994. С. 38.

[69] РГАДА, ф. 16, оп. 1, № 151, л. 1-22 об.; РГВИА, ф. 489, оп. 1, № 7007, л. 1-11; № 7386, л. 1-5 об.

[70] РГАДА, ф. 286, оп. 1, № 262, л. 1-71.

[71] См.: Опись высочайших указов и повелений Т 3 С 85, ПСЗ 1 Т. 11, №8490, 8496

[72] Фурсенко В. Дело о Лестоке // Журнал министерства народного просвещения 1912 *№ 4* С. 192-206, 214, Соболева Т. А. Тайнопись в истории России (история криптографической службы России XVIII - начала XIX в.) М, 1994 С. 99-107

[73] См.: Щукинский сборник. Вып. 2 1903 С. 451, Вып. 6, 1907 С. 29, Нащокин В. А. Записки СПб, 1842 С. 68, Маркович Я. Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Ч. 2 М, 1859 С 123-124, 126, 130-131

[74] Из материалов для истории и статистики г. Ельца // Русский архив, 1866, С. 354

[75] РГАДА, ф. 9, оп. 5, № 38, ч. 4, л. 165-167

[76] Сб. РИО, Т. 96 С. 616, 649, 680, Т. 91 С. 417, Записки о России генерала Манштейна, С. 233

[77]Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 69

[78] Архив кн. Воронцова Т. 29 М, 1883 С. 455

[79]Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI С. 141-142, 173-174

[80] РГАДА, ф. 7, оп. 1, № 956, л. 4

[81] Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. XI С. 158, Исторические бумаги, С. 333-335

[82] Сб. РИО, Т. 91, С 365, РГВИА, ф. 2583, оп. 1, № 148, л. 107, 121; Карцов А. П. История лейб-гвардии Семеновского полка, Т. 2, СПб, 1854 С. 72-73

[83] РГАДА, ф. 19, оп. 1, № 182, ч. II, л. 100

[84]ПСЗ-1, Т. 11 №8674, Т. 12 № 9278, Т. 13 №10032, 10145

[85] РГАДА, ф 7, оп 1, № 924, л 5 об, № 1029, л 7-8, 22, 27 об, № 1028, л 3 об, 8, № 1208, л 4, №1638, л 146, 150, ф 18, оп. 1, №97, л. 2 об

[86] Там же, ф. 7, № 1029, л 102-102 об, № 1208, л. 117, №1507, л. 15-15 об

[87] Там же, № 944, л. 96, 99 об, 144 об, 189-189 об, 243 об -246 об

[88] Там же, № 1127, л. 7 об, 28 об -29 об, 87-88, 124

[89] См.: Корф М. А. Брауншвейгское семейство, М, 1993 С. 104, 188, Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 189, Jesson H Friedrich de Grosse und Maria Theresia in Augenzeugenbenchten Fribourg, 1965 S. 188-189

[90] Только в 1788 г. к генерал-аншефу Ю. Ю. Броуну явился самозванец, назвавший себя Иваном Ульрихом, содержавшимся в Шлиссельбурге и якобы отпущенным в 1762 г комендантом В Тайной экспедиции быстро установили, что мнимый принц на деле являлся скрывавшимся от долгов кременчугским купцом Т. Курдиловым (Лурье С. С. Из истории дворцовых заговоров в России XVIII в // Вопросы истории 1965 № 7 С 217-218)

© 1997 **г. Н. В. ПЕТРОВ***

ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ ГЕНЕРАЛ ИВАН СЕРОВ

Первый Председатель КГБ при Совете Министров СССР в 1954-1958 гг. И. А. Серов после своего смещения с должности находился в тени. Его имя выпало из обоймы упоминаемых в советской печати руководителей отраслевых ведомств. И хотя карьера Серова была окончена, он до 1963 г. еще сохранял свои регалии и относительно высокое положение начальника ГРУ. Правда, политического влияния уже не имел и не был избран делегатом на открывшийся в октябре 1961 г. XXII съезд КПСС. В 70-80-е гг. имя Серова практически не встречается в советской исторической литературе, т. к. советские историки предпочитали не касаться скользких тем. Но о нем пишут на Западе. В нашумевшей книге Дж. Баррона "КГБ", вышедшей в 1974 г., он упоминается четырежды. Связывают его имя и с тайными операциями - похищениями и убийствами, проведенными КГБ в 1954-1959 гг. в Германии, а также с делом офицера советского ГРУ О. В. Пеньковского, оказавшегося английским агентом.

Интерес к личности Серова - влиятельного руководителя тайной полиции хрущевской эпохи - заметно возрос в последнее время. Это объяснимо. Только сейчас стали доступнее ранее тщательно оберегаемые архивные материалы МВД и КГБ, расширился круг источников для изучения биографии И. А. Серова и его подлинной роли во многих событиях

* **Петров Никита Васильевич,** заместитель председателя Совета Научно-информационного центра Мемориал

времен Сталина и Хрущева. Имя Серова часто встречается в публикуемых документах о массовом выселении народов, подавлении польского национального движения в 1944-45 гг., репрессиях в послевоенное время на территории Восточной Германии, подавлении народного восстания в Венгрии в 1956 г. и т. д. Однако до сих пор подробной биографии И. А. Серова опубликовано не было, хотя есть несколько работ на эту тему за рубежом[1]. В статье сделана попытка восполнить этот пробел.

Иван Александрович Серов родился 25 августа (по новому стилю) 1905 г. в деревне Афимская нынешней Вологодской области. По некоторым свидетельствам его отцом был "старший офицер конного урядника полицейской стражи Кадомской тюрьмы"[2]. Иными сведениями о происхождении Серова мы не располагаем. Сам он всю жизнь тщательно скрывал, что его отец был жандармом. В советское время это могло стоить ему карьеры. В 1923 г. Серов закончил среднюю школу и совсем еще молодым человеком был избран членом волостного исполкома, возглавил Заманский сельский совет. Такие выдвижения не были редкостью в то время. Уже в 1925 г. он стал кандидатом в члены РКП(б). Тогда же Вологодский губернский комитет РКП(б) послал его на учебу в Ленинградскую войсковую школу (военное училище), где в 1926 г. он был принят в члены коммунистической партии. По окончании в 1928 г. училища Серов служит в артиллерии РККА командиром взвода, батареи, начальником штаба полка. В 1935 г., как и многие красные командиры, он поступил на учебу в Военную академию им. Фрунзе в Москве, которую закончил в феврале 1939 г.

После смещения в ноябре 1938 г. Ежова новый нарком внутренних дел Берия развернул чистку кадрового состава госбезопасности. В НКВД открылось множество вакансий. В условиях острой нехватки кадров на руководящую работу в органы госбезопасности в конце 1938 и начале 1939 гг. было направлено многочисленное пополнение из партийных, советских и комсомольских органов, выпускники вузов и слушатели военных академий. Майор артиллерии Серов попал в их число и 9 февраля 1939 г. был сразу назначен на высокую должность заместителя начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) НКВД СССР.

Благодаря особому расположению Берии карьера его развивается стремительно. Уже 18 февраля 1939 г. он стал руководителем всей милиции Советского Союза — начальником ГУРКМ НКВД СССР. 15 февраля ему присвоено специальное звание майора госбезопасности (что соответствовало званию комбрига в армии), а 30 апреля 1939 г. - старшего майора госбезопасности (комдив в армии).

Ответственная должность и незнакомая работа поначалу ошеломили Серова. В аппарате НКВД в первой половине 1939 г. производились разоблачения прежнего "вражеского руководства". И Серов не остался в стороне, активно участвуя в поисках "врагов". По воспоминаниям бывшего начальника Управления рабоче-крестьянской милиции Казахстана М. П. Шрейдера, находившегося в 1939 г. под следствием в Москве, на один из допросов вдруг явился Серов. Поболтав о пустяках, он бесхитростно выложил то, за чем пришел: "Вот вы, например, очень могли бы помочь мне, новому в органах человеку..., если бы разоблачили работников Главного управления милиции, участвующих в вашем контрреволюционном заговоре. Ведь поймите, я чувствую, что окружен врагами и не знаю их"[3].

Руководителем милиции Серов проработал недолго. 29 июля 1939 г. его переводят на работу в госбезопасность, где он был назначен начальником 2-го Отдела Главного управления Государственной Безопасности (ГУГБ) и одновременно заместителем начальника ГУГБ НКВД СССР. В его задачи входит борьба со всеми антисоветскими элементами и враждебными лицами в государственных учреждениях, чекистское наблюдение за наукой, литературой, искусством, борьба против представителей духовенства, бывших партийных оппозиционеров и т. д. Отдел, руководимый Серовым, имел название "секретно-политического". Ранее его возглавлял Богдан Кобулов - человек, близкий к Берии.

2 сентября 1939 г. Серова назначили наркомом внутренних дел Украины. Через два дня приказом НКВД ему присвоили специальное звание комиссара госбезопасности 3-его ранга (в армии - комкор).

Оказавшись на Украине незадолго до советского похода в Польшу, Серов включился в советизацию захваченных СССР польских земель. Он подолгу бывает во Львове и лично руководит арестами и "очисткой" города от "буржуазных и польских националистических элементов". Именно во Львове Серов впервые увидел и понял, что такое западная буржуазная жизнь, о которой знал лишь понаслышке. Изобилие продуктов и товаров в магазинах, роскошные рестораны, ночные увеселения, идеальная чистота и порядок на улицах - таким был Львов осенью 1939 г. Должность Серова дает ему возможность приобретать в

частном секторе товары за бесценок в преддверии закрытия магазинов и их национализации. По ряду свидетельств, здесь Серов впервые проходит школу личного обогащения, как и почти все присланные для работы в западные области советские функционеры. Он ведет во Львове вполне светскую жизнь, посещает рестораны, театры.

Работа на Украине сблизила Серова с Н. С. Хрущевым - тогда Первым секретарем ЦК КП(б)У. Их дружба впоследствии, когда многие чекисты из окружения Берии были наказаны, определила процветание Серова и сделала возможным его выдвижение в 1954 г. на должность Председателя КГБ. Тогда же на Украине Серов познакомился и сблизился с Г. К. Жуковым, во второй половине 1940 г. командовавшим Киевским Особым военным округом. В октябре 1939 г. Хрущев и Серов находились во Львове. К этому времени относится весьма интересный эпизод. Серов увлекся певицей Львовской оперы Эвой Бандровской-Турской. Партийному руководству, всегда стоявшему на страже "морального облика" коммунистов, Серов объяснял свои встречи с певицей необходимостью оперативной работы. Он разрешил Бандровской-Турской выехать в Румынию с условием дальнейшего сотрудничества с МВД. Нет ничего удивительного в том, что, оказавшись за границей, певица напрочь забыла о данных ею обещаниях. Эта история дошла до Берии, и Серов был вынужден объясняться в Москве. Берия отчитал его, но не наказал[4]. Во время своих приездов в Москву Серов неизменно бывает у Берии, тот принимает его не только в официальной обстановке, но и у себя на даче. По воспоминаниям Павла Судоплатова, в один из воскресных дней мая 1940 г. он застал Берию на даче за обедом с И. А. Серовым и С. Н. Кругловым - заместителем наркома внутренних дел по кадрам[5].

В 1940 г. Серов стал соучастником одного из самых отвратительных сталинских преступлений - массового расстрела поляков - военнопленных и гражданских лиц; позднее получившего название "Катынского дела" - по названию местности под Смоленском, где впервые были найдены останки расстрелянных. Расстрелы происходили и на Украине. Отвечал за них Серов. В 40-50-х гг. вину за эти преступления неизменно возлагали на гитлеровцев. Серов, будучи тогда Председателем КГБ, разоблачил себя, высказав недовольство чекистами, не сумевшими скрыть следов преступления: "С такой малостью справиться не смогли, - в сердцах проговорился он. - У меня на Украине их (расстрелянных поляков - *Н. П.*) куда больше было. А комар носа не подточил, никто и следа не нашел... "[6].

Под непосредственным руководством Серова были проведены массовые депортации населения из западных приграничных районов Украины. Осенью 1939 г. Серов утвердил инструкцию о порядке выселения, которая была одобрена в Москве и применялась при массовых выселениях и арестах в Литве, Латвии, Эстонии в июне 1941 г.

Украинский период работы Серова продолжался до февраля 1941 г. Сталин оценил его заслуги. В январе 1941 г. от Ворошиловградской области УССР Серов был избран депутатом Верховного Совета СССР 1-го созыва. Героическое жизнеописание кандидата, снабженное парадным портретом, поместила на своих страницах районная газета "Вперед"[7]. Серов прочно входит в высший круг советской и партийной номенклатуры. 20 февраля 1941 г. на XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) его избрали кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

После выделения из НКВД СССР самостоятельного Наркомата государственной безопасности, Серова назначили 25 февраля 1941 г. первым заместителем наркома, которым 3 февраля стал ближайший соратник Берии - Всеволод Меркулов. Ранее, 26 апреля 1940 г., Серов был награжден первым орденом Ленина, а 28 мая 1941 г. получил знак "Заслуженный работник НКВД". Когда началась война, он проводил массовые аресты и выселял граждан Литвы, Латвии и Эстонии.

20 июля 1941 г. наркоматы внутренних дел и государственной безопасности были объединены в НКВД СССР. Серов 30 июля 1941 г. был назначен заместителем наркома. Его начальником вновь стал Лаврентий Берия. С ним Серов работал в тесном контакте вплоть до декабря 1945 г., когда Берия оставил свой пост в НКВД. По представлению Берии 4 февраля 1943 г. Серову было присвоено специальное звание комиссара госбезопасности 2-го ранга (генерал-полковник в армии). При переводе после войны сотрудников НКВД и НКГБ на армейские звания 9 июля 1945 г. Серов получил чин генерал-полковника. Берия высоко ценил Серова и при вторичном разделении НКВД в апреле 1943 г., когда НКГБ вновь выделился в самостоятельный наркомат, сохранил за ним должность своего заместителя в НКВД.

В 1941 г. при эвакуации части аппарата НКВД в Куйбышев и Свердловск Серов оставался в Москве. В наиболее острый момент угрозы Москве, 13 октября 1941 г., он был назначен начальником охраны НКВД Московской зоны. В связи с приближением фронта к столице в

его задачи входило "наведение жесткого порядка на тыловых участках" Согласно директивам Государственного Комитета Обороны московская зона охраны НКВД была разбита на 7 секторов, отвечавших за "очистку зоны от всех сомнительных и подозрительных элементов, усиление борьбы с дезертирством, наведение порядка на дорогах". Однако в связи с выездом Серова в октябре 1941 г. в "спецкомандировку", дело временно поручили другим заместителям наркома внутренних дел - В. Н. Меркулову и Б. З. Кобулову.

К осени 1941 г. относится и еще одно правительственное поручение Серову, настолько тайное, что даже в тексте совершенно секретного решения не раскрывалась его суть. Оно было продиктовано неуверенностью Сталина в том, что Москву удастся защитить. Предстояло заминировать и взорвать транспортные и промышленные объекты Москвы и области, в их числе и Метрополитен им. Л. М. Кагановича. Постановлением ГКО № 740сс от 8 октября 1941 г. была создана "пятерка для проведения специальных мероприятий по предприятиям г. Москвы и Московской области" в составе Серова (руководитель), Журавлева, Попова, Черноусова и Котляра.

В декабре 1941 г. Серову поручили наблюдение за работой созданных 28 декабря специальных лагерей по проверке и фильтрации бывших военнослужащих Красной Армии, вернувшихся из окружения и немецкого плена.

В официальной биографии И. А. Серова о периоде его военной работы говорится немного: "Во время Великой Отечественной войны находился на фронтах, где выполнял оперативные задания Государственного Комитета Обороны"[8]. О характере его деятельности мы узнаем сегодня из публикаций многочисленных документов о выселении по решению Сталина немцев из Поволжья, народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма.

Первое задание относится к 1941 г. 27 августа приказом НКВД СССР Серов был назначен начальником оперативной группы по выселению немцев из Саратовской и Сталинградской областей. Он выехал на место и с 3 по 20 сентября "успешно" провел выселение, за что приказом НКВД СССР № 001353 от 22 сентября 1941 г. получил благодарность.

В течение 1942 г. отмечены еще два выезда Серова на периферию (в Ашхабад) для проведения совещания оперативных работников НКВД, в Архангельскую и Мурманскую области для оказания помощи в оперативной работе местным чекистам. Серову довелось побывать и на фронте. В апреле 1942 г. он был направлен в Крым, а осенью - в части, оборонявшие перевалы Кавказского хребта, где, попав под минометный огонь, был контужен. 13 декабря 1942 г. он был награжден вторым орденом Ленина

В феврале 1943 г. Серова командировали в Сталинград для руководства приемом в лагеря военнопленных солдат и офицеров капитулировавших немецких войск, а в июне 1943 г. по решению ГКО (№ 3551 сс от 11 июня 1943 г.) вместе с начальником Транспортного управления НКГБ С. Р. Мильштейном он проверял аэропорты, их техническое состояние и персонал по воздушной трассе Москва - Красноярск - Уэлькаль. При этом Серов получает разрешение на вылеты в американские города Ном и Фербенкс 20 сентября 1943 г его наградили орденом Красного Знамени.

В 1944 г. в прифронтовых районах Серов руководит массовыми арестами и депортацией гражданского населения с целью "очистки тыла" продвигающейся на запад Красной Армии. За участие в операции по выселению чеченцев и ингушей получает 8 марта 1944 г. орден Суворова 1-й степени. Хотя по статусу этот полководческий орден давали за руководство большими операциями на фронте, Сталин распорядился наградить большую группу руководящих работников НКВД и НКГБ за дело, с точки зрения "вождя", не менее важное - выселение непокорных народов. Так было положено начало распространившейся потом довольно широко практике награждения участников карательных акций.

Донесения Серова с мест командировок о проведенных операциях Берия направляет непосредственно Сталину. В мае 1944 г. Серов вместе с Б. З. Кобуловым находился в Крыму Их сообщение о выявлении и арестах "антисоветского элемента" в Севастополе было направлено Сталину 11 мая[9]. После этого Серов активно участвует в начавшейся 18 мая 1944 г. операции по выселению с полуострова крымских татар.

В июле 1944 г. Берия направляет Сталину донесения Серова и командующего 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховского о разоружении польских офицеров Армии Крайовой[10]. В июле-августе 1944 г. 3-й Белорусский фронт действовал на территории Литвы и занял Вильнюс, а затем Каунас. Серов в это время вместе с приданными ему войсками НКВД и органами военной контрразведки действует в тылу фронта и проводит аресты членов Армии Крайовой и местного населения. 2 августа 1944 г. Сталину была направлена информация Серова о положении в Каунасе и арестах "антисоветского элемента"[11]. Далее 3-й Белорусский фронт готовился к наступлению на Мемель (Пруссия), а Серов кон-

центрирует свое внимание на польских проблемах. В августе 1944 г. в занятом войсками 1-го Белорусского фронта г. Люблине он занимается подавлением независимого польского национального движения. В его задачи входила организация и приведение к власти в Польше нового промосковского руководства, что диктовалось глобальной стратегией Сталина по созданию антизападного блока из стран Восточной Европы, граничащих с СССР. Как вспоминал позднее Хрущев: "У нас уже было Люблинское правительство польское, мы уже создали. А правительство польское было в Лондоне... Возглавлял его Миколайчик"[12]. Замысел Сталина заключался в приведении к власти марионеточного Люблинского правительства. Как пишет Хрущев, "чтобы Польша была социалистическая", "так сказать, советская Польша по форме... "[13]

В первую очередь Серов проводит аресты бойцов и активистов Армии Крайовой, составлявших серьезную конкуренцию польским коммунистам. Так, 22 октября 1944 г. он сообщал Берии о проведенных 14-20 октября широких арестах на территории Польши. "Всего, - писал он, - сотрудниками НКВД было арестовано и задержано 944 чел., а польскими отделами безопасности - 915 чел."[14]. В дальнейшем Серов отчитывается перед Берией о проведенных арестах раз в пятидневку. По очередному его сообщению от 6 января 1945 г. число арестованных составило 13 142 человека[15]. 7 октября 1944 г. Серов срочно вылетел в Румынию, в г. Крайова для усмирения вышедшего из-под советского контроля румынского военного командования. Он наводит жесткий порядок, проводит аресты. О ситуации в Румынии был информирован Сталин. По крайней мере пять раз сообщал ему об этом Берия, - 6, 9, 10, 11 и 12 октября, причем к последнему сообщению был приложен предлагаемый Серовым план поддержания "порядка" в г. Крайова[16].

Выполнив это задание, Серов вернулся в Люблин, где к тому времени по планам Берии должна быть сосредоточена сводная дивизия войск НКВД из 8850 человек[17]. Сталин держал под контролем работу Серова в Польше и придавал ей большое значение. Однако в конце октября 1944 г. у Серова неожиданно появились сильные конкуренты. В Белосток для проведения арестов были направлены начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ В. С. Абакумов и нарком госбезопасности Белоруссии Л. Ф. Цанава. В своих донесениях Серов по-прежнему отчитывается об арестах, указывая, что они включают "территорию Польши". Параллельно из Белостока шлют в Москву свои донесения об этом же Абакумов и Цанава. Правда, их сфера деятельности была ограничена Белостокским воеводством. Возможно, Абакумов и Цанава в какой-то момент посчитали свою задачу выполненной, либо Серов интригами добился их отзыва. Уже в начале ноября 1944 г. они просили разрешения покинуть Белосток, и Берия в письме к Сталину 14 ноября поддержал их просьбу[18].

Накануне большого наступления советских войск на Запад Сталин, взяв на вооружение польский опыт Серова, принял решение о необходимости проводить "очистку" в тылу фронтов, т. е. аресты и задержание немецких военнослужащих и гражданских чиновников, всех подозрительных лиц и, особенно, бывших советских граждан, оказавшихся в ходе войны в плену или на работе в Германии. В этих целях был учрежден институт уполномоченных НКВД СССР по фронтам Красной Армии. Приказом НКВД СССР № 0016 от 11 января 1945 г., подписанным Берией, уполномоченными НКВД были назначены: по 2-му Прибалтийскому фронту - П. Н. Кубаткин (начальник УНКГБ по Ленинградской обл.; по 1-му Прибалтийскому фронту - И. М. Ткаченко (уполномоченный НКВД и НКГБ по Литовской ССР); по 3-му Белорусскому фронту - В. С. Абакумов (начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР); по 2-му Белорусскому фронту - Л. Ф. Цанава (нарком ГБ Белорусской ССР); по 1-му Белорусскому фронту - И. А. Серов (заместитель наркома ВД СССР); по 1-му Украинскому фронту - П. Я. Мешик (заместитель начальника ГУКР СМЕРШ НКО СССР); по 4-му Украинскому фронту - Н. Н. Селивановский (заместитель начальника ГУКР СМЕРШ НКО СССР).

Уполномоченные должны были "проводить необходимые чекистские мероприятия, обеспечивающие выявление и арест шпионско-диверсионной агентуры германских разведывательных органов, террористов, участников различных вражеских организаций, бандитско-повстанческих групп, независимо от национальной принадлежности и гражданства... " В распоряжение каждого уполномоченного было командировано по 150 чекистов, для проведения прочесываний и облав им придавались дополнительные соединения пограничных и внутренних войск. Заместителями уполномоченных были назначены начальники Управлений контрразведки СМЕРШ и начальники войск охраны тыла соответствующих фронтов. Обратим внимание на то, что, во-первых, приказ о назначении уполномоченных подписал нарком внутренних дел Берия, хотя смершевцы Абакумов, Мешик и Селивановский

формально ему не подчинялись, ими руководил нарком обороны Сталин, а начальником Кубаткина и Цанавы являлся нарком госбезопасности В. Н. Меркулов, во-вторых, этим же приказом уполномоченным были подчинены начальники военной контрразведки (УКР СМЕРШ фронтов), которые на самом деле служили по ведомству Сталина, в НКО. Но такова была воля вождя, поручившего руководство всей работой по "очистке" члену ГКО Л. П. Берии. И Абакумов вынужден был подчиниться. Это стало источником серьезных противоречий и причиной столкновения интересов ведомств НКВД и ГУКР СМЕРШ. При этом В. Н. Меркулов, человек, преданный Берии, сохранял нейтралитет.

Уполномоченные НКВД отправились на фронты и приступили к работе. Вскоре вышел приказ НКВД № 0061 от 6 февраля 1945 г., в котором на основе постановления ГКО (№ 7467сс от 3 февраля 1945 г.) предписывалось провести мобилизацию всех мужчин-немцев от 17 до 70 лет, годных к физическому труду, для принудительной отправки их на работу в СССР. В этом же приказе говорилось о необходимости "жестоко расправляться с лицами, уличенными в совершении террористических и диверсионных актов, путем беспощадного уничтожения их на месте преступления". Между уполномоченными НКВД развернулось негласное соперничество в выполнении этого приказа. Периодически они отправляли сообщения о ходе "очистки тыла" в Москву на имя Берии. Лидировать в таком "соревновании" мог не только уполномоченный, чей фронт быстро продвигается вперед и занимает новые территории, но и обеспечивший при относительной стабильности фронта четкое взаимодействие и полное подчинение всех звеньев аппарата — органов СМЕРШ, охраны тыла и приданных пограничных и внутренних войск.

В итоговой сводке по "изъятию вражеского элемента" аппаратами уполномоченных НКВД по фронтам по состоянию на 13 июня 1945 г. находим следующие цифры. Всего арестовано 422449 человек, из них: по Ленинградскому фронту (в него передан упраздненный 2-ой Прибалтийский) - 72755 человек; 3-му Белорусскому - 51033, 2-му Белорусскому - 95199 человек до 20 апреля и 2328 арестованных с 20 апреля по 5 июня; по 1-му Белорусскому - 66339 человек; 1-му Украинскому - 26472 человека; 4-му Украинскому -16767 до 21 апреля и 1219 человек арестовано в последующие дни, кроме того, в полосе фронта арестовано и направлено в лагеря 45826 военнопленных[19].

Как видим, среди уполномоченных НКВД Серов не был по усердию первым. Правда, некоторые уполномоченные активно включали в статистику и военнопленных, а это меняло картину. Зато в отсутствии жестокости Серова упрекнуть нельзя, его люди расстреливали заложников-немцев. Как говорилось в отчете, "войсками фронта в ответ на террористические проявления немцев, расстреляно 567 участников фольксштурма – членов фашистских партий"[20].

В начале марта 1945 г., в то время, когда армии 1-го и 2-го Белорусских фронтов решительно развивали военный успех, войска 3-го Белорусского фронта оказались скованными в Восточной Пруссии. Уполномоченный НКВД по 3-му Белорусскому фронту Абакумов загрустил. Выходило, что не ему, а Серову доведется первым войти в Берлин. И все - почет, слава да и трофеи достанутся тоже ему - ненавистному Серову. Абакумов засобирался в Москву. 5 марта он отправил донесение на имя Берии, где сообщал об аресте в полосе своего фронта 22534 человек - "шпионов, диверсантов, террористов и другого вражеского элемента" и о расстреле на месте за это время 113 "активных германских террористов", а в конце письма просил разрешить ему выехать в Москву, мотивируя это приостановкой наступления на фронте[21]. Примерно в апреле он разрешение получил. Серов же оставался уполномоченным НКВД по 1-му Белорусскому фронту, который под командованием маршала Г. К. Жукова успешно наступал и штурмовал Берлин. Абакумов возненавидел их обоих и искал случая скомпрометировать в глазах Сталина.

Несмотря на несамые "лучшие" количественные показатели арестов, как уже говорилось, уполномоченный НКВД Серов "добирает качеством". Войдя с войсками 1-го Белорусского фронта в Варшаву, а затем в Берлин, он проводит аресты наиболее важных персон. По предложению Берии 7 марта 1945 г. Серов был назначен советником НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности (МОБ) Польши. Участие Серова в польских делах огромно. Именно ему Сталин поручил арестовать руководителей Армии Крайовой. Вот что писал об этом сам Серов в 1985 г. в ЦК КПСС, напоминая о своих заслугах: «После освобождения Варшавы нам пришлось долго разыскивать "министров польского правительства". Сталин И. В. дважды звонил и требовал быстрее их захватить. Наконец после удачной комбинации мы взяли всех "министров" и генерала Окулицкого, которых по указанию ГКО отправили в Москву, где их Военный трибунал судил по законам военного времени»[22]. Удачная комбинация заключалась в том, что польских руководителей обманом, с помощью

советских агентов заманили в ловушку. Сам Серов выступал перед поляками под псевдонимом Иванов[23]. Должность советника НКВД при МОБ Польши Серов оставил 27 апреля 1945 г. Теперь его путь лежал в Германию.

Постановлением ГКО № 8377сс от 2 мая 1945 г. были учреждены должности заместителей командующих фронтами Красной Армии по делам гражданской администрации. В пункте 4 постановления говорилось: "Установить, что заместители командующих фронтов по управлению гражданскими делами одновременно являются уполномоченными НКВД СССР по борьбе с шпионско-диверсионными и другими вражескими элементами на территории Германии". Этим же постановлением Серов назначался заместителем командующего 1-м Белорусским фронтом по делам гражданской администрации. Командующий фронтом маршал Жуков не конфликтовал с Серовым. С конца 1944 г. на Серова пролился дождь высоких наград. Дважды он был награжден орденом Красного Знамени (7 июля и 3 ноября 1944 г.), затем 24 апреля 1945 г. его отмечают орденом Кутузова 1-й степени и, наконец, по ходатайству Жукова Серову 29 мая 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза с вручением медали Золотая Звезда и ордена Ленина.

В июне 1945 г. находящиеся в советской зоне оккупированной Германии войска фронтов были преобразованы в Группу советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). Главнокомандующим ГСОВГ был назначен маршал Г. К. Жуков, он же одновременно стал Главноначальствующим Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Эти должности Жуков занимал до марта 1946 г., Серов оставался при нем.

После окончания боевых действий аппараты уполномоченных НКВД по фронтам подлежали ликвидации. Однако Берия 22 июня 1945 г. направил Сталину письмо № 718/б с предложением сохранить на территории Германии при группе войск Жукова аппарат уполномоченного НКВД во главе с Серовым, возложив на него прежние задачи по "очистке территорий". Помимо этого Серов являлся (по решению СНК СССР № 1326-301 сс от 6 июня 1945 г.) заместителем Главноначальствующего ГСОВГ Г. К. Жукова по вопросам гражданской администрации. Такие же аппараты уполномоченных НКВД сохранялись при группах войск Конева (Австрия, Венгрия, Чехословакия), Рокоссовского (Польша), Толбухина (Румыния, Болгария). Предложения Берии Сталин одобрил, наложив на письме резолюцию: "т-щ Берия. Согласен. И. Сталин"[24].

Приказом НКВД № 00780 от 4 июля 1945 г. Серов был назначен уполномоченным НКВД СССР по ГСОВГ. С разворотом деятельности Серова и его аппарата в Германии немцы познали все ужасы советской карательной системы. На месте нацистских концлагерей были развернуты спецлагеря НКВД, куда сажали людей без предъявления конкретных обвинений и без каких-либо юридических санкций. Серов и начальники оперативных секторов НКВД в провинциях развернули тотальную слежку за противниками Социалистической единой партии Германии. При этом и за самой СЕПГ они тоже приглядывали. Например, 15 августа 1946 г. сообщение Серова о деятельности оппозиционных группировок внутри СЕПГ было направлено Сталину, Молотову, Берии и Жданову[25]. Для этой работы Серов подчинил себе все советские спецслужбы на территории советской зоны, в том числе и СМЕРШ. Абакумов этим обстоятельством был крайне недоволен.

Первый, кому пожаловался Абакумов на Серова, был Берия. В письме от 22 июня 1945 г. он говорил о "хулиганских выходках" Серова. Абакумов писал, что Серов пытается подчинить себе органы СМЕРШ фронта, вмешивается в их оперативную работу, требует отчетности, в Берлине забирает из органов контрразведки без всякого согласования арестованных и добытые материалы и направляет их в Москву, выдавая их за захваченные его службами. На возражения сотрудников СМЕРШ "Серов со свойственным ему нахальством разражался потоком самых непристойных ругательств, в которых похабнейшими словами отзывается обо мне". Далее Абакумов писал, что Серов забрал к себе заместителя начальника УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта Сиднева. В ответ Абакумовым было дано распоряжение начальнику УКР СМЕРШ ГСОВГ А. А. Вадису и его заместителю Мельникову ничего не давать Серову без указания из Москвы. Завершалось письмо просьбой к Берии: "Убедительно прошу Вас принять меры к тому, чтобы призвать к порядку Серова"[26]. Берия не смог или не захотел разрешить этот конфликт.

Тогда Абакумов предпринимает новые усилия для дискредитации Серова и вместе с ним Жукова. 28 августа 1945 г. он отправил Сталину донесение № 824/А, где приводился рапорт бывшего начальника УКР СМЕРШ ГСОВГ А. А. Вадиса и говорилось о попытках Жукова и Серова подчинить себе партийно-политические органы советской военной администрации (СВА). (Которые должны подчиняться Политическому Управлению ГСОВГ.) Абакумов точно знал, что к посягательствам на руководящую роль партии Сталин особенно чувст-

вителен. "О Серове, - писал Вадис, - идут разговоры, что [звание] Героя Советского Союза он получил незаслуженно, это сделано Жуковым для того, чтоб приблизить Серова к себе" И далее о Жукове, - «многие считают, что Жуков является первым кандидатом на пост наркома обороны. Жуков груб и высокомерен, выпячивает свои заслуги, на дорогах плакаты "Слава маршалу Жукову". В одном из разговоров с армейским политработником, когда тот сослался на директиву Булганина о политорганах, Жуков заявил: "Что Вы мне тычете Булганиным, я кто для Вас?", желая подчеркнуть, что он не кто-нибудь, а заместитель наркома обороны»[27]. Про то, что Жукова считают кандидатом на пост наркома обороны, Абакумов сообщил не случайно, ведь этот пост занимал Сталин!

Война закончилась. Абакумов полагал, что закончилось и время его подчинения Берии Он стремился вывести управление военной контрразведкой из подчинения уполномоченным НКВД по фронтам. Но Берия считал иначе Его беспокоили попытки Абакумова выйти из-под контроля. В своем письме 29 августа 1945 г. № 1023/б на имя Сталина он ставил вопрос о помощи Серову со стороны военной контрразведки[28].

Нарком госбезопасности Меркулов свои позиции в Германии сдал без боя. Совместно с наркомом внутренних дел Кругловым он направил Сталину 31 января 1946 г. письмо с просьбой считать Серова одновременно и уполномоченным НКГБ в Германии. Со стороны Сталина решения не последовало. Видимо, ему нравилось соперничество спецслужб, ибо в такой обстановке их легче всего было контролировать. Пусть пишут жалобы друг на друга, а поставить всех на место никогда не поздно. Но нерешительность и уступчивость Меркулова раздражали Сталина[29].

В мае 1946 г. было принято решение существенно изменить структуру МГБ и включить в состав министерства органы СМЕРШ. Новым министром госбезопасности стал В. С. Абакумов. Его решительность и напористость импонировали Сталину. Возвышение Абакумова не сулило ничего хорошего Серову. Он не получил формального права считаться уполномоченным НКГБ-МГБ в Германии и по-прежнему представлял только свое ведомство - МВД. Вопрос подчиненности ему органов военной контрразведки, перешедшей в МГБ и, таким образом, как и раньше руководимой Абакумовым, стал еще более проблематичным.

Абакумов добился принятия решения о передаче всей оперативной и следственной работы в Германии из МВД в МГБ. Это было закреплено постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 августа 1946 г. Теперь вводилась должность уполномоченного МГБ СССР в Германии. На нее в августе 1946 г. был назначен заместитель министра госбезопасности Н. К. Ковальчук Серову предстояло передать ему дела Но без боя сдаваться он не собирался. До глубокой осени 1946 г. Серов продолжал бороться за свое влияние в советской зоне оккупации Германии.

В июле 1946 г. Жуков был снят с должностей Главкома сухопутных войск и заместителя министра вооруженных сил и отправлен командовать Одесским военным округом. Новость дошла до Серова. У него не было сомнений, что Жукова свалили Булганин и Абакумов. В этой обстановке Серову следовало побеспокоиться о своей судьбе, причем проискам Абакумова он мог противопоставить только одно - опережающее обращение напрямую к Сталину.

8 сентября 1946 г. Серов написал Сталину жалобу о "непартийном" отношении к нему Абакумова. В письме говорилось о том, как Абакумов "особенно резко возмущался" решением Сталина о введении уполномоченных по фронтам, "восстал против посылки в их аппараты оперативных работников", старался отделить от них органы СМЕРШ. Абакумов приказывал А. А. Вадису и А. М. Сидневу не являться к Серову по вызовам, затем вовсе отозвал Вадиса и прислал "надежного" П. В. Зеленина. По утверждению Серова, Абакумов ему сказал: "Ты во время войны много мне и моим работникам крови испортил". Теперь, писал Серов, Абакумов собирает на меня компромат. Серов взял под защиту и опального Жукова, сообщив Сталину о неизменном почтении маршала к вождю, пересказывая слышанные из уст Жукова лестные отзывы о Сталине, которого тот за глаза уважительно называл "Хозяин". В конце письма Серов просил Сталина оградить его от "оскорблений и преследования Абакумова"[30].

Надо полагать, Сталина раздосадовали эти склоки, и он распорядился разбираться в них самим министрам, в рамках взаимоотношений МВД и МГБ. По крайней мере Абакумов свои жалобы стал направлять Круглову[31].

Серов же сдался не сразу. Он продолжал борьбу за свое руководящее положение в Германии и после решения Политбюро от 20 августа 1946 г. Выехавший в советскую зону оккупации Германии уполномоченный МГБ Ковальчук написал 15 октября 1946 г. докладную записку Абакумову в Москву. Он обнаружил, что по распоряжению Серова вся

агентурно-оперативная работа по аппарату Советской военной администрации в Германии и "чекистская работа" в немецких органах самоуправления поручена отделам Внутренних дел СВАГ. "Считая это неправильным, - писал Ковальчук, - я пытался разрешить вопрос с тов. Серовым. При этом я сослался на решение ЦК ВКП(б) о сосредоточении всей агентурно-оперативной работы по Германии в министерстве Государственной Безопасности и настаивал на запрещении отделам внутренних дел СВА вести агентурно-оперативную работу и производить аресты.

Тов. Серов со мной не согласился.

Докладываю на Ваше распоряжение"[32].

На следующий же день Абакумов направил это сообщение Ковальчука в МВД Круглову письмом № 1551/А, добавив от себя просьбу - дать указание Серову о выполнении решения Политбюро, напоминая, что оперативно-чекистская работа в советской зоне должна быть сосредоточена в МГБ, и "аресты там должны производить только органы МГБ"[33].

2 ноября 1946 г. Серову пришлось сдать дела Ковальчуку. Управление оперативными секторами в провинциях перешло в МГБ. Но покидать Германию Серов не торопился. Задерживали его в числе прочих причин и опасения, что в Москве Абакумов может расправиться с ним. И Серов, оставаясь в Карлсхорсте, чинил мелкие пакости людям Абакумова. В его ведении находились спецлагеря отдела внутренних дел СВАГ, и порядки там устанавливали подчиненные Серова. Они вдруг потребовали от органов МГБ в Германии непременного получения санкции прокурора при направлении задержанного в спецлагерь. Известие об этом просто взбесило Абакумова, 13 марта 1947 г. он направил по этому поводу письмо № 2216/А Круглову. В нем говорилось, что в спецлагерях в Германии все время был порядок приема арестованных без санкции прокурора, в лагеря помещались лица независимо от возраста и пригодности к труду. Однако после передачи оперативных секторов органам МГБ спецлагеря МВД по непонятным причинам сразу же изменили существовавший ранее порядок, требуя санкционированных прокурором постановлений на направление арестованных. Более того, отдел спецлагерей МВД в Германии дал указание принимать арестованных только в возрасте до 45 лет и лишь годных к физическому труду. В результате, - жаловался Абакумов, - в тюрьмах оперативных секторов скопилось свыше 850 арестованных. Абакумов просил Круглова дать указание о восстановлении прежнего порядка приема в спецлагеря[34].

Положение Серова в Берлине обязывало его заняться поисками материалов по реактивной технике и причастных к ее разработке немецких специалистов. Постановлением Совета Министров СССР № 1017—419сс от 13 мая 1946 г. он был включен в члены спецкомитета по реактивной технике при СМ СССР. Через год, 10 мая 1947 г., этот спецкомитет был переименован в комитет № 2 при СМ СССР. Серов оставался в его составе, хотя уже и покинул к этому времени Германию. Следы деятельности Серова на этом поприще можно обнаружить в его докладных записках в Москву. После августа 1946 г. он уже не посылает Круглову пространных записок о положении в советской зоне оккупации Германии, ибо теперь это прерогатива МГБ. Его внимание сконцентрировано на поисках проектной документации и специалистов для разработки нового оружия. Сталину, Молотову, Берии и Маленкову 26 июля 1946 г. он направил докладную записку об интересе союзников к работам по реактивной технике на территории советской зоны и их попытках вывезти немецких специалистов[35]. В сентябре 1946 г. Серов занят организацией добычи кобальта и висмута в Саксонии[36], добычи и вывоза из Германии урана. Этому вопросу Сталин придавал первостепенное значение. В начале сентября 1946 г., сразу после встречи со Сталиным, Серов получает широкие полномочия для решения этих задач. Наверное, Сталин дал ему задание перевернуть для этого Германию вверх дном. Масштабы задуманной акции отчетливо просматриваются в тексте распоряжения Совета Министров СССР № 10805-рс от 9 сентября 1946 г., где МГБ предлагалось на время проведения операции выделить в распоряжение Серова 2500 оперативных работников и 1500 переводчиков немецкого языка. И после возвращения из Германии Серов время от времени получает аналогичные задания. Так, постановление Совета Министров СССР № 2477-758сс от 14 июля 1947 г. обязывало Серова (МВД) и Соколовского (СВАГ) вывезти из Германии 100 немецких специалистов и 25 высококвалифицированных рабочих. Абакумову предписывалось выделить в распоряжение Серова оперативников от МГБ.

Серов, между тем, получив 24 февраля 1947 г. назначение на пост первого заместителя министра внутренних дел возвращается в начале апреля в Москву. Здесь он, не теряя времени, развернул активную борьбу против Абакумова. Совместно с Кругловым 9 апреля 1947 г. он направил записку Берии и Абакумову, где говорилось о безобразном поведении и

грубости, проявляемой по отношению к советским гражданам работниками Главного управления охраны МГБ, одетыми в милицейскую форму и расставленными на наружных постах на центральных, прилегающих к Кремлю улицах и правительственных трассах[37]. Абакумов оскорбился. На следующий день, 10 апреля, он информировал Берию, что сами Круглов и Серов ничего подобного ему в глаза не говорили. "Тов. Серов, - пишет он далее, - известен своими провокационными выходками и склоками, которые он иногда допускает, поэтому пора положить конец этому и предупредить его"[38]. По словам Абакумова, ранее Серов плохо отзывался о транспортной милиции, переданной в МГБ, он считает, что МГБ работу по борьбе с бандитизмом проваливает. По мнению Абакумова, Серов и Круглов просто обижены передачей внутренних войск и железнодорожной милиции в состав МГБ[39].

В МВД Серов курирует органы милиции. Абакумов наносит ответный удар. 23 октября 1947 г. официальным письмом он сообщает Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову о фактах взяточничества со стороны работников московской милиции и готовит серьезные основания для компрометации Серова.

Постепенно в центральном аппарате МГБ скапливаются соответствующие материалы. Сообщая 14 октября 1947 г. Сталину об основаниях для ареста начальника отдела правительственной связи МВД И. Я. Воробьева, Абакумов писал, что курирующий работу этого подразделения Серов давал в декабре 1942 г. указание готовить ежедневную справку обо всех разговорах Верховного Главнокомандующего, и такие справки составлялись до конца 1944 г. После выезда Серова на фронт, отмечает Абакумов, составление справок прекратилось[40]. Итак, Абакумов нащупал что-то очень похожее на несанкционированное подслушивание разговоров и не кого-нибудь, а самого "Верховного". Этого Сталин очень не любил. За такое Серов мог жестоко поплатиться.

Абакумов точно рассчитывал удары. Они должны следовать один за другим. 29 ноября 1947 г он направляет Сталину и Кузнецову новое письмо. На этот раз о случаях мародерства, хищений и присвоения ценностей и вещей бывшим начальником оперативного сектора МВД в Тюрингии генерал-майором Г. А. Бежановым. В приложенной к письму справке сообщались факты непомерного обогащения Бежанова. Им была изъята шкатулка с драгоценностями у генерала Гертмана, а изъяв имущество у некоего "нациста Менге", Бежанов распорядился его отпустить. Вскрывались и другие преступления. Бежанов широко использовал метод провокации и создавал фиктивные "подпольные нацистские группы" Когда немец Бетцель отказался вступить в такую группу, «с санкции Бежанова, двум агентам МВД было дано задание убить его, что и было выполнено. На трупе Бетцеля была оставлена записка такого содержания: "Так будет со всеми изменниками немецкого народа"»[41]. В справке Абакумова говорилось о необоснованных арестах немцев, проводимых оперсектором в Тюрингии, и сообщалось, что 10 человек покончили с собой, находясь под стражей. Теперь Абакумов заложил настоящую бомбу под Серова. О реакции Сталина можно судить по резолюции на письме. По обыкновению Абакумов устные резолюции Сталина сам записывал на прочитанных вождем бумагах. В этот раз он записал: "Предложено арестовать Бежанова. Указание о том мною получено лично от т. Сталина 6. 12. 47"[42]. Дело о коррупции в Группе советских оккупационных войск в Германии начало раскручиваться.

Уже первые результаты допросов Бежанова несказанно обрадовали Абакумова. 28 января 1948 г. он сообщает Сталину: "Бежанов дал показания о том, что Серов присваивал ценности и переправлял их в СССР"[43]. Бежанов рассказал и о захваченных людьми Серова в Рейхсбанке при штурме Берлина мешках с деньгами. Германские рейхсмарки были пущены Серовым якобы на оперативные расходы. В этом письме Абакумов просил санкции на арест бывших начальников оперсекторов Саксонии и Берлина генералов С. А. Клепова и А. М. Сиднева и, помимо них, М. А. Хренкова - адъютанта Серова. Санкцию Сталин дал.

Вскоре, 24 февраля 1948 г., Абакумов направил теперь уже Сталину, Молотову и Кузнецову новое письмо с приложенным протоколом допроса арестованного М. А. Хренкова. Служивший у Серова адъютантом с ноября 1942 по август 1947 г. Хренков показал, что Серов "занимался мародерством и личным обогащением", тем же занимались и его подчиненные Сиднее, Бежанов и Клепов. "Должен сказать, что Серов, будучи человеком падким к чужому добру, начал заниматься присвоением ценностей и имущества еще в период нахождения его в Польше"[44], - говорил на следствии Хренков. Приводились следующие факты. Из г. Лодзь имущество немецкого гауляйтера Серов в вагоне отправил в Москву. Сопровождали вагон жена Серова и Хренков с бумагой от Серова о бестаможенном пропуске. В особняке гросс-адмирала Редера в Бабельсберге по приказанию Серова

Хренков выломал мраморный камин и позднее установил его на московской квартире Серова. Захваченные в подвале Рейхсбанка мешки с деньгами не были должным образом оприходованы. Серов и Сиднев бесконтрольно тратили их содержимое[45]. Абакумов просил у Сталина санкцию на арест Л. С. Никитина - другого адъютанта Серова. Еще один сотрудник Серова, его секретарь В. М. Тужлов, уже был арестован.

В. М. Тужлов тоже сообщил следствию немало важного о Серове: "В сентябре или октябре 1946 г., когда оперативные секторы МВД Германии передавались в ведение МГБ, Серов затребовал к себе от Сиднева все записи по расходу германских марок, и затем эти записи по его же указанию были сожжены"[46].

Методы, которыми Абакумов добивался быстрых признаний, известны. Об этом рассказывал многое переживший С. А. Клепов.

В агентурном донесении Сталинградского УКГБ, поступившем 30 ноября 1954 г. в секретариат КГБ в Москву, говорится, что 4 октября 1954 г. на вечеринке у друзей был Клепов С. А. Он рассказал своему родственнику, а тот - источнику о причинах своего ареста. По прибытии в Москву (он был арестован в Германии по обвинению в превышении власти и использовании служебного положения) Клепов был доставлен к Абакумову, где от него потребовали показаний на Серова, Хрущева и Кагановича. Клепов отказался дать такие показания и якобы ударил Абакумова, после чего был избит и посажен в камеру "с ветерком". Камера размерами метр на метр, построенная из решеток, через которые все время пропускают сквозной воздух. После суточного пребывания в этой камере Клепов четыре месяца пролежал в госпитале[47].

Абакумов замахнулся широко. Он захотел показаний не только на Серова, но и на членов Политбюро Хрущева и Кагановича. Вряд ли он делал это втайне от Сталина.

Обширные показания Сиднева от 6 февраля 1948 г., уличающие Серова в присвоении денег и ценностей, Абакумов в тот же день направил Сталину. В них обвинения были выдвинуты и против Жукова. Бежанов назвал количество захваченных опергруппой НКВД в Берлине денег - 80 миллионов марок в ста мешках. Утверждалось, что Серов и Жуков одинаково виновны в присвоении трофеев[48]. Серов был загнан в угол. И все же он не только оправдывается, но и наносит ответный удар. 8 февраля 1948 г. Серов пишет Сталину пространное письмо, в котором итожит все свои претензии к Абакумову. Переходя в наступление, сообщает о фактах обмана Абакумовым ЦК ВКП(б) и Сталина, недостатках в работе органов МГБ и их враждебности к МВД. "Такого враждебного периода в истории органов никогда не было"[49], - пишет Серов. В письме Серов не забывает рассказать, что Абакумов в 1941 г. проявлял панические настроения, собираясь бежать из Москвы; выслуживался перед Жуковым "как мальчик", а в марте 1946 г., на первой сессии Верховного Совета СССР сидел рядом с Жуковым в президиуме, и, наконец, о том, как Абакумов сам занимался "самоснабжением" и вывез из Германии полный вагон имущества. Серов с тревогой пишет об аресте Абакумовым до 10 сотрудников, работавших с ним в Германии, и завершает письмо мольбой: "... я очень прошу Вас, дорогой товарищ Сталин, поручите комиссии ЦК ВКП(б) разобраться с делом, которое создал Абакумов против меня для того, чтобы свести со мной личные счеты"[50].

Сталин уберег Серова от абакумовских преследований. Несмотря на кажущееся преимущество в положении Абакумова, являвшегося министром, Серов как кандидат в члены ЦК, в политическом смысле весомее. Абакумов же не был членом высших партийных выборных органов. Конечно, не это остановило Сталина. При желании он мог расправиться с любым. Видимо, он почувствовал, что в деле Серова, несмотря на очевидную его виновность, Абакумов преследует какие-то личные интересы. А этого Сталин не любил. В итоге Серов сохранил высокие должности и звания, а Бежанов, Сиднев и Клепов были осуждены[51]. Абакумов был поставлен на место, однако вскоре пришел и его час держать ответ перед Сталиным. В июле 1951 г. Абакумов был снят с должности и арестован за "обман ЦК". А ведь Серов писал об этом еще в 1948 г. !

Основание присмотреться к ведомству Абакумова повнимательнее появилось у Сталина уже летом 1947 г Непорядки вскрылись в Главном управлении охраны МГБ, призванном охранять вождя и его соратников. Сталин узнал, что в его отсутствие на "ближней" даче происходят всякие безобразия. Об этом ему доложила одна из работавших в особняке официанток. Комендант дачи генерал-майор С. А. Ефимов и его заместитель подполковник И. И. Федосеев, по ее словам, устраивали пьянки, на которые привозили проституток из города, воровали из дачных припасов вино и продукты. Но самое страшное заключалось в том, что Федосеев и его сомнительные подружки заглядывали в совершенно секретные бумаги, лежавшие на столе у Сталина. Вождь решил провести расследование сам, без

Абакумова. 23 июня 1947 г. Федосеев был тайно арестован, и расследование его дела было поручено Серову. Поначалу об аресте Федосеева министр госбезопасности ничего не знал. Но С. Ф. Кузьмичев - начальник управления охраны № 1, которого Сталин просил держать арест Федосеева в тайне, проговорился Абакумову, зная его неприязнь к Серову. Позднее, находясь под арестом, он объяснил свой поступок так: "Я не доверял Серову, так как, сталкиваясь с ним при исполнении служебных обязанностей, убедился, что он способен на обман"[52]. Кузьмичев высказал свои сомнения относительно Серова и Сталину. Получив известие о судьбе Федосеева, Абакумов и начальник Главного управления охраны МГБ Н. С. Власик не на шутку встревожились. "Ну теперь Серов состряпает дело"[53], - сказал Власик. Кузьмичев, не без ведома Абакумова, написал Сталину письмо, в котором чернил Серова. Хотя это вряд ли могло бы помочь. Вот тогда-то Абакумов и задумал разоблачить преступления Серова в Германии. И, как было показано выше, довольно преуспел в этом. А о деле Федосеева все скоро забыли[54].

После ареста Абакумова новое руководство МГБ начинает разбираться со старыми делами. Вновь всплывает дело арестованного секретаря Серова В. М. Тужлова. Он, как оказалось, еще не был осужден и томился в тюрьме. О его деле 8 сентября 1951 г. министр госбезопасности С. Д. Игнатьев проинформировал Берию. В письме говорилось, что по указанию Берии, Игнатьев вызвал Тужлова и сам допросил. Тужлов заявил, что ранее на допросах его запугивали, грозили арестовать жену и детей и принуждали подписывать протоколы. Тужлов признал, что подписал фиктивный акт на израсходование 7 млн. марок, подтвердил факты хищения ценностей в Германии, но в разговоре заявил Игнатьеву, что оклеветал Серова на следствии. Далее Игнатьев сообщал, что дело Тужлова и связанных с ним людей будет закончено в ближайшее время, окончание следствия поручено Рюмину[55].

Тогда, в начале 1948 г., все успокоилось, и Серову, кажется, сошло с рук. Конечно, Сталин об этом всегда помнил и при надобности мог поднять в МГБ необходимые дела. Но не делал этого. Руководить людьми с подмоченной репутацией всегда проще. Хотя не исключено, что ведомство Абакумова продолжало присматриваться к Серову. По крайней мере за Жуковым точно следили. Так, 16 сентября 1948 г. Абакумов доложил Сталину о содержании разговора Жукова с женой, состоявшегося днем раньше на московской квартире маршала. Жуков винил в своей опале Булганина, полагая, что тот "нашептывает" на него Сталину. Булганин "орудует", повторял Жуков. Конечно, Абакумов выделил в донесении сказанное Жуковым о Сталине: "Я раньше думал, что Сталин принципиальный человек, а он слушает, что ему говорят его приближенные. Ему кто-нибудь что скажет, и он верит. Вот ему про меня сказали, и я в немилости. Ну, х... с ними, пусть теперь другие повоюют!"[56]

Период работы Серова в Москве в 1947-53 гг. проходит относительно размеренно и спокойно. Его обязанности первого заместителя министра внутренних дел состоят в основном в руководстве милицейско-войсковой и лагерной сферами деятельности МВД. Так, по распределению обязанностей между замами МВД в феврале 1947 г. Серову поручили наблюдение за Главным управлением милиции, Главным управлением по борьбе с бандитизмом, Главным управлением пограничных войск, отделом контрразведки в МВД, отделом правительственной "ВЧ" связи, управлением войск правительственной связи и специальными отделами - 1-м (учетно-архивный) и 2-м[57]. В июле 1948 г. его обязанности несколько меняются. Он уже не курирует работу подразделений правительственной связи, переданных из МВД в МГБ, и 2-го Спецотдела, но вместо них появляется Главное управление по делам военнопленных и интернированных. Так постепенно Серов втягивается в руководство лагерями. От него зависят вопросы трудоиспользования остающихся в СССР еще в большом количестве пленных немцев, он же организует их массовое осуждение в 1949 г. и, в нарушение всех международных правовых норм, задержание в СССР до 1955-1956 гг. В остальном он курирует те же подразделения, что и в 1947 г. [58]

В феврале 1951 г. происходит существенное изменение выполняемых Серовым функций. К этому времени милиция, пограничники и борьба с бандитизмом были переданы в МГБ. Теперь Серов занимается в основном лагерной и хозяйственной сферами. В его обязанности входит курирование: Главного управления лагерей (ГУЛага), Главного управления по делам военнопленных и интернированных, Главного управления военного снабжения, Тюремного управления, Хозяйственного управления, 1-го спецотдела, отдела контрразведки в МВД, отдела перевозок, автотранспортного отдела, юридической части МВД и Главного арбитража[59]. В январе 1953 г. ему дополнительно поручается курирование Главспецнефтестроя, особого дорожно-строительного корпуса и отдела ведомственной охраны. При этом из сферы его руководства исключены все перевозки, арбитраж и юридическая часть.

Остальное, если не считать, что Главное управление по делам военнопленных и интернированных перестало быть главным, а стало просто управлением, осталось[60]. Кроме постоянных были и разовые поручения Серову. Некоторые исходили с самого верха. Все-таки Сталин по-прежнему доверял ему.

В 1952 г. должно было закончиться строительство Волго-Донского канала. В многочисленных лагерях, разбросанных по его трассе, работы шли полным ходом, так как уже летом хотели открыть движение судов. Серов 10 марта 1952 г. был командирован на Волгодонстрой до ввода в действие канала. Поездка не была напрасной. Руководя армией зеков, он добился выполнения намеченного графика работ. Волго-Донской путь был открыт, а Серова 19 сентября 1952 г. наградили орденом Ленина.

На XIX партийном съезде в октябре 1952 г. Серов сохранил свое положение кандидата в члены ЦК КПСС. Правда, он уже не являлся депутатом Верховного Совета СССР. В Верховный Совет его избирали в 1941 г. и в 1946 г. В состав депутатов Верховного Совета СССР 3-го созыва, избранного в марте 1950 г., Серов не попал. Это не означало какого-либо понижения его политического статуса. Такова была особенность тех советских выборов. Сталин решал, кому из руководителей и где быть депутатом. Тогда в депутаты не избрали даже министров Абакумова и Круглова, а Серов был лишь первым заместителем министра внутренних дел.

И после смерти Сталина Серов сохранил свою должность. 5 марта 1953 г. МВД и МГБ были объединены в одно министерство и во главе его стал Л. П. Берия. Первыми заместителями он выбрал себе Б. З. Кобулова, С. Н. Круглова и И. А. Серова. Последний отвечал за работу 6-го управления МВД (контрразведка на транспорте), Главного управления милиции, управления службы местной противовоздушной обороны, Главного управления пожарной охраны, отдела по контролю и инспектированию ВОХР и тюремного управления[61].

События июня 1953 г. круто изменили судьбу Серова. Задумав отстранить от руководства и арестовать Берию, Маленков и Хрущев хотели заручиться поддержкой верных людей в МВД. Оно и понятно, ведь Берия мог сделать ответный ход и тогда неизвестно, чья бы взяла. Маленков прекрасно знал Круглова еще по совместной работе в 1938 г. в аппарате ЦК, его он и выдвинул на ответственную работу в НКВД. Хрущев, в свою очередь, мог положиться на Серова. И Серов, и Круглов без колебаний стали на сторону участников заговора против Берии, арест которого был спланирован как военная операция. Ничего не подозревающего первого заместителя председателя Советов Министров, члена президиума ЦК КПСС и министра внутренних дел должны были схватить и обезоружить прямо на заседании президиума ЦК КПСС военные во главе с Жуковым. План удался. Это произошло 26 июня 1953 г. После ареста Берии заседание президиума ЦК КПСС продолжилось, на нем Круглов был утвержден министром внутренних дел СССР, а Серов - его первым заместителем[62].

Вскоре в связи с арестом Б. З. Кобулова вновь рассматривался вопрос о заместителях министра внутренних дел СССР. Решением президиума ЦК КПСС 30 июня 1953 г. на эту должность были назначены секретарь ЦК Н. Н. Шаталин и И. А. Серов. Шаталин практически не приступил к исполнению обязанностей, он оставался на работе в ЦК и нужен был лишь при проведении кадровой перетряски в МВД и изгнании "бериевцев". Уже 28 июля 1953 г. Шаталин был освобожден от должности первого заместителя.

Теперь Серов по праву мог считаться вторым человеком "в органах". По новому распределению обязанностей ему поручалось курирование 2-го Главного управления (разведка), 3-го управления (военная контрразведка), 6-го управления (контрразведка на транспорте), 7-го управления (оперативное), тюремного управления, специальных отделов - 1-го (архивно-учетный), 3-го (изготовление документов), 4-го (радиоконтрразведка), 5-го (изготовление средств опертехники), отдела "С" (спецсвязь) и комендатуры МВД[63]. Как видим, круг обязанностей включал только руководство важнейшими подразделениями госбезопасности. Это уже был шаг к его назначению первым чекистом страны.

В декабре 1953 г. по просьбе В. Ульбрихта для ознакомления с экономическим положением в ГДР была командирована на 2 недели группа ответственных работников во главе с заместителем председателя Госплана П. В. Никитиным. От МВД в ее состав вошел Серов[64].

Решение о выделении органов госбезопасности из МВД в самостоятельное ведомство было принято президиумом ЦК КПСС 8 февраля 1954 г. Было записано поручение секретарю ЦК Шаталину и министру Круглову по линии МВД, а секретарю ЦК Суслову и первым заместителям министра ВД Серову и Луневу по линии КГБ в пятидневный срок подготовить проекты соответствующих постановлений "с учетом обмена мнениями на президиуме ЦК". Но только через месяц Указом Президиума Верховного Совета СССР от

13 марта 1954 г. был образован КГБ при СМ СССР, а его председателем назначен Серов. Согласно решению ЦК на КГБ возлагалась главная задача: "в кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берии в органах государственной безопасности и добиться их превращения в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей"[65].

В партийном понимании это означало преимущественную реабилитацию пострадавших от Сталина коммунистов. Президиум ЦК КПСС 4 мая 1954 г. рассмотрел вопрос "О пересмотре дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении". Была создана комиссия по пересмотру дел (по реабилитации, как ее потом чаще называли), в состав которой, конечно же, вошел председатель КГБ Серов[66].

В июне 1954 г. он провел всесоюзное совещание руководящих работников КГБ, разъясняя новые задачи "органов" и их роль и место в советской системе. С программной речью на совещании выступил Первый Секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Сразу после него подобострастно высказался Серов: "Вы убедились насколько т. Хрущев глубоко знает нашу работу и насколько четко, предельно ясно дал указание по агентурно-оперативной работе и по всей работе. Вот что значит человек громадного ума и большой практики. Ведь многие из вас также работают по 10-15 лет, а иной раз скатываются на всякие глупости. Поэтому вы должны четко, ясно продумать, вспомнить все указания, которые были даны т. Хрущевым".

Выполняя решения руководства, он проводит чистку аппарата госбезопасности, увольняет и лишает званий наиболее одиозных бериевцев. В феврале 1956 г. он рапортовал ЦК КПСС об увольнении из КГБ за период с марта 1954 г. 16 тыс. сотрудников, охарактеризованных им как не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, карьеристов, морально неустойчивых, а также малограмотных и отсталых работников. В подготовленной к июньскому (1957) пленуму ЦК КПСС справке Серов писал, что уволено 18 тыс., в том числе "более 2300 сотрудников за нарушение советской законности, злоупотребление служебным положением и аморальные поступки". Там же Серов сообщал, что 40 бывших ответственных работников органов госбезопасности были лишены генеральских званий, а из центрального аппарата КГБ было уволено около 2 тыс. сотрудников, из которых 48 являлись начальниками отделов и занимали более высокие должности[67]. Серов отмечал: "Заменены почти все руководящие работники главных управлений, управлений и отделов центрального аппарата. На эти должности более 60 человек направлены ЦК КПСС с руководящей партийной и советской работы"[68].

С легкостью подписывая заключения на лишение бывших генералов МГБ их высоких званий, сам Серов, игравший одну из ведущих ролей во всех преступлениях КГБ, напротив, получает еще более высокий чин. Ему присвоили звание генерала армии 8 августа 1955 г. А чуть позже, 25 августа, в связи с пятидесятилетием он получил орден Ленина. Теперь его грудь украшали 6 орденов Ленина. Такого количества не было у большинства руководителей КПСС того времени.

Для своих выдвиженцев в органах Серов также добивается присвоения генеральских званий, хотя Хрущев идет на это неохотно. Он еще с подозрением смотрит на систему госбезопасности, не очистившуюся до конца от бериевцев и недостаточно проникнутую партийным влиянием. Рассмотрев список представленных на присвоение звания генерала, президиум ЦК КПСС в мае 1954 г. принимает предложение Серова, хотя и записывает в протоколе фразу - "присвоить в виде исключения"[69].

Именно Серов в 1954-1955 гг., по указанию руководителей ЦК КПСС, провел уничтожение большого количества архивных материалов госбезопасности. Еще 21 ноября 1953 г. в докладной записке МВД Маленкову и Хрущеву сообщалось, что на оперативном учете в МВД состоят 26 млн. человек[70], а в центральном архиве хранится более 6 млн. дел, в том числе следственные, агентурные, дела агентуры, материалы проверки лиц, при этом "находящиеся в архивах и картотеках материалы со времени организации ВЧК не подвергались проверке и расчистке"[71]. Руководители МВД предлагали мероприятия "по очистке архивов". В 1954 г., когда Серов возглавил КГБ, он получил разрешение ЦК КПСС на уничтожение архивных документов. Как вспоминал Семичастный, назначенный председателем КГБ в 1961 г., к тому времени "многие документы уже были уничтожены или подчищены... "[72]. Рапортуя в ЦК КПСС в начале 1956 г. о проведенном разборе оперативных документов прошлых лет", Серов вроде бы преследует благую цель. Он пишет, что уничтожено документов "на более чем 6 миллионов советских граждан", с них "снято пятно политического недоверия"[73]. Легко представить, как много бесценных исторических документов погибло в огне этой "расчистки". В подготовленный в 1954 г. перечень

документов, образующихся в деятельности КГБ, и сроков их хранения в архивах была введена норма временного хранения части материалов, после чего они подлежали уничтожению. Такого не было при Сталине, когда существовали правила вечного хранения практически всех архивов. Сталин держал все про запас, полагая, что компромат всегда может пригодиться. Преемники Серова в КГБ год за годом суживали номенклатуру дел, подлежащих постоянному хранению. Это привело к уничтожению многих оперативных и даже следственных дел. Полностью были уничтожены архивы органов госбезопасности районного и городского уровней[74].

На XX партийном съезде в феврале 1956 г. Серов был избран членом ЦК КПСС. Он также являлся депутатом Верховного Совета РСФСР 4-го (1955-1959 гг.) и 5-го (1958-1962 гг.) созывов.

В ноябре 1956 г. Серов подавляет народное восстание в Венгрии. За эту карательную экспедицию он получил прозвище "будапештского палача" и... орден Кутузова 1-й степени. Конечно, в печать указ о его награждении не попал[75].

События 1956 г. в Венгрии и Польше изрядно напугали руководство КПСС. Теперь, оказалось, надо вновь натягивать вожжи и укреплять КГБ. Весной 1957 г. на встрече с писателями Хрущев угрожающе заявил, что "если кто думает сделать так, как в Венгрии, в порошок сотрем"[76]. Серов чутко уловил новую установку, и 1957 г. стал рекордным по числу проведенных КГБ арестов за "контрреволюционные преступления"[77].

Доверие Хрущева Серов старался оправдывать везде, даже в заграничных поездках. В свои первые выезды из страны ее руководители - Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин, опасаясь возможной провокации, неизменно брали с собой Серова для личной охраны. В конце 1955 г. Булганин и Хрущев отправились в длительный вояж в Индию, Бирму и Афганистан. Отбыли из Москвы 17 ноября и возвратились лишь 19 декабря 1955 г. В течение всей поездки их сопровождал Серов, обеспечивая "личную безопасность". Близость к вождям была вознаграждена. Именно за этот вояж Серов 31 декабря 1955 г. был удостоен ордена Красного Знамени[78]. В мае 1956 г. с официальным визитом Булганин и Хрущев посетили Великобританию. И в этой поездке их сопровождал Серов. Однако выступления в английской печати возмущенной общественности, считавшей Серова виновником неосталинских репрессий, заставили его прервать поездку[79э].

В июне 1957 г. Серов снаряжает спецпоезд и сопровождает Булганина и Хрущева в поездке в Финляндию. Здесь он по-настоящему пригодился Хрущеву. Но уже как свидетель. К этому времени от былой идиллии "коллективного руководства" в президиуме ЦК КПСС не осталось и следа. Против Хрущева 18-21 июня 1957 г. выступило большинство членов президиума, предложив упразднить пост первого секретаря ЦК КПСС. Одновременно были предъявлены претензии Серову, который был подотчетен не президиуму ЦК КПСС, а только Хрущеву. Выступивший 21 июня М. З. Сабуров предложил на пост Председателя КГБ Н. С. Патоличева, другие члены Президиума (Маленков или Каганович) предложили занять эту должность Булганину. У членов президиума существовало опасение, что Серов шпионит за ними в пользу Хрущева. Булганин незадолго до описываемых событий говорил Сабурову: "... я не доверяю Серову, на нас доносит, наверное". То же думал и сам Сабуров. О том, как Сабуров поделился своими сомнениями с маршалом Жуковым, он рассказал на июньском (1957) пленуме ЦК КПСС "Я говорил и Жукову, а он мне ответил: пусть попробует, я его в два счета снесу, и Лубянки не останется"[80]. За полгода до этого пленума Булганин открыто заявил Серову, что не доверяет ему[81].

С помощью министра обороны Жукова и председателя КГБ Серова Хрущеву и его немногочисленным сторонникам в президиуме ЦК КПСС удалось собрать в Москве весь состав ЦК, доставив его членов из дальних регионов военно-транспортными самолетами. Серов рассылал шифровки, а Жуков обеспечивал доставку. На открывшемся 22 июня 1957 г. пленуме ЦК КПСС Хрущев сумел представить события предыдущих дней как заговор "антипартийной группы". Молотов, Маленков, Каганович и другие члены руководства, выступившие накануне с критикой Хрущева, были обречены. Пленум их заклеймил. Тверже всех на пленуме держался Молотов. Говоря о несуразностях в поведении Хрущева, он поставил ему в вину мытье с Президентом Кекконеном в бане во время визита в Финляндию. Защищая Хрущева, подал реплику о "традиционном финском обряде" Серов, убедив присутствующих, что финское правительство проводит свои заседания в бане: "сидят голые в бане и обсуждают вопросы"[82], - сказал он.

И после разоблачения "антипартийной группировки" Хрущев берет Серова в заграничные поездки. В июле 1957 г. он включен в состав партийно-правительственной делегации СССР, отправляющейся в Чехословакию.

В том же 1957 г. в Москве состоялся молодежный фестиваль. КГБ активно следил за молодыми людьми из капиталистических стран, стараясь ограничить их общение с советскими гражданами. Еще в 1956 г. Серов был включен в комиссию по подготовке и проведению фестиваля молодежи и студентов[83].

Последний свой служебный визит за границу в качестве Председателя КГБ Серов нанес осенью 1958 г. в ГДР. Предварительно он направил в президиум ЦК КПСС свою оценку обстановки в ГДР и предложения по ее "улучшению". На заседании 21 октября 1958 г. его планы были одобрены.

Неожиданно 8 декабря 1958 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Серов был освобожден от обязанностей председателя КГБ при СМ СССР. Два дня спустя он был назначен начальником Главного разведывательного управления и заместителем начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР по разведке.

Перевод Серова на работу в ГРУ выглядел явным понижением, хотя в решении президиума ЦК КПСС от 10 декабря 1958 г. новое назначение Серова объяснялось необходимостью "укрепления руководство ГРУ" и говорилось о "сохранении за ним материального содержания, получаемого по прежней работе". Оставляя Серову жизненные блага, Хрущев подсластил пилюлю.

Что же послужило причиной освобождения Серова с поста председателя КГБ? В нелояльности к Хрущеву его трудно было заподозрить. Примеров верного его служения Никите Сергеевичу не счесть. К уже названным можно добавить еще один. 31 марта 1955 г. Серов приготовился направить Хрущеву, Булганину и Молотову информацию о впечатлениях Индонезийского посла Субандрио от беседы с Хрущевым. Но вчитавшись в текст, понял, что посылать этот материал можно только самому Хрущеву. Хрущев, беседуя с Субандрио около двух часов, говорил о неравномерности развития социалистических стран, восхищался Соединенными Штатами, подчеркивая, что СССР не так богат, говорил об оказываемой помощи Китаю, усиление мощи которого, по мнению Хрущева, есть и усиление СССР и, наконец, - "Хрущев сказал, что после смерти Сталина «все они» почувствовали, что желательно ослабление напряженности в международных отношениях и что следует уделять больше внимания нуждам Советского Союза"[84]. О содержании беседы Хрущева члены Президиума ЦК не знали. Но если бы узнали, мог произойти скандал. Такой ортодокс как Молотов мог заклеймить Хрущева за "ересь". Серов вымарал из адресатов письма имена Булганина и Молотова, чем, надо полагать, и обеспечил некоторый период спокойной жизни Хрущеву.

Однако для Хрущева Серов был человеком прошлого. Его вовлеченность в наиболее ужасные сталинские преступления не была ни для кого секретом. Наказывать его за это Хрущев не собирался, но и оставлять на должности председателя КГБ тоже было неудобно. КГБ должен был менять имидж, а самому Хрущеву следовало дистанцироваться от карательной службы и ее мрачного прошлого. По его мнению, настало время реформировать КГБ, сократить штаты, изменить структуру, смягчить карательную политику, сделав упор на профилактической работе вместо все еще многочисленных арестов.

Можно предположить, что одной из веских причин скрытого хрущевского недовольства Серовым были его ведомственный патриотизм и нежелание идти на серьезное сокращение аппарата КГБ. Профессиональная чекистская закостенелость не нравилась Хрущеву. Он полагал, что во главе КГБ должен стоять партийный функционер, который будет послушно и безропотно выполнять партийные решения. На должность председателя КГБ был назначен 25 декабря 1958 г. А. Н. Шелепин, до этого возглавлявший отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам.

На посту начальника ГРУ Серов не пользовался влиянием. Военные разведчики были невысокого мнения о его профессиональной пригодности, считая главным его умением "арестовывать, допрашивать и расстреливать"[85]. Прошлое напоминало о себе. Находясь уже несколько лет в должности начальника ГРУ, Серов был лишен ряда орденов в связи с решением президиума ЦК КПСС П23/XXXVII от 29 марта 1962 г., отменившим указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 марта 1944 г., которым были награждены активные участники и организаторы депортации народов Северного Кавказа.

Точку в карьере Серова поставил арест полковника ГРУ О. В. Пеньковского, задержанного в Москве 22 октября 1962 г. Он оказался агентом английской и американской разведок, как утверждалось на судебном процессе, состоявшемся 7-11 мая 1963 г. В свое время Пеньковского должны были уволить из военной разведки, но его спас Серов.

Уже в январе 1963 г. Серов понял, что над ним сгустились тучи. Пытаясь объясниться, он 10 января написал заявление в президиум ЦК. Но расследование в КГБ дела Пень-

ковского давало все больше доказательств, что обширная информация, переданная англичанам, была результатом знакомства и частых посещений агентом домов И. А. Серова и главного маршала артиллерии С. С. Варенцова. По некоторым свидетельствам, Хрушев не собирался строго наказывать преданных ему Варенцова и Серова. В их виновности и необходимости крутых мер убедил его член президиума и секретарь ЦК КПСС Ф. Р. Козлов. Именно он рассказал Хрущеву о том, что жена и дочь Серова вместе с Пеньковским ездили в Англию[86].

С должности начальника ГРУ и заместителя начальника Генерального штаба по разведке Серов был снят 2 февраля 1963 г. решением президиума ЦК КПСС. Через месяц с небольшим, 7 марта, президиум ЦК принял решение "О работе ГРУ", в котором, в частности, содержалось поручение комиссии в составе секретаря ЦК КПСС В. Н. Титова, маршала С. С. Бирюзова, первого заместителя председателя КГБ, а теперь нового начальника ГРУ П. И. Ивашутина разобраться в вопросе о С. С. Варенцове, И. А. Серове и др. и внести свои предложения. Трудно понять, что успела сделать комиссия, но следующим пунктом решения президиума ЦК КПСС в тот же день 7 марта "за потерю политической бдительности и недостойные поступки" генерал армии Серов был понижен в военном звании до генерал-майора и лишен звания Героя Советского Союза. Вопрос о партийной ответственности Серова был передан на рассмотрение Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС. Партийное решение о разжаловании и лишении звания Героя было оформлено 12 марта 1963 г. Были приняты указ президиума Верховного Совета СССР о лишении его звания Героя Советского Союза и постановление Совета Министров СССР о понижении в звании.

О наказании Серова Хрущев проинформировал пленум ЦК КПСС на вечернем заседании 21 июня 1963 г. В вину ему поставили вторичный прием на работу в военную разведку Пеньковского[87]. Вообще говоря, Серов еще легко отделался. На этом же пленарном заседании Хрущев метал громы и молнии, поставив на голосование вопрос о выводе из кандидатов в члены ЦК КПСС главного маршала артиллерии С. С. Варенцова - покровителя Пеньковского. Заявив, что у Варенцова много заслуг, Хрущев продолжил: "Но, как говорится, ты мне брат, а партия мне мать. Поэтому я не могу иначе. Я ценил его как генерала, как артиллериста, но тут вопросы политические, вопросы партийного порядка, и он не достоин быть среди членов и кандидатов в члены ЦК. Вот мое мнение"[88]. С возмущением отметив, что Пеньковский "влез в душу" к Варенцову, Хрущев добавил: "Я опять повторяю, может быть, мы малую меру принимаем против него только в партийном порядке, а может быть, надо было бы его судить за это дело, потому что он много болтал и много выболтал. Особенно он не знал, он не знал о стратегических наших ракетах, но о тактических ракетах все рассказал, то что Варенцов знал, все собственно рассказал. Вот каково положение"[89]. За исключение С. С. Варенцова из кандидатов в члены ЦК КПСС Пленум проголосовал единогласно.

Между тем Хрущев по-прежнему благоволил Серову, хотя и полагал, что тот наказан заслуженно. Позднее в своих воспоминаниях он писал: "... Серову я доверял. Я считал и сейчас считаю, что Серов - очень честный человек в своей партийности, и если что за ним и было, как за всеми, так сказать, чекистами, то он здесь тоже стал, ну, жертвой общей политики, которую проводил Сталин"[90].

После снятия с должности начальника ГРУ Серов был назначен помощником командующего Туркестанским военным округом по учебным заведениям, а с августа 1963 г. занимал такую же должность в Приволжском ВО. Приказом министра обороны СССР № 240 от 1 сентября 1965 г. он был уволен в запас Вооруженных Сил по болезни.

Снятие в октябре 1964 г. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК обрадовало и воодушевило Серова. У него появилась надежда выйти из опалы и выбраться из провинциального Куйбышева. Он буквально бомбардирует Кремль своими заявлениями. С ноября 1964 г. по июнь 1965 г. он написал 8 заявлений. Тем не менее, Брежнев не пошел ему навстречу. Но вернуться в Москву Серову удалось. В 60 лет он стал военным пенсионером, состоящим на учете во Фрунзенском райвоенкомате г. Москвы. В своих заявлениях он просил восстановить его в званиях генерала армии и Героя. Результат был обратным, 9 апреля 1965 г. КПК при ЦК КПСС рассмотрела его персональное дело и исключила из партии за "нарушения социалистической законности и использование служебного положения в личных целях".

В апреле 1975 г. (перед празднованием 30-летия Победы), ноябре 1982 (с приходом к власти Ю. В. Андропова) и марте 1985 гг. (с вступлением на пост Генсека М. С. Горбачева) Серов обращался с заявлениями в политбюро ЦК КПСС, просил снять с него "тяжелые

взыскания". Ни одна из этих просьб не была удовлетворена. Горбачев 29 марта 1985 г. наложил резолюцию: "Тов. Соломенцеву М. С., тов. Савинкину Н. И. Прошу рассмотреть"[91]. Председатель КПК при ЦК КПСС Соломенцев и заведующий отделом административных органов ЦК КПСС Савинкин подготовили 18 апреля 1985 г. заключение по заявлению Серова и направили Горбачеву. В нем подтверждалось выдвинутое ранее обвинение в том, что Пеньковский посещал дом Серова и поддерживал связь с членами его семьи, а также отмечалось, что Серов в своих письмах "проявляет нескромность, пытается преувеличить свои заслуги и преуменьшить вину... ", и далее - "Полагаем, что оснований для пересмотра принятых решений о Серове не имеется"[92]. Серов умер 1 июля 1990 г. Ни одна газета не сообщила о его кончине.

Серов унес в могилу многие тайны советского режима. Он сделал попытку написать мемуары. Правда, при этом недооценил своих бывших коллег. О его замыслах узнал Андропов и 12 февраля 1971 г. доложил в ЦК КПСС:

"Комитетом госбезопасности получены данные о том, что бывший председатель КГБ при СМ СССР Серов И. А. в течение последних 2-х лет занят написанием воспоминаний о своей политической и государственной деятельности.

Толчком к написанию воспоминаний послужил выход в феврале 1969 года книги маршала Жукова, прочтя которую Серов И. А. в своем окружении заявил, что сможет написать «о вещах более интересных и исторически точнее».

При работе над воспоминаниями Серов И. А. использует свои записные книжки довоенного периода, готовые материалы печатает его жена.

Серов И. А. считает свою задачу более сложной, чем у Жукова, так как в связи с занимаемым им в прошлом постом он знал много государственных секретов и испытывает сомнение «можно ли это сейчас доверить бумаге».

Свои воспоминания Серов И. А. еще никому не показывал, хотя его близкому окружению известно о их существовании.

Председатель Комитета госбезопасности
Андропов".

Мы не знаем, что стало с воспоминаниями Серова. Были ли они изъяты КГБ, либо сохранились у родственников. Быть может, они когда-нибудь увидят свет, хотя трудно сказать, будут ли мемуары Серова достаточно правдивыми, учитывая время их написания и сомнения Серова в том, что все можно доверить бумаге.

Примечания

[1] См.: Pietrow N. "Cien Sierowa" // KARTA / Warszawa / 1992. № 9. P. 79-84; Бажан О. Слуга, або фрагменти життя генерала Серова // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Київ, 1994. № 1; Paggish M. "The Lesser Terror" Westport, Connecticut-London, 1996. P. 294-297.

[2] Некрасов В. Ф. Тринадцать "железных" наркомов. М., 1995. С. 317.

[3] Шрейдер М. НКВД изнутри. М., 1995. С. 228. Шрейдеру довелось выжить. Как он вспоминал, в 1958 г. на одном торжественном вечере в КГБ он оказался в президиуме рядом с Серовым. Тот сначала сделал вид, что не помнит его, а затем изрек: "А о прошлом надо постараться забыть".

[4] Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 125-126. Об этом эпизоде имеется свидетельство и другого мемуариста. Серов бесцеремонно, по-солдафонски ухаживая за Бандровской-Турской, своей властью отпугивал прочих ухажеров и в их числе будущего переводчика Сталина - Валентина Бережкова. В своей книге Бережков пишет о том, что Бандровска-Турска боялась Серова: "Меня с ним знакомили... Я его боюсь", - говорила она. Серов же, неизменно посещавший оперу, приветствовал певицу "нагловатой усмешкой". Однажды, увидев в числе спутников певицы Бережкова, Серов вызвал его за кулисы и в категоричной форме потребовал от него прекратить знакомство, а на недоуменный вопрос Бережкова о причинах запрета ответил, - ".. мы намерены работать с ней, и никто тут не должен вмешиваться". См.: Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 298—299.

[5] Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 87.

[6] Хрущев С. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 204.

[7] Вперед (село Ново-Астрахань, Ворошиловградской обл.). 1941. 5 января.

[8] Большая Советская Энциклопедия (2-е изд.). М., 1958. Т. 51. С. 268.

[9] ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 65, л. 71-74.

[10] Там же, д. 65, л. 396-399; д. 66, л. 11-12.

[11] Там же, д. 66, л. 114-115.

[12] Хрущев Н. Воспоминания: Избранные отрывки. Чалидзе Пабликейшенс. Нью-Йорк, 1982. С. 62.

[13] Там же
[14] НКВД и польское подполье 1944-1945 М, 1994 С 43-51
[15] Там же С. 86
[16] ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 66, л. 354-355, 365-367, 369-370, 374-375, 380-383
[17] Там же, л 384
[18] НКВД и польское подполье. 1944-1945, С. 58-59, 82-83
[19] ГА РФ, ф. 9401, оп. 1, д. 2226, л. 113-121
[20] Там же
[21] Там же, д. 2212, л. 123-124
[22] Центр хранения современной документации (ЦХСД), ф. 5, оп. 94, д. 50, л. 10
[23] НКВД и польское подполье. 1944-1945, С. 130-135
[24] Архив Президента Российской Федерации (далее - АН РФ), ф. 3, оп. 58, д. 8, л. 52-54
[25] ГА РФ ф. 9401, оп. 2, д. 138, л. 395-399
[26] Центральный архив Федеральной службы безопасности (далее - ЦА ФСБ) ф. 4 ос, оп. 3, д. 24, л. 159-160
[27] Там же, ф. 14 ос, оп. 1, д. 15, л. 39-45
[28] ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 98, л. 320
[29] Там же, д. 134, л. 231-232
[30] АП РФ, ф 3, оп. 58, д. 28, л. 147-153
[31] Это письмо Серов написал на следующее утро после визита к Сталину. Возможно, Сталин пересказал Серову некоторые обвинения Абакумова, который был у Сталина в тот же день, что и Серов, только полутора часами раньше. См.: Исторический Архив, 1996 №4 С. 130. Серов был последним посетителем. Больше Сталин в Кремле никого не принимал и вскоре уехал до середины декабря 1946 г. в отпуск, предоставив министрам разбираться самим.
[32] ЦА ФСБ, ф. 4 ос, оп. 4, д. 16, л. 163-164
[33] Там же
[34] Там же, оп. 5, д 9, л. 439
[35] ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 138, л. 304-306
[36] Там же, д. 150, л. 295-317
[37] Там же, д. 177, л. 113-115
[38] ЦА ФСБ, ф. 4-ос, оп. 5, д. 12, л. 518-529
[39] Там же
[40] Там же, д. 21, л. 232-235
[41] Там же, д. 22, л. 18-22
[42] Там же
[43] Там же, оп. 6, д. 2, л. 39-63
[44] Там же, д. 4, л. 145-168
[45] Там же
[46] Там же, л. 531
[47] Там же, ф. 5-ос, оп. 1, д. 36, л. 363-364. Клепов был осужден и работал на Волго-Донском канале. Освобожден в 1953 г. В 1954 г. Клепов реабилитирован, имеет звание генерала в отставке (запасе), но в партии его не восстановили, работал штамповщиком на одном из московских заводов.
[48] Военные архивы России. 1993, I выпуск, С. 196-207
[49] Там же, С. 208- 213
[50] Там же
[51] Министр госбезопасности Татарии — генерал-майор Алексей Матвеевич Сиднев был арестован 31 января 1948 г и решением Особого Совещания при МГБ СССР от 6 октября 1951 г направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Позднее решением 3-го Управления МВД СССР от 25 июля 1953 г был из-под стражи освобожден, и дело против него было прекращено Министр госбезопасности Кабардинской АССР генерал-майор Григорий Акимович Бежанов был арестован 10 декабря 1947 г и осужден Военной коллегией Верховного суда 17 октября 1951 г. по Указу ЦИК от 7 08 32 г и статьям 193-17 а УК РСФСР на 10 лет лишения свободы. Определением Верховного суда СССР от 23 июля 1953 г приговор по его делу был отменен, дело прекращено и Бежанов был полностью реабилитирован.
[52] ЦА ФСБ, ф. 4-ос, оп. 11 д. 31, л. 98-137
[53] Там же
[54] Но не Сталин. После введения вновь в январе 1950 г смертной казни он в апреле 1950 г. подписал первый список на расстрел. В нем был и Федосеев, его расстреляли 18 апреля одним из первых. Абакумов и Власик, опасаясь, что Сталин может вновь потребовать дополнительного расследования, спасать Федосеева

не стали В 1956 г Федосеев был реабилитирован См.: Расстрельные списки//Вечерняя Москва. 16 мая 1994 г

[55] ЦА ФСБ, ф. 4-ос, оп. 9, д. 18, л. 161-162

[56] Там же, оп. 6, д. 18, л. 391—394. И хотя Жуков оставался командующим Уральским ВО, уже в марте 1950 г. Сталин проявил милость к маршалу и разрешил ему быть депутатом Верховного Совета СССР. О реакции на это Жукова 7 июля 1950 г. было доложено Сталину. В сообщении Абакумова говорилось, что артистам ГАБТ, находившимся на гастролях в Свердловске, Жуков заявил, что ему везде хорошо и за него хорошо голосовали на выборах в Верховный Совет, особенно ссыльные, вот где у меня друзья -сказал Жуков и добавил с опаской: " Как бы меня к ним не приобщили. " (ЦА ФСБ, ф. 4-ос, оп. 8, д. 7, л. 158-159)

[57] ГА РФ. Фонд рассекреченных приказов. Распоряжение МВД № 92, 25. 02. 47 г

[58] Там же. Приказание МВД № 436, 19. 07. 48 г.

[59] Там же. Распоряжение МВД № 155, 10. 02. 51 г.

[60] Там же. Распоряжение МВД № 6, 3. 01. 53 г.

[61] Там же. Приказание МВД, 20. 03. 53 г.

[62] ЦХСД. Решение Президиума ЦК КПСС П10/I (особая папка), 26. 06. 53 г.

[63] ГА РФ. Фонд рассекреченных приказов. Распоряжение МВД № 73, 30. 07. 53 г.

[64] ЦХСД. Решение ЦК КПСС П43/Х, 10 декабря 1953 г.

[65] Там же. Решение Президиума ЦК КПСС П50/II, 8. 02. 54 г., Решение Политбюро П54/49 от 12 03 54 г

[66] Там же. Решение Президиума ЦК КПСС ПбЗ/V (особая папка), 4. 05. 54 г

[67] ЦХСД, ф. 2 оп. 1, д. 224, л. 59-60

[68] Там же

[69] Решение Президиума ЦК КПСС П/67/24, 31. 05. 54 г. и Секретариата ЦК КПСС, Ст. 56/171 гс, 14. 04. 54г.

[70] Эта цифра включала и уголовных преступников. Позднее, в материалах КГБ за 1954 г. говорилось, что справочная картотека на осужденных политических и уголовных преступников ведется с 1918 г. и насчитывает 28 млн. карточек.

[71] ЦАФСБ, ф. 4-ос, оп. 11, д. 16, л. 102-139

[72] Неизвестная Россия. XX век. М, 1992, Т. 1, С. 272

[73] ЦА ФСБ, ф. 5-ос, оп. 3, д. 37, л. 359

[74] Петров Н. Политика руководства КГБ в отношении архивного дела была преступной // Карта Рязань, 1993, №1 С. 4-5

[75] Награжден указом Президиума Верховного Совета СССР 18 декабря 1956 г

[76] Исторический архив. 1993, № 3, С. 35

[77] По официальной судебной статистике за контрреволюционные преступления, расследованные в КГБ, осуждено в 1954 г. - 2142 человека, в 1955 г. - 1069, в 1956 г. - 623, в 1957 г. - 2498, в 1958 г. - 1545 (для сравнения, в 1959 г. - 992 человека). См.: Даниэль А, Рогинский А. Справка о результатах обобщения судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях // Мемориал-Аспект, Сентябрь 1994 г. № 10-11, С. 8

[78] ЦХСД. Решение Президиума ЦК КПСС П177/IX, 31. 12. 55 г.

[79] Эндрю К, Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М, 1992, С. 460-461

[80] Исторический архив. 1993 №3, С. 57-58 Подобное высказывание Жукова не случайно К 1957 г. его отношения с Серовым не были внешне такими доброжелательными, как в 1945—47 гг. Жуков всегда относился с подозрением и ненавистью к органам, справедливо полагая, что нечего ждать от них хорошего. Теперь, по своему положению, они были главами соперничающих ведомств. Некоторые усилия приложил здесь и Хрущев, интригами добиваясь отдаления Серова от Жукова. Их заступничество друг за друга пугало Хрущева. Когда Жукова отправляли в отставку, Хрущев пытался его изобразить еще и мелким интриганом. 29 октября 1957 г. на вечернем заседании Пленума ЦК КПСС Хрущев сказал «Жуков заявил Серову: "Не верь Хрущеву, я ему не говорил, что тебя надо снять", и далее добавил, что в действительности Жуков все же говорил о необходимости снятия с должности Серова. См.: ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 272, л. 43

[81] Исторический архив. 1993 № 3, С. 58, 67

[82] Там же. № 4, С. 7-8. Хрущев так прояснил обстоятельства: "И пошел я не потому, что хотел в бане париться, а считал бестактным отказаться. Вместе со мной были тт. Михайлов, Серов и работник нашего посольства в Финляндии тов. Котов. С их стороны были Кекконен и генерал Грюнвальд" (там же). Но Молотов упорствовал: "Можно было бы достойнее вести себя в Финляндии для Первого секретаря", ему тут же возразил Руденко: "А вы считали достойным ехать к Гитлеру?", тут уж Молотов не нашелся что сказать (там же).

[83] ЦХСД. Решение Президиума ЦК КПСС П6/XXXП, 16. 03. 56 г.

[84] ЦАФСБ, ф. 5-ос, оп. 2, д 25, л. 118-125
[85] Шектер Дж, Дерябин П. Шпион, который спас мир. М, 1993, Т. 1, С. 148
[86] Хрущев С. Никита Хрущев: кризисы и ракеты, Т 2. С 435-436
[87] ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 642, л. 40
[88] Там же, л. 41-42
[89] Там же
[90] Хрущев Н. Воспоминания. Избранные отрывки, С. 156
[91] ЦХСД, ф. 5, оп. 94, д. 50, л. 5-17
[92] Там же
[93] Запад похоронил Серова гораздо раньше. Там долгое время полагали, что он умер в 60 х гг. Версия скорой, после отставки, гибели Серова изложена в книге Эндрю и Гордиевского. Они пишут, что вскоре после снятия с должности начальника ГРУ, после тяжелого запоя "Серов застрелился в одном из арбатских дворов. Единственным сообщением о его смерти, - говорится далее, — была небольшая заметка, подписанная анонимной группой бывших товарищей". См.: Эндрю К., Гордиевский О. Указ. соч. С. 481. В качестве источника этой информации ими были использованы воспоминания Джирквелова. См.: Dzhirkvelov I. Secret Servant. L., Collins, 1987. P. 65, 147. Вероятнее всего, перебежавший на Запад Джирквелов перепутал начальника ГРУ И. А. Серова с помощником военного атташе при посольстве СССР в КНДР в 1961-1965 гг. И. А. Серовым, инициалы которых, как видим, совпадали.

Революции в России

© 1997 г. **Е. Г. ГИМПЕЛЬСОН***

СОВЕТСКИЕ УПРАВЛЕНЦЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НРАВСТВЕННЫЙ ОБЛИК (1917-1920 гг.)

Специфика каждой страны, ее истории, условий, в которых совершается революционный переворот и его политический характер, определяют общественно-значимые черты, качества новых "носителей власти". В предлагаемой статье предпринята попытка показать процесс формирования этих качеств, политического и нравственного облика советских управленцев в начальный период становления тоталитарного режима - в годы Гражданской войны, во многом определившей стиль, методы, приемы деятельности советской власти на всем протяжении ее истории.

Революция прервала кадровую преемственность и вытолкнула к власти людей из разных социальных слоев. В отличие от буржуазных революций, где приход к власти новых социальных сил определялся главным образом экономическими факторами, в Октябрьской решающим началом был фактор политический. К власти пришли большевистские кадры. Они тут же заняли командные посты в создаваемой государственной системе.

Размышляя об увиденном в России в 1920 г., английский философ Бертран Рассел разделил руководящие круги коммунистической партии (а следовательно, и страны) на три группы. "Это, во-первых, старая гвардия революционеров, испытанных годами преследований. Эти люди занимают большую часть высоких постов. Тюрьмы и ссылки сделали их несгибаемыми и фанатичными и до некоторой степени оторвали их от собственной страны. Это честнейшие люди с глубочайшей верой в то, что коммунизм возродит весь мир... Они безжалостны, преследуя коррупцию или пьянство, когда подобные вещи случаются среди чиновников, но они создали систему, при которой соблазн мелкой коррупции огромен, и их собственная материалистическая теория должна бы убедить их в том, что при такой системе коррупция должна быть безудержной". Ниже верхушки правящей пирамиды, по Расселу, политические посты занимала группа, состоявшая "из карьеристов, ставших ревностными большевиками по причинам материального успеха большевиков". К третьей группе английский философ отнес людей, "не являющихся ревностными коммунистами, но которые сплотились вокруг правительства, поскольку оно оказалось стабильным"[1].

Иначе и не могло быть, поскольку и сама РКП(б), из которой черпались кадры "носителей власти", состояла из подобного "конгломерата" людей. "Источником всех бед и неприятностей, которые мы испытываем в настоящее время, - говорил Л. Б. Красин в 1921 г., - является то, что Коммунистическая партия на 10 процентов состоит из убежденных идеалистов, готовых умереть за идею, но неспособных жить за нее, и на 90 процентов из бессовестных приспособленцев, вступивших в нее, чтобы получить должность"[2]. Конечно, более-менее точное соотношение тех и других в советских органах власти установить невозможно, во всяком случае, "источник всех бед и неприятностей" был хорошо известен Красину, занимавшему руководящие посты в государстве. Впрочем, наплыв в органы власти карьеристов не был присущ лишь только народившемуся режиму. Подобное происходило во все времена, когда обстановка, возникшая в период разрушения устоявшегося государственного строя и формирования нового, благоприятствовала заполнению ячеек власти случайными, далекими от целей революции элементами.

У пришедших к власти после Октябрьской революции были черты, объединявшие эту

***Гимпельсон Ефим Гилевич,** доктор исторических наук. Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект № 96-01-00021).

многоликую массу. Одна из них - идеологическое единомыслие, у одних - искреннее, у других - лукавое, лицемерное, афишируемое в целях занятия государственных постов. Выражалось оно в обязательной приверженности марксистско-большевистским догмам.

Другая общая черта большевистских кадров, проявившаяся вскоре после их прихода к власти, - политическая нетерпимость и максимализм: у одних это шло от фанатизма, жажды скорее, с сегодня на завтра, претворить в жизнь овладевшую ими идею, от жертвенности во имя "прекрасного будущего"; у других - от спекуляции идеей. Те и другие воспринимали лозунги пропагандистского характера прямолинейно, однозначно. Сказывалась и революционно-романтическая "военно-коммунистическая" идеология: "Мы строим коммунизм ускоренно, непосредственно, значит - "кто не с нами, тот наш враг". Врага же надо уничтожать, во всяком случае изолировать. Саркастически начертанный в романе Д. Оруэлла "1984" образ "партийца" станет присущ носителю новой власти: ему "не положено иметь никаких личных чувств и никаких перерывов в энтузиазме. Он должен жить в постоянном неистовстве - ненавидя внешних врагов и внутренних изменников, торжествуя очередную победу, преклоняясь перед могуществом и мудростью партии"[3].

Политические нравы партийно-государственных кадров советской власти формировались под влиянием различных факторов. Для одних важную роль сыграли детские годы, проведенные в условиях нужды, тяжелой материальной жизни. А. Г. Шляпников - выходец из бедной старообрядческой семьи, ставший одним из членов первого советского правительства, вспоминал: "Религиозные преследования, преследования улицы, преследования школы, бедность и лишения в семье - все это располагало мои детские мечты и настроения на борьбу и мучения"[4]. Далее он, как и другие подобные ему, оказывался под влиянием настроений недовольства, жажды борьбы с эксплуататорами на заводах и фабриках. Революционное "воспитание" людей, происходивших из мещанской или дворянской и буржуазной среды, материально обеспеченных, обычно начиналось в гимназические и университетские годы с чтения революционной и просто демократической литературы, которой увлекалась молодежь, возмущавшаяся несправедливостью и жестокостью, совершавшимися в обществе. После вступления на революционный путь она оказывалась под прессом преследований власти, многие переходили на нелегальное положение, попадали в тюрьмы и ссылки с их суровым бытом и издевательствами. Все это, в дополнение к идеологии большевиков, возбуждавшей ненависть к "врагам пролетариата", формировало их нравы, черты характера, психологию. Эти черты оттачивались участием в борьбе политических страстей, ожесточенных идейных схватках.

Сказывалось и влияние мировой войны. Как отмечал Н. А. Бердяев, "война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устроение жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе"; "новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он прошел через дисциплину военную и партийную. Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям свойственно было ressentiment* по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести"[5].

Революция "родилась" из мировой войны и унаследовала от нее психологию войны, падение ценности человеческой жизни. Эта психология особенно "обогатилась" в ходе Гражданской войны. Был провозглашен лозунг "Фронт и тыл едины", предполагавший единство в поддержке большевистской власти. Но реальностью этого лозунга было только то, что методы фронта переносились на тыл. Другой лозунг Гражданской войны - "все для войны, все для победы" - способствовал утверждению уверенности людей, вознесенных революцией к власти, в том, что цель - победа во имя прекрасного будущего - оправдывает все средства для ее достижения.

Политическая культура, психология, навыки деятельности новых управленцев формировались в атмосфере чрезвычайщины, разрухи, голода, деклассирования трудящихся, крайнего централизма власти, "боевых приказов". Немалую роль играла трактовка диктатуры пролетариата как подавление прежде господствовавших классов, по отношению к которым не обязательно соблюдать нормы законности. На VIII съезде РКП(б) в 1919 г. Н. В. Крыленко, занимавший важный пост в системе правосудия (председатель революционного

*Обида, злопамятство *(фр)*.

трибунала при ВЦИК), говорил: "В эпоху диктатуры пролетариата мы должны, в силу целого ряда обстоятельств, переходить к формам чрезвычайной судебной расправы"[6]. Политическая установка - относиться к человеку в зависимости от его классовой принадлежности - закрепляла в сознании образ "врага" и определяла соответствующее к нему отношение, что благоприятствовало проведению политики, направленной на раскол общества. Все это дополнялось жесткой партийной дисциплиной, безоговорочным выполнением приказов и указаний партийных верхов. Беспрекословное подчинение руководству своей партии, идеологический прессинг оказывали сильное воздействие на умонастроения государственных кадров. Под дирижерством партийно-государственного Олимпа формировался стандартизированный тип руководителя - "несгибаемого борца", врага компромиссов - со стереотипным безапелляционным сознанием, черно-белым видением происходящих событий и одномерным классовым подходом к личности: "товарищ - враг".

Процесс выработки общих черт кадров советской власти, начавшийся после Октябрьского переворота и усилившийся в условиях Гражданской войны, продолжался и в последующие годы.

Более позднее выражение Сталина "кадры решают все" есть обобщение взглядов РКП(б) по вопросу об их роли в государстве диктатуры пролетариата. С первых дней революции практика выдвижения кадров во властных структурах была подчинена созданию слоя аппаратчиков для проведения политики партии. На XI съезде РКП(б) в 1922 г. Ленин сказал вполне определенно: "... Если у ЦК отнимается право распоряжаться распределением людей, то он не сможет направлять политику"[7]. Имея свои кадры, возглавившие все государственные структуры и опиравшиеся на вооруженную силу (ВЧК, армейские части, милиция), РКП(б) получила возможность направлять и осуществлять ее.

Изгнание из органов власти и управления представителей небольшевистских партий способствовало бесконтрольности руководящих кадров, проникавшихся убеждением, что им "все позволено". 1 сентября 1918 г., откликаясь на ранение Ленина, "Правда" в передовой статье провозгласила: "Отныне наступил момент борьбы не на живот, а на смерть, когда все средства дозволены". "Нам все дозволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства", -писала газета "Красный меч" 18 августа 1919 г.

Убежденные в том, что "цель оправдывает средства", большевистские руководители органов советской власти теряли представление о том, что нравственно и безнравственно. Этому способствовали отрицание религиозных ценностей и "теоретический" постулат: нравственно все то, что служит интересам пролетариата, а также деление законности на "буржуазную" и "революционную". Еще до Октябрьского переворота большевики, отвергая "буржуазную" законность, предполагали руководствоваться "классовым пролетарским правосознанием". В сентябре 1917 г. будущий советский нарком юстиции П. И. Стучка писал: "Когда надо избавиться во время революции от противников революции, есть только одно средство — революционный трибунал, который руководствуется только своей политической совестью, а не лицемерной ссылкой на закон"[8]. Термин "революционная законность", употреблявшийся после Октября, подразумевал правовое "поле", создаваемое советской властью принимаемыми ею декретами, постановлениями и различного рода юридическими актами. Шестой Чрезвычайный съезд Советов (ноябрь 1918 г.) в постановлении "О революционной законности" констатировал: "За год революционной борьбы рабочий класс России выработал основы законов Российской Социалистической Федеративной Республики, точное соблюдение которых необходимо для дальнейшего развития и укрепления власти рабочих и крестьян России". Съезд призвал всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц к строжайшему соблюдению законов РСФСР[9]. Однако само это постановление верховного органа власти страны содержало в себе противоречие: с одной стороны - в нем был призыв к строгому соблюдению законов РСФСР, с другой - в экстренных случаях допускались меры, не предусмотренные законодательством. В наброске тезисов постановлений съезда Ленин писал, что "экстренные меры войны с контрреволюцией не должны ограничиваться законами"[10]. Выдвигалось требование к правосудию -руководствоваться "революционным правосознанием". В "Ежегоднике советской юстиции" читаем: "Значит ли, что изданием писаных законов революционное правосознание, как база решений и приговоров, сдается в архив? Отнюдь, нет. Революцию в архив еще никто не сдал, и революционное правосознание должно проходить красной нитью в каждом приговоре или решении; оно лишь ограничено писаными нормами, но оно не упразднено"[11]. К тому же, по многим вопросам не было и самих законов, а ликвидация прокуратуры автоматически способствовала ликвидации прокурорского надзора за законностью.

Наделение же властных органов чрезвычайными полномочиями (ВЧК, ревтрибуналы и пр.) создавало простор для произвола, разгула беззаконий властей.

Творили беззакония не только нечестные, наделенные властью работники, преследовавшие корыстные цели, или по соображениям политическим (ненависть к "богатеям", частным собственникам и пр.). Произвол допускали и субъективно честные управленцы вследствие низкого политического и общекультурного уровня, по своему разумению толковавшие принимающиеся в центре законы.

Были тогда и свои нагульновы, искренне считавшие, что угрожая своему же брату-крестьянину наганом и каталажкой, можно его (" в его же интересах") сделать коммунистом и в конечном счете быстро прийти к коммунизму. Такая практика стимулировалась идеологией правящей партии, исходившей, в частности, из иллюзии, будто насильственными мерами можно ускорить переход в новое общество. Инструктор НКВД в информации по Елатомскому уезду (Тамбовской губернии) за первую половину 1919 г. писал: "Отношение крестьян... к местным Советам натянутое и недружелюбное ввиду того, что местная власть грубо и цинично подходит к населению, проводит все распоряжения часто по-чиновничьи, приказами, а иногда и угрозами... "[12]. В беседе с крестьянами села Рузаевка Пензенской губернии 8 мая 1919 г. председатель ВЦИК М. И. Калинин спрашивал: "Не бывает ли у вас каких-нибудь незаконных конфискаций, арестов, незаконных распоряжений, может быть члены исполкомов для собственной надобности берут продукты, или занимают квартиры? -Голоса из толпы: Сколько угодно"[13]. Член Президиума ВЦИК П. Г. Смидович в докладе об антисоветских выступлениях в волостях Тульской и Рязанской губерний в ноябре 1918 г. говорил, что одной из причин их возникновения был произвол, злоупотребления советских работников[14]. В начале 1919 г. нарком внутренних дел Г. И. Петровский получил из Сызранского уезда Пензенской губернии письмо, в котором сообщалось о вопиющем произволе, творимом местными властями, "наскоро испеченными коммунистами, совершенно не способными разбираться в вопросах государственной политики... Производят же все это люди, до революции известные местному населению с самых дурных сторон, люди зачастую с уголовным прошлым"[15].

Полномочный представитель Наркомзема на Кавказе в июле 1920 г. телеграфировал Ленину и Калинину: "Я обращаю ваше внимание на растущее среди ставропольских крестьян недовольство своеволием, вымогательствами комиссаров, непродуманной продовольственной политикой, пренебрежением интересами крестьянства со стороны ревкомов, чрезвычаек, оставленных людей малоопытных в управлении, лишенных государственного понимания очередных задач, беззаботных в отношении правильного направления аграрной политики. Есть уже факты крестьянских восстаний, начинаются расстрелы крестьян, арестуются крестьянские исполкомы. Хорошо зная лично губернию, отношу появление недовольства крестьян всецело за счет убожества ревкомовского правления... "[16]. Сообщение такого же содержания он направил в Северо-Кавказский ревком. Заканчивалось оно словами: "Если верно, что через четыре месяца по появлении на Северном Кавказе "освободителей"-большевиков Советская власть вынуждена укреплять себя крестьянскими трупами, хорошего ждать трудно, имея в виду соседство Кубанского казачьего войска"[17].

Многообразны были должностные злоупотребления представителей власти. Одно из них - взяточничество. Широко распространенное во все времена среди российского чиновничества, оно заявило о себе уже вскоре после установления "пролетарской" власти. 8 мая 1918 г. Совнарком принял декрет о наказаниях тех, кто принуждал к взятке, и тех, кто ее давал. Он предусматривал лишение свободы на срок не менее 5 лет и к принудительным работам[18]. Однако угроза сурового наказания эффекта не давала. Более того, это зло приняло такие масштабы, что вопрос о нем рассматривался спустя год на пленуме ЦК РКП(б). Было признано необходимым развернуть в прессе кампанию против взяточничества и лиц, совершающих должностные преступления[19].

Поскольку обесцененные деньги мало что значили, то более существенной формой взятки была выдача "нужным людям" дефицитных товаров и продовольствия. "В таком положении, - говорил Г. Е. Зиновьев на Восьмом съезде Советов (декабрь 1920 г.), - были тысячи и десятки тысяч работников Советской России"[20].

Реалии жизни показали тщетность расчетов на то, что декретами, наказаниями и кампаниями можно покончить со взяточничеством тех, кто оказался у кормила власти, взяточничеством, питавшимся традициями российской бюрократии и тяжелейшим экономическим положением Советской России. Оно процветало во время Гражданской войны, неистребимо было во все годы советской власти и перешло в постсоветское время, когда в

условиях "дикого рынка" и развала хозяйства оно стало как бы составной частью экономических отношений.

"Нет сомнения, что мы живем в море беззаконности", - признал Ленин вскоре после окончания Гражданской войны, в мае 1922 г. [21].

Конечно, с явными злоупотреблениями, преступными действиями властей предержащих велась борьба. Нередко жестоко наказывались те, кто своим поведением "порочил советскую власть" (термин, обычно применявшийся в таких случаях). Сурово они наказывались за пьянство: несмотря на "сухой закон" оно было частым явлением, особенно на местах. На заседании Владимирского губернского исполкома в октябре 1918 г. отмечалось, что имеются случаи "нетрезвого поведения" членов исполкома. Принимая во внимание, что "недостойное поведение некоторых товарищей ложится темным пятном на всех советских работников", губисполком постановил: "Тех товарищей, которые будут замечены в нетрезвом виде, подвергать аресту и в крайнем случае даже расстрелу"[22].

"Военно-коммунистическая" идеология, возникшая и развивавшаяся в условиях стихии революции и Гражданской войны, играла немалую роль в формировании психологии "носителей власти". Казалось, что советская государственная система, основанная на строжайшей централизации управления, позволит форсированно вводить в жизнь коммунистические начала. Национализированная промышленность представлялась экономической базой социализма, собственностью, которой пока владеет рабочий класс, а в перспективе - весь народ (в действительности, как показала история, она станет корпоративной собственностью тех, кто управлял страной). Из "военно-коммунистической" идеологии следовало, что коммунизм можно строить методами принуждения. "Пролетарское принуждение, - писал Н. И. Бухарин, - во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи"[23]. В тезисах ЦК РКП(б) IX съезду партии (март - апрель 1920 г.) "О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд "говорилось: "В переходной стадии развития... переход к планомерно организованному общественному труду немыслим без мер принуждения как в отношении к паразитическим элементам, так и в отношении к отсталым элементам крестьянства и самого рабочего класса. Орудием государственного принуждения является его военная сила"[24]. Подобные "теоретические" положения питали сознание, умонастроения советских кадров и оказывали влияние на их практическую деятельность.

Даже лучшие из них по своим человеческим качествам, попадая на государственные посты из большевистской кадровой "обоймы", действовали в условиях чрезвычайщины диктаторскими приказными методами, деформировавшими саму личность. Уже в 1918 г. М. Горький заметил, что Ленин и Троцкий "отравились властью"[25]. Это же можно сказать о многих, если не о большинстве, руководителей-управленцев. За несколько лет кровавой Гражданской войны "яд власти" продолжал формировать большевизм. Он заметно сказался на характере, нравственном облике носителей власти, исчезали притягательные черты, которыми многие ранее обладали, происходили сдвиги в идеологических устоях, появлялась уверенность в своей непогрешимости и политической оправданности применения любых средств для достижения цели.

Например, А. И. Рыков - крупный советский государственный и хозяйственный руководитель. Лично честный, с демократическими чертами характера, он слыл среди коммунистических "верхов" либералом, конечно, в том негативном смысле, как этот термин употреблялся большевиками. В частности, неодобрение вызывало то, что к работе в структурах его ведомства (ВСНХ) было допущено немало меньшевиков и эсеров в качестве специалистов. Он в партии был среди тех, кто не раз выступал против единоначалия, диктаторства. Однако, назначенный на должность чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны по снабжению Красной Армии и Красного Флота и получив широкие полномочия, он стал действовать вопреки тому, на чем раньше настаивал - именно методами единоначалия и диктаторства. Первое, с чего он начал - бронирование всех запасов в стране, всего, что необходимо было для армии. На Восьмом Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. он говорил: "Я не мог бы справиться со снабжением армии, если бы этого не сделал. Армия росла... Снабдить ее можно было только собрав все в единый кулак... Был издан приказ, которым все сукно, где бы оно не находилось, кому бы оно ни принадлежало, забронировать. И тот, кто не выполнял бы этого постановления, был бы предан суду[26]. В конечном счете, он стал проводником жесткой военно-коммунис-

тической" политики. Его временные отклонения от "генеральной линии" не меняли главного: свои способности и огромную работоспособность он посвятил реализации большевистского эксперимента по "строительству социализма".

Другой пример - нарком продовольствия А. Д. Цюрупа. Это был человек мягкий, уступчивый. "Всегда скромный, всегда простой, всегда доступный... не щадящий себя, ни на минуту не задумывавшийся о самом себе", [27] - вспоминал о нем Г. М. Кржижановский в 1928 г. Е. В. Пашковский, хорошо знавший Цюрупу по работе в Совнаркоме, писал о нем, что его характерной чертой была "скромность, граничащая с явным умалением себя"[28]. Однако когда дело касалось советской политики, он проявлял не "мягкость", не "уступчивость", а большевистскую неуступчивость и жестокость. Именно А. Д. Цюрупа был автором проектов антикрестьянских декретов о продовольственной диктатуре и о комбедах, сыгравших большую роль в ужесточении Гражданской войны.

О Л. Б. Красине, занимавшем посты наркома торговли и промышленности, члена Президиума ВСНХ, писали многие современники. Сошлюсь лишь на характеристики, данные ему Г. А. Соломоном, который был с ним знаком с юных лет, а в 1920 г. часто общался по работе. Он знал Красина как человека "доброго и крайне доверчивого, которого, к сожалению, часто обманывали самые форменные негодяи, сильно компрометируя его", не желая того, он отогрел "на своей груде не одного темного героя". "Красин относился очень терпеливо к людям и их взглядам, в частности, был чужд того беспардонного озлобления, с которым большевики относились к меньшевикам"[29]. Его высокие профессиональные качества крупного инженера, личное обаяние, репутация неподкупного человека помогали ему привлекать техническую интеллигенцию к работе "на советскую власть". Он не раз спасал специалистов от преследований чекистов, вызывая недоверие к себе, даже враждебность со стороны ЧК. Однако в целом его деятельность была направлена на укрепление "диктатуры пролетариата", осуществление "военно-коммунистической" политики партии.

Очень скоро государственный механизм стал обнаруживать дефекты, подрывавшие его эффективность. Среди них особое беспокойство партийно-государственного руководства вызывал бюрократизм как центральных, так и местных органов власти и управления. Реальная опасность бюрократизма стала зримой уже весной 1918 г. Появление его для большевистских вождей оказалось полной неожиданностью. Ведь еще накануне Октябрьского переворота Ленин в "Государстве и революции" утверждал, что пролетариат, взяв власть, покончит с бюрократизмом - болезнью дореволюционного государственного управления. Это была очередная иллюзия, не учитывавшая того, что любое государство, независимо от общественного строя, не может существовать без обслуживающего его социального слоя чиновничества, являющегося носителем бюрократизма. Большевики не признавали, что бюрократизм - атрибут любой организованной системы управления, и намеревались покончить с этим злом "одним ударом".

Иерархию власти и управления возглавили руководители партийного и государственного аппарата, получившие позже название "номенклатура". Латинское слово "номенклатура" в политическом его значении обозначает перечень наиболее важных должностей, кандидаты на которые рекомендовались и утверждались партийными комитетами (губкомом, обкомом, ЦК партии).

В литературе временем возникновения номенклатуры в стране считается осень 1923 г., когда этот термин впервые появился в партийных документах. Связывается это с перечнем должностей, работники на которые назначались и перемещались ведомствами исключительно по постановлению ЦК. Он был направлен секретарем ЦК РКП(б) всем наркомам и руководителям государственных учреждений. По существу же зарождение номенклатуры началось вскоре после прихода большевиков к власти. Уже тогда появилась практика назначения и перемещения руководящих работников партийного и государственного аппарата по решениям ЦК и губкомов. С весны 1919 г. непосредственно кадрами ведали Оргбюро ЦК и функционировавший под его руководством Учетно-распределительный отдел ЦК.

"Назначенство", "переброски" кадров, проводимые сверху, приводили к тому, что многие государственные (как и партийные) посты занимали люди, незнакомые с местными условиями, спецификой отрасли управления. На X съезде РКП(б) Д. Б. Рязанов со свойственной ему экспрессией говорил: на местах «ничто не вызывает таких возмущений и недоумений, как это назначенство, как эти перемещения, которые иногда можно объяснить только так: "грех попутал" и "принесла нелегкая", - иного объяснения нет. Люди врываются в совершенно незнакомую им среду со своими усвоенными привычками и вызывают оп-

позицию... »[30]. Да и сам Учетно-распределительный отдел ЦК в отчете XI съезду РКП(б) (март-апрель 1922 г.) признавал, что производимые им "лихорадочные массовые переброски", назначения на должности не учитывали индивидуальные качества коммунистов, их способности. "Перебрасываемый" ответственный работник заполнял множество анкет, опросных листов, которые чаще всего не изучались. По "системе анкет" проходило громадное количество работников, совершенно разнородных по масштабу, деловым качествам, опыту работы. «Методы "ударности" при назначении на должности вели к частым сменам, заменам, переназначениям»[31]. Ненормальность этой практики подбора кадров осознавалась на всех уровнях руководства, но от нее не отказывались, ибо она вполне отвечала кадровой политике партийных верхов. Таковы истоки "анкетного принципа" подбора руководящих кадров, ставшего неизменным в последующие десятилетия советской истории.

Занятие "номенклатурных постов" давало немалые преимущества и привилегии. "Карьеризм на этой почве развился невиданный", - возмущался А. И. Рыков на IX конференции РКП(б) (сентябрь 1920 г.)[32]. Говоря о возникновении материальных преимуществ и привилегий номенклатуры, нельзя отрицать справедливость известного стимулирования напряженного ответственного труда руководителей. Но следует вспомнить дооктябрьские утверждения Ленина о том, что в пролетарском государстве не будет привилегированного чиновничества. По идее Маркса, которой придерживался Ленин, оплата труда руководящих работников не должна превышать заработка квалифицированного рабочего. От этого максимума отступили вскоре же после взятия власти. Согласно декрету Совнаркома от 17 ноября 1917 г., народным комиссарам устанавливалось жалованье 500 руб. в месяц плюс
100 руб. на каждого неработающего члена семьи[33]. Это было не так уж мало, если учесть, что сам Ленин относил лиц, имевших "доход в 500 рублей и свыше", к "богатым классам"[34]. 2 января 1918 г. Совнарком разрешил более высокую оплату труда "буржуазных" специалистов. По словам Ленина, это было "отступлением от принципов Парижской коммуны и всякой пролетарской власти, требующих сведения жалований к уровню платы среднему рабочему"[35]. Постановления Совнаркома еще не распространялись на руководителей государственного аппарата. Какое-то время особого неравенства в материальном положении их и рядовых работников не было. Снабжались все примерно одинаково скудно, бывало даже, что "ответственные" находились в худшем положении, чем рабочие. Однако по мере укрепления советской власти и в отношении руководителей все чаще отступали от принципа - "не свыше заработка квалифицированного рабочего".

В 1918-1920 гг. зарплата рабочих, всех категорий служащих, ответственных лиц неоднократно повышалась в связи с инфляцией. При этом увеличивался разрыв между минимумом и максимумом. Так, общероссийский тариф, введенный с 1 февраля 1919 г., предусматривал их соотношение, включая специалистов, получавших по максимуму -1: 5 (600 и 3000 руб.)[36]. Руководители приравнивались по зарплате к специалистам. 8 августа 1919 г. Оргбюро ЦК по предложению Ленина постановило: "а) предписать ВЦИК выдать членам коллегий народных комиссариатов ввиду тяжелого продовольственного положения их и прямого голодания их и их семей, а также товарищам, ответственным работникам, находящимся в таком же положении, единовременное пособие в размере 5 тысяч рублей, б) Повысить таковым товарищам содержание, переведя их на высшие оклады, как особо необходимых и выдающихся специалистов"[37]. Кроме того, по ходатайству ответственных работников (в связи с болезнью, многосемейностью и т. д.) принимались решения о выдаче им разовых единовременных пособий. Обычно такие решения сопровождались грифом: "секретно". 2 сентября 1920 г. Оргбюро ЦК приняло постановление о пенсиях "лицам, имеющим заслуги перед РСФСР". Естественно, это в первую очередь касалось "номенклатуры". В протоколе Оргбюро добавлено: "постановление не опубликовывать"[38].

Партийно-государственная элита получала так называемые "квартирные" привилегии. Высшие чины поселились в Кремле. Поэту В. Ходасевичу как-то довелось побывать у председателя Московского Совета Л. Б. Каменева с просьбой о жилье. Его художественно-документальная зарисовка типична для кремлевских квартир первых вождей: мягкая мебель, книжный шкаф уставлен художественной литературой, книги не разрезаны -"видно, что забрано тоже впрок, ради обстановки", хозяев обслуживает прислуга. Власти рассчитывали улучшить жилищные условия рабочих, переселяя их семьи из трущоб и бараков в муниципализированные дома буржуазии, уплотняя квартиры зажиточных горожан, перераспределяя жилую площадь. Часть рабочих была переселена, но большинство осталось в прежнем положении, так как благоустроенных квартир буржуазии было не так

много, чтобы ими могли воспользоваться все. К тому же, немало таких квартир до рабочих "не дошли", в них поселилась новая правящая элита.

Конечно, не все руководители рвались к особым привилегиям. У многих сохранились еще и после прихода к власти революционный романтизм, большевистская идейность и принципиальность. Часть дореволюционных партийных кадров разделяла со всеми трудящимися невзгоды Гражданской войны, не поступаясь партийной совестью и принципами равенства, которые провозглашали. Известны примеры бескорыстия наркома продовольствия А. Д. Цюрупы, наркома внутренних дел Г. И. Петровского[40].

Приведу интересное документальное свидетельство. На заседании ЦК РКП(б) 14 ноября 1919 г. было заслушано сообщение Н. Н. Крестинского о том, что "Бухарин живет во 2-м Доме Советов в такой обстановке (небольшая комната, темная и, главное, очень холодная), которая вредно отражается на здоровье его и его жены и лишает их значительной доли их трудоспособности, и что в то же время он отказывается переехать в 1-й Дом Советов, куда переводятся сейчас из 2-го Дома Советов все другие члены СНК, и где он находился бы в лучших условиях. Постановление ЦК лаконично: "Предложить т. Бухарину в трехдневный срок переехать в 1-й Дом Советов"[41].

Однако далеко не все из "старой партийной гвардии", выдержавшие испытание тюрьмами и ссылками, выдержали испытание властью, поддавшись связанным с нею соблазнам. Что уж говорить о послеоктябрьских большевиках, многих из которых поманила в правящую партию возможность приобщиться к власти и ее очевидным выгодам.

В 1920 г. в партии особо остро стоял вопрос о "верхах" и "низах", об их противопоставлении; все громче раздавались требования покончить с разложением партии. Это вызвало беспокойство руководства РКП(б), и 10 августа 1920 г. Политбюро постановило создать комиссию в составе Н. Н. Крестинского, Е. А. Преображенского и представителя Московского комитета для разработки проекта "мер борьбы с разложением в партии, как директиву Политбюро"[42].

В начале сентября ЦК РКП(б) обратился с соответствующим письмом ко всем партийным организациям. В нем указывалось, что во многих из них вопрос о "низах" и "верхах" становится жгучим, выливаясь в ряде случаев в прямые конфликты. Они вызываются, в частности, материальным неравенством в среде коммунистов, которое "создается сознательным или бессознательным злоупотреблением своей властью со стороны части ответственных работников, не брезгующих тем, чтобы установить для себя лично и для своих близких большие личные привилегии". Подчеркивалось, что имеется в виду та часть ответственных работников, которая пользуется высоким званием для обеспечения личных привилегий. Этот вопрос решено было поставить на предстоящей IX партийной конференции[43].

Письмо ЦК стимулировало обсуждение поставленных в нем вопросов в ряде партийных организаций. Созданная при Московском комитете РКП комиссия обратилась в бюро МК с предложением принять постановление об обследовании условий жизни и работы ответственных работников. Свое предложение комиссия обосновала так: "В широких кругах рядовых партийных работников Московской организации происходит глубокое... брожение, направленное против возмутительных привилегий советских и партийных верхов, а также против бюрократизма, образующего удобную почву для роста этих привилегий и для расцвета безответственности и карьеризма. Факты из жизни центральных учреждений, относящихся к этой области, перестали давно уже быть тайной не только для широких кругов партийных работников и членов партии вообще, но и для некоторых групп беспартийных рабочих". Выступления с критикой советских и партийных верхов в отношении этих явлений "вызывают на партийных собраниях гром аплодисментов". И далее: "Все эти факты указывают на необходимость немедленного и основательного обследования указанных выше явлений путем партийной анкеты", которая может дать в форме статистических данных материал, пригодный для получения общих выводов[44].

Проект предполагаемой анкеты комиссия представила. Из значащихся в нем 40 вопросов приведу лишь некоторые.

- Каковы оклады содержания ответственных работников по категориям должностей?
- Каков постоянный паек, получаемый ими?
- Сколько за последний месяц было выдач продуктов вне обычного пайка (подарки и т. п.). Что именно выдавали?
- По скольку (пудов, фунтов) продуктов выдается ответственным работникам вне обычного пайка?

- Сколько за последний месяц было дано записок на одежду, обувь и т. п. ?
- То же для семейств ответственных работников?
- Для каких личных целей используются личные секретари?
- Имеются ли именные или собственные автомобили, лошади у ответственных работников, и для каких личных нужд или нужд семейств они используются?
- Где ответственные работники имеют квартиры и по сколько комнат?
- Факты, касающиеся поведения ответственных работников (кутежи, разврат и т. п.)?
- Кому из ответственных работников и членов их семей за последние два месяца сшиты одежды и какие именно?[45]

Проект анкеты рассматривался 13 сентября 1920 г. на заседании Оргбюро ЦК. Постановлено: "Принять к сведению"[46]. Таким образом, Оргбюро уклонилось от ясного выражения своего отношения к проекту. К сожалению, мне не удалось проследить дальнейшую его судьбу. Тем не менее, набор вопросов и формулировки их представляют большой интерес, поскольку они дают четкое представление о разнообразии и различных проявлениях привилегий для людей, пользовавшихся властью.

На IX партийной конференции (сентябрь 1920 г.) докладчик от ЦК Г. Е. Зиновьев

признал, что неравенство - самый больной вопрос"[47]. Делегаты говорили о разлагающем влиянии привилегий на внутреннюю жизнь партии, о том, что они дискредитируют коммунистов. Лидер группы "децистов" Т. В. Сапронов возмущался: «Ни для кого не секрет, что во многих уголках слово "коммунист" ругательное слово потому, что там тот или иной коммунист, центральный или местный, позволяет себе такую роскошь, что рабочий или крестьянин не может иначе к нему относиться, а его поступки считает ничуть не лучше, чем поступки старого буржуа»[48].

А. И. Рыков поднял вопрос о судебных привилегиях. Дело в том, что нельзя было предать суду руководителя-коммуниста по обвинению в злоупотреблениях и других преступлениях без санкции партийных комитетов[49]. Нам надо добиться того, сказал А. И. Рыков, "чтобы каждый коммунист знал, что мы так же по тому же суду отвечаем за свои злоупотребления, даже больше чем спецы. Если каждый из наркомов, вроде меня, членов ВЦИК будет знать, что так же подсуден общим судам и так же может быть посажен в концентрационный лагерь..., то эта болезнь будет изжита на долгое время... На местах боятся взять человека, власть имущего, человек этот становится притчей во языцех, но трогать его боятся"[50]. (Боязнь трогать человека, "власть имущего", - эта своеобразная "привилегия" станет характерной для всего советского и постсоветского времени.)

По поводу предложения Рыкова привлечь нескольких человек к суду революционного трибунала "за привилегии и безобразия в этом пункте" Сапронов заметил: "... Я не знаю, сколько бы могло остаться процентов непривлеченных". Он же поднял вопрос о тайнах в партии, когда ряд решений доступны только узкому кругу лиц, не доводятся до широких партийных масс и даже ответственных работников[51]. Историку, знакомящемуся с архивными документами "верхов", бросаются в глаза пометки на многих из них: "секретно", "строго секретно".

Конференция предложила в целях оздоровления партии выработать практические меры для устранения неравенства в условиях жизни, размере заработка и т. п. ответственных работников и рядовых трудящихся, "поскольку это неравенство нарушает демократизм,

59

является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов"[52]. При этом, чтобы заглушить критику, конференция записала в резолюции явно популистский пункт в духе дооктябрьского требования - введение равенства в оплате труда, жилищных условий специалистов, ответственных работников, с одной стороны, и всех трудящихся - с другой. Это было явно не выполнимое требование, оно имело число декларативный характер. Через полгода X съезд РКП(б) констатировал: привилегии становятся почвой для злоупотреблений разного рода[53]. А накануне съезда в ряде публикаций раскрывались проявления этих симптомов. Так, в тезисах видных коммунистов - представителей оппозиционной группы "демократического централизма" (А. С. Бубнов, В. Н. Максимовский, Н. Осинский, Т. В. Сапронов и др.) - указывалось, в частности, что кризис в партии выражался в омертвлении коллегий и руководящих коллективов, в особенности высших (ВЦИК, Совнарком), в распространении узкобюрократической ведомственной психологии, особенно в верхах, в проникновении явно карьеристских элементов в учреждения центральных ведомств, в практике разнообразных привилегий, принимавших "совершенно недопустимые формы", в росте недовольства рядовых членов партии[54].

Председатель контрольной комиссии ЦК А. А. Сольц, ссылаясь на жалобы, поступавшие

от рядовых коммунистов, по поводу "кризиса власти" писал 12 февраля 1921 г. в "Правде": неблагополучие в партии не только следствие того, что на многие руководящие посты пробрались карьеристские, шкурные элементы. Разлагающее влияние на многих оказывает само пребывание у власти. "Отсюда бюрократизм, отсюда крайнее высокомерие, нетоварищеское отношение к рядовым членам партии и беспартийным рабочим массам, отсюда чрезвычайные злоупотребления своим привилегированным положением в деле самоснабжения. Выработалась и создалась коммунистическая иерархическая каста ответственных работников со своими собственными групповыми интересами... которая для себя имеет особые правила, законы, оценки, неприменимые ко всем прочим". К ним, к верхам, примыкают "услужливые" товарищи, готовые для своих высоких покровителей из кожи вон лезть. "Усердие принимает иногда чудовищные размеры. Рассылаются сногсшибательные телеграммы, поднимаются на ноги целые железнодорожные линии, чтобы комиссарское превосходительство по пути не задержалось, очищаются квартиры для достойного приема, заготавливаются и предоставляются специальные вагоны, поезда и автомобили, продукты и всякие другие излишества". Такие нравы "усваиваются все более и более среди верхних слоев партии, и возмущением и протестом полны все заявления товарищей в Контрольную комиссию по этому поводу". Это писал не какой-нибудь оппозиционер, а видный функционер, стоявший на страже "непорочности" партии.

IX конференция РКП(б) была вынуждена включить в решение не подлежавший опубликованию пункт о создании Комиссии для обследования "кремлевских привилегий". В итоговом докладе комиссия, в частности, рекомендовала в столовых ЦК, СНК, Коминтерна пересмотреть в сторону значительного сокращения нормы продовольствия, "приняв во внимание общее положение с продовольствием". Предлагалось также установить единую норму индивидуальных выдач ответственным работникам, чтобы "не получилось такого положения, когда некоторые товарищи получают по нескольку раз в месяц"[55].

Рекомендации комиссии, как и предложения IX партийной конференции, направленные на уравнение "верхов" и "низов", не были реализованы. Предоставление власть имущим особых привилегий стало правилом и в дальнейшем приобрело масштабы, давшие критикам советского строя основание для утверждения: советский правящий бюрократический слой -это "новый класс" (термин введен М. Джиласом). Конечно, по сравнению с привилегиями этого класса, привилегии партийно-государственной элиты первых лет еще "скромны". Однако на общем фоне нищеты, невыносимо тяжелой, полуголодной жизни народа они выглядели вызывающе и способствовали усиливающемуся неприятию власти коммунистов.

Партийно-государственное руководство страны отдавало себе отчет в том, что широко распространившиеся должностные злоупотребления, нарушения законности, бюрократизм, взяточничество, разного рода привилегии управленцев пагубны не только для населения, но и для самой партии и советской власти, теряющей социальную опору в народе. Однако тогда оно считало, что это зло преходяще, с окончанием Гражданской войны и улучшением экономического положения Республики оно будет изжито, и тогда ярким светом засияют прекрасные качества "вышедших из народа" управленцев. Это была иллюзия. Формируемый в те годы облик советских управленцев стал характерным для всей 70-летней советской эпохи. Многое из него перешло "по наследству" к руководящим кадрам постсоветского времени.

Примечания

[1] Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 45-46.
[2] Цит. по: Диалог. 1990. № 2. С. 14.
[3] Оруэлл Д. "1984" // Новый мир. 1989. № 3. С. 183.
[4] Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41. Ч. 3. Стб. 245.
[5] Б ердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 101-102.
[6] Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 74.
[7] Ленин В. И. ПСС. Т. 45. С. 123.
[8] Цит. по: Плотниек А. А. Петр Стучка и истоки советской правовой мысли. Рига, 1970. С. 45.
[9] Съезд Советов в документах. 1917-1936. М., 1959. Т. 1, С. 93.
[10] Ленин В. И. ПСС. Т. 37. С. 129.

[11] Ежегодник советской юстиции. 1922 № 1 С. 7
[12] ГА РФ, ф. 393, оп. 13, д. 581, л. 98
[13] РЦХИДНИ, ф. 78, оп. 1, д. 6, л. 11 об
[14] ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 277, л. 177
[15] Там же, д. 129, л. 144
[16] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 112, д. 58, л. 123
[17] Там же, л. 125
[18] Декреты Советской власти М, 1959, Т. 2 С. 241-242
[19] Владимир Ильич Ленин Биографическая хроника М, 1976, Т. 7 С. 164
[20] Восьмой Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских, Казачьих депутатов М, 1921, С. 217
[21] Ленин В. И. ПСС. Т. 45 С. 199
[22] ГА РФ, ф. 393, оп. 3, д. 64, л. 45
[23] Бухарин Н. И. Экономика переходного периода // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма М, 1989 С. 168
[24] Девятый съезд РКП(б) Протоколы М, 1960 С. 556
[25] Новая жизнь (Пгр) 1918 20 ноября
[26] Рыков А. И. Статьи речи М, 1927, Т. 1, С. 391
[27] Известия ВЦИК. 1928, 9 мая
[28] РЦХИДНИ, ф. 158, оп. 1, д. 3, л. 78-79
[29] Соломон Г. А. Среди красных вождей. Лично пережитое и виденное на советской службе. Париж, 1930, Т. II, С. 358, 367, 368
[30] Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М, 1963, С. 88
[31] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 34, д. 26, л. 9
[32] Девятая партийная конференция РКП(б). Протоколы. М, 1972, С. 178
[33] Декреты советской власти. М, 1957, Т 1 С 108
[34] Ленин В. И. ПСС. Т. 35, С. 156
[35] Там же, Т. 36 С. 179
[36] Отчет ВЦСПС за 1919 г. М, 1920, С. 61, 62
[37] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 112, д. 7, л. 11
[38] Там же, д. 66, л. 2
[39] См.: Ходасевич В. Белый коридор. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954 С. 356-357
[40] Ленинский сборник XXXV, С. 66, Драбкина Е. А. Черные сухари. М, 1963, С. 225
[41] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 38, л. 4
[42] Там же, д. 101, л. 2
[43] Известия ЦК РКП(б). 1920, 4 сентября
[44] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 112, д. 69, л. 50
[45] Там же, л. 51-58
[46] Там же, л. 3
[47] Девятая партийная конференция РКП(б). Протоколы, С. 15
[48] Там же
[49] Вскоре после окончания Гражданской войны это было «узаконено» решением Секретариата ЦК РКП(б). См.: РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 21918, л. 1
[50] Девятая партийная конференция. Протоколы. С. 177-178
[51] Там же, С. 193, 194
[52] КПСС в резолюциях. Т. 2 М., 1983, С. 302
[53] Там же, С. 325
[54] Правда, 1921, 22 января
[55] Цит. по: Бордюгов Г., Козлов В., Логинов В. Личность, доктрина, власть // Коммунист, 1990, №5 С. 75

© 1997 **г. Ю. П. ШАРАПОВ***

ЛЕНИН И БОГДАНОВ: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К ПРОТИВОСТОЯНИЮ

В. И. Ленин и А. А. Богданов... Жизнь и деятельность их изучена и освещена в отечественной литературе крайне неравномерно. В советском обществоведении ленинская биография, его труды и партийно-государственная практика апологетически описаны во многих тысячах книг, статей, в диссертациях, десятках пьес и фильмов (одна лишь библиографическая "Лениниана" насчитывает с 1956 по 1981 г. 10 томов!). Научное же наследие Богданова после долгих лет забвения начали анализировать сравнительно недавно. За последние годы издан сборник трудов А. А. Богданова "Вопросы социализма. Работы разных лет" (1990 г.), переиздана его знаменитая двухтомная "Тектология" (1989 г.), в которой он предвосхитил появление кибернетики, в частности, обратную связь. Современный читатель получил возможность познакомиться также с двумя фантастическими романами Богданова "Красная звезда" и "Инженер Мэнни". Недавно были изданы три тома документов и работ А. А. Богданова под общим заголовком "Неизвестный Богданов"[1].

Состоялись две международные конференции памяти Богданова. Его наследие плодотворно изучают Джон Биггарт (Великобритания), Зеновия Сочор, Линн Мэлли и Абрахам Яссур (США), Юта Шерер (Франция), Даниэла Стейла (Италия), Габриэла Горцка (ФРГ) и другие зарубежные ученые. Среди отечественных исследователей творчества Богданова выделяются Г. Д. Гловели, П. А. Плютто и О. В. Щелоков[2].

Редакция журнала "Вестник РАН" провела в 1994 г. "круглый стол", посвященный памяти А. А. Богданова. Отчет о нем опубликован под заголовком "Красный Гамлет. Опыт коллективного анализа творческого наследия Александра Богданова"[3]. Открывая обсуждение, первый заместитель главного редактора журнала В. А. Попов справедливо отметил, что "богдановедение - это книга, в которой написаны только первые страницы"[4].

В этой будущей книге трудно обойтись без отдельной главы о взаимоотношениях Богданова с Лениным - сюжета шекспировского размаха и глубины. В самом деле, почему соратники по большевистской фракции, являвшиеся ключевыми фигурами в истории большевизма в 1905-1908 гг., превратилось затем в непримиримых противников не только в области философии, но и в политике и, в частности, в оценке революции 1917 г. ? Напомним, что в открытом письме Н. И. Бухарину из Лондона от 10 декабря 1921 г. А. А. Богданов писал: "При коммунистическом повороте большевизма я разошелся с партией в важном теоретическом вопросе: она считала вышедшую из войны мировую революцию социалистической, я пришел к иному выводу. Я полагал, и теперь полагаю, что она - социалистическая не для общества в целом, а только для пролетариата: в ней он впервые становится классом действительно социалистическим... "[5] И далее: «Нет, ваше дело я считал не "грязным", а трагичным. В нем много крови и грязи, - разве без них бывают революции? К нему прилипло больше крови и грязи, чем требовалось его сущности; но винить в этом некого: виновата наша историческая отсталость и неподготовленность, виновата беспримерная тяжесть задачи, беспримерная жестокость бедствий, стихийно поразивших нашу страну. Трагизм в том, что на плечи исторически самого юного рабочего класса - русского пролетариата - история возложила самое непосильное, невиданно огромное бремя задачи, далеко выходящее из границ его собственной классовой природы»[6].

Сколько обидного и часто несправедливого наговорили и написали Ленин и Богданов друг о друге в момент разрыва в 1908-1910 гг. и после него. Как грубо по настоянию Ленина, Зиновьева и Каменева устранили Богданова в 1913 г. из "Правды", и с каким сарказмом бичевал, в свою очередь, Богданов Ленина в 1914 г. в рукописи своей так и не изданной тогда книги "Десятилетие отлучения от марксизма"(!) А их последние споры о Пролеткульте в 1920-1921 гг.... Сейчас уже немногие знают, что в последний раз Ленин и Богданов встретились вечером 19 октября 1920 г. на квартире Е. П. Пешковой в Москве, куда Максим Горький пригласил их послушать игру пианиста И. А. Добровейна[7]. Может быть, великий писатель надеялся на примирение своих гостей? Но тщетно.

Вот почему довольно дружный политический "дуэт" Ленина и Богданова в 1904-1906 гг., а потом их разрыв и теоретическая дуэль интересны для нас не только в чисто исто-

***Шарапов Юрий Павлович,** доктор исторических наук

рическом, но и в психологическом плане, ибо они олицетворяли собой совершенно различные типы русских марксистов.

Тем не менее, сравнивая биографии Ленина и Богданова, можно найти в них много общего. Детство и юношеские годы их пришлись на одно и то же время. Почти одногодки (Ленин родился в 1870 г., Богданов - в 1873 г. Первый скончался, не дотянув до 54 лет, второй - чуть перевалив за эту отметку), они вышли из одной и той же социальной среды. Отец Богданова дослужился до учителя-инспектора в Тульском городском училище, отец Ленина был инспектором народных училищ Симбирской губернии. Юноша Владимир Ульянов много читал. Помимо домашних книг он получал литературу из Карамзинской библиотеки Симбирска. Юный Александр Малиновский, известный позже как Богданов, пользовался библиотекой городского училища, в котором работал его отец.

Семьи Ульяновых и Малиновских были многодетными. В своих "Воспоминаниях о детстве" в главе "Семейный мирок" Богданов пишет: "Из десяти человек детей четверо умерли рано; среди уцелевших я был вторым. Это - очень счастливое для меня обстоятельство. Нехорошо ребенку быть одиночкой между двух не понимающих его взрослых; ничего не может быть благоприятнее для его развития в индивидуалиста"[8]. Основываясь на мемуарных свидетельствах, можно сказать, что в нравственном отношении обстановка в семье Ульяновых была на порядок выше, чем в семье Малиновских, где родители часто ссорились друг с другом на глазах у детей.

Для молодых людей, чье отрочество пало на 80-е годы прошлого столетия, одной из важнейших проблем становления мировоззрения было отношение к религии. Владимир Ульянов в ранней юности не часто посещал церковь. «Искренний, не терпящий никакой лжи и ханжества, он порывает с религией, - указывается в официальной ленинской биографии. - Толчком к этому была сцена, которая возмутила его до глубины души. Однажды в беседе с гостем Илья Николаевич сказал о своих детях, что они плохо посещают церковь. Глядя на Владимира, гость сказал: "Сечь, сечь надо!". Гневный выбежал юноша из дома и в знак протеста сорвал с себя нательный крестик. То, что зрело давно, вырвалось наружу»[9]. Добавим, что Володе Ульянову было в ту пору 15 лет. Никаких свидетельств самого Ленина об этом у нас нет.

Александру Малиновскому было шесть лет, когда умер его брат Володя. "Была боль вместе с недоумением, и было еще нечто", - признавался Богданов в своих воспоминаниях, написанных уже на склоне лет, 28 апреля 1925 г. С вопросом о Боге он обратился к матери и получил такой ответ: "Молись Богу, Саша, молись усердно. Бог один - прибежище для несчастных". Старый солдат, служивший сторожем в училище, популярно объяснил ему, что Бог, конечно, может вернуть Володю, но он, Бог, никогда этого не делает: кого взял - не возвращает, а просить нечего. «Искание закончилось, - подводит итог Богданов. - Чувство заботы - "Что делать?" - ушло; зато много сильнее стал холод, сжимавший сердце. <... > Молиться я, разумеется, и не думал: к чему? Ведь все равно!.. Молитва стала для меня пустою, неинтересною, и это было уже навсегда... Атеизм чувства был простейший: никакого личного отношения к Богу не осталось. Пожалуй, даже более того: все связанное с Богом и религией получило какую-то холодно-мертвенную окраску, отблеск того непоправимого, которое неожиданно приходит и беспощадно сжимает сердце»[10]. Так оба эти неординарные даже в детстве и отрочестве человека отошли от религии, стали атеистами.

Люди одной эпохи, выходцы из одной социальной среды, Ленин и Богданов, окончившие гимназии с золотыми медалями, получили затем разное высшее образование. Ленин окончил экстерном юридический факультет Петербургского университета, Богданов - медицинский факультет Харьковского университета. И это обстоятельство не могло не сказаться на их философских взглядах. К тому же в ссылке (сначала в Туле, а потом в Вологде) Богданов общался с такими разными и яркими людьми, как В. А. Базаров и И. И. Скворцов-Степанов, А. В. Луначарский и Н. А. Бердяев, Б. В. Савинков и А. М. Ремизов, П. Е. Щеголев и В. А. Русанов, тогда как Ленин в Шушенском, если не считать общения с Н. К. Крупской и переписки с Ф. В. Ленгником, Ю. О. Мартовым и А. Н. Потресовым, был предоставлен самому себе.

Для обоих - Ленина и Богданова - с конца XIX в. главным в процессе становления мировоззрения стало изучение трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. Но и здесь обнаруживается существенная разница.

С "Капиталом" К. Маркса Владимира Ульянова познакомил его старший брат Александр. В дальнейшем Ленин читал работы Маркса и Энгельса на немецком и французском языках. Всего в ленинских трудах, вошедших в Полное собрание сочинений, упоминается более 140 названий произведений Маркса и Энгельса и 172 их письма. Характерно, что Ленин обратил

внимание на письмо Энгельса американской социалистке Флоренс Келли-Вишневецкой от 28 декабря 1886 г., в котором тот писал: "Наша теория - не догма, а разъяснение процесса развития, который заключает в себе ряд последовательных фаз". Ленин подчеркнул эти слова и поставил на полях знак N3[11].

Богданов также изучал труды Маркса и Энгельса еще с конца XIX в. Свое отношение к марксизму он выразил в статье "К. Маркс", написанной в 1913 г. в связи с 30-летием со дня смерти Маркса. "Он умер тридцать лет тому назад, - писал Богданов. - После него, как и после всякого другого человека, осталось в сущности одно — его дело. Но никогда еще ни один человек на земле не оставлял по себе такого гигантского наследства. Это наследство - идея, организация, образец жизни. <... > Он преобразовал политическую экономию, историю, всю область общественных наук; он дал новую душу философии. Из богатства его мыслей и знаний черпают вновь и вновь, и долго еще будут черпать не только друзья, а даже враги. И во всем этом лежит одна, все объединяющая, живая идея. Сама по себе, она проста: но не всякому дано понять ее величие. <... > Маркс - образец человека, то есть - работника и бойца. Труд и борьба составляли его жизнь, как они составляют жизнь рабочего класса. И была чиста эта жизнь, как то знамя, которое он нес. Гений Маркса - это душа рабочего класса, отразившаяся и сознавшая себя в самом сильном мозгу XIX века. **Идите дальше!** - вот его завет".

Развивая этот тезис, Богданов сформулировал свое отношение к последователям Маркса - Плеханову и Ленину. "Учение Маркса, насквозь проникнутое духом критики и развития, становится в глазах некоторых его сторонников абсолютной истиной, вечно обязательной традицией; слова Маркса превращаются в верховную инстанцию решения всех вопросов, комментируются наподобие священных писаний и даже подвергаются благочестивой подделке, как библия когда-то у католиков; наконец, самый образом Маркса у этих бессознательных рабов прошлого шаг за шагом обожествляется"[12].

В своей автобиографии Богданов признавался, что еще в Тульской гимназии "научился отрицать авторитеты"[13]. Много лет спустя он напишет об этом в своих записных книжках, справедливо отнесенных исследователем П. А. Плютто к числу уникальных источников по проблеме "Ленин и Богданов"[14]. По поводу марксизма Богданов пишет следующее: "Скажите, наконец, прямо, что такое ваш марксизм, наука или религия. Если он наука, то каким же образом, когда все другие науки за эти десятилетия пережили огромные перевороты, он один остается неизменным. Если религия, то неизменность понятна, но тогда так и скажите, а не лицемерьте и не протестуйте против тех, кто остатки былой религиозности честно одевает в религиозную терминологию. Если марксизм истина, то за эти годы он должен был дать поколение новых истин. Если, как вы думаете, он не способен к этому, то он уже -ложь"[15]. Не нужно доказывать, что Ленин с его безграничным пиететом к Марксу и марксизму, так думать просто не мог.

Следует заметить, что сам Богданов в конце XIX в. начинал как правоверный марксист. Об этом свидетельствует его "Краткий курс экономической науки" (1897 г.), получивший похвальный отзыв Ленина, назвавшего эту книгу "замечательным явлением в нашей экономической литературе", "положительно лучшим" руководством по данному вопросу. Главное достоинство труда Богданова Ленин определил так: "Полная выдержанность направления от первой до последней страницы книги"[16]. (Цензурные обстоятельства не позволяли Ленину открыто похвалить Богданова за приверженность марксизму.) Однако в дальнейшем Богданов стал относиться к марксизму как к учению, требующему развития, уточнения, корректировки, причем относил это и к марксистской философии, в то время как Ленин, способный отойти в политике от марксистской догмы и идти своим путем, приспосабливая теорию революции к российской специфике, в области философии всегда оставался в рамках "классического" марксизма.

Ленина и Богданова объединяли, а потом разъединили и взгляды на практику российского революционного движения начала XX в. в России, его перспективах, наиболее целесообразной тактике социал-демократов и т. д. Было время, когда член ЦК Богданов считался вторым человеком в большевистской партии после Ленина. По выражению М. Н. Покровского, он был вице-лидером партии: "А. А. Богданов - это был великий визирь этой большевистской державы. Поскольку он управлял непосредственно и постоянно сидел в России, тогда как Ильич до революции 1905 г. был в эмиграции, постольку Богданов больше влиял на политику партии, и та угловатая линия ЦК, которая выражалась в том, что людям на каждом шагу ставили ультиматум - или ты наш, или не наш, причем не наши были близко к тем, кто не знает Авенариуса и Маха и т. д., - эта линия - не линия Ильича, она

слишком на него непохожа, - это линия Богданова, и она господствовала до октября 1905 г. "[17]

По ряду вопросов, в частности, об отношении большевиков к Советам, Богданов был прямолинейнее и бескомпромиссней Ленина уже в 1905 г. (он был сторонником предъявления Советам своего рода ультиматума о принятии программы РСДРП, тогда как Ленин считал, что подобная сектантская тактика только повредит делу). В дальнейшем, после революции Богданов пытался отстаивать тактику бойкота Государственной думы, что было уже несомненной ошибкой, хотя после соответствующего решения партийной конференции в июле 1907 г. активно помогал проведению избирательной кампании по выборам в III Думу. Вскоре к разногласиям тактического характера прибавились разногласия с Лениным по вопросу о контроле над партийной кассой. Богданову не нравился ленинский стиль руководства.

Что касается философских вопросов, то до поры до времени Ленин, не разделявший увлечения Богданова Махом и Авенариусом, предпочитал во имя мира в большевистской фракции отодвинуть их на второй план и по возможности не касаться их в печати и на публичных собраниях. Однако уже в 1906 г. Ленин приватно критиковал философские взгляды Богданова, но, судя по всему, безуспешно. Конфликт нарастал, захватив постепенно и сферу внутрипартийных отношений, и сферу философии. В 1908-1909 гг. против Богданова выступил Плеханов, а в 1909 г. вышла книга Ленина "Материализм и эмпириокритицизм" с резкой критикой Богданова как философа.

В феврале 1909 г. Ленин порывает всякие личные отношения с Богдановым, летом того же года последний вместе с Л. Б. Красиным выводится из состава Большевистского заграничного центра, а в январе 1910 г. - и из состава ЦК РСДРП.

Ответом Богданова и его единомышленников на действия Ленина стало оформление в декабре 1909 г. группы "Вперед", которая призывала членов РСДРП быть готовыми к новому революционному подъему, не делать культа из легальной социал-демократической работы, выступала за свободу идейных споров в партии, за выработку социалистической пролетарской культуры, науки, искусства. В состав группы входили Г. А. Алексинский, А. В. Луначарский, В. А. Базаров, В. Л. Шанцер, М. Н. Лядов, М. Н. Покровский, Н. В. Вольский (Валентинов) и др. Одно время примыкал к ней и А. М. Горький. Были у "левых" большевиков и свои организации в России (Петербург, Москва, Тифлис). "Впередовцы" активно занимались издательской деятельностью, вели пропагандистскую работу, организовывали без санкции Ленина школы для рабочих сначала на о. Капри (1909 г.), а затем в Болонье (1910-1911 гг.). Однако Богданов неизменно отвергал обвинения Большевистского центра в том, что он хочет якобы завербовать себе сторонников среди учеников этих партийных школ, создать из них собственную "агентуру" в России и "взорвать" ленинскую фракцию РСДРП изнутри.

Исследователь А. Ю. Морозова, тщательно изучившая весь комплекс вопросов, связанных с историей "Вперед", пришла к обоснованному выводу, что раскол в рядах большевиков в 1908-1910 гг. был прямым следствием той непримиримости ортодоксального большевизма к инакомыслию и его претензий на монопольное обладание истиной, которые всегда отличали сторонников Ленина[18]. При этом сама атмосфера, в которой проходила тогда борьба большевиков-ленинцев с болыпевиками-богдановцами, в многом предвосхитила атмосферу яростных послеоктябрьских дискуссий внутри РКП(б) и ВКП(б), заканчивавшихся, однако, уже не только оргвыводами, как было когда-то с Богдановым, но и тюрьмами, лагерями и расстрелами всех, кто не был согласен с линией официального партийного руководства в лице "лучшего ученика" Ленина Сталина.

В записной книжке Богданова после пометки: "1908-1910: борьба за единое личное руководство" можно найти несколько интересных мыслей о его отношении к "отлучению" от марксизма и большевизма, которым Ленин ответил на "бунт" своих недавних товарищей. "Голос отлученного - голос свободного", - пишет Богданов, подчеркивая свое твердое намерение сохранить независимость от Ленина. "Принципиальность, - замечает он, -связана с нетерпимостью к врагам, а не к своим. К своим нетерпим тот, кто живет в частностях, в мелочах. Такого могут мелочи одолеть, он ненадежен". И еще: "Основы -незыблемы. Но их хранителям я говорю: вы их извратили, вы их изменили, вы их подменили. Пересматривать надо не их, а вас, ваши детские слабые понятия, в которые вы облекли метод могучей, здравой мысли"[19].

Поскольку ленинская книга "Материализм и эмпириокритицизм" была направлена в основном против Богданова, последний не мог не ответить на нее. И написал памфлет, философскую отповедь Ленину, изданный в 1910 г. в Москве в сборнике "Падение великого

фетишизма (современный кризис идеологии)". Ответ Богданова Ленину под названием «Вера и наука (о книге В. Ильина "Материализм и эмпириокритицизм")», воспроизведенный в 1991 г. в журнале "Вопросы философии" № 12, состоит из 25 разделов и касается почти всех основных положений ленинской книги. Местами он просто убийствен в своей аргументации, местами - велеречив и далеко не во всем убедителен. (Так, например, Богданов сомневается в абсолютном характере даже такой истины, как смерть Наполеона 5 мая 1821 г.) Но в чем Богданов, полагаю, прав, так это в том, что абсолютизация тех или иных истин равносильна тому, чтобы требовать "остановки научного познания" на известном пункте, декретировать невозможность идти дальше ("если не в целом, то хоть в его частях, если не в исследовании, то в методе"). В итоге - "всюду статика, опирающаяся на веру, объект которой абсолютное".

Богданов связывает эту ошибку Ленина с авторитарным складом его мышления. "Авторитарный тип мышления наиболее в себе замкнутый, - подытоживает Богданов, - наиболее неспособен понять и допустить возможность иных типов".

Свой ответ Ленину Богданов заканчивает так:

«Подведем итоги философскому трактату В. Ильина.

Мы видели в нем массу противоречий; но "диалектические" ли они?

Внешний вид глубочайшей учености - и не менее глубокое невежество на самом деле.

Постоянные обвинения противников в "неприличии", в "литературном наездничестве", -и необычный даже для наших отечественных нравов лексикон ругательных слов.

Обозначение всех оппонентов как "философских реакционеров", и самая застойная тенденция, самая злая ненависть ко всяким без различия "новшествам".

Резкий антирелигиозный тон, приписыванье враждебной стороне стремлений к "поповщине", - и глубоко религиозное мышление, с культом "абсолютного".

Это противоречие, конечно, основа всех остальных».

Богданов приходит к выводу, что Плеханов и Ленин находятся во власти нового призрака - "абсолютного марксизма", который он сравнивает с вампиром. А средство борьбы с ним, по его мнению, одно: "Голову долой, и осиновый кол в сердце!"[20] (Тирада, прямо скажем, мало чем отличающаяся по лексике от ленинского "Материализма и эмпириокритицизма".)

В 1914 г. Богданов закончил, но не сумел тогда из-за начала Первой мировой войны издать книгу-памфлет под названием "Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник" (под десятилетием подразумевается период с 1904 по 1914 г., когда Плеханов, а затем Ленин вели критику философских взглядов Богданова). В ней есть раздел "Отлучатели". Первым назван Г. В. Плеханов. Вторым - В. Ильин, т. е. Ленин. Вот как характеризует его Богданов:

"Фигура менее сложная, хотя, по-своему, не менее крупная, чем Плеханов.

Его мировоззрение... Сам Ильин считает себя последовательным и выдержанным, архиортодоксальным марксистом. Но это иллюзия. В действительности, его взгляды смутны и эклектичны, полны смешением разнородного".

И здесь Богданов снова возвращается к, можно сказать, центральному пункту своих разногласий с Лениным по философским вопросам - к вопросу об "абсолютной истине", которому, как известно, было посвящено немало страниц ленинской книги "Материализм и эмпириокритицизм". «Из всех устарелых идей плехановской школы, - пишет Богданов о Ленине, - он с наибольшей энергией уцепился за наиболее безнадежную, наиболее отжившую - "абсолютную истину"; но и тут не мог свести своих мыслей, по крайней мере, к единству. Допустим, что это - результат его неопытности в чуждой ему сфере. Но социальная философия, область близкая всякому марксисту? Как применяет Ильин принципы и методы исторического материализма?

Пока ему приходится исследовать конкретные частные явления, например, классовый состав и характер какой-нибудь партии, он справляется с задачей, и иногда - блестящим образом. Но когда вопрос ставится в общетеоретическом масштабе, - например, происхождение религии, происхождение социализма, - результаты совсем иные".

Богданов развивает эту мысль: "... В. Ильин мало компетентен в вопросах общетеоретических. Почему это так, мы легко поймем, если, перечитав произведения В. Ильина, попробуем по ним составить себе понятие о размерах и характере научного опыта, ему доступного.

В. Ильину чужды такие обширные и важные области труда - знания, как техника и естественные науки. Но именно в этих областях вырабатывается наиболее строгое и чистое понимание закономерности, необходимое для исследования вопросов общей теории, социальной и философской. Очень мало знакома ему также история культуры, материальной

и идейной. А именно она есть школа действительного историзма и настоящей, не словесной только диалектики. Кто серьезно изучал историю культуры и вдумывался в нее, тот в настоящее время не стал бы проповедывать варварского представления об абсолютных и вечных истинах".

В этом же разделе Богданов рассматривает личные качества Ленина как мыслителя и политического деятеля. "Я говорю не просто о грубой властности характера - недостатке, который может быть уравновешен и исправлен влиянием товарищеской среды. Я имею в виду самый способ мышления".

С этих позиций мы вернемся к началу книги Богданова, где есть раздел "Преступления отлученного", а в нем пункт пятый - "Абсолютная истина". Возможна ли она с точки зрения эмпириомонизма? - спрашивает Богданов. И категорически отвечает: конечно, нет. «Современная наука, - считает он, - не знает абсолютных истин, и признавать их не может. На памяти нашего поколения потеряли свою незыблемость и оказались лишь приблизительными "абсолютнейшие" из прежних научных истин: вечность материи, неизменяемость химических элементов, ньютоновская механика. И надо быть российским туземцем, чтобы не знать этого и поклоняться абсолютным идолам».

Рассуждая об абсолютной истине, Богданов приходит к выводу: "Если она сегодня истина, а завтра сделается заблуждением, то это значит, что она пролагает путь другой, высшей истине, которая из нее возникает; борясь за первую, мы тем самым боремся за вторую и за все последующие, - тем самым за бесконечное развитие истины".

Богданов полагал, что совсем иные корни имеет вера в абсолютную истину в душах старого поколения, к которому принадлежат, например, Плеханов и Ленин. «Во-1), на ней можно успокоиться. Это - остановка, отдых для отяжелевшей мысли. Во-2), если есть абсолютная истина, то обязательно должны быть и те, которые решают, какая истина абсолютна. Ведь все истины оспариваются, и на каждую могут найтись еретики. Необходим некто, имеющий власть и право определять: "вот это неприкосновенно, и сомневающийся да будет отлучен". Этот некто, кто бы он ни был, называется непреложным авторитетом. Будет ли это жрец, будет ли это "вожак", лидер, - все равно: абсолютная истина требует такого авторитета, она неразлучно с ним связана, она всегда была его опорою. Поэтому тот, кто отрицает ее, не просто заблуждающийся еретик, но и преступник: он подрывает признанную духовную власть, он мешает ей беспрепятственно руководить верными, он не дает им сделаться надежным стадом, он напоминает им о том, что они свободные, сознательные люди, имеющие право коллективного решения, критики, контроля, и обязанные пользоваться этим правом не только в теории, но и в практике»[21].

Первое впечатление: как далеко вперед смотрел Богданов! Как он точно, в деталях изобразил все то, что наше поколение пережило в годы сталинского авторитаризма. Но речь у Богданова идет здесь не об одной философии. Богданов уже тогда предвидел опасность авторитаризма. А это вопрос политический и исторический, а не просто спор о том, возможна ли абсолютная истина. Таким образом, за философской дискуссией между Лениным и Богдановым ясно просматриваются их политические интересы, разные устремления и притязания.

Вспомним известные строки из "Евгения Онегина":

"Враги! Давно ли друг от друга Их жажда
крови отвела? Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дела Делили дружно?"[22]

Поставьте на место "крови" — "власти" (а к этому склоняются некоторые исследователи данного сюжета), и все вроде бы станет ясным. Но так ли? Ведь дело совсем не в том, что ленинская коса нашла на богдановский камень. Личная борьба за власть в руководстве большевистской партии до 1917 г. была не просто столкновением разных, но сильных характеров - Ленина и Богданова. Эта борьба - отражение их принципиально различного отношения к пролетарской партии, марксизму, социалистической модели общественного развития. Разным было и отношение к самому Марксу. Богданов отмечал в записной книжке, когда размышлял о событиях 1908-1910 гг.: «В действительности, нельзя быть последователем Учителя, не идя дальше него и расходясь с ним. Тому, кто хочет быть "последователем" и не идти дальше своего учителя, остается только последовать за ним - в могилу. И это лучшее»[23].

В дальнейшем пути Ленина и Богданова расходились все дальше и дальше. Первый настойчиво строил партию "нового типа", второй- вышел весной 1911 г. из группы "Вперед" и фактически отошел от партийной работы. В конце 1913 г. Богданов по амнистии к 300-летию Дома Романовых легально вернулся в Россию и занялся литературной работой. Его все больше занимают вопросы выработки пролетарской культуры, подготовки той идеологической революции в сознании рабочего класса, которая должна предшествовать революции социальной и восполнить недостаточную готовность пролетариата к решению "мировой организационной задачи социализма"[24]. В годы Первой мировой войны он как врач был призван в армию, затем заболел, лечился в Москве и в Февральской революции непосредственного участия не принимал, хотя дал ей яркую характеристику.

И здесь мы подходим к разному отношению Ленина и Богданова к событиям 1917 г. в России. Ленин, как известно, по приезде в Россию выступил с Апрельскими тезисами, причем именно присутствовавший на докладе Ленина Богданов (а не Плеханов, как считалось ранее) назвал их бредом, крикнув: "Ведь это бред, это бред сумасшедшего"[25].

Мы далеки от того, чтобы вульгаризировать мысли Ленина и объявлять его уже весной 1917 г. сторонником немедленного перехода к непосредственному социалистическому по своему характеру этапу революции. Но по мере того, как рушились надежды на ее мирное развитие, Ленин все больше склонялся к скорейшему насильственному захвату власти большевиками, считая, что сначала нужно решить этот главный вопрос всякой революции, а потом уже, используя политические рычаги внутри страны и помощь со стороны международного пролетариата, начать подводить под новые властные структуры соответствующую социокультурную базу. Богданов же предпочел бы действовать в обратной последовательности, тем более что мировая война вызвала повсюду "экономический и культурный упадок" и "гигантское развитие военного коммунизма" как определенного настроения миллионных народных масс, уставших от войны, нацеленных на передел всего и вся в свою пользу и сгорающих от нетерпения поскорее произвести этот силовой переворот, используя ослабление власти и ту атмосферу вседозволенности, которая царила в 1917 г. в России.

В письме к бывшему "впередовцу", а тогда ленинскому наркому А. В. Луначарскому от 19 ноября 1917 г. Богданов осудил большевистский максимализм, который "лезет напролом", наступая, как гоголевский Собакевич, "на ноги марксизму, истории, логике, культуре... " По мнению Богданова, совершившаяся в России "солдатско-коммунистическая революция есть нечто скорее противоположное социалистической, чем ее приближение". Он прямо указывал на "сдачу социализма солдатчине" и называл виновников этого - "грубого шахматиста Ленина" и "самовлюбленного актера Троцкого"[26].

Примерно об этом же Богданов писал 24 ноября неустановленному адресату. А Ленин в конце декабря 1917 г., чувствуя, что реальная жизнь не совпадает с теоретическими схемами, думал о том, что если революции, по Марксу, - локомотивы истории, то нужно "разогнать локомотив и удержать его на рельсах".

После Октябрьской революции Богданов продолжал свои научные изыскания, став членом Социалистической (затем - Коммунистической) академии. Но различие взглядов Богданова и Ленина на некоторые вопросы современности давало себя знать. Не прошло и трех лет после Октября 1917 г., как Ленин и Богданов вступили в спор по вопросу о культурной революции и культуре вообще. Этот спор был связан с Пролеткультом -организацией, возникшей в 1917 г. еще до Октябрьской революции и развернувшей свою бурную деятельность после нее.

Идейная позиция и практическая деятельность Ленина в этой области исчерпывающе исследованы В. В. Горбуновым в его книге "В. И. Ленин и Пролеткульт" (М., 1974). Взгляды Богданова изложены им в докладах на съездах Пролеткульта, в статьях, объединенных рубрикой "Искусство и рабочий класс", в книге "Вопросы социализма".

Столкновение между Лениным и Богдановым произошло во второй половине 1920 г. Ленин предпринял тогда второе издание своей книги "Материализм и эмпириокритицизм" с кратким предисловием, где отметил: "Что касается до последних произведений А. А. Богданова, с которыми я не имел возможности ознакомиться, то помещаемая ниже статья В. И. Невского дает необходимые указания"[30].

Богданов не мог пройти мимо этой статьи Невского, хотя не имел возможности публично спорить со своими высокими оппонентами. В документе, который озаглавлен "От философии к организационной науке", Богданов, приведя второй и одиннадцатый тезисы Маркса о Фейербахе, писал: "Исторический материализм был выполнением этой програм-

мы в области социальной философии. Выполнение в общефилософском масштабе является для рабочего класса также насущной задачей, этой задаче я посвятил свои силы, над ней работаю больше четверти века. (...) Мы знаем, что философия Маха-Авенариуса отнюдь не была бесплодной для научного развития; масса ученых работала под ее знаменами; например, то глубокое обобщение идеи относительности, которое дал Мах, проложило путь к построениям и открытиям Эйнштейну, которые, во всяком случае, представляют важный этап развития физики". В документе было и еще одно важное признание: "Программа пролетарской культуры была впервые сформулирована левобольшевистской группой "Вперед" в 1909 году в ее платформе, докладчиком которой был я"[31].

Однако "оправдаться" Богданову не позволили. Ленин развернул в октябре-декабре 1920 г настоящее наступление на Пролеткульт, теорию пролетарской культуры и лично на Богданова[32]. Несмотря на то что в ряде вопросов культурной революции (необходимость повышения не только всеобщей грамотности, но и изучения всего мирового культурного наследия) Ленин и Богданов сходились, расхождения между ними в оценке коллективизма как главного момента в пролетарской культуре, коллективного опыта, философских основ культуры и т. д. оставались. И это определяло подозрительное, настороженное отношение к Богданову большевистских властей.

Дело дошло до того, что осенью 1923 г. Богданов на пять недель был арестован органами ОГПУ (тяжело больной, не способный говорить, Ленин к этому отношения не имел). Предлогом для ареста явилось то, что возникшая в ту пору оппозиционная группа "Рабочая правда" использовала в своих политических целях некоторые выдержки из трудов Богданова. В своем заявлении к протоколу допроса от 13 сентября 1923 г. он написал' ни один исследователь не несет ответственности за те выводы, которые делаются другими из его идей, раз он сам этих выводов не делал. При этом Богданов уточнил: тут только моя терминология, взяты мои выражения.

4 октября 1923 г. он обратился с письмом к Ф. Э. Дзержинскому: "Вы, я думаю, могли убедиться, что я объективно никогда не был врагом Советской власти". Вскоре Дзержинский принял Богданова, и между ними состоялась беседа. Постановлением от 13 октября 1923 г. Богданов был освобожден. В своей биографии Богданов писал: "Осенью 1921 г. прекратилась и моя пролеткультовская работа, я посвятил себя всецело научной. Но хотя окончательно оставил политику, она не совсем оставила меня, как показал мой арест в сентябре-октябре 1923 г. "[33].

Вскоре после кончины В. И. Ленина состоялось торжественно-траурное заседание его памяти в Социалистической академии, членом которой был и Богданов. Но на этом заседании он отсутствовал. Понимая, что это обстоятельство может быть истолковано как политическая демонстрация, Богданов 11 февраля 1924 г. обратился с письмом к члену Президиума Академии Д. Б. Рязанову. В нем Богданов не мог удержаться от ехидного замечания о том, что он принадлежит к числу тех людей, к которым сначала применяют определенную меру (прозрачный намек на арест осенью 1923 г.), а потом уже выясняют, имелись ли для них основания. Затем он сообщает Рязанову, что "во время этого заседания я, силою обстоятельств, был вынужден находиться на операционном столе". Но самым важным было другое заявление Богданова: "Заседание, посвященное памяти Ленина, который был моим первым и, в сущности, единственным учителем в политике, я ни при каких обстоятельствах не мог бы использовать для демонстрации отсутствия"[34].

Весьма характерен ответ Богданова на статью о Ленине в № 4 журнала "Пролетарская культура" за 1918 г. Написанная Лебедевым-Полянским как отклик на покушение на Ленина 30 августа 1918 г. статья содержала такую оценку Ленина: "Заслуги тов. Н. Ленина перед русской революцией неисчислимы. Как опытный капитан, с непоколебимой твердостью, железной волей, с полным сознанием каждого своего слова и действия, он вел красный корабль нашей революции к социализму... Он всегда твердо держал в своих руках руль, не дрогнув ни разу во весь шторм, столь грозный в последние дни... " Наряду с этим в передовой статье журнала, подписанной "Валерьян Полянский", были такие строки: "Он был самым деловым человеком нашей революции"; "он жив, и пусть наши враги знают, что в борьбе с ними мы будем беспощадны"[35].

В ответ на это Богданов направил следующее письмо:

«Тов. Полянскому (Лебедеву)

и Аркадию (Ф. Калинину)

Дорогие товарищи, передовицу "Н. Ленин" я прочитал. Вам ясно, что со многим в ней я, как антимаксималист,

не могу быть согласен; но основную его характеристику, как представителя деловой линии в коммунизме, считаю правильной... Вне этого вопроса, советовал бы выкинуть в конце фразу: "Пусть наши враги знают, что в борьбе с ними мы будем беспощадны". Я не хочу защищать контрреволюционеров; но не журналу культуры говорить эти слова, особенно в данный момент, когда они пахнут свежей кровью массовых расстрелов.

С тов. приветом

А. Богданов 4 сентября 1918 г. »[36]

В заключение остается впервые привести один любопытный документ. Это "Биографический очерк о А. А. Богданове", написанный его женой Н. Б. Корсак (заголовок документа скорее всего дан архивистами), который хранится в личном фонде А. А. Богданова в РЦХИДНИ. Начинается он словами: "Скончавшийся 8 месяцев тому назад мой муж Александр Александрович Малиновский (в литературе А. Богданов) был сначала революционером, потом литератором и, наконец, врачом. По образованию был естественник и медик. Русской национальности, родился в Соколке Гродненской губ.; умер 54 /2 лет. Обстоятельства смерти известны". Далее следует подробное описание родословной Богданова.

Чем больше я вчитывался в этот архивный документ, мимо которого прошли многие исследователи, тем больше росла во мне уверенность, что все это я где-то читал. Общая конструкция и тональность, отдельные детали документа были мне хорошо знакомы. После непродолжительных поисков все встало на свои места. Каждый, кто читал "Воспоминания о Ленине" Н. К. Крупской в издании 1968 г., не мог не обратить внимания на стр. 479-485, где впервые был опубликован текст Крупской "Из ответов на анкету Института мозга в 1935 году". К этой публикации дана сноска: впервые частично напечатано 6 апреля 1963 г. в газете "Известия" № 83.

По своему построению и стилистике "Биографический очерк о А. А. Богданове" есть не что иное, как ответы жены Богданова на ту же анкету Института мозга. Пусть читатель сам в этом убедится, сопоставив ответы Н. К. Крупской о В. И. Ленине и Н. Б. Корсак - о А. А. Богданове.

ЛЕНИН	БОГДАНОВ
На прогулках не очень быстро утомлялся. Был подвижный. Ходить предпочитал.	Очень подвижен, движения порывисты, не очень ловки, физически силен, в молодости вынослив и очень работоспособен.
Скованности в движениях не было. Ходил быстро.	Ходил много и быстро.
Неуклюжим не был, скорее ловкий.	
Гимнастикой не занимался. Играл в городки. Плавал, хорошо катался на коньках, любил кататься на велосипеде.	Гимнастику любил, много ею занимался в юности, говорил, что благодаря ей, плаванью (жил в детстве и юности на Волге и притоках), игре в городки и т.п. - поправил свое здоровье.
Излюбленные жесты и привычные движения - движения правой рукой во время речи вперед и вправо. Манерности, вычурности, странностей, театральности, рисовки в движениях не было.	Речь бывала и быстрой, и гладкой, и выразительной, смотря по предмету, о котором она шла, а также в зависимости от слушателей, "собеседников". "Любимых словечек" не имел и не любил "вульгарных выражений", слов.
Говорил быстро, Стенографисты плохо записывали. Конструкция речи (фраз) латинская.	Особенно словоохотлив не был, скорее молчалив, но с приятными ему людьми и близкими по мысли — говорил при случае много и охотно.
Речь простая была, не вычурная и не театральная... Она была эмоционально насыщена, но не театральна, не надуманна; естественно эмоциональна.	Вообще же был скорее лектор, чем оратор. Впрочем, в полемике почти оратором, иногда.

ЛЕНИН	БОГДАНОВ
Плавная и свободная	
Читал чрезвычайно быстро. Читал про себя. Вслух ни я ему, ни он мне никогда ничего не читали, в заводе у нас не было: это же сильно замедляет.	Читать с самого детства любил до безумия, читал с неимоверной быстротой, читал все, конечно, больше научные книги, но не думаю, чтобы это все зависело от специальной любви к ним; мне случалось от него слышать, что ему приходилось многому учиться даже у бульварных романистов. Никогда вслух не читал и не любил (в особенности), чтобы ему читали вслух, всегда говорил, что зрительная память у него лучше слуховой.
Зрительная память прекрасная. Лица, страницы, строчки запоминал очень хорошо. Хорошо удерживал в памяти и надолго виденное и подробности виденного. Вдаль видел очень хорошо. Они с мамой (моей) часто соревновались в этом деле. У него глаза были разные. Глазомер у него был хороший – стрелял хорошо и в городки играл недурно.	Зрение имел острое, зрительная память по отношению к письму и печати, особенно числам и цифрам, была очень большая, - но не лицам, фигурам или местности. Часто случалось ему забыть дорогу, заблудиться, но зависело это, думаю, от углубленности мыслей.
Цвета и оттенки различал очень хорошо и правильно.	
Хорошо слышал на оба уха. Хорошо слышал шепотную речь. Ориентировался в незнакомой местности хорошо. Расстояния и направления по слуху тоже определял хорошо. Очень хорошо запоминал и очень хорошо удерживал в памяти слышанное. Передавал всегда точно, уверенно и свободно. Думаю, что зрительная и слуховая память у него были приблизительно равны по степени развития.	Слух был острый, но музыкальный слух отсутствовал. Слуховая память была хуже зрительной. Запоминал очень легко стихи, прочитанное, слышанное, но только все для него интересное или важное, остальное - способен был радикально отбрасывать. Одинаково хорошо помнил и давнее и недавнее, но, повторяю, избранное.
Музыкален. Музыкальная память хорошая. Запоминал хорошо, но не то, чтобы очень быстро. Больше всего любил скрипку. Любил пианино. Абсолютный слух? Не знаю.	
Довольно покорно ел все, что дадут. Перец и горчицу любил. Не мог есть земляники (идиосинкразия).	Вкусовые вещи, в частности сладкие, любил, но особенного пристрастия не имел.
С наслаждением ел простоквашу. Вкус и обоняние вообще были слабо развиты. Запахи он различал, конечно, но никакой склонности к ним вообще и к особым не было.	Обоняние острое, но тоже не имел к каким-либо запахам особенного влечения, - любил, впрочем, запах цветов жасмина.
В комнате не выносил садовых цветов. Но любил в комнате полевые цветы и зелень. Очень любил весенние запахи. Садовых цветов и особенно с сильным запахом избегал.	

ЛЕНИН	БОГДАНОВ
Вообще очень эмоционален. Все переживания были эмоциональны. Веселый и шутливый. Частой смены настроения не было. Вообще все смены всегда были обоснованы. Очень хорошо владел собой. Впечатлителен. Реагировал очень сильно. Бледнел, когда волновался. Смел и отважен.	Переживал и чувствовал глубоко, но мало выражал свои переживания. За 35 лет нашей совместной жизни видела его два раза в гневе и тогда он поспешно ушел, чтобы скрыть свой порыв. Испуганным его не видела никогда, даже тогда, когда он знал, что умирает.
Очень сильно было выражено стремле¬ние углубленно, исследовательски подходить к вопросам. Колоссальная сосредоточенность. Всегда органическая какая-то связь с жизнью. Самокритичен, очень строго относился к себе.	Мышление абстрактно-систематическое... Склонен был к философии и вообще к отвлеченным наукам. Всякую теорию любил проверять на практике, на опыте. Широта взглядов и вообще мышления, суждения объективны, рассуждение ло¬гично. Общие направляющие идеи, быстрота и точность соображения и большая умственная работоспособность.
Ужасно любил природу. Любил горы, лес и закаты солнца. Очень ценил сочетания красок.	Любил наблюдать животных, в зоологических садах наслаждался, любил птиц, черепах, лягушек и всех молодых животных, включая людей, называя их человеческими личинками. Любил звездное небо (и астрономию), смену цветов в облаках, вообще природу, хотя и своеобразно.
Был боевой человек. Адоратскому до деталей рассказывал, как будет выглядеть социалистическая революция. 1935 г. [37]	Общественный деятель, революционер, литератор (см. "Историю ВКП"). Деятельность - см. "Тектологию" и проч. литературные произведения. Очень деятелен и богато одарен. 1928 г. [38]

Текст Н. К. Крупской озаглавлен "Из ответов на анкету Института мозга". Формулировка "Из ответов" предполагает некую выборочность. Что же осталось за кадром? Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось обратиться к подлиннику ответов Крупской. Там в частности, значится: "Здоровался обыкновенно. Помню, что в Горках поздоровался однажды с маляром на крыше дома - снял кепи и приподнял ее кверху"; "Насколько я знаю, не было способности к театральному мастерству. Ни на каких музыкальных инструментах не играл. К роялю не подходил близко. Так, чтобы подойти и пальцами постучать по клавишам, - не было".

Невинные ответы на невинные вопросы. Что тут скрывать? Другое дело фраза: "Очень любил Вагнера". На беду Вагнера очень любил... Гитлер. Или, скажем: "Властный человек и волевой". Лучше умолчать.

К ответам Н. К. Крупской на анкету Института мозга приложена сама анкета. Это целый медицинский трактат. Перечислю лишь основные рубрики: Детство, школьный период, университет, период самостоятельной деятельности; наследственность; конституциональные особенности (Крупская отметила только одну: "Был правша"). Далее шли: Психомоторная сфера: сенсомоторизм - движения, их характер и темп, игра на музыкальных инструментах, речь, пение, письмо, рисование и живопись. Психосенсорная сфера: зрение,

слух, вестибулярный аппарат, проприопективные и осязательные ощущения, вкус, обоняние. Эмоционально-аффективная сфера: настроение, характер реакции, привычки и склонности, сексуальные влечения, черты тревожно-мнительного характера, отношение к собственному "я", отношение к природе и искусству, отношение к семье, отношение к людям, волевая сфера. Интеллектуальная сфера: речь, письмо, чтение, внимание, воображение, память, объем знаний, характер мышления и метод работы. Творчество, его характер и особенности.

Если учесть, что в каждом из перечисленных разделов по 15-20 вопросов, то, чтобы ответить на все, надо было написать тетрадь. Неудивительно, что ни Н. К. Крупская, ни Н. Б. Корсак на все вопросы не ответили.

Беседовал с Крупской 19 и 24 апреля 1935 г. директор Института мозга Н. С. Попов, впоследствии репрессированный.

Итак, перед нами две выдающиеся личности - Ленин и Богданов. В чем-то они схожи, во многом различны. Оба были видными политиками и учеными. Но если в Ленине политик превосходил ученого, то Богданов был больше ученым, чем политиком. Деление это, разумеется, условно. Но оно имеет право на существование.

В истории XX в Ленин и Богданов - бесспорные герои уходящего столетия. Трагедия и того, и другого — это трагедия периода войн и революций. В схватке этих двух сильных характеров нет победителей и побежденных. Оба они принадлежат истории России и всего мира. "Трагедия крупного ума", - так назвал свою статью памяти Богданова П. Н. Лепешинский. А. В. Луначарский, стоя у гроба своего друга, сказал, что, чем дальше отойдет человечество от переживаемой нами эпохи, тем ярче будет сиять созвездие В. И. Ленина, в котором имя А. А. Богданова никогда не померкнет"[40].

Как справедливо заметила Даниэла Стейла, заключая свое предисловие к публикации богдановского "Десятилетия отлучения от марксизма", «не нам, читателям произведения, выходящего в свет через восемьдесят лет со дня его написания, судить, был ли политический проект Богданова более или менее утопическим, лучше или хуже социализма в его историческом осуществлении. Несомненно одно знакомство с этим, до сих пор неизвестным Богдановым добавляет интереснейшие элементы к этой замечательной фигуре, одной из самых трагических в русском революционном движении»[41].

Примечания

[1] См.: Неизвестный Богданов. В 3 кн. / Под ред. Г. А. Бордюгова, М., 1995, Кн. 1, Статьи доклады, письма и воспоминания, 1901-1928 гг. Кн. 2 А. А. Богданов и группа РСДРП. Вперед, 1908-1914 гг. Кн. 3, Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник, 1904-1914 гг.

[2] Гловели Г. Д. Социализм науки- мебиусова лента А. А. Богданова. М., 1991, Плютто П. А. Время и люди (из архивов А А Богданова) // Социологические исследования, 1992 № 11, см. также Плютто П. Вопросы философии и анализ эпохи в записных книгах А. А. Богданова // Australian Slovonic and East European Studies. 1994, V8 N1, Щелоков О. В. РСДРП: проблемы лидерства и обновления руководства (1906-1911) М, 1995

[3] Вестник РАН. 1994 Т. 64 № 8 С. 738-752

[4] Там же. С. 752

[5] Неизвестный Богданов. Кн. 1, С. 204-205

[6] Там же С 206-207

[7] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М, 1978, Т. 9 С. 390

[8] Неизвестный Богданов. Кн. 1, С. 24—25

[9] Владимир Ильич Ленин. Биография. М, 1985, Т. 1 С. 7

[10] Неизвестный Богданов. Кн. 1, С. 29-31

[11] Ленинский сборник. Т. 40, С. 220. Более подробно об изучении Лениным трудов Маркса и Энгельса см.: Шарапов Ю. П. Ленин как читатель. Изд 3-е, доп., М, 1990 С. 51, 86

[12] Неизвестный Богданов. Кн. 3, С. 25-29

[13] Неизвестный Богданов. Кн. 1, С. 18

[14] Социологические исследования. 1992 №11 С. 138, 141

[15] РЦХИДНИ, ф. 259, оп. 1, ед. хр. 48, л 96

[16] Ленин В. И. ПСС. Т. 4, С. 35. Любопытно, что в 1920 г. Ленин и Сталин на заседании ЦК обменялись записками по поводу переиздания богдановского "Краткого курса политэкономии". Ленин: «Кажись, ни

слова а) здесь о диктатуре пролетариата?!!? б) А Госиздат !!! Пусть издает?» Сталин: « Думаю, что в старом виде эту книгу (без отражения новых всемирно исторического значения фактов) нельзя, смешно. Если книга уже издана, обругать издательство и установить контроль над ним. Сталин» Цит. по: Чижова Л. Он был еретиком // Театр, 1990, №7, С. 131

[17] М. Н. Покровский о В И Ленине. Стенограмма выступления в Институте красной профессуры 1 февраля 1924 г // Отечественные архивы, 1992, № 3, С. 98

[18] Морозова А. Ю. Устраненные большевики (1908-1910) // Россия и реформы. Сб. статей. Вып. 2, М., 1993, С. 77-93, ее же А. А. Богданов//Политическая история России в партиях и лицах М 1994 С 130 144

[19] РЦХИДНИ ф. 259 оп. 1 ед. хр. 48 л. 79-80

[20] Вопросы философии. 1991, № 12, С. 48, 49, 84, 88, 122

[21] Неизвестный Богданов. Кн. 3, С. 155-156, 42-43. Даже такой талантливый философ, как Э. В. Ильенков (1924—1979) в своей апологетической работе «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. Размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (М., 1980), не сказал ни слова об абсолютной и относительной истине. На круглом столе в Вестнике РАН В. Н. Садовский справедливо критиковал книгу Э. В. Ильенкова.

Любопытно, что пометки на ленинской книге «Материализм и эмпириокритицизм» оставил и Сталин. Он воспользовался изданием этой ленинской работы. 1939 г. Об Авенариусе Сталин отзывается так: "Доехали! ой мама! Ну и кошмар!"

На обложке в конце книги сталинской рукой написано «1)слабость

2)лень

3)глупость

единственное, что может быть названо пороками

Все остальное - при отсутствии вышеуказанного - составляет несомненно добродетель. NB' Если человек

1)силен (духовно)

2)деятелен

3) умен (или способен)

то он хороший независимо от любых иных пороков » (РЦХИДНИ ф. 538 оп. 3 ед. хр. 167 л. 45-47)

[22] Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. М., 1960 Т. 4

[23] РЦХИДНИ ф. 259 оп. 1 ед. хр. 48 л. 76

[24] Цит. по: Морозова А. Ю. А. А. Богданов С. 139

[25] Карр Э. История Советской России. Большевистская революция 1917-1923 Т. 1 М., 1990 С. 81

[26] Неизвестный Богданов. Кн. 1 С. 189-192

[27] Там же С. 198-202

[28] Ленин В И ПСС Т 35 С 189

[29] Богданов А. А. Вопросы социализма. С. 411-460

[30] Ленин В. И. ПСС. Т. 18 С. 12

[31] Неизвестный Богданов. Кн. 1 С. 110-111, 112, 115

[32] См.: Горбунов В. В. В. И. Ленин и Пролеткульт. М., 1974, С. 12, Шарапов Ю. П. Из истории идеологической борьбы при переходе к НЭПу. Мелкобуржуазный революционаризм - опасность слева. 1920-1923, М., 1990, С. 136-154

[33] Неизвестный Богданов. Кн. 1 С. 19

[34] Там же. С. 222-223

[35] Пролетарская культура. 1918, № 4, С. 1-3

[36] Неизвестный Богданов. Кн. 1, С. 194

[37] Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1968, С. 479-485

[38] РЦХИДНИ ф. 259 оп. 1 ед. хр. 7 л. 1-7 Н. Б. Корсак

[39] Огонек. 1928, № 17

[40] Правда. 1928, 11 апреля

[41] Неизвестный Богданов. Кн. 3 С. 5-18

© 1997 г. Э. ЭКТОН *

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

I. Ревизионисты в безвыходном положении?

Процесс изучения прошлого России переживает поворотный момент. И цель предлагаемой статьи - рассмотреть влияние, которое недавние политические и интеллектуальные изменения оказывают на изучение революции. Многие ждут, что постсоветская эра откроет путь к более глубокому пониманию того, что произошло в 1917-м. В течение семи десятилетий дискуссии о русской революции 1917 г. основывались на расхождениях между теми, кто защищал и превозносил победу большевиков, с одной стороны, и теми, кто ее не принимал, с другой. Теперь, наконец, чрезмерная политизация и горькая полемика о революции должны уступить место конструктивным научным попыткам исследования сделавшегося доступным архивного материала в надежде пойти дальше достигнутого, восстановить более полную картину драматических событий и изучить их значимость. В перспективе можно говорить, что есть предпосылки к достижению этого, и уже существуют обнадеживающие примеры[1]. Но есть реальная опасность, что вновь возникнет ситуация, когда нас уведет к тупик, и мы будем вынуждены снова вступать в старые битвы, которые, казалось, мы уже выиграли. Рассматривающая широкий спектр дискуссий о революции в период с 1917 по 1980-е гг. и фокусирующая внимание на ведущих течениях в современной историографии, данная статья призвана прозвучать своеобразным предупреждением против этой опасности.

Русским читателям хорошо известно, что большевистский режим, порожденный революцией, основывал свои претензии на законную власть особой интерпретацией событий Октября. Сформулированная в 1930-е гг., эта интерпретация характеризовала революцию как величайшее событие мировой истории, открывавшее новую эру в истории человечества и осветившее путь, идти которым ему было предназначено свыше. Она базировалась на учении, слепленном из цитат Маркса и Ленина, известном как марксизм-ленинизм. Она рассматривала революцию как закономерный процесс, главное доказательство материалистического анализа исторической науки как истории развития человека и его производительной силы. Она объявляла революцию результатом накаленной до предела классовой борьбы, связанной с развитием капитализма, который столкнул буржуазию, контролирующую средства производства, и пролетариат - класс, призванный установить социализм. И эта интерпретация ставила в центр событий ленинскую "партию нового типа", партию большевиков, вооруженную научной теорией революционного марксизма. Это была партия, стоявшая во главе трех революций, кульминационно завершившихся в октябре 1917 г. Это была партия, вскрывшая лживую сущность как правящего класса, так и своих мелкобуржуазных соперников, мнимых "социалистов" в лице меньшевиков и эсеров, это была партия, воспитавшая в авангарде пролетариата классовое сознание и понимание природы капиталистических отношений и революционного процесса, и это была партия, организовавшая массовые выступления, которые привели к свержению Временного правительства. Такова была основная идея традиционной советской интерпретации.

Эта традиционная советская точка зрения развивалась и изменялась со временем. В постсталинский период, а затем в 1970-е и 1980-е гг. горстка храбрецов смогла опубликовать работы, которые бросали вызов некоторым основным положениям[2]. Число опубликованных архивных источников и документов значительно выросло, что способствовало более детальному и глубокому осмыслению прошлого[3]. Но основная марксистско-ленинская концепция не претерпела изменений, и на протяжении семи десятилетий именно она обуславливала предмет дискуссии за рубежом. Это происходило не потому, что ее принимали за пределами СССР. Дело в том, что именно историки, придерживающиеся ее, используя определенным образом подобранный архивный материал, опубликовали огромное число исследований и на основе традиционного марксистско-ленинского подхода

***Эктон Эдвард,** профессор современной европейской истории, университет Восточной Англии, Великобритания.

представили свое видение *мировой* истории, бросавшее вызов принятым на Западе взглядам. Историки Запада отдавали всю свою энергию, противостоя утверждениям своих советских коллег, разоблачая слабые места советской точки зрения и пытаясь представить свою особую концепцию, противоречащую всем основным тезисам оппонентов. Абсолютно не будучи закономерной, утверждали они, революция была скорее результатом цепи чрезвычайных событий. Царь мог бы быть мудрым и способным политиком, а не тем неадекватным, зависимым и неспособным политическим простаком. Первая мировая война могла и не разразиться в такой важный момент процесса модернизации в России, и этот процесс мог взять другой курс и не вовлечь страну в состояние ужасной экономической и социальной разрухи. Временное правительство, пришедшее к власти в феврале, могло быть возглавлено не такими некомпетентными, идеалистичными, наивными либералами. И Россия могла бы пойти по демократическому пути развития, если бы эта идея поддерживалась, а не полностью подрывалась догматичными лидерами меньшевиков и эсеров. Эти узко мыслящие идеологи согласились на коалицию с либералами, но продолжали выступать за денонсирование войны, осуществлять нападки на принципы частной собственности и подрывать авторитет офицеров, владельцев предприятий и чиновников в глазах масс. И все бы могло повернуться совершенно по-другому, не будь у экстремистски настроенной революционной интеллигенции столь безоглядного стремления к власти, не манипулируй она массами простых русских людей, проповедуя свои фантазии о классовой борьбе, советской власти и социализме, и не приди она к решению свергнуть законное правительство посредством заговора и применения силы. Таков был традиционный взгляд западных историков[4].

Только в 60-е годы значительное число зарубежных историков стало отходить от традиционной западной интерпретации. Эти молодые историки - хотя и именовавшиеся "ревизионистами" - на самом деле не имели общей философии истории и расходились во мнениях по целому ряду вопросов - отвергали тенденциозный традиционный подход, считая его плодом не исторического анализа, а порожденной "холодной войной" ненависти ко "всему левому" и в особенности к советской системе. Они рассматривали революцию "снизу", перемещая центр внимания от фигур царя, Милюкова, Керенского, Церетели и Ленина к переживаниям и стремлениям рабочих, солдат и крестьян. Делая это, они одинаково бросали вызов и традиционной западной, и советской концепциям. Они уделяли особое внимание социальной поляризации общества и объективным процессам, которые активизировали массы и привели к уничтожению царизма, русского либерализма и умеренных социалистических партий. Они изучали, каким образом опыт низов - произвол и земельный голод, от которого страдали крестьяне, презрительное отношение *офицеров* и жестокие условия, в которых находились солдаты, и жесткий, авторитарный порядок на заводах и фабриках, от которого страдали рабочие, - способствовал радикализации настроений и росту критического отношения к существующему положению. Ревизионисты делали акцент на постепенное распространение грамотности, расширение кругозора, растущее чувство собственного достоинства в низших слоях и на то, как это побудило массы восстать против угнетения, против незащищенности и унижений, уготованных им при царской власти. Они уделяли огромное внимание рабочему вопросу и пытались показать, как отсутствие гражданских и профессиональных прав у рабочих заставляло их постоянно вступать в конфликт с государством, и как распространялось понимание того, что только добившись политических перемен, рабочие смогут существенно улучшить условия своей жизни. Таким образом, эти исследования ревизионистов отвергали традиционный на Западе упор на фактор случайности, неспособность к управлению страной царя, либералов и умеренных социалистов и автономию политики в целом. По той же причине они отрицали значение революционной интеллигенции. Они указывали на то, что и на Западе имелись экстремистски настроенные интеллектуалы, проповедовавшие классовую борьбу, революцию и социализм, но там эти идеи не нашли массовой поддержки. То, что это произошло в России, нельзя объяснить ни гениальностью, ни решительностью, ни беспощадностью, ни способностями к одурачиванию масс у русской интеллигенции. Это произошло потому, что интеллигенция выражала настроения и устремления, появившиеся у рабочих и крестьян благодаря приобретенному опыту. В глазах ревизионистов это и было причиной, объясняющей, почему радикально настроенная интеллигенция приобрела массовую поддержку, и именно эта поддержка, по их мнению, а не выдающиеся организационные способности или тактический гений помогли Ленину и его соратникам прийти к власти[5].

К середине 80-х "ревизионистская" интерпретация была поддержана большинством западных специалистов. В западных университетах, в списках литературы, которые предла-

гались студентам, преобладали книги и статьи "ревизионистов", и те выводы, к которым мы студентов пытались подвести, были пропитаны духом ревизионизма. Росло число положительных отзывов советских историков на работы ревизионистов[6]. Защитники традиционной западной концепции, число которых постоянно сокращалось, заняли оборонительные позиции, рискуя окончательно лишиться аргументов. Казалось, что основная работа и дальше будет вестись в этом ревизионистском направлении, и уже наряду с многочисленными исследованиями о Петрограде начали появляться работы о революции в Москве, Саратове, Баку, Латвии[7]. И в целом, все выводы, делавшиеся по любому вопросу, несли в себе отражение ревизионистских идей: чтобы понять причины Октябрьской революции, необходимо осознать, что политические, социальные и экономические условия в Российской империи привели к росту недовольства в массах и появлению настроений, с которыми царский режим уже не в состоянии был справляться; что Первая мировая война и Временное правительство вели рабочих, крестьян и солдат по пути отрицания старого порядка, и именно потому, что большевикам удалось так хорошо выразить настроения масс и тем самым обрести ту поддержку, которую они имели, они и пришли к власти к Октябре.

Однако с середины 1980-х гг. произошли серьезные перемены в историографии революции. Все рамки, в которых дискуссии развивались и оформлялись, были пересмотрены, и то, что мы наблюдаем, есть не что иное, как возвращение к традиционному западному подходу. Этому способствовало несколько обстоятельств.

Во-первых, крах КПСС и распад СССР разрушили традиционный советский взгляд на революцию. Коммунистическая партия была ее движущей силой; ее духовной основой была идея необратимого и неуклонного движения советского государства от социализма к коммунизму. И вдруг Октябрь перестал быть началом новой, социалистической стадии в мировой истории. Внезапно лагерь традиционных западных историков лишился своего старого врага, марксизм-ленинизм был отвергнут в своем отечестве. Это неизбежно восстанавливало доверие к наиболее воинственно антисоветски и антимарксистски настроенным. И среди историков революции ими были не ревизионисты: ими были приверженцы традиционного западного подхода.

Распад Советского Союза оказал влияние на весь мир, но его воздействие, конечно, проявилось прежде всего в странах бывшего СССР и в самой России. Здесь это привело к яростному отрицанию всего советского - символики, памятников, номенклатуры, романов, фильмов, учебников, самого языка советской эпохи. Дух отрицания привел, по крайней мере поначалу, к сильнейшему идеологическому крену вправо, скачку через социал-демократические ценности к ценностям капиталистическим. В историографии в те годы с восторгом приветствовались не ревизионистские идеи, а полновесные традиционные западные интерпретации, переводы мемуаров либералов и правых. Самые большие симпатии отдавались не Бухарину, не Церетели или Чернову и даже не Керенскому, а Милюкову и даже Столыпину.

Более того, распад СССР произошел в момент, когда на Западе доминирующее политическое и идеологическое влияние имели правые силы. Правительства Рейгана и Тэтчер - отражение этого преобладания. Идеи коллективного действия, коллективной собственности и государственного вмешательства отступали перед победным маршем проповедующих свободный рынок и индивидуализм собственника идей. Трудно было представить более показательную демонстрацию предполагаемого превосходства рынка над планом и индивидуализма над коллективизмом, чем крах советской системы, произошедший как раз в тот самый момент. Что касается историографии, то здесь это влияние проявилось в ее уклоне вправо и восстановлении доверия к традиционным западным подходам после длительного периода упадка в эпоху расцвета ревизионизма.

Таким образом, и события в странах бывшего Советского Союза, и политическое преобладание правых в США и Великобритании вели к смещению баланса интеллектуальных сил, а в историографии революции - к поддержке традиционного западного подхода. Но это еще не все. В это же время культурные изменения на Западе вели к тому же. Интеллектуальная жизнь Запада протекала под влиянием так называемых постмодернистских идей. В целом, историки Запада менее, чем историки России и Восточной Европы, были подготовлены к борьбе с постмодернизмом. На недавней конференции в Великобритании полный энтузиазма литератор - постмодернист пытался объяснить суть этого течения британскому историку: термин "постмодернизм", говорил он, определяет широкое направление мысли, которое ставит под вопрос всю традицию Просвещения - веру в науку, разум, дедукцию и индукцию; которое пытается относиться ко всему - каждому

факту, событию, утверждению - как к тексту, который можно прочитать тысячей разных способов; которое ставит под сомнение нашу способность что-либо знать; которое не признает причин, следствий или синтеза и отказывается принять, что одно объяснение лучше другого. Историк просто ответил, что не хотел бы полететь на постмодернистском самолете.

Историки, в большинстве своем, очень долго пытались игнорировать идейное течение, в той или иной форме отрицающее систему доказательств, различие между объективным и субъективным и саму возможность понять прошлое, что противоречит классической исторической науке, и в самом радикальном варианте отрицает изучение прошлого вообще. Но постепенно историки были вынуждены уделить внимание если не самому постмодернизму, то идейным течениям, близко с ним связанным. Это осложнило интеллектуальное отступление левых на Западе. В некотором смысле это парадоксально, поскольку существует тенденция к тому, что скорее интеллектуально раскрепощенные историки, чем традиционалисты, с большим желанием участвуют в дискуссии по проблемам, поднимаемым постмодернизмом[8]. В то же время в том, что касается изучения и массового восприятия революции, наблюдается противоположная тенденция, когда предпочтение отдается взглядам не *авангардных* историков и ревизионистов, а приверженцев традиционной западной интерпретации. Существует, в частности, три направления, по которым эти идеи способны оказать влияние на изучение русской революции.

Во-первых, они поставили под вопрос существование какой-либо разумной, логической истории человеческого прогресса. Они отвергли саму идею описания истории прогресса в терминах идей, институтов или действий, которые мы можем воспроизвести и установить. Они выражали скептицизм не только в отношении причин вообще, но особенно в отношении истории как рационального повествования о борьбе человека за существование. Безусловно, эти идеи вступают в противоречие с любым гегельянским, марксистским или христианским пониманием прошлого, но они также имеют тенденцию к подрыву и более скромных положений, лежащих в основе ревизионистских подходов к развитию настроений масс в Российской империи перед революцией. С другой стороны, если этот скептический, бесформенный, агностический подход так популярен среди наших студентов, им будет легче принять традиционные западные представления, что события 1917 г. были случайными, непредвиденными, зависели от обстоятельств и политической недальновидности, что это был счастливый билет большевиков.

Во-вторых, постмодернизм бросил вызов историческим подходам, делавшим акцент на объективные социально-экономические условия. Он отвергает всякие попытки рассмотрения социальных групп и страт, разделяя их по их объективной роли в обществе и общему происхождению. Он не выдвигает идею классов. И хотя постмодернизм очень мало говорит о том, что *можно* знать и анализировать, его негативизм и развенчание всех основных инструментов, на которых базируется социальный анализ, более разрушителен для ревизионизма, чем традиционный западный подход, оставивший в покое общественные категории и экономические вопросы.

В-третьих, и это направление, пожалуй, наиболее важно, - как на исторические споры повлияли течения в постмодернизме, отдававшие предпочтение дискурсивному в объяснении поведения человека, где на первое место выдвигался язык. Это подразумевало, что то, как люди думают, есть относительно автономная сущность, и она наделяет вещи смыслом. Это направление неперспективно для ревизионизма и играет на руку традиционной западной интерпретации революции.

Результатом этого влияния на Западе стал рост стремления среди историков революции сместить акценты от "классов" и политических структур к изучению идей, положений, языка, сознания, индивидуальности, суждений. Бывшие "ревизионисты" пересматривают свои работы 70-х и 80-х годов. Они постепенно отступают от позиции акцентирования на социальной структуре, различии интересов богатых и бедных, решающем влиянии жизненного опыта на сознание масс. Они начинают раскаиваться в недооценке важности факторов языка и идей. Алан Уайлдмен - редактор одного из ведущих американских журналов по истории России и автор лучшей работы о радикализации настроений среди солдат русской армии - осуждает себя за демонстрацию "определенной методологической наивности"[9]. Наиболее верные выводы, пожалуй, можно сделать, рассмотрев потенциальное воздействие этих идей на попытки изучения рабочего движения в предреволюционный период.

II. Рабочий вопрос

Три четверти века после революции 1917 г. внимание историков было приковано к вопросу о промышленных рабочих эпохи царизма. Составляя меньшинство работающего населения, они были объектом бесчисленных исторических трудов. Это происходило прежде всего и главным образом из-за той ведущей роли, которую отводили им историки марксистско-ленинского направления. Маркс считал, что "социалисты-утописты" ошибались, не признавая историческую роль пролетариата. Именно как авангард пролетариата Ленин представил свою революционную партию. Поэтому для советских историков рост и подъем рабочего движения занимал центральное место в истории России перед Первой мировой войной. Это была модель, прототип того движения, которое однажды должно было изменить, перевернуть весь земной шар. С возрастанием численности, сплоченности и революционного сознания, росло и влияние русского пролетариата на все угнетенные классы. Это вело буржуазию, несмотря на всю ее заинтересованность в политических и экономических реформах, ко все более тесному союзу с самодержавием и бросало царскому режиму вызов, которому тот не смог противостоять. К моменту развязывания войны в 1914 г. выкованный своей партией-авангардом в непобедимую революционную силу пролетариат был выведен на единственно правильный путь, ведущий к победе сначала буржуазно-демократической, а потом и социалистической революции[10].

Для традиционных западных историков это мнение было выдумкой, которую необходимо разоблачить. Они подвергали критике и попросту высмеивали как тезис, что рабочий класс выступал как политически сознательная движущая сила, так и то, что развитие капитализма в силу своей природы толкает рабочий класс на путь революции и социализма. Но, хотя они и отрицали решающую роль рабочего класса в царской России, они были вынуждены уделять внимание этому вопросу.

Они допускали, что существовали действительно мощные настроения протеста среди рабочих в 1905 г. Но эти настроения возникали скорее вследствие пагубного влияния революционно настроенных, фанатичных представителей интеллигенции, чем в результате неизлечимого социального конфликта, порожденного развитием капитализма. Более того, 1905 г. стал решающим поворотным пунктом, после которого восставшие рабочие, по примеру рабочих Центральной и Западной Европы, могли пойти по пути реформистских рабочих движений. Необразованные выходцы из деревни, оказавшиеся в новых для них условиях работы на предприятии, не принимали незнакомый порядок и оставались неуправляемыми, и до тех пор, пока тяжелые условия труда, типичные для раннего периода индустриализации, преобладали, рабочие не могли не принимать участия в стачечной борьбе. Но промышленное развитие постепенно дало бы средства для повышения заработной платы и улучшения условий труда и так же, как на Западе, лишило бы силы радикальное движение. Различия между группами рабочих продолжали бы расти, благоприятствуя появлению рабочей аристократии, не разделявшей апокалиптической мечты о революции. Более того, открывались пути для мирного решения вопросов путем переговоров между руководством и рабочими в рамках экономики частного предпринимательства. Раздавались голоса, хотя и немногочисленные, как в промышленности, так и в правительстве, в поддержку проведения совместных свободных переговоров. Было положено начало легализации профсоюзов, в 1912 г. был принят закон о страховании рабочих от несчастного случая и болезни. Подготавливалась легальная почва для создания рабочими своих профессиональных, культурных, досуговых организаций, через которые мог идти процесс их интеграции в общество. И только развязывание гибельной войны взорвало этот мирно эволюционизировавший процесс и, подвергнув рабочих мучительным материальным лишениям, пробудило стихийные волнения и беспорядки, мятежи, бунты, бесчинства в феврале 1917 г. [11]

В 1960-1980 гг. русский рабочий вопрос оказался в центре внимания социальных историков - "ревизионистов". Основываясь на методах и подходах новой социальной истории, предложенных Э. П. Томпсоном в его книге "Формирование рабочего класса в Англии", они отрицали детерминистский подход к политизации рабочего класса. Для них основной задачей стало изучение рабочего класса не глазами образованной части общества и политиков, левых и правых, т. е. "сверху", но "снизу", с точки зрения их собственного опыта. Они пытались поставить вопрос о различиях внутри рабочего класса и исследовать взаимосвязь, соотношение между уровнем, происхождением, колебаниями недовольства и разнообразием опыта и переменами в промышленной рабочей силе[12].

Это привело их к отрицанию традиционной западной интерпретации и той точки зрения, что, если бы не война, не было бы и боевого рабочего класса. Даже если рассмотреть лишь один источник - статистику забастовок в предвоенные годы, утверждали они, трудно примириться с мнением, что протест рабочих становился менее интенсивным. Число потерянных из-за простоев рабочих дней и количество участвовавших в стачках рабочих стремительно росло с 1912 г. В 1914 г. стачечная борьба носила не меньший размах, чем в 1905 г. Более того, часть рабочего класса, более приверженная революционной борьбе, набирала вес и силу, как в относительном, так и в абсолютном смысле. Существовала некоторая взаимосвязь между крупными предприятиями (1000-1800 рабочих) и стачечной активностью, а число рабочих на заводах и фабриках с количеством от 1000 человек постоянно росло. Наиболее воинственными и политически сознательными были рабочие-металлурги, а обязательства правительства увеличивать расходы на военные нужды позволяли поддерживать постоянный рост их числа. Более того, эпицентром борьбы рабочих стала столица. Поучителен пример различия между Москвой и Петербургом. В Москве, где в среднем фабрики и заводы были меньше, а рабочих численно превосходили ремесленники небольших мастерских, социальная поляризация не была столь сильной, а борьба рабочих -такой неистовой. Петербург, наоборот, отличался высочайшей концентрацией крупных предприятий, особенно металлургических заводов, и в 1914 г. в столице и ее пригородах насчитывалась почти половина всех бастовавших в империи рабочих. Если современный характер и концентрация рабочей силы в Петербурге, возможно, и были образцом будущего, то перспективы стабильности городской жизни были удручающими.

С ревизионистской точки зрения, не дают подтверждения традиционной западной концепции и мотивы, лежащие в основе волны забастовок. Статистика, собранная существовавшей в то время заводской инспекцией, разграничивая "политические" и "экономические" стачки, показывает растущее преобладание забастовок по политическим мотивам. К этой статистике нужно относиться с определенной долей критики, но нельзя не признавать, что инспектора скорее снизили бы, чем завысили процент политических забастовок. Стачки, вспыхивающие по определенным поводам, каковым был, например, расстрел на Ленских золотых приисках в 1912 г., или короткие забастовки в честь 1 мая, были явно политическими по своим мотивам. Но и на многих стачках, возникавших по поводу тяжелых условий труда и другим экономическим вопросам, выдвигались и политические требования. В действительности слияние экономических и политических задач, тот факт, что рабочие часто не проводили четкой границы между протестом против своих хозяев и протестом против правительства, не сулили ничего хорошего либералам, надеющимся направить недовольство рабочих в мирное, неполитическое русло.

Историки-ревизионисты признают, что политический протест против самодержавия сам по себе не является доказательством того, что рабочий класс стремился к политической революции, которая выходила бы за рамки либеральной демократии. Но они утверждают, что все данные говорят о том, что хрупкое, хотя в действительности и существовавшее, сотрудничество между либералами и рабочими в 1905 г. было уничтожено в предвоенные годы. Рабочие всюду твердо поддерживали социалистические партии - на выборах в Думу, в Советы по социальному страхованию, профсоюзные комитеты. Предвоенный период ясно свидетельствовал, что в борьбе социал-демократических фракций более экстремистски настроенные большевики и межрегиональная группа, а не умеренные меньшевики, набирали силу и мощь, расширяя социальную опору. Большевики победили в 6 из 9 рабочих курий на выборах в IV Думу в 1912 г.

Таким образом, ревизионисты не разделяют традиционную веру западных историков в то, что боевой дух русского рабочего класса постепенно угасал. Действительно, рабочее движение развивалось в тесной взаимосвязи с производственным циклом, достигая пика в борьбе за подъем производства и снижаясь вместе с массовой безработицей; растущая текучесть рабочих кадров в предвоенный период вела к усилению неустойчивости, колебаний рабочего движения. Но ревизионисты приходят к выводу, что сложно опровергнуть утверждение советских историков о том, что в России быстрое и успешное развитие промышленного капитализма не вело к воспитанию умеренности, традиций реформизма, ориентации на чисто экономические цели, а формировало политически сознательный пролетариат.

Подтекст, который под данным выводом подразумевается, менее очевиден. Был ли воинствующий дух рабочего класса порождением основного противоречия капитализма, или же сама ситуация в России была аберрацией, своеобразным отклонением от нормы, представленной Западной Европой? И если согласиться с последним выводом, то в чем

же было это основное, существенное отличие российского рабочего класса от западного?

На первый взгляд, весьма ясное объяснение воинственности русских рабочих лежит в ужасающих условиях, в которых они жили и трудились. Заработная плата была мизерной, и несмотря на некоторое ее повышение в отдельных отраслях в последние предвоенные годы, оставалась чрезвычайно низкой. Рабочий день, составлявший в среднем около 60 часов в неделю в 1914 г., был значительно длиннее, чем на Западе. Процент несчастных случаев на производстве был ужасающим. Закон о создании института фабричных инспекторов не оказал большого влияния на положение дел, а страховой Закон 1912 г. не ограждал человека от инвалидности, профессиональных заболеваний, нищенской старости и безработицы. "Прелести" городской жизни, доступные рабочим - услуги в сфере транспорта, образования, здравоохранения, развлечений - были смехотворны, а условия проживания во многих городах - убоги, и продолжали ухудшаться. Более того, особенно крутые виражи русского промышленного цикла порождали нестабильность и текучесть кадров, и как следствие, сильные колебания уровня заработной платы. Русским рабочим, одним словом, было против чего выступать. Контраст между их жизнью и жизнью дворянско-предпринимательского общества предоставлял бесконечный материал для негодования и возмущения. Одних только лишений уже было достаточно, чтобы вызвать воинственные настроения.

В действительности, однако, сравнительный анализ ситуации в разных странах свидетельствует, что не всегда самые угнетенные и нуждающиеся являлись главной движущей силой протеста. Недовольство скорее не было связано с каким-либо абсолютным уровнем бедности, оно вызывалось снижением жизненного уровня и разочарованием в несбыточности растущих притязаний. И от того и от другого одинаково страдали различные группы рабочих перед войной. Широко распространенная практика сокращения зарплаты насаждалась в 1906-1909 гг., а порожденная войной инфляция мешала впоследствии восстановлению ее реального уровня. В то же время, введение более строгого административного надзора, сдельной оплаты труда, и, в некоторых случаях, более современного оборудования на производстве привели к резкому увеличению темпов работы. Однако, как показывают последние исследования западного, а особенно немецкого рабочего класса в предвоенный период, опыт российского рабочего класса ни в коей мере нельзя считать уникальным [13].

Вторая группа аргументов указывает на быстрорастущий приток крестьянства в ряды рабочих как на ключевую причину воинственного духа рабочего класса. Основной тезис состоит в том, что, с одной стороны, это необразованное пополнение было дезориентировано переходом к городской жизни, и поэтому было неспособно к восприятию основных норм и требований дисциплины предприятия. С другой стороны, их опыт "несправедливой" жизни в деревне дополнялся опытом жизни в городских условиях и порождал особое чувство обиды, негодования, "удивительно изменчивое и динамичное затуманенное сознание, соединявшее возмущение крестьянина пережитками русского "феодализма" (т. е. крепостничества) и негодование пролетариата против капиталистической эксплуатации на предприятиях"[14].

Действительно, в 1914 г. большинство русских рабочих сохраняли связь с деревней и очень часто, будучи членами деревенской общины, владели землей. Даже в Петербурге, где процент потомственных пролетариев был самым высоким, незначительное большинство рабочих разорвало свои связи с деревней. Не должно быть сомнений в том, что вновь набранные на работу в город выходцы из деревни, поддававшиеся коротким всплескам экстремистских настроений, добавляли быстро меняющийся и легко воспламеняющийся элемент в недовольство рабочего класса. Но мнение, что эти необразованные массы новых рабочих были решающим компонентом протеста, спорно.

Связи с семьей, деревней, районом, принцип землячества, который "сельские пролетарии" переносили в городскую жизнь, создавали систему общественных связей, которая, по меньшей мере, сглаживала их дезориентацию и склонность к нарушению закона. Более того, тот факт, что они не порывали с деревней, сохраняя участок земли, разветвленные семейные узы, на которые могли опереться, - снижал вероятность их вовлечения в волну протеста: у них было меньше мотивов взять на себя риск забастовок, чем у тех, чье будущее было связано только с городом. В самом деле, многие определяющие характеристики "сельского пролетария" - относительно низкий уровень квалификации, заработной платы, образования, и даже отмечаемая многими тенденция к более ранним бракам по сравнению с городскими собратьями, - казалось, ослабляли их способность к длительному протесту.

Важно и то, что несознательность вышедших из села слоев рабочего класса не компенсировалась ростом умеренности в рядах их более "пролетаризированных" товарищей. Наоборот, именно самые урбанизированные рабочие, имевшие высочайший уровень квалификации, образования и зарплаты, стояли на переднем фронте пролетарского движения. Практически не было признаков появления "рабочей аристократии" реформистского толка. Наиболее вероятными кандидатами на эту роль были типографские рабочие. Они были высококвалифицированными, исключительно высокооплачиваемыми, часто происходили не из крестьянских или рабочих семей и по природе своей деятельности были подвержены воздействию либеральной литературы, имели достаточно тесные взаимоотношения с интеллигентами-либералами. Но даже они твердо сохраняли лояльность по отношению к социалистическим партиям, и хотя, в основном, идентифицировали себя с меньшевиками, заметно клонились влево в предвоенный период. Верно и то, что ремесленники в начальной стадии создавали ремесленные союзы и демонстрировали определенное корпоративное сознание - "сознание ремесленников". Но это не сопровождалось дерадикализацией и, в отличие от западных обществ, не вступало в конфликт с их чувством причастности к рабочему классу. Квалифицированные ремесленники, работающие в небольших мастерских, действительно играли руководящую роль, значение которой принижалось советскими исследователями, в формировании сознания рабочего класса вообще. В крупной металлургии осуществляли организацию и проявляли активность рабочие, выполнявшие тонкую и сложную, требовавшую высокой квалификации работу. Относительно высококвалифицированные и урбанизированные рабочие металлургической промышленности демонстрировали большую воинственность, чем текстильщики, менее образованные и сохранявшие тесную связь с деревней[15].

Этот пример подтверждается анализом процесса развития классового сознания рабочих. Самые квалифицированные и образованные соединяли острейшее чувство недовольства со способностью четко формулировать свои стремления. Именно они приняли на себя главный удар от владельцев предприятий, попытавшихся изменить структуру производства, перейти к более интенсивному темпу работы, подвергнуть рабочих жесткому надзору сверху и, в ряде случаев, ввести новое оборудование, не требующее высокого уровня квалификации. Именно опытные и искушенные пролетарии говорили о чувстве человеческого достоинства, глубоко оскорбленного жестокостью и бессмысленностью порядков на предприятиях России. Именно они выражали наибольшее неуважение и презрение к заводской администрации, возмущение унизительной процедурой публичных проверок на венерические заболевания, несоблюдением норм элементарной гигиены, правил безопасности труда, ухудшением положения с жильем. Именно для них изменения политических, социальных и экономических отношений были наиболее желаемы. В то же время, более образованные рабочие были способны отвлечься от конкретных обид - на своего мастера или администрацию, - прийти к общему анализу системы, которая их угнетала. Именно у высококвалифицированных рабочих была четче развита способность к независимому мышлению и инициативе. Они, имеющие самые глубокие корни в промышленности и городской среде, сформировали мощнейшее чувство осознания себя как класса, выработали определенные интересы и цели. Более того, их способность наполнять смыслом затруднительное положение рабочих и формулировать причины их недовольства играла важную роль в мобилизации новых отрядов рабочего класса. По словам рабочего из партии эсеров «агитатор-самоучка говорил о том, о чем думал каждый рабочий, но будучи менее образованным, тот был неспособен облечь свои мысли в слова. После каждого слова рабочие восклицали: "Так! Именно так! Это как раз то, что я хотел сказать!"»[16]

Рабочие, способные формулировать идеи и обладающие необходимым для участия в политической жизни минимумом свободного времени, составляли ядро активистов рабочего движения. Именно они создавали профсоюзы после их легализации в 1906 г. Они оставались ядром профсоюзной организации в течение многих лет репрессий и упадка, даже когда членство в них давало не значительную выгоду, а существенный риск дискриминации со стороны работодателей. Несмотря на очевидное сочувствие меньшевистской умеренной позиции, они никогда не придерживались идеи ненужности подпольной партии. В последние перед войной годы большевистская "Правда" имела гораздо больше сторонников, чем орган меньшевиков - "Луч". В самом крупном профсоюзе - рабочих-металлистов Петербурга - лидерство меньшевиков было утеряно в 1913 г. И среди ведущих кадров практически всех отраслей промышленности существовала явная тенденция к замене меньшевистских лозунгов сотрудничества с либералами на четко очерченные, понятные всем лозунги большевиков.

Советские историки, как мы уже убедились, считали, что не уровень жизни и не особое положение рабочих "от сохи" отличали российский пролетариат от западного. "Авангардом мирового рабочего движения" его делала "партия нового типа". Наличие дисциплинированной, сплоченной и идеологически подкованной марксистской партии, ведущей рабочий класс к революции, чуравшейся тред-юнионистского реформизма, в конечном счете, сформировало эту особенность. Однако картина, возникающая из-под пера ревизионистов, подвергает сомнению этот тезис. Они не отрицают, что социал-демократы способствовали внедрению в сознание рабочих таких международных символов солидарности, как 1 мая, помогли в создании рабочих организаций. Не отрицают они и роста популярности большевистских лозунгов и стратегии по сравнению с меньшевистскими. Отличие их концепции - в оценке характера, размера и источников влияния интеллигенции вообще и большевистского влияния — в частности. Ограниченность в средствах, очень плохая связь внутри партии, постоянные полицейские преследования - все это сильно снижало ту роль, которую партия могла бы играть[17]. Только что зародившиеся организации - профсоюзы, страховые советы, рабочие клубы, в которых чувствовалось влияние большевиков, - были еще слишком слабы, чтобы играть решающую роль в волне стачек 1912-1914 гг. Только в 1912 г. партия стала полностью независимой организацией. Только тогда члены партии начали идентифицировать себя с тем или иным крылом, и лишь меньшинство беспартийных рабочих видело разницу между большевиками и меньшевиками. Для них подписаться под воинственными лозунгами "Правды" не значило принимать линию партии по всем вопросам, а еще менее того - придерживаться точки зрения Ленина. Даже уклоняясь влево, профсоюзные активисты относились враждебно к ленинской непримиримой фракционности. Радикализм рабочих не был порожден яростными демаршами лидеров большевиков против тред-юнионизма. Он был результатом жизненного опыта самих рабочих. Большевистский максимализм был выражением их разочарования. И влияние большевиков перед войной было скорее не причиной, а следствием радикальных настроений рабочего класса.

Консенсус среди историков-ревизионистов, изучающих русский рабочий класс, был достигнут в том, что чрезвычайная воинственность рабочего класса в России не может быть в равной степени объяснена ни трудным положением рабочих, ни преобладанием среди них выходцев из деревни, ни руководством со стороны партии большевиков. Ключ к объяснению, считали они, не в этом, он - в политической обстановке в царской России. Политика самодержавия фактически исключала появление умеренного рабочего движения реформистского толка. Хотя в 1905-1906 гг. правительство в принципе признало право на создание профсоюзов и на стачку (только в оборонительных целях), это впоследствии породило множество препятствий на пути эффективных коллективных выступлений и переговоров. Создание общенационального союза запрещалось, профсоюзы постоянно закрывались по техническим причинам. Профсоюзные активисты обвинялись работодателями и жандармами в ведении подрывной деятельности и рисковали попасть в черный список и быть арестованными. Даже наиболее значительные профсоюзные организации могли привлечь лишь небольшие группы рабочих в свои ряды. Работодатели отказывались признавать их право вести переговоры и часто обращались к государству за военной поддержкой против рабочих выступлений, как в случае с забастовкой на Ленских приисках в 1912 г. В результате, несмотря на довольно сильное оружие в виде переговоров, которое предвоенный бум дал квалифицированному рабочему, пролетарии постоянно терпели поражения в стачечной борьбе. Вера в коллективные переговоры не могла пустить корни. При каждом повороте событий оказывалось, что рабочие выступают против государства. Не требовалось тщательного анализа, чтобы сделать вывод: экономические нужды могли быть устранены только путем достижения политических изменений. Самодержавие не оставляло возможностей для выражения интересов рабочего класса через реформистские или неполитические организации.

Не могли интересы рабочего класса соблюдаться и посредством избирательного закона. Полномочия Думы, строго ограничиваемые с самого начала, были еще больше урезаны в 1907 г. Более того, политические партии рабочего класса оставались на нелегальном положении до самого конца, и на выборах в IV Думу в 1912 г. рабочие были представлены 13 депутатами из общего числа 415. Наблюдались признаки того, что депутаты от социал-демократов начинали замещать эмигрантов-революционеров в роли центра революционного движения, появлялись первые попытки взаимодействия между депутатами-меньшевиками и либералами. Но эти нежные цветы парламентской политики не могли расцвести в обстановке самодержавия. Так же, как практика регулирования режимом отношений в

промышленности мешала появлению умеренного профсоюзного движения, его политическая платформа препятствовала появлению реформистской партии, подобной социал-демократической партии в Германии.

Акцентируя внимание на важном значении атмосферы репрессий и подавления, ревизионисты не подразумевали под этим, что рабочие движения должны неизбежно входить в умеренное русло и признавать основополагающие законы капитализма. Этот процесс не был гладким и на Западе. В последние предвоенные годы Британия, Германия и, в меньшей степени, Франция переживали драматический рост воинственности трудящихся масс. Умеренное социалистское и тред-юнионистское руководство, оформившееся в конце XIX в., оказалось под сильнейшим давлением снизу. Квалифицированные рабочие, подвергавшиеся такой же угрозе "дисквалификации", что и их русские собратья, начинали, объединившись с неорганизованными до тех пор рабочими на крупных предприятиях, испытывать потребность бросить вызов осторожности и осмотрительности прежнего движения ремесленников. Более того, последствием войны стала не готовность рабочего класса на Западе к интеграции в парламентскую демократию, а революционный подъем в большинстве стран Центральной Европы и появление массовых коммунистических партий, соперничавших с социалистами в самых развитых странах на континенте. То, что эти радикальные настроения сдерживались, можно поставить скорее в заслугу прочности позиций государства на Западе, и вместе с тем - сплоченности и подвижности антисоциалистических групп среди среднего класса и крестьянства, чем какой-либо естественной для рабочего класса тенденции к "интеграции" и сдерживанию его устремлений.

Согласно ревизионистской точке зрения, вследствие этого, нигде, кроме Запада, появление эффективно действующих профсоюзов и умеренного политического представительства для рабочих не могло примирить радикальные группы рабочих с капитализмом. Но такие институты определенно могли оказывать сдерживающее воздействие на некоторые группы рабочих. Они могли бы создать основу для более широкого парламентского взаимодействия между представителями рабочего класса и политиками-либералами и очертить рамки, в которых апелляция к национализму и усилия реформаторов в области религии, образования и других могли бы иметь больший эффект в сдерживании и обуздании настроений рабочих. Они могли бы способствовать ускорению разрыва между умеренным и радикальным крылом рабочего движения, выступавшим с резкой критикой стабилизации на Западе после Первой мировой войны. Политическая система царизма и была тем решающим фактором, который порождал отличие поведения рабочих России и Запада. И, вследствие этого, перспективы вступления рабочего класса на реформистский путь в предвоенные годы зависели от возможностей либерализации политической системы.

С начала 1990-х дебаты вокруг дореволюционного рабочего класса пережили новый драматический поворот. Это был один из мириада идеологических отзвуков на распад СССР и КПСС. Результатом стало разрушение марксизма-ленинизма как приемлемой исторической концепции и лишение прочной основы представлений о рабочем классе, прокладывающем путь, по которому должно пойти все человечество. В то же время, для приверженцев традиционного западного подхода результатом распада СССР стал взрыв интереса к их идеям. В конце концов, не они ли сводили до минимума значение рабочего класса, отвергали тот постулат, что русский рабочий класс выступал как независимая и политически сознательная сила и подвергали сомнению идею, что однажды рабочие всего мира последуют за ним? Но наиболее интересным представляется переосмысление, происходящее в стане историков-"ревизионистов".

С одной стороны, и для них крах советского эксперимента прочертил линию на песке: он сократил до оптимальных размеров историческое значение промышленного рабочего класса. На постиндустриальном Западе промышленная рабочая сила уже была в состоянии упадка - и пропорционально числу всего работающего населения, и как единая и сплоченная сущность. И вот единственный переворот, который должен был осуществиться руками рабочего класса, "самое близкое приближение в истории к пролетарской революции"[18], потерпел фиаско. В результате встал вопрос о самой концепции "рабочего класса" не только как ключевой исторической фигуры, но и как исторической реалии даже среди тех, кто посвятил десятилетия исследованию рабочего вопроса. Что усугубляло кризис веры, так это влияние постмодернистских идейных течений, и особенно тот основной акцент, который делался на значении речи и субъективного в объяснении человеческого поведения и поступков. Это вело к призывам ревизионистов к резкому смещению акцентов от анализа социально-экономических условий и "объективного" опыта к преимущественному изучению ментального мира, системы ценностей, объяснительных парадигм, формирующих челове-

ческое сознание. Стивен Смит, британский автор лучшего "ревизионистского" исследования о петроградских рабочих в период революции, предлагает "освободиться от исключительного отношения к социальным группам", определить "ту степень, до которой формирование классов происходит дискурсивно", делать больший акцент на созидательную силу идей, восприятия, рассуждений [19]. Призывая к тому же, другой ведущий ревизионист, американский историк, изучающий проблему революционного движения на Кавказе, Рональд Суни сожалеет, что не уделял должного внимания культурным и дискурсивным элементам и осуждает себя за резкий тон своих работ и приверженность к "материалистическим объяснениям".

В течение более двух десятилетий ревизионисты подвергали критике традиционный западный подход за преувеличение влияния на рабочих радикально настроенной интеллигенции и воздействия как легальных, так и нелегальных рабочих и социалистических организаций. Они осуждали традиционных историков за их отношение к рабочим, как к детям, игрушкам в руках интеллигенции, легко манипулируемым и подвергавшимся "промыванию мозгов" со стороны фанатичной социалистической пропаганды. Они настаивали на том, что радикализм и боевой дух рабочих были напрямую связаны с их собственным опытом. Этим можно объяснить почему они восприняли именно социалистические идеи, а не другие, альтернативные, предлагаемые церковью и государством, работодателями и Зубатовым, либералами и дешевой прессой. Короче говоря, ревизионисты делают акцент на том, что не влияние идей, принесенных извне, радикализировало настроения рабочих. Это был, скорее, естественный бунт, возглавляемый наиболее образованными и грамотными среди них, против оскорбления их достоинства и ожиданий, в условиях растущей уверенности, основанной на здравом смысле, что за жестокими, звериными порядками на предприятиях стоит самодержавное государство. Более детальное изучение тех путей, по которым развивались кругозор, ценности и язык промышленных рабочих, может в действительности углубить наше понимание их поведения и поступков. Но перед тем, как мы расстанемся с основными выводами нового поколения, нужно увидеть, наряду с обещаниями серьезного анализа, и их ограниченность. В противном случае существует опасность, что в то время, как ревизионисты забивают последний гвоздь в гроб искажающей действительность традиционной западноевропейской историографии, ее идеи вновь обретут популярность.

Идейное отступление имеет важное значение, поскольку даже выдающиеся ревизионисты демонстрируют свой отход от старых концепций, принимая точку зрения Суни о том, что «структуры и социальное положение, или даже "опыт", сами по себе не приводят в действие и не создают значения», и следуют его рекомендациям о том, что историки рабочего движения должны вернуться к более ранним исследованиям о революционной интеллигенции и подтвердить, насколько сильно использование ею языка класса повлияло на моральный и культурный мир рабочих[21]. Возникает опасность, что ревизионисты откажутся от основной своей позиции и прекратят затянувшиеся нападки на традиционную западную концепцию. Существует также угроза реставрации идей о том, что критической составляющей русской революции, ключевым фактором, уведшим Россию с "западного" пути конституционного и капиталистического развития, были не политические, социальные и экономические условия, но относительно автономный мир идей, основой которого была пропаганда социалистов-интеллигентов. Как только ревизионисты сделают этот шаг, они обнаружат, что вся их новая интерпретация событий 1917 г. распадается на части. Они поставят под вопрос свои же утверждения о том, что для осознания политических итогов революции необходимо изучать общественное движение, рассматривать революцию "снизу". В конце концов, они придут к поддержке тех самых взглядов, которые они так яростно отрицали, той концепции, к которой недавно вновь обратился историк, защищающий все то, что ревизионисты отвергают - Ричард Пайпс. Обнаружится, что они вынуждены будут согласиться с большинством его аргументов, приведенных в его недавнем исследовании о революции, и в особенности с его настойчивыми утверждениями, что «отношения, а не институты или "объективные" экономические и социальные реалии определяют политический курс», и что "революция была результатом не невыносимых условий жизни, а непримиримых отношений" [22]. Таким образом, существует опасность, что ревизионисты под влиянием распада СССР, политического преобладания правых на Западе и постмодернистских течений в исторической науке позволят дезориентировать себя, подорвать уверенность в выдающихся достижениях своих исследований и вдохнуть новую жизнь в дискредитировавший себя взгляд на революцию.

Примечания

[1] См., напр., новый материал о различных партиях и деятелях в: Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Энциклопедия / Под ред. В. В. Шелохаева и др. М., 1996; Figes O. A. People's Tragedy The Russian Revolution 1899-1924. L, 1996

[2] Бурджалов Е. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М, 1967, Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М, 1964; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. Л, 1977

[3] Один из последних примеров ортодоксального советского подхода см.: Исторический опыт трех российских революций. В 3. т. М., 1985-1987

[4] См., напр.: Shapiro L. 1917 The Russian Revolutions and the Origins of Present' Day Communism. Hounslow, 1984

[5] См., напр.: Smith S. Red Petrograd Revolution in the Factories. 1917-1918. Cambridge, 1983; Wildman A. N. The End of the Russian Imperial Army. 2 vols. Princeton, N. Y., 1980, 1987; Figes O. Peasant Russia. Civil War. The Volga Countriside in Revolution (1917-1921). Oxford, 1989

[6] См., напр.: Иоффе Г. 3. Великий Октябрь: трансформация советологических концепций и его классово-политическая суть // Вопросы истории КПСС, 1985, № 6, *С.* 72-86; Булдаков В. П., Скворцова А. Ю. Пролетарские массы и Октябрьская революция. (Анализ современной западной историографии)//История СССР, 1987, № 5, С. 149-163

[7] Koenker D. P. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, N. Y., 1981, Raleigh D. J. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov Ithaca, 1985, Suny R. The Baku Commune 1917-1918. Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton, N. Y., 1972, Ezergai1is A. The 1917 Revolution in Latvia. Boulder. Cal., 1974

[8] Aspleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. N. Y., 1994

[9] Russian Review. 1994, N 53. P V-VI

[10] См., напр.: Рабочий класс России 1907 - февраль 1917 г / Под ред. В. Я. Лаверычева и др., М, 1982

[11] Краткое изложение наиболее влиятельных традиционных западных представлений о предвоенных социально-экономических течениях см.: Gerschenkron A. Agrarian Policies and Industrialization in Russia 1861-1917 // Cambridge Economic History of Europe / Ed by Postan M. M. and Habakkuk H. J. Cambridge 1965, V I Pt 2 P 706-800

[12] См., напр., Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia 1905-1917 // Slavic Review 1964, N 23, P 619-642, 1965, N 24 P 1-22, Bater J. H. St. Petersburg Industrialization and Change L, 1976, Ze1nik R. Russian Rebels. An Introduction to the Memoirs of the Russian Workers Semen Kanatchikov and Matvei Fishei // Russian Review. 1976 N35, Engelstein L Moscow, 1905 Working-Class Organization and Political Conflict Stanford, Calif, 1982, K o e n k e r D. Op. cit, Smith S. A. Op. cit, Bonnell V. E. Roots of Rebellion Workers Politics and Organizations in St. Petersburg and Moscow 1900-1914 Berkeley Calif, 1983, Mandel D. The Petrograd Workers and the Fall of the Old Regime L 1983, Swain G Russian Social Democracy and the Legal Labour Movement L, 1983, The Woikers Revolution in Russia 1917 The View from Below/Ed by Kaiser D. H. Cambridge, 1987, McDaniel T Autocracy Capitalism and Revolution in Russia Berkeley Calif & L, 1988, Surh GD 1905 in St Petersburg Labor, Society and Revolution Calif, 1989. McKean R. St Petersburg Between the Revolutions Workers and Revolutionaries, June 1907 - February 1917 New Haven & L, 1990

[13] См.: Geary D. European Labour Protest 1848-1939. L, 1981. P 90-126

[14] Ze1nik R. Russian Workers and the Revolutionary Movement // Journal of Social History. 1972. N 6. P 214-236

[15] Bonnell V. E. Op. cit. P 427-438; Rosenberg W. G. Workers and Workers' Control in the Russian Revolution // History Workshop 1978 N5 P 89-97; Smith S. A. Craft Consciousness Class Consciousness Petrograd 1919//History Workshop. 1981. N 11. P 33-58

[16] Mandel D. Op. cit. P 16

[17] Edwood R. C. Russian Social Democracy in the Underground. A Study of the RSDLP in the Ukraine, 1907-1914 Assen, 1974. P 237-240

[18] McDaniel T. Op. cit. P 407

[19] Smith S. Writing the Histoiy of the Russian Revolution after the Fall of Communism // Europe-Asia Studies. 1994. N 46. P 563-578

[20] Suny R. G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics // Russian Review. 1994. N 53. P 165-182

[21] Ibid

[22] Pipes R. The Russian Revolution, 1899-1919. L, 1990, P. 51, 7

Россия в пространстве мировой истории

В этом номере журнала мы начинаем публикацию историко-философских статей, представляющих собой попытку осмысления самых различных аспектов роли России в мировой политике, экономике и социокультурных процессах. Инициаторами создания новой рубрики стали ныне покойный видный российский историк, доктор исторических наук, профессор В. П. Дмитренко и доктор исторических наук Б. С. Илизаров.

В своем письме в редакцию журнала "Отечественная история" они писали: "Предлагая всем заинтересованным специалистам участвовать в дискуссии, мы вполне допускаем, что кто-то придерживается и негативного взгляда на роль России в мировой истории или отвергает саму постановку вопроса о возможности рационального осмысления исторических судеб нашей страны. Мы считаем, что было бы очень важно дать возможность высказаться на страницах одного издания людям различных политических и религиозных взглядов.

В недавнем прошлом наша историческая наука была одной из главных идеологических дисциплин. Многие десятилетия существовала полная партийно-государственная монополия на любую мысль с философско-историческим оттенком. В результате отечественные историки не смели перешагнуть грань эмпирических исследований. Запрещалось не только публиковать, но и читать выдающиеся работы, посвященные философии истории. Весь мир спорил об исследованиях А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, О. Шпенглера, М. Блока, М. Хайдеггера, К. Ясперса, А. Тойнби и других выдающихся западных мыслителей, а в России не только молодежь, но и люди старшего поколения мало что знали о трудах даже собственных немарксистских философов - Вл. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, С. Л. Франка, Н. О. Лосского.

Конечно, нельзя забывать, что даже сквозь монолит официальной идеологии время от времени пробивалась самостоятельная мысль историка и философа. И тогда появлялись труды, написанные С. Ф. Платоновым, Е. В. Тарле, Р. Ю. Виппером, Н. И. Конрадом, А. Ф. Лосевым, Б. Ф. Поршневым, М. Я. Гефтером и некоторыми другими. Однако эти работы были скорее исключением, чем правилом, и даже их авторы не решались резко отклоняться от взглядов официальной идеологии. Многие из них так и не реализовали свой огромный творческий потенциал. В результате почти семьдесят лет новой верой советского народа была псевдорелигиозная вера в историческую неизбежность прихода коммунизма и фактическую безальтернативность исторического процесса. На этом фоне становится понятным резко отрицательное отношение части отечественных исследователей к любой постановке вопросов, носящих оттенок историософии.

Считаем, что для отечественных историков пришло время выхода из духовной автаркии. Мы приглашаем к дискуссии не только профессиональных историков, но и всех тех, кого независимо от профессии волнует прошлое, настоящее и будущее России и кого не страшит мысленный полет над всем пространством ее тысячелетней истории".

© 1997 г. **А. В. ГОЛУБЕВ***

РОССИЯ, ВЕК XX...

В последние годы в российском обществе происходит смена парадигмы мышления, связанная с кризисом еще недавно обязательной для всех идеологии. Это обстоятельство поставило перед историками вопрос о значении и месте XX в. в истории России.

Как ни своеобразна наша история, как ни влияют на нее вековые традиции, особенности, модели поведения, ее последние столетия успешно могут быть проанализированы в рамках теории модернизации. Эта теория рассматривает основное содержание эпохи нового и новейшего времени как постепенный и неравномерный переход отдельных стран и культур от традиционного, аграрного, ориентированного на неизменность общества к обществу современному, индустриальному (а сейчас уже - постиндустриальному), приверженному

***Голубев Александр Владимирович,** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

идее постоянного развития. Формирование буржуазных отношений - лишь один из аспектов данного процесса, что позволяет, по крайней мере для нового времени, рассматривать фор¬мационной подход как частный аспект модернизационного. Действительно, если формационный подход концентрируется на развитии производительных сил и производственных отношений, теория модернизации охватывает, помимо этого, все стороны социального и культурного развития.

Можно добавить, что и модернизация общества в период нового и новейшего времени является составной частью более глобального исторического процесса; впрочем, суть и основные этапы его должны составить предмет отдельного разговора.

Особенно актуальна теория модернизации применительно к XX в. российской истории. Выбор ее в качестве основного методологического подхода обусловлен тем, что она позволяет оценить и систематизировать различные факты, тенденции, процессы российской истории и дает возможность рассматривать советский период как эпоху реализации своеобразного варианта догоняющей модернизации.

Начиная с Петра, российская верховная власть стремилась совершить своего рода "большой скачок", воспользовавшись европейским опытом. При этом она ориентировалась в первую очередь на военную мощь, на внешние формы культуры, быта, государственного устройства, избегая, однако, перенимать многие сущностные свойства европейской культуры, например, признание прав личности, склонность к общественным компромиссам, многофункциональность структуры общества и др.

Еще в 70-е годы прошлого века Ф. М. Достоевский отмечал: "Там, где образование начиналось с техники (у нас реформа Петра), никогда не появлялось Аристотеля. Напротив, замечалось необычайное суживание и скудость мысли. Там же, где начиналось с Аристотеля (Renaissance, 15 столетие), тотчас же дело сопровождалось великими техническими открытиями (книгопечатания, пороха) и расширением человеческой мысли (открытие Америки, Реформация, открытия астрономические и проч.)"[1].

Принципиальной особенностью российской модернизации был ее не совсем естественный, "верхушечный" характер, причем в России степень доминирования власти над обществом была особенно высока. Осуществляя модернизацию, власть одновременно безмерно расширяла свои прерогативы и влияние за счет общества.

Это отразилось на социальной структуре российского общества, которая оставалась архаичной по сравнению с другими индустриальными странами. Сохранялись черты сословности, огромный социальный и культурный разрыв "верхов" и "низов", который усугубился к концу XIX - началу XX в. и имел далеко идущие последствия. Скажем, разночинская интеллигенция XIX в., не имея доступа к власти, высокообразованная и потому особенно чувствительная к самодержавно-бюрократическому произволу, оказалась той средой, в которой во второй половине XIX в. начали активно распространяться революционные идеи и готовиться кадры революционеров, составивших впоследствии своеобразную касту. В революционное движение они пришли по различным причинам. Среди них были идеалисты, авантюристы, просто случайные люди. Но, независимо от субъективных характеристик, всех их объединяло одно объективное обстоятельство - образ жизни профессионального революционера.

Российские социалисты (не только большевики), получившие власть в 1917 г., прошли долгую школу подполья и эмиграции. Большинство из них было лишено профессии, завершенного образования, нормальной семьи (т. е. всего, что формирует человека как социальную личность), но получило обширный опыт разрушительной, к тому же конспиративной деятельности. Это были люди, готовые многим пожертвовать и не останавливающиеся перед тем, чтобы жертвовать другими во имя достижения великой (как правило, недостижимой) цели.

Вследствие различных причин, в том числе отсутствия правовой базы и репрессивной политики монархии, к началу XX в. далек был от завершения процесс формирования гражданского общества, которое современные исследователи определяют как сферу реализации различных (политических, экономических, культурных) общественных интересов, не связанных с деятельностью государства[2]. Монархия упорно отталкивала от себя именно те слои, которые были естественными сторонниками капиталистической модернизации, не допуская их к власти. Это была исторически ограниченная, но принципиальная позиция; малейшая уступка конституционным настроениям означала бы отход от полноты самодержавной власти. В глазах последнего императора и его ближайшего окружения не только кадеты, но даже и октябристы представали "врагами престола". Подобная политика препятствовала проведению необходимых реформ "сверху". Признавая поражение попыток

реформировать существующий режим, лидер октябристов А. И. Гучков в ноябре 1913 г. с горечью заявил: "Историческая драма, которую мы переживаем, заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти против носителей этой власти"[3].

Процесс модернизации осложнялся полиэтничным характером российского общества. Так, В. Г. Хорос отмечает, что модернизация обычно успешно осуществляется в более или менее культурно-однородных обществах и "буксует" в обществах цивилизационного микста[4]. Нельзя к тому же забывать, что большинство населения страны проживало в провинции, затронутой модернизацией в гораздо меньшей степени, чем крупные промышленные и культурные центры.

Тем не менее, модернизация в России осуществлялась достаточно высокими темпами, что обусловило повышенную социальную мобильность и маргинализацию населения. Одновременно с революционным движением, порожденным противоречиями уже индустриальной эпохи, нарастало пассивное сопротивление процессу реформ со стороны традиционного общества, которое так и не оформилось политически. Действительно, в российской жизни не было партий, течений, групп *традиционалистского* толка, выступавших против модернизации в целом, в том числе в экономической и культурной областях (серьезное противодействие вызывали лишь попытки политических реформ). Славянофильство в качестве преимущественно культурно-идеологического течения не претендовало на какую-либо политическую роль. Православное духовенство воздерживалось от участия в политической борьбе. Практически все либеральные и левые партии выступали не *против* модернизации, а *за* ее *более высокие темпы и эффективность,* за распространение ее на политическую и социальную области. Это относилось и к большевикам. Короче говоря, никакого "российского фундаментализма" (по аналогии с современным исламским) не существовало. И все же русская революция 1917 г. (и Февраль, и Октябрь) в значительной степени представляла собой *реакцию традиционного общества на форсированную модернизацию,* хотя оппозиция модернизации приняла совершенно иную *идеологическую оболочку.*

Другими словами, здесь существуют исторические аналогии не только с французской революцией 1789 г., но и исламской в Иране 1979г. [5] В отличие от развитых стран, где политическая революция произошла на раннем этапе модернизации и способствовала ее развитию, в России запоздали и модернизация, и политическая революция.

Необходимо подчеркнуть, что термин "запоздавшая (или догоняющая) модернизация" может применяться лишь относительно. Однако нельзя отрицать и того, что в истории ряда стран был реализован именно "догоняющий" вариант модернизации. При этом "импульс буржуазного развития идет не только (а порой и не столько) изнутри, но и извне, от уже сравнительно развитого буржуазного Запада, который выступает как в качестве примера, так и в качестве внешней угрозы. Процесс капиталистического развития в запоздавших странах форсируется, "сжимается" во времени, что приводит общества второго эшелона к гораздо большему социальному напряжению, диспропорциям, общественным противоречиям и конфликтам"[6], - писали в 1986 г. отечественные исследователи.

Необходимо подчеркнуть, что степень успеха модернизации нельзя измерять только цифрами экономического развития, степенью урбанизации или количеством грамотных, хотя все это очень и очень важно[7]. Модернизация предполагает, что культура данного общества сумеет как бы "подстроить" ее под себя, свои глубинные особенности и ценности, и одновременно - сама "подстроиться" под требования модернизации. В России это произошло в недостаточной степени и привело к кризису российского варианта модернизации, кризису, который в значительной мере и предопределил 1917 год. И здесь мы вплотную подходим к вопросу о месте и роли XX в., особенно советских десятилетий, в российской истории.

Революция 1917 г., как известно, началась стихийно, и развитие ее лишь частично определялось политикой партий, оказавшихся у власти или стремящихся к ней. Непосредственными причинами революции послужили прогрессирующее разложение монархического режима, тяжелейшая война, снижение жизненного уровня населения. Но если бы дело было только в этом, у власти, скорее всего, закрепились бы правоцентристские партии, выступавшие за более эффективную модернизацию в условиях парламентской демократии, возможно, конституционной монархии. Они пользовались поддержкой наиболее культурных слоев общества, обладали определенным опытом политической, хозяйственной, в

некоторой степени управленческой деятельности. Их работа по организации тыла в годы войны, их критика царского режима - все это способствовало популярности и самих партий, и их лидеров, и их программ. В условиях неразвитой политической культуры, как известно, образ партии и лидера играет гораздо большую роль, чем конкретные программные установки.

Этого, однако, не произошло. Либеральные партии проиграли, причем проиграли не только в результате переворота в октябре 1917 г. В течение года проводились выборы на различных уровнях, и в ходе их они набирали, как правило, от $^1/_3$ - в лучшем случае - до $^1/_4$ голосов. Ярче всего их поражение проявилось в ходе выборов в Учредительное собрание. По последним уточненным данным, наиболее популярная среди либеральных партий -партия конституционных демократов ("кадетов") - получила всего 4, 6% голосов, что справедливо расценивается исследователями как показатель слабости самого либерального движения и ограниченности его социальной базы в России. Остальные правые и центристские партии и группы потерпели полную неудачу. На выборах победили социалистические партии, в первую очередь эсеры. Большевики собрали 23, 2% голосов. Однако характерно, что в городах за большевиков проголосовало 33, 6%, во фронтовых округах — 39, 5%. Деревня, как и следовало ожидать, довольно дружно голосовала за эсеровскую программу (45, 7%)[8].

В октябре 1917 г. процесс капиталистической модернизации, несмотря на несомненные успехи в экономике и в меньшей степени в социально-политической области, оказался насильственно прерванным. Но, если судить по итогам выборов в Учредительное собрание, значительная часть общества уже до этого отказала ему в своей поддержке. Общий итог выборов - безоговорочная победа партий социалистической ориентации (эсеров, большевиков, меньшевиков и др.), получивших в целом свыше 80% голосов. Это не означало, что Россия "проголосовала за социализм"; прежде всего, никто из социалистов, включая большевиков, не выступал в тот момент за немедленное построение социализма, о котором даже его сторонники имели смутное представление. Избирателей привлек радикализм левых партий и - хотя и очень туманная - альтернатива существующему порядку вещей.

Однако впоследствии в стране утвердился политический режим, который реализовал еще более форсированный вариант модернизации, не считаясь при этом ни с какими жертвами со стороны общества. Что же обеспечило поддержку, молчаливое согласие или хотя бы покорность общества? Важную, но все же не определяющую роль играло прямое или косвенное насилие. Но наряду с этим, новый режим, в отличие от монархии в ее последние десятилетия или Временного правительства, сумел найти опору в массовом сознании.

Н. А. Бердяев одним из первых отметил, что либеральные идеи оказались в России утопическими. "Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием"[9]. Продолжая мысль философа, можно прийти к внешне парадоксальному выводу, что большевизм оказался "наиболее реалистическим" именно в силу своей утопичности.

Как известно, человеческое сознание возникло как мифологическое. Ф. Х. Кессиди определил миф как "особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания"[10]. Лишь постепенно, уже в античную эпоху, о чем писал К. Ясперс в своей знаменитой работе "Истоки истории и ее цель" (1949), возникло рациональное сознание.

Мифологическое сознание в своем развитии прошло ряд этапов - от классического, синкретического мифа через религиозно-догматические системы к современным идеологиям[11]. И все же миф по-прежнему доминирует в общественном сознании.

Одной из важнейших особенностей мифологизированного сознания является склонность к упрощенному и одновременно целостному восприятию мира. Как правило, в этом видении мира доминирует черно-белая гамма. Подобный дуализм прослеживается в большинстве древних религий и во многих современных идеологиях. Бердяев утверждал, что для коммуниста "мир резко разделяется на два противоположных лагеря - Ормузда и Аримана, царство света и тьмы без всяких оттенков"[12]. Мифологизированное сознание конструирует свой мир, существующий и развивающийся по законам мифа и мало общего имеющий с миром реальным. При этом для него характерно неразличение "должного" и "наличного"[13].

Этот тип сознания авторитарен: он исключает сомнения и самостоятельный поиск

истины, стремится опереться не на знания, а на веру, даже если при этом провозглашает себя научно обоснованным. Практика в данном случае критерием истины не является, и никакие внешние воздействия не в состоянии серьезно повлиять на утвердившиеся в массовом сознании стереотипы. Эти стереотипы не могут меняться, как меняется, развиваясь, научная теория; они могут лишь, причем в некоторых случаях достаточно быстро, смениться новыми, столь же жесткими стереотипами. Кстати, нечто подобное произошло в последние годы в нашем обществе.

Мифологизированное сознание, при всей своей архаичности, свойственно любым эпохам и любым социумам. Более того, нет людей, не подверженных его влиянию. Речь может идти лишь о сужении или расширении сферы влияния.

Некоторый исторический парадокс заключается в том, что модернизация вызвала к жизни архаический тип сознания. Но его влияние всегда в высокой степени усиливалось в кризисные эпохи. Именно на архаическое сознание намеренно или интуитивно ориентировались все массовые движения, и в этом как раз заключалась гарантия их массовости[14].

Большевизм сумел, вольно или невольно, опереться на эти особенности российского массового сознания, так же как нацизм - на особенности массового сознания немецкого народа. Можно предположить, что в России нацистская идеология не добилась бы особого успеха; с другой стороны, большевизм в немецком варианте проиграл нацизму. В данном случае ясно, что особенности национальной культуры определили не столько склонность к тоталитарным движениям вообще, сколько выбор того или иного типа движения в кризисной ситуации (истории известны английский, американский, французский варианты фашизма, хотя и нереализованные).

Глубинные национально-культурные ценности, за неимением другого языка, выражались в формулах и стереотипах, предлагаемых марксистской идеологией, тем самым невольно придавая ей особую силу и легитимность. Однако они не сводились к этой идеологии и далеко не исчерпывались ею. При этом, как подчеркивает видный советолог У. Лакер, коммунизм, в отличие от нацизма, "находится в главном русле европейской цивилизации, возможно как ересь или утопия, но он соответствует неким глубоко укорененным традиционным устремлениям"[15]. В силу разных причин именно в России эти традиционные представления оказались наиболее устойчивыми.

Почему же выразителем традиционных устремлений стала именно марксистская идеология? В момент возникновения марксизм представлял собой преимущественно рациональное учение, хотя и с элементами мифологии. Эти элементы, в первую очередь стремление к всеобъемлемости, претензия на абсолютную истину (в классическом марксизме эта претензия выступала в смягченном виде) и некоторая склонность к эсхатологии, и делали его столь привлекательным. От традиционных утопий марксизм отличался в первую очередь тем, что основное внимание обращал не на устройство идеального общества, а на пути его достижения. Постепенно, однако, с превращением марксизма из научной теории в массовую идеологию, он преобразовывался "из науки в утопию".

В ходе российской революции он слился с архаической мифологией масс и превратился в своеобразную форму российской эсхатологии - учение, возвещающее конец старого и возникновение нового мира, только не на небе, а в реальной жизни, на земле.

* * *

Первая половина XX в. прошла под знаком острого кризиса европейской цивилизации, началом которого явилась мировая война 1914-1918 гг. Рациональный взгляд на историю был развеян; подверглись сомнению идеи линейного прогресса. Ошеломляющий успех имела книга О. Шпенглера "Закат Европы", предрекающая закат западного мира. "Современный мир переживает огромную историческую катастрофу. Крушатся прежние идеалы, блекнут прежние надежды и настойчивые ожидания... - писал в конце 1915 г. русский философ Л. М. Лопатин. - А главное - непоправимо и глубоко колеблется сама наша вера в современную культуру... "[16] Затем последовал тревожный межвоенный период с его экономическими кризисами, социальными потрясениями и, наконец, Вторая мировая война, еще более катастрофичная.

Различные общества по-разному отвечали на вызов времени, пытаясь выйти из кризиса: тут и "новый курс" Ф. Д. Рузвельта в США, и кейнсианская политика лейбористов в Великобритании, которую, впрочем, поддержали и консерваторы, приведшая к заметному возрастанию роли государства и формированию развернутой системы социального обеспечения. В ряде государств Восточной Европы, в Испании, Португалии установились

авторитарные политические режимы. Наконец, в некоторых странах произошли революции, погубившие могущественные империи, и возникли политические режимы нового типа - тоталитарные. После Второй мировой войны развитые, в первую очередь европейские, страны преодолели этот кризис, и настал черед стран "третьего мира", где также происходили социальные потрясения, усиливались этатистские тенденции в экономике, и в ряде случаев возникали, как, например, в Китае, новые тоталитарные режимы.

Сама всеобщность кризиса и порожденных им явлений позволяют сделать вывод о том, что кризис связан в первую очередь все с тем же процессом модернизации. Если в развитых странах - или странах "первого эшелона капитализма" - этот переход оказался растянутым на несколько столетий, то в России, Германии, странах Восточной Европы и, тем более, "третьего мира" возникла необходимость форсированной модернизации. И чем решительнее откликались эти страны на вызов времени, тем острее проявлял себя кризис.

Советский политический режим, установившийся окончательно к концу 20-х гг., теперь чаще всего также именуют тоталитарным[17]. Известны многочисленные определения понятий "тоталитаризм", "тоталитарный", и само их количество говорит об отсутствии ясности в этой проблеме. Делаются попытки, например, отыскать тоталитаризм на Древнем Востоке или в античном мире. Тем не менее, большинство исследователей приходит к выводу, что тоталитаризм - явление, порожденное особенностями и противоречиями процесса модернизации[18]. Тоталитарные режимы широко используют современные средства массовой информации и современные технологии, хотя при необходимости применяют гораздо более примитивные, но столь же эффективные методы индоктринации, убеждения и принуждения. Это явление свойственно XX в., так как генетически связано с феноменом "восстания масс", с переходом к индустриальному обществу и представительной демократии. Важнейшей предпосылкой тоталитаризма являются такие аспекты модернизации, как разрушение многих социальных структур традиционного общества и появление так называемого "массового общества" с присущими ему институтами и моделями поведения.

Существует представление о тоталитаризме не только как о следствии, но и как о форме модернизации в ее догоняющем варианте. В контексте кризиса обычного варианта модернизации (как это произошло в России) могут возникнуть условия для появления тоталитарного режима, который с большим или меньшим успехом попытается преодолеть отставание страны. Практика показывает, что этот путь недостаточно эффективен и обходится обществу несоизмеримо дорого, но, тем не менее, нет гарантии того, что он не будет испробован вновь и вновь как в странах "третьего мира", так и, возможно, в рамках СНГ (в последнем случае скорее всего уже не в "социалистическом" или леворадикальном его варианте).

Тоталитарные режимы, как показывает историческая практика, чаще возникают не из-за силы, а из-за слабости государства, в них проявляется отрицание не столько демократии, сколько смуты и хаоса. Стабильное демократическое общество в значительной степени защищено от возникновения тоталитарной диктатуры, опирающейся на массы.

Представляется, что наиболее важными для понимания сути тоталитаризма как определенного типа политического режима являются две его особенности, тесно связанные между собой.

Тоталитарные режимы стремятся достичь (и частично достигают) объема власти, несравнимого с тем, который существует в иных социумах. Режим пытается контролировать не только действия, но даже эмоции и мысли населения. При этом он не терпит ни соперничающей идеологии (и, соответственно, институтов, связанных с ней), ни независимых от него общественных структур (гражданского общества). В этом смысле подобные режимы можно именовать этатистскими, но у них есть еще одна, столь же важная черта.

В отличие от любых авторитарных или диктаторских режимов, тоталитарный режим стремится создать себе массовую поддержку и опирается (особенно вначале) не столько на те или иные элиты, сколько на массовые движения, порожденные массовым обществом.

Отсюда - стремление режимов этого типа максимально политизировать массы, разумеется, в соответствующем духе. Не случайно именно после прихода большевиков к власти, уже в годы Гражданской войны, начала создаваться не имеющая аналогий в истории громоздкая и довольно эффективная пропагандистская машина (впоследствии нечто подобное, может быть даже более сложное, создал и нацистский режим в Германии)[19].

Особое место в структуре тоталитарного режима занимает партия "нового типа" - жесткая, иерархическая структура, мало напоминающая обычные парламентские партии. Вначале это партия, борющаяся за власть, причем часто в условиях подполья, а затем - пар-

тия, использующая эту власть для глобального преобразования общества, породившего ее. Происходит трансформация партии из политической структуры в чисто бюрократическую, срастающуюся с государственной и в результате ее поглощающую. В конце концов она оказывается чуть ли не единственной структурообразующей режима и его основной социальной базой, оттеснив и государство как таковое, и массы.

Тоталитарные режимы претендуют не просто на власть, но на обладание конечной истиной, рецептом всеобщего счастья ("тотальной идеей"), поэтому они стремятся использовать и всемерно ускорить процесс разрушения существующих социальных структур.

Гражданское общество в России создавалось достаточно медленно. Оно формировалось как в крупных промышленных центрах, так и, в меньшей степени, в провинции (в этой связи достаточно упомянуть о деятельности земств). Одним из условий формирования тоталитарного режима является или разрушение гражданского общества, или, по крайней мере, его полная деформация и подчинение государству (как в нацистской Германии). В послереволюционной России это разрушение прошло этапы, которые в перспективе явились своеобразными "ступенями" на пути к тоталитаризму. На первых порах была ликвидирована многопартийная система и крупная частная собственность. Однако в 20-е годы гражданское общество в сильно урезанном виде еще существовало. Действовали общественные организации, лояльные по отношению к режиму, но независимые от него; сохранялось многообразие форм собственности. На основе русской классической культуры, предреволюционных поисков в этой области и новых тенденций, набравших силу после революции, складывалась определенная культурная парадигма, породившая не только оригинальное искусство, но и, как заметил В. Л. Махлин, в некоторой степени новый тип мышления - "русский неклассический гуманитет 20-х годов, исторически "располагающийся" как бы в промежутке между русским дореволюционным и постреволюционным советским менталитетом"[20].

Все это было уничтожено в ходе пресловутого "великого перелома" на рубеже 1920-1930-х гг. К этому времени "Россия стала по-настоящему втягиваться в революцию в подлинном смысле этого слова... последовал тот многомиллионный мощный социальный взрыв, который в действительности и стал на десятилетия самым реальным, а может быть, и основным исторически реальным результатом Октябрьской революции"[21].

"Великий перелом" отнюдь не был чисто верхушечным. В ликвидации нэпа было заинтересовано не только политическое руководство режима, но и значительная часть общества. В городах это были рабочие, недовольные ухудшением снабжения, массовой безработицей, возвращением социального расслоения, и одновременно приверженные социалистической идеологии, декларированным целям революции; молодежь, стремившаяся к повышению социального статуса и также находившаяся под влиянием утопических идей; вновь возникающий и уже достаточно многочисленный аппарат, постепенно становившийся главной социальной опорой режима. В деревне - беднота, батрачество, низовой слой "активистов" и функционеров, опять-таки молодежь. Не случайно политика правительства в 20-е годы была нацелена на разрушение традиционного деревенского социума, сознательное провоцирование классовой борьбы и создание поддержки среди наименее удовлетворенных своим положением социальных групп[22].

Необходимо помнить, что как бы ни были идеологизированы и, следовательно, оторваны от реальности многие большевики, они все же в массе своей не успели до конца обособиться, потерять навыки организационной массовой работы, которая всегда была их сильной стороной[23], и утратить "обратную связь" с процессами, происходившими в обществе. Более того, они со все возрастающим вниманием пытались "отслеживать" эти процессы. Партийные и советские органы, прокуратура, ОГПУ составляли достаточно обширные "сводки о настроениях". Постоянно совершенствовалась и расширялась система перлюстрации, причем полученные с ее помощью материалы регулярно представлялись высшему руководству страны - подобная практика была заведена еще В. И. Лениным. Как отмечает современный исследователь, "письма копировались достаточно подробно: переписывалось все, что представляло интерес для информации о политических настроениях населения... Советская власть очень хотела знать подлинные настроения, мысли и чувства народных масс, не ограничиваясь тем, что высказывалось на собраниях, и материалами официальной печати"[24].

Все это позволяло с относительной эффективностью (хотя порой с непредсказуемыми результатами) влиять на эти процессы. Опыт как легальной, так и нелегальной пропаганды, накопленный большевиками, тоже играл свою роль.

"Великий перелом", помимо прочего, означал огромный рост *социальной мобильности;*

в результате его в выигрыше оказались значительные слои населения. Таким образом еще более укреплялась социальная база режима. Один из иностранных специалистов, работавших в те годы в СССР, писал: "имелось множество смертельных опасностей, которых не смогли миновать миллионы людей. Но десятки миллионов... выжили и упорно работали, воодушевляемые своими новыми возможностями, надеясь на лучшую жизнь в будущем"[25].

Нет точных статистических данных, позволяющих оценить степень поддержки правящего режима. Не проводились социологические опросы, каралось любое открытое выражение недовольства. Упомянутые сводки ОГПУ или партийных органов, отражающие настроения масс, были неполными, не всегда объективными, и уж, в любом случае, не давали количественных показателей. Впрочем, к концу 20-х годов в них явственно предстает картина расколотого общества, в котором не только существовали, но и высказывались полярные точки зрения. Вряд ли антикоммунистические настроения, достаточно широко распространенные в 1927-1929 гг., мгновенно исчезли в последующие годы; очевидно, в какой-то момент их просто перестали высказывать открыто.

Возможны лишь самые приблизительные оценки и предположения. Так, Н. Я. Эйдельман считал, что "сталинским гипнозом" было охвачено 20-30% населения[26]. Если учитывать пассивность большинства, такая степень поддержки представляется более чем достаточной.

Процессы, происходившие и в сознании политической элиты, и в массовом сознании, позволяют кое-что понять и в механизмах террора. Мифологизированному сознанию вообще свойственна нетерпимость к любому инакомыслию; отсюда известный лозунг -"Кто не с нами, тот против нас". Выступая на февральско-мартовском пленуме 1937 г., К. Е. Ворошилов, имея в виду командные кадры армии, говорил: "У нас беспартийные могут быть и будут. Но допуская беспартийных, относясь к ним хорошо, мы не можем ни при каких условиях допустить того, чтобы беспартийный начальствующий состав рабоче-крестьянской Красной Армии был бы аполитичен, чтобы он был *безразличен* к тому, что вокруг него делается, чтобы он не знал, что собой представляет наша партия, какие у нее задачи и стремления, чтобы он *не поддерживал всей своей работой все наши социалистические начинания,* всю нашу работу. Если такие беспартийные будут появляться -*это же полувраг, а через самое короткое время это - агент врага и сам* враг"[27] (курсив мой -*А. Г.).* Если в данном случае перед нами скорее теория, то Сталин в своем заключительном слове на том же пленуме сделал из нее совершенно практические выводы.

Вспоминая о партийной дискуссии 1927 г., он, с легкостью необыкновенной, причислил к троцкистам не только тех, кто голосовал за них, но и всех воздержавшихся, а также 10% членов партии, не принявших участия в голосовании. "Вот вам: за троцкистов голосовали 4 тыс., воздержались 2600-6600. Добавим им 11 тысяч (не участвовавших в голосовании -*А. Г.)* - 18 тысяч. Вот троцкисты. Тысяч 10 можно положить за зиновьевцев - 28 тысяч. И всякая другая шушура (так в тексте - *А. Г.):* правые и прочие, давайте будем класть 30 тысяч. Вот вам кадры, *количество отнюдь не преувеличенное* (курсив мой - *А. Г.),* люди, которые стояли за антипартийное течение, за троцкистов, за зиновьевцев... Из этих кадров троцкистов, зиновьевцев уже арестовано 18 тысяч. Если взять 30 тыс., значит, 12 тыс. остается... "[28] Характерно, что подобная "арифметика", определявшая трагические судьбы десятков тысяч членов партии, не встретила у участников пленума никакой видимой реакции.

Подобные настроения распространялись и на низших уровнях руководства. Так, на пленуме Ленинградского обкома в октябре 1936 г. один из периферийных партийных работников самокритично признавался: "На фоне низкой партийной прослойки мы были рады каждому появляющемуся у нас коммунисту, не всегда тщательно проверяя, что это за коммунист. Действительно ли член большевистской партии, который будет помогать укреплять наши силы. Или это шпион, диверсант, террорист". Другой ссылался на "объективные трудности": "На 18 тыс. коренных жителей в Малой Вишере 7 тыс. людей, высланных из Ленинграда: тут вы найдете и троцкистов, и зиновьевцев, и фальшивомонетчиков, и бывших дворян, и архимандритов, и бухгалтеров и т. д. "[29].

Конечно, и в массовом сознании подобное восприятие общества находило свое отражение. В историографии, а особенно публицистике последних лет стало общим местом упоминание о массовых митингах, участники которых требовали немедленной расправы с "врагами народа". Однако в реальности дело обстояло сложнее. Были люди, понимавшие необоснованность, а часто абсурдность большинства выдвигаемых обвинений как политического, так и уголовного характера. Были равнодушные. В целом, однако, общество скорее смирилось с террором, чем поддержало его[30].

Но террор был лишь одним, хотя и самым сильнодействующим средством. Практически во всех социальных слоях - от академиков до уголовников - создавался "актив", призванный демонстрировать "всенародную поддержку" политики режима. Так, выступая на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1933 г., Ворошилов с гордостью подчеркивал: "Вряд ли много найдется таких крестьян в Европе и Америке, которые бы вышли на трибуну и без единой записочки произносили длинные и хорошие речи о строительстве новой жизни, нового человеческого общества"[31]. Действительно, речи участников съезда были хорошо подготовлены и "выдержаны" в нужном духе. То же было и в других слоях общества. Например, руководитель советской литературной делегации в декабре 1935 г сообщал из Парижа в секретариат Союза писателей о поведении видных литераторов, членов делегации: "Кроме того, что они только и говорят о советской стране, ее победах и переворотах, сравнивают людей Республики с теми ущербными и страдающими людьми, которых они встречают на каждом шагу - эти поэты в условиях Запада необычайно искренне, от всего сердца чувствуют себя частью поэтического отряда бойцов СССР"[32].

Необходимо помнить, что тоталитарный режим является альтернативой не *демократии, личности,* или *гуманизму,* а *гражданскому обществу* как таковому. Поэтому, одновременно с усилиями по созданию и укреплению собственной социальной базы, режим проводил активную политику, направленную на ликвидацию самих основ гражданского общества, в первую очередь негосударственных форм собственности. Не столь важно, что в данном случае явилось определяющим мотивом - чисто идеологические (утопические) соображения, или же стремление к максимально полному контролю над обществом, что исключало сохранение сколько-нибудь существенной негосударственной сферы экономики (представляется, впрочем, что идеологические соображения превалировали на первых порах, а соображения, связанные с повышением *степени управляемости общества,* становились все более значимыми по мере формирования тоталитарного режима). В этом смысле можно сказать, что большевистская идеология и практика вели к тоталитаризму скорее *объективно,* чем *субъективно*

Как бы то ни было, уже в течение первой половины 1930-х гг. исчезли независимые экономические субъекты. Были ограничены, а то и прямо запрещены все виды общественной деятельности, не санкционированные "сверху". Практически все социальные институты и организации оказались огосударствленными в явной или скрытой форме. Многочисленные и разветвленные горизонтальные связи, характерные для гражданского общества, сменились связями чисто вертикальными, построенными по принципу иерархии.

Сталинизм, справедливо отметил И. Г. Яковенко, стремился к максимальному упрощению общественного бытия и общественного сознания, к их однородности и монолитности[33]. Это, собственно, и означало ликвидацию гражданского общества, которая сопровождалась более масштабным процессом, затронувшим все стороны российской жизни: шла своеобразная "атомизация" общества в целом, разрушение традиционных связей, социальных, культурных, этнических, в какой-то степени даже родственных. В значительной мере это было вызвано объективными причинами. Как в предреволюционные, так и в послереволюционные годы развитие промышленности, политические потрясения, урбанизация, индустриализация, коллективизация- все это способствовало разрушению складывавшейся веками традиционной социальной структуры. Но и политика режима действовала в том же направлении.

Массы, вырванные из привычного социального контекста, зачастую овладевшие лишь элементарной грамотностью (1939 г. на 1000 человек приходилось 77, 8 человека со средним образованием, т. е. менее 8%, и 6, 4 человека или 0, 6% с высшим образованием[34]), представляли собой благоприятную почву для восприятия официальной идеологии через централизованную пропагандистскую систему. Но важно отметить, что и в этих условиях был достигнут лишь частичный и временный эффект. "Атомизация" общества никогда не была абсолютной.

Оставались, по выражению К. Фридриха и 3. Бжезинского, "острова сепаратизма", т. е. семья, церковь, в меньшей степени академические круги, сфера культуры и искусства[35]. Это давало некоторую возможность сохранить привычную систему ценностей, внутреннюю свободу личности, не приводя к открытой конфронтации с существующим строем. В то же время террористическая политика режима исключала развитие этих островов до уровня составных элементов гражданского общества.

Особое место занимали постоянно находившиеся в неприязненных отношениях с режимом (большей частью не по своей воле) различные конфессии. В отличие от других

социальных структур, помимо организации, они предлагали и альтернативное, при этом целостное и глубоко укорененное, существующее в течение столетий и вошедшее в саму ткань культуры мировоззрение. Одно это делало их потенциальными конкурентами режиму.

Влияние режима на повседневную жизнь и настроения деревни было меньшим, чем в городах: на окраинах меньше, чем в центре; процессы общероссийского масштаба по-разному происходили в столице, в промышленных центрах, сельской "глубинке" или в национальных районах; впрочем, тут необходимы дальнейшие исследования. Можно лишь отметить, например, что в российской провинции, с одной стороны, традиционные связи оказывались более устойчивыми, чем в крупных центрах, а с другой, - местные власти в своем рвении зачастую превосходили центральные. Вообще "перегибы на местах" стали составной частью советской политической культуры и как реальность, и как своеобразное "алиби" для политического руководства. К тому же в центре некоторые социальные группы сохраняли остатки собственной автономии, несмотря на репрессии, которым они подвергались. В провинции подобных исключений практически не было.

Вместе с тем, этот процесс имел и обратную сторону: вместо разрушенных социальных связей возникали новые - профессиональные, территориальные, клановые и т. д. Короче говоря, описанная "атомизация" была скорее тенденцией, чем состоянием общества.

Прекращение политики открытого массового террора, даже не сопровождавшееся серьезными преобразованиями в политической системе, подтолкнуло процесс возникновения и закрепления новых социальных связей. Стремление к переменам ощущалось в обществе уже в первые послевоенные годы и явилось одним из социально-психологических последствий войны, породившей повышенные ожидания[36]. Эти ожидания не сбылись, но, по крайней мере, заметно повлияли на изменение общественной атмосферы. Еще более резким толчком оказался XX съезд КПСС и робкое начало десталинизации.

Вопрос о сопротивлении тоталитарному режиму, несмотря на большое количество публикаций последних лет, еще не изучен в достаточной степени и тем более не осмыслен; существующие исследования носят большей частью фактографический или мемуарный характер[37]. Тем не менее необходимо хотя бы вкратце коснуться этой темы.

В советской истории никогда не было периодов всеобщего безоговорочного подчинения тоталитарному режиму. Даже в самые глухие времена жизнь общества не ограничивалась одобрением и выполнением принимаемых "вождями" решений; существовала неофициальная общественная мысль, хотя из-за невозможности открытого самовыражения она не могла сформировать независимого общественного мнения.

Противников большевиков в годы революции и Гражданской войны трудно причислить к противникам тоталитаризма уже хотя бы потому, что тогда не существовало ни самого термина, ни стоящей за ним реальности (в *некоторых случаях* можно было бы говорить лишь о *сопротивлении диктатуре).* Однако окончательное становление тоталитарного режима вызвало сопротивление как в партии (например, "дело Рютина"), так и вне ее.

Существуют отрывочные свидетельства о существовании молодежных антисталинских организаций уже в 30-е годы. В послевоенный период они становятся не таким уж редким явлением. При этом в условиях тоталитарного режима зачастую исчезало очевидное для иной политической культуры различие между сопротивлением (в том числе вооруженным) и вполне законной оппозицией. Стремление режима поставить под контроль не только политические и экономические, но культурные и даже бытовые процессы, приводило к тому, что совершенно невинные, казалось бы, поступки или высказывания воспринимались как преступления (причем не только властями, но и обществом; например, антикоммунизм или антисоветизм пострадавших сам по себе уже был оправданием репрессий в глазах окружающих).

Люди далеко не всегда сознавали, что своим поведением приходят в противоречие с официальными требованиями. Тем более (и это тоже характерно для тоталитаризма) последние сплошь и рядом не формулировались сколько-нибудь четко и однозначно, а лишь подразумевались. Впрочем, для "случайно оступившихся" существовал широчайший спектр сравнительно мягких, в том числе и неформальных, способов воздействия.

Сознательное политическое или идеологическое сопротивление было уделом узкого круга людей. Но гораздо шире были распространены неосознанные или полуосознанные формы недовольства. Чрезвычайно большую роль играли культурные и бытовые традиции. Само наследие русской и мировой культуры рождало духовное противостояние, если не с режимом в его полноте, то по крайней мере с наиболее негативными его проявлениями[38].

Именно это противостояние способствовало тому, что в 1950-60-е гг. смогли оформиться первые ячейки гражданского общества, хотя и не осознававшие себя в этом качестве. "Люди тянулись друг к другу. Образовывались как бы клетки новой общественной структуры. Впервые возникало настоящее общественное мнение", - вспоминали впоследствии участники этого процесса[39].

К возрождению гражданского общества и постепенному разложению тоталитарного режима вела логика модернизации, которую этот режим осуществлял. После социальных потрясений первой половины века наступила эпоха относительной стабильности и относительного благополучия. Постепенно возникала официально игнорируемая, но тем не менее весьма сложная социальная структура, сходная с социальной структурой других развитых стран. Радикально изменился уровень образования: к середине 1980-х гг. каждый четвертый работник, по данным официальной статистики, был связан в основном с умственным трудом. Завершался процесс урбанизации: уже к началу 1970-х гг. городское население по численности заметно превышало сельское.

Менялось не только общество, менялась его политическая элита. Постепенно разрастаясь, она превратилась в сложную иерархическую структуру, пронизанную, однако, неформальными горизонтальными связями, которые по своей значимости уже не уступали связям формальным. Противоречия между отдельными группами внутри правящей элиты, которые раньше разрешались путем превентивного террора, теперь способствовали эволюции режима. Как показала историческая практика, *все* тоталитарные режимы, просуществовавшие в течение определенного, сравнительно длительного периода, были реформированы частью собственной правящей элиты.

Тем временем происходило окончательное "расхождение" общества и политического режима. В годы так называемого "застоя" режим стагнировал, а общество развивалось, хотя и не всегда "по восходящей". Правящая номенклатура все больше утрачивала представление о реальности и контроль над нею. Этот процесс, свидетелями которого были все мы, уже тогда подмечался и осмысливался проницательными современниками. Вот как, в частности, оценивал его в 1978 г. бывший дипломат, впоследствии публицист-правозащитник Е. А. Гнедин: "Государство, государственный аппарат - с одной стороны, и общество - с другой, претерпевают эволюцию в противоположных направлениях. Партийно-государственный аппарат, опирающийся на конституцию 1977 года, приобретает все новые склеротические черты, между тем общество постепенно оживает, становится плюралистическим. Наблюдаются и зачатки еще незрелого политического плюрализма, но я имею в виду прежде всего разнообразие в мировосприятии, в мировоззренческих концепциях"[40].

Происходила частичная демифологизация общественного сознания; с другой стороны, на смену единой, господствовавшей мифологии явились новые мифы, принятые отдельными, иногда весьма узкими, социальными группами.

Тоталитарный режим, пройдя свой апогей, эволюционировал в направлении авторитаризма. Перестройка, начатая сверху, лишь ускорила давно идущие внутренние процессы и в конечном итоге привела к распаду режима. Но, исчерпав свой исторический потенциал, советский вариант тоталитаризма оставил весьма разнообразное наследие.

Отсутствие *развитого* гражданского общества, повышенная мифологизированность сознания, до предела огосударствленная экономика, не говоря уже о миллионах жертв, -вот цена, которой была оплачена модернизация страны, или, по крайней мере, ее первый этап. Результат во многом оказался неадекватным приложенным усилиям и принесенным жертвам. Но и вопрос о возможных альтернативах пути, пройденному Россией в XX столетии, пока остается открытым.

История доказала, что этот путь модернизации неэффективен, в литературе даже появился термин "квазимодернизация", однако именно по нему прошла в XX в. Россия. Традиционное общество было разрушено, разрыв между уровнями культуры, существовавший до революции, преодолен, хотя и весьма дорогой ценой, произошел переход к индустриальному обществу. В значительной мере размытой оказалась имперская компонента сознания. В обществе появился определенный иммунитет к утопическим идеям и насильственным способам их реализации, что доказывает история последнего десятилетия. Возникла пока отдаленная, но реальная возможность уже не революционного, а эволюционного перехода к постиндустриальному обществу. И хотя впереди многолетний кризисный период, есть некоторая надежда на то, что новых социальных катаклизмов, подобных пережитым Россией в первой половине века, удастся избежать.

Примечания

[1] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 21, Л., 1980. С. 268.

[2] Шкаратан О. И., Гуренко Е. К. От этакратизма к становлению гражданского общества // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 3. С. 155.

[3] Цит. по: Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 100.

[4] Хорос В. Г. Русская идея на историческом перекрестке // Свободная мысль 1992. № 6. С. 45.

[5] Подробнее см.: Голубев А. В. Тоталитаризм и модернизация в отечественной истории // Сталинизм - закономерность, угроза, вызов. Новосибирск, 1992. С. 14; Яковенко И. Г. Русская интеллигенция как промежуточный социокультурный тип//Динамика культурных и социальных связей. М., 1992 С. 72.

[6] Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. М., 1986. С. 25. Об особенностях российской модернизации см. также: Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1994. К сожалению, в отечественной историографии специальных работ по этой проблематике пока еще очень мало, поэтому приходится использовать труды западных ученых, уделявших достаточно большое внимание особенностям российской модернизации. См. об этом: Поткина И. В., Селунская Н. Ю. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194-207.

[7] Впрочем, здесь недопустимы преувеличения, обычные в последние годы. Новейшие исследования показывают, что к 1914 г. Россия по социально-экономическим показателям в 4—6 раз отставала от США, Англии, Германии, Франции и в 2-3 раза от Австро-Венгрии и Италии. См.: Степанов А. И. Место России в мире накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 156-163.

[8] Данные Л. Г Протасова. См.: Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. Два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 5. С. 13-15. Справедливости ради необходимо отметить, что 11 декабря 1917 г. (по новому стилю) кадетская партия была запрещена декретом СНК РСФСР, но даже если бы этот декрет был реализован немедленно и по всей стране (что в той ситуации маловероятно), к этому времени в большей части округов выборы уже состоялись, и их итоги были подведены.

[9] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С 93

[10] Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу (становление греческой философии). М., 1972. С. 41.

[11] См.: Фурман Д. Е. Наша странная революция // Свободная мысль. 1993. № 1. С. 11-12.

[12] Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 149.

[13] См.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 30.

[14] Подробнее о мифологическом типе сознания см.: Голубев А. В. Мифологическое сознание в политической истории XX века // Человек и его время. М., 1991; Тимофеев М. Ю. Советская интеллигенция как творец сталинской мифологии // Интеллигенция в политической истории XX века. Иваново, 1992.

[15] Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 391.

[16] Цит. по: Гайденко П. П. Философия культуры Романо Гвардини // Вопросы философии. 1990. №4. С. 121.

[17] Подробнее см.: Сахаров А. Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории // Коммунист. 1991. №4; Борисов Ю. С., Голубев А. В. Тоталитаризм и отечественная история // Свободная мысль. 1992. № 14; Игрицкий Ю. И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1 и др.

[18] См. об этом: Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989; Игрицкий Ю. И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6; Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. №2; Головатенко А. Ю. Тоталитаризм XX века: материалы для изучающих историю и обществоведение. М., 1992 и др.

[19] См.: Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilisation. 1917-1929. Cambridge, 1985.

[20] Махлин В. Л. Русский неклассический гуманитет 20-х годов XX века (неопознанная пара) // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел, 1994. С. 38.

[21] Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 63.

[22] Кудюкина М. М. Общее и особенное в настроениях крестьянства накануне коллективизации // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. С. 268-273.

[23] Суханов Н. Н. так характеризовал деятельность большевиков в 1917 г.: "Они были в **массах,** у станков повседневно, постоянно. Десятки больших и малых ораторов выступали в Петербурге на заводах и в казармах каждый божий день. Они стали **своими,** потому что всегда были тут - руководя и в мелочах, и в важном всей жизнью завода и казармы. Они стали единственной надеждой хотя бы потому, что, будучи

своими, были щедры на посулы и на сладкие, хоть и незатейливые сказки." См.: Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. М., 1992. С. 214.

[24] Измозик В. С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 33. Особый размах система перлюстрации получила в годы Великой Отечественной войны - так только за ноябрь 1941 г. военная цензура г. Москвы и Московской области проверила 5 132 374 письма (то есть 100% всех отправленных писем), причем было конфисковано 6 192 писем (0, 13%), частично вычеркнут текст в 56 808 письмах (1, 1%). См.: Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С 158, 165.

[25] Цит. по: Шуман Ф. Россия после 1917 года. Четыре десятилетия советской политики. Вып. 1. М., 1959. С. 164-165.

[26] Эйдельман Н. Я. Изучение социально-культурного процесса и миссия историка // Искусство и искусствознание на путях преодоления мифов и стереотипов. М., 1990. С. 107.

[27] Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 16.

[28] Там же. 1995. № 11-12. С. 15.

[29] РЦХИДНИ, ф. 88, оп. 1, д. 1039, л. 73, 81.

[30] Интересна, например, стенограмма совещания актива Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), состоявшегося в мае 1937 г. и посвященного вопросу о бдительности. Сославшись на уже разоблаченных (т. е. арестованных) "врагов" и "троцкистов", на которых автоматически списывалась большая часть недостатков, работники ВОКСа тут же переходили к чисто практическим, иногда совершенно несущественным, вопросам. См.: ГА РФ, ф. 5283, оп. 1, д. 357, л. 1-75.

[31] Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников передовых колхозов. 15-19 февраля 1933 г Стенограф, отчет. М.; Л., 1933. С. 276.

[32] РЦХИДНИ, ф. 8, оп. 1, д. 513, л. 3 об.

[33] Яковенко И. Г. Сталинизм. Границы явления // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 41.

Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 49.

[35] Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy Cambridge (Mass.), 1965. P. 289.

[36] См.: Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945-1964. М., 1993.

[37] См., напр.: Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. Вильнюс, М., 1992. С. 195.

[38] Подробнее см.: Кудюкин П. М. Сопротивление режиму (1945-1987) // История. 1996. № 3.

[39] Орлова Р. Д., Копелев Л. З. Мы жили в Москве: 1956-1980. М., 1990. С. 20.

[40] Гнедин Е. А. Выход из лабиринта. М., 1994. С. 152.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 1997 г. М. МАЛИА*

ИЗ-ПОД ГЛЫБ, НО ЧТО?
ОЧЕРК ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ СОВЕТОЛОГИИ

Заимствование для этой статьи заглавия знаменитого сборника "Из-под глыб" связано с существованием двух "тектонических" пластов. Очевидно, что первый пласт — это то, что имели в виду составители, когда использовали данную метафору, чтобы охарактеризовать действительное состояние коммунистической системы во времена кажущегося сверхмогущества Советского Союза. Второй пласт глыб, выделяемых с помощью той же метафоры, относится к области не институциональной, а интеллектуальной - к состоянию западной советологии после крушения былого предмета ее исследований и, разумеется, к подлинному положению вещей в этой дисциплине в период воображаемой неуязвимости коммунистического строя. Рассмотрению этого второго нагромождения глыб и посвящена предлагаемая статья.

В качестве прелюдии давайте вспомним, обратясь к другой метафоре, сколь обширным и беспрецедентным было опустошение, причиненное семьюдесятью четырьмя годами советской власти. В закатные лета советской системы получила хождение острота, настолько хорошо характеризующая структурные проблемы ухода из коммунизма, что ее авторство приписывали то Л. Валенсе, то юмористу М. Жванецкому: "Нетрудно приготовить рыбный суп из аквариума, но никто еще не нашел рецепта, как из рыбного супа сделать аквариум". Ибо вспомним и то, что коммунизм был тотальной системой, охватывавшей все стороны жизни - от политики до экономики и культуры - в одном единственном учреждении - государстве-партии. И вполне логично, что система поэтому рухнула полностью и тотально, сразу во всех сферах, оставив после себя тотальную проблему реконструкции также во всех сферах общественной жизни. Ситуация оказалась столь уникальной, что России, без сомнения, потребуется целое поколение, чтобы путем импровизаций перейти из состояния "рыбного супа" назад - к "нормальному обществу".

Именно на этом фоне нам и следует судить о концепциях и категориях, которые, исходя из возможностей современных общественных наук, разработала западная советология, чтобы объяснить тогдашний советский феномен. Ибо теперь история оставила от этого некогда обширного комплекса ученой деятельности одни концептуальные руины: советология не только не смогла различить признаки грядущего крушения коммунизма, не говоря уже о том, чобы предсказать его, но и в общем и целом оказалась неспособной объяснить причины этого крушения, когда оно уже произошло. Характеристика вышеупомянутого научного комплекса, а также попытка найти объяснение относительной неудачи, которую он претерпел, представляют собой цель данного очерка. В его рамках исследованием будут охвачены четыре основные общественно-научные дисциплины: экономика, политология, социология и их общий предок - история.

Критика советологии, разумеется, обяжет автора занять определенную позицию и по вопросу о самом советском феномене. Статья завершится предложением авторской "модели" того, чем, по его мнению, являлась в основном советская система. Но равно важным будет в нашем начинании и анализ собственно советологии как главы истории западной

* **Малиа Мартин,** в прошлом профессор истории Университета штата Калифорния (г. Беркли, США), автор многочисленных публикаций по истории СССР, последней из которых является монография "Советская трагедия. История социализма в России, 1917-1991"[1].

Перевод И. В. Быстриной и А. В. Юрасовского.

интеллектуальной мысли. По всей видимости, советология говорит нам столько же о себе самой, как и о бывшем Советском Союзе, потому что представляет собой согласованное усилие применить на междисциплинарном уровне большинство новейших достижений в области общественных наук, сфокусировав их на главной проблеме современности - коммунизме. А общественные науки, в свою очередь, представляют собой согласованное усилие приложить модель естественных наук ко всей совокупности человеческих отношений

Относительная неудача советологии поэтому должна поведать нам нечто важное как об ушедшей советской системе, так и о нашей западной культуре, ее ограниченности, равно как и ее возможностях. Конечно, может быть, выходом из постсоветского концептуального "супа" окажется путь, ведущий нас вспять к состоянию невинности, предшествовавшему возникновению общественных наук. Ибо урок, который следует вынести из относительной неудачи советологии, вполне может состоять в том, что политические и идеологические феномены не сводятся к социальным факторам, но развиваются согласно собственной логике.

СОВЕТОЛОГИЯ И НАУКА ОБ ОБЩЕСТВЕ

Хотя формальное изучение политики и общества старо, как древние греки, идея общественной науки сравнительно нова и возникла в развитом виде только в XX в., т. е. в то же время, когда и сам советский коммунизм появился на общественной арене До Второй мировой войны наши высшие учебные заведения имели лишь два основных факультета -гуманитарных и естественных наук. Только после войны выделилась третья большая область знаний - общественные науки, для которых в университетах создается особый, третий по счету, факультет. Одновременно изменился и сам дух исследований человека в обществе То, что у французов было принято называть "les science humaines" (наука о человеке), а у немцев - "Geistewissenschaften" (наука о душе), в значительной степени оказывалось проникнутым духом гуманитарных наук, а они считались чем-то отличным от точных, или естественных, наук. То, что американцы окрестили "общественными науками", выступало с претензиями стать по возможности как можно ближе к естественным наукам, сделаться такими же, как они. До этой "бихевиористской революции" зарождавшиеся общественные дисциплины ютились в университетах в качестве придатков к таким традиционным предметам, как философия и право, или, что вполне естественно, они вообще оставались за пределами курсов. Так было в Лондонской школе экономики и во французском Институте политических исследований. Однако после 1945 г. в Америке все общественные дисциплины собираются воедино под одной обширной позитивистской крышей - их собственной.

Советология достигла зрелости целиком в эру бихевиоризма, в институционном же плане она развивалась в пределах третьей, новой отрасли знаний - общественных науках Последние же были развиты советологией как сфера применения общих общественно-научных методологий к проблемам коммунистического мира. Новая специализация первоначально рассматривалась как часть весьма юной отрасли общественной науки, именовавшейся "региональными исследованиями", т. е. исследованиями языков и общественных институтов того или иного региона, примером которых могли быть, скажем, Латинская Америка или Ближний Восток. Но вскоре исследования советского "региона" многократно возросли как по объему, так и по уровню методологии, став отдельной сферой советологии, причем такому их развитию активно способствовали специальные исследовательские институты, подобные Русскому исследовательскому центру Гарвардского университета или Русскому институту при Колумбийском университете. Такая специализация и профессионализация вначале возникла в американских университетах, позднее примеру их последовали в Западной Европе. И наконец, в эпоху перестройки и гласности результаты этого начинания достигли Советского Союза, где ученые надеялись, что западная советологическая наука поможет пролить свет на тяготы, перенесенные их страной. Перед западными учеными теперь возникла профессиональная обязанность проинформировать своих коллег на Востоке о природе товара, который те начали получать.

Социальная и бихевиористская наука об обществе претендует на то, чтобы дать знания о культуре и институтах, созданных человеком для себя. В этом смысле наука об обществе стара, как "Политика" Аристотеля. И в самой своей основе аристотелевский анализ политических и общественных форм, а также опыта реализации силы общества так никогда и не был превзойден, ибо определенные аспекты знаний о нас самих, которыми мы обладаем, не имеют совокупного характера. Но современные общественные науки претендуют на то, чтобы пойти дальше этих вечных истин о человеческом естестве и предложить постоянно

расширяющееся совокупное знание о нашем меняющемся общественном мире. Общественная наука в этом современном и якобы совокупном качестве стала возможной только после "научной революции" XVII в. И произошло это благодаря тому, что человечество тогда впервые разработало такую форму знаний, которая была полностью эмпирической и одновременно систематизированной в универсальные и часто математические законы. И как таковое это знание считалось неоспоримым, чтобы не сказать непогрешимым. То было знание, которое до тех пор приписывалось лишь Богу. В период Просвещения в XVIII в. предпринимается первая попытка систематически применить эту модель знаний к делам человеческим, с тем чтобы создать науку о человеке и обществе. Великим ее прототипом стала "Энциклопедия" Д'Аламбера и Дидро. Кульминация же данного направления в XIX в. - позитивизм О. Конта, впервые употребившего слово "социология" для обозначения науки, возникшей в результате этих усилий.

В сфере практического, эмпирического применения этого течения первой из новых дисциплин появилась "политическая экономия" - в течение полувека, прошедшего после опубликования "Богатства наций" А. Смита (1776 г.). К исходу XVIII в. она обрела и формальный академический статус. Второй институционно оформившейся дисциплиной стало то, что мы теперь называем политической наукой, которая начала вычленяться в 1880-е гг. Последней появилась социология, возникшая как отдельная дисциплина в 1920-30-е гг. из некого сплава трудов Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма (что характерно, например, для структурного функционализма Т. Парсонса); с конца 30-х гг. в нее вошло многое из Маркса, а кое-что из де Торквелли добавилось уже после Второй мировой войны. После войны и во многом благодаря ей эти общественные науки проникли и в великую дисциплину-прародительницу - историю, которая на деле была древнее Аристотеля.

В течение 40 лет после Второй мировой войны все четыре дисциплины этого нового мира науки об обществе пережили такую же огромную "смену парадигмы" в области исследования коммунистического строя: "тоталитарная модель" сменилась "теорией модернизации". Первая стремилась истолковать коммунистические системы в основном "верхушечно" - как продукт идеологии и политической воли. Рассмтариваемая под таким углом зрения советская система родственна нацизму и фашизму, а потому радикально отлична от западных демократий. Вторая модель, появившаяся в 1960-е гг., стремилась объяснять советскую систему в основном "снизу" - как продукт жизнедеятельности универсальных социальных и экономических сил, а потому отличную только в степени, но не по существу и типу, от других "современных" или "модернизирующихся" обществ. Но как же развивалась эта далеко идущая смена парадигмы в каждой из четырех общественных наук?

Экономика

Начнем с основ, или с того, что Аристотель назвал управлением домашним хозяйством (та ойкомия), что Маркс позднее определил как базис (в противоположность надстройке), и что в современных языках известно как экономика. В случае с советской экономикой (1920 - середина 1940-х гг.) имела место долгая история дообщественно-научного, полуидеологического комментирования того, правильно или нет претворяется в жизнь "социалистический эксперимент" в новом рабоче-крестьянском государстве.

С одной стороны, в 1922 г. Л. ван Мизес, последователь австрийской школы экономики, утверждал, что замена рынка так называемым "планом" изначально невозможна, потому что последний исходит из ошибочного представления, что цены являются не чем иным, как продуктом капитализма, и потому это нечто такое, что плановик может устранить, не нарушив систему эффективного распределения ресурсов. Ван Мизес заявлял, что в любом случае изменения количества товара и цены слишком сильно взаимосвязаны, а число принимаемых решений слишком велико, чтобы расчеты на перспективу стали возможными. Таким образом, только рынок может справиться с хитросплетением проблем, связанных с распределением ресурсов и капиталовложений в процессе производства[2]. По правде говоря, ван Мизес не адресуется непосредственно к развитию советской ситуации. Скорее, он полемизирует с антирыночными теориями таких австро-марксистов как Р. Гильфердинг, и критикует германскую военную экономику генерала Людендорфа и В. Ратенау. Но обе его мишени, как вскоре увидим, послужили подходящими подпорками для ленинизма.

С другой стороны, немного позже приверженцы социализма, подобные М. Доббу, доказывали, что эксперимент обещал быть успешным. Согласно Доббу, хотя военный коммунизм 1918-1921 гг. и был чересчур поспешным началом, а нэп 1921-1929 гг. слишком во

многом был отступлением, сталинские пятилетки 30-х годов превратили Советский Союз в современную промышленно развитую страну нового социалистического типа[3].

Где-то посередине находились такие рыночники-социалисты, как польский экономист О. Ланге, которые утверждали, что советское планирование в том виде, как оно осуществлялось на деле, было ошибочным. Тем не менее, доказывал он, если национализированную собственность сочетать с рынком, может получиться подлинный социализм[4].

Помимо этих западных точек зрения существовала еще одна - советского экономиста-эмигранта Н. Ясного, который в конце 1940-х - начале 1950-х гг. жестко критиковал и саму советскую экономику, и всех ее зарубежных аналитиков. Хотя ему, возможно, не хватало методологической утонченности экономистов, обучавшихся в обоих Кембриджах, он в реальности знал страну, о которой говорил, так как "он там был и пиво пил". Ясный утверждал, что как коллективное хозяйство СССР, так и его планово-управляемая промышленность стали очень дорогостоящими провалами, и что западные экономисты представляли общественности целиком вымышленный мир советского социализма. И в этом раньше времени развившемся пессимизме Ясный был единодушен с более давней, более теоретической оценкой ван Мизеса[5].

Именно с этого времени, где-то в 1960 г., анализ советского экономического опыта стал базироваться на прочной общественно-научной основе. Здесь большую помощь оказала так называемая "теория ВНП" (валовый национальный продукт), которая в случае СССР опиралась на "модель регулирования фактора стоимости". Вопреки бытующему мнению, ВНП - это не реальный факт, а концепция или, точнее, система измерений, которая не может существовать без теоретических предпосылок. Размер советского ВНП зависел от того, какую теорию использовали для его вычисления. И здесь возникает главная проблема, так как все наши теории, касающиеся реального объема экономической деятельности, исходят из западного опыта и данных.

Однако советский опыт и данные абсолютно не соответствовали западным моделям измерения. В частности, советские цены не следовали экономической логике. Их логика, если данный термин применим здесь, это политическая, или административная, или "командная" логика. Отсюда "регулирование фактора стоимости" потребовалось для того, чтобы ввести советские "цены" в систему данных, которые могли бы быть использованы для моделей измерения, практикуемых в обоих Кембриджах. Это удалось искусно осуществить А. Бергсону в его основополагающем труде "Реальный национальный доход Советской России с 1928 г. ", изданном в 1961 г. Его вывод состоял в том, что с 1928 по 1940 г. советский ВНП вырос более чем на 60%[6]. Если иметь в виду, что за те же годы ВНП в США упал в целом на 33%, то советские показатели (по Бергсону) предстанут одними из самых впечатляющих в XX в.

После публикации книги А. Бергсона, сыгравшей роль своего рода "оплодотворителя", в западной науке четверть века господствовали сходные оптимистические оценки советских успехов; им вторил и их акцентировал такой блестящий ученый, как В. Леонтьев, их же популяризировал Д. К. Гелбрейт. Столь высокое мнение о советских достижениях повлияло и на оценки ЦРУ США, где оно, конечно, рассматривалось как мерило советской угрозы. Так, к 1970 г. стало общепризнанным и бесспорным, что советский ВНП составляет около 60% американского.

Однако, как и в предшествующие годы, раздавались несогласные голоса. Они исходили в основном от бывших советских граждан, которые, несмотря на отсутствие методологического лоска, обладали непосредственным опытом жизни в советской системе периода брежневского "развитого" или "реального" социализма. Наиболее заметен среди них был И. Бирман. Одним из его главных аргументов было то, что американское академическое сообщество и ЦРУ не приняли во внимание не только ненадежность советской статистики, но и, что даже более важно, низкое качество всего советского национального продукта[7].

Затем, в конце 1980-х гг., когда гласность дала советским экономистам и журналистам свободу высказывания, пессимистический, или точнее реалистический, вердикт Бирмана полностью подтвердился. Н. Шмелев, Г. Попов, В. Селюнин, Г. Ханин, Л. Пияшева, М. Бергер, а впоследствии Г. Явлинский и Е. Гайдар в своих высказываниях предложили нам портрет советской экономики, полностью соответствовавший взглядам Бирмана, Ясного и, конечно, ван Мизеса, в книге которого не присутствовала ни одна цифра, и не было ни слова о ВНП. Наконец, эта методологическая "смута" получила международное признание на конференции по советской "лжестатистике", проводившейся в апреле 1990 г. в Эйрли Хауз под эгидой Американского института предпринимательства с участием как советских, так и западных специалистов. В результате этой "демистификации" стало

очевидным, что нам просто неизвестны масштабы советской экономики или ее ВНП, какой бы период мы ни взяли. А с крушением перестройки в 1991 г. стало также ясно, что социализм был одним из главных экономических бедствий XX в.

Какой же была истинная природа советской системы производства, или "народного хозяйства", как ее именуют в России? Самым подходящим был бы термин милитаризированная экономика, так как прототип командно-политической экономики впервые появился во время Первой мировой войны. Действительно, в Германии генерал Э. фон Людендорф, используя организационные таланты В. Ратенау, построил систему, названную "Kriegssozialismus" ("военный социализм"), которая, по его мнению, являлась лишь экономическим компонентом "der totale Krieg" ("тотальной войны"). Но для Ленина эта война была "империалистической", продуктом "высшей стадии капитализма". Война должна была закончиться социалистической революцией, и тогда милитаризированная экономика Людендорфа логически стала бы прародительницей новой "социалистической" экономики.

В 1920 г. в конце Гражданской войны в России Троцкий также логически доказывал, что "милитаризация труда" есть средство строительства социализма в мирное время. Соответственно, и во время частичного отступления к рынку при нэпе государственный, или социалистический сектор - тяжелая индустрия и финансирование - по-прежнему назывался "командными высотами". Наконец, когда Сталин прекратил это отступление в 1929 г. и ринулся в "построение социализма", вылившееся в выполненную за четыре года пятилетку, он совершил задуманное, создав ряд "фронтов" - промышленный, сельскохозяйственный и культурный, действуя под лозунгом "нет таких крепостей, которых не смогли бы взять большевики".

Позже, когда Гитлер вернул Сталину давний комплимент Ленина в адрес Людендорфа, проведя социализацию немецкой экономики в ходе осуществления своего четырехлетнего плана, германские эмигранты, бежавшие из национал-социалистического государства-левиафана, назвали политику Гитлера Befehlswirtschaft ("командная экономика"). В последующие 20 с лишним лет этот удачный термин был противопоставлен на Западе вводящему в заблуждение псевдорациональному официальному понятию "план". В период гласности немецкий термин вернулся на землю Ленина как "командно-административная система" - терминологическая инновация демократов, пришедших к власти в Москве и приступивших к замене этой системы подлинно экономическими институтами, такими, как рынок и частная собственность, каждый из которых нуждается в торжестве закона.

Не переоцени Запад достижений Советов в области экономики, не было бы и завышенной оценки их достижений в сфере остальных трех дисциплин. Или точнее говоря, именно переплетение этих заблуждений, касающихся экономики, с тяжелой исторической травмой, нанесенной Великой депрессией и Второй мировой войной, сыграло на руку политическому и общественному строю в СССР. Потому как в то время, как Сталин строил социализм в Советском Союзе, Великая депрессия способствовала возникновению нацизма на Западе, а впоследствии и Вторая мировая война велась как бы "народным фронтом" -союзом демократов и коммунистов против фашизма. Таким образом, после 1930-х гг. в западном либеральном сознании укоренилась идея некой связи капитализма с экономическим кризисом и войной, с одной стороны, и между планированием, экономическим ростом и миром - с другой. И все попытки десталинизации последние 40 лет не смогли искоренить эти ассоциации. Для этого потребовался экономический крах перестройки... или, по крайней мере, так кажется.

Политическая наука

В политических исследованиях коммунистической системы основные споры разгорелись вокруг "тоталитарной модели" и ее критики. Эта борьба затронула непосредственно и другие "мягкие" социальные науки - социологию и историю. Основные факты настолько хорошо известны, что делают излишним что-либо, кроме краткого резюме. Тоталитарная модель была выдвинута Х. Арендт в ее "Корнях тоталитаризма" (1951 г.) еще в правление Сталина[8]. Ее теория гласила, что в середине XX в. появилась качественно новая, уникальная форма деспотизма, основанная на массовой, всенародной мобилизации общества идеологизированной политической властью, и что высшими проявлениями ее стали нацизм и коммунизм. В 1956 г. К. Фридрих и З. Бжезинский превратили теорию Арендт в модель, согласно которой тоталитаризм характеризуется официальной идеологией, массовой партией, возглавляемой вождем, узаконенным террором, монополией на информацию, монополией на высокотехнологичные вооружения и централизованно управляемой экономикой[9].

Начиная с 1960-х гг. тоталитарная модель стала подвергаться все большим нападкам. Тому было много причин, но здесь упомянем лишь самые важные. Во-первых, менялись времена в Советском Союзе - система становилась более мягкой. Во-вторых, времена менялись и на Западе, и левые силы, до того пребывавшие в длительном упадке, возвращались к власти. Сочетание этих факторов уменьшило опасения по поводу советской угрозы, и потому следовало развенчать тоталитарную модель как ученое обоснование "холодной войны". Более того, с установлением "равновесия страха" в отношениях между двумя сверхдержавами сложилась тупиковая ситуация, и казалось, что СССР сделался постоянной силой в международных делах, и что поэтому пришло время успокоиться и анализировать его трезво, без эмоций периода позднего сталинизма. Это означало обработку советских данных посредством "безоценочных" категорий новых общественных наук. Так, академические исследования положения в СССР, начавшиеся в виде простых "региональных исследований", постоянно совершенствовались аналитиками, привлекавшими для этой цели все более сложные общественно-научные модели. Результатом было то, что историческая специфика Советского Союза как коммунистического государства-партии становилась все более туманной из-за сложившегося со временем лексикона политических и социологических терминов. И этот процесс был усилен изрядной дозой невежественной наивности в представлениях Запада о действительной ситуации в СССР.

К 1970-м гг. этот "ревизионистский" подход породил обширную литературу, которая стремилась найти почву для существования советского строя в динамике советского общества и подчиняла политику и идеологию социальным и экономическим факторам при разъяснении принципов функционирования этой системы. Этот ревизионизм не создал единой доминирующей модели; скорее, новые бесчисленные модели появлялись на свет недолговечными, как осенние листья, начиная с концепции "верхушечной борьбы" ("кремлинология"), трактовки советской системы как неотрадиционализма (в веберовском понимании традиционного), теории корпоративизма, и кончая взглядом на брежневизм как на авторитаризм эпохи "благосостояния". Но наиболее живучими из всех оказались три подхода, характеризуемые тремя ключевыми словами — развитие, авторитаризм, плюрализм.

Первый подход на деле был политическим эквивалентом модели ВНП. Его классическое положение было сформулировано Р. Лёвенталем в его "Развитии против утопии в коммунистической политике", изданом в 1970 г. [10] Лёвенталь начал с тоталитарной модели, которую он сочетал с более свежими взглядами, почерпнутыми им в теории модернизации, в свою очередь заимствовавшей многое как у Вебера, так и из структурного функционализма, ориентированного на применение к отсталым или традиционным обществам. Для него коммунизм являлся особой формой модернизации или "специфическим типом развития под давлением политики", основанным на марксистско-ленинской идеологии. Однако тоталитарная политика неизбежно вела к непредсказуемым последствиям. Так, во времена Хрущева, "последнего утописта" советской системы, идеологическая цель "построения коммунизма" уступила место вполне земной погоне за развитием экономики как самоцели. Другие исследователи с помощью подобных рассуждений делали вывод, что советское экономическое развитие, измеряемое якобы растущим ВНП, может служить моделью для более отсталых стран третьего мира, от Кубы до Индии и Вьетнама - мнение, с которым правители этих государств были согласны. Другой вывод гласил, что поскольку экономическое развитие повсеместно было столбовой дорогой к современности, то и сам Советский Союз далеко продвинулся по пути "конвергенции" с высокоразвитым "первым миром". Таким образом, советская система подгонялась под универсальную модель прогресса.

Второе из "прозрений" политической науки не нужно связывать с каким-либо именем или книгой, так как вся эта отрасль была буквально проникнута им: утверждалось, что хотя советская система, возможно, и была тоталитарной при Сталине, но при его наследниках она смягчилась, став обычным "авторитаризмом". Таким образом, коммунизм оказывался одновременно способным к реформированию и по самой сути своей отличным от фашизма. Опять-таки, нельзя отрицать фактическую обоснованность различий, проводимых между сталинизмом и более обветшалым режимом его преемников, как это хорошо знали все, кто жил при Сталине. Но это не значит, что ослабление террора в количественном отношении можно приравнять к качественной трансформации системы, или что правомерно утверждать, что реформированный социализм мог эволюционировать в подлинную демократию без радикального слома системы.

Фактически реформирование коммунизма в виде перестройки и закончилось прорывом в

августе 1991 г. Не было ничего похожего на эволюционный "переход к демократии", подобный тому, что столь плодотворно анализировали Х. Линц и другие в Латинской Америке и Испании. Исконная неспособность коммунизма реформироваться стала главным пунктом известного (и для многих богохульного) разграничения между тоталитаризмом и авторитаризмом, которое вывела Д. Киркпатрик в конце 1970-х гг. Суть ее заключений состоит не в том, что тоталитарные режимы вообще никогда не могут изменяться - это была бы карикатура на ее точку зрения, - а в том, что они не могут трансформироваться в демократии самостоятельно, в то время как обычные авторитарные режимы могут это сделать, как и случилось на деле в Испании.

Последним концептуальным новшеством послесталинской политической науки стало откровение, что если советскую систему следует понимать как "авторитаризм в развитии", то его способ политического функционирования следует называть "институциональным плюрализмом", производным от теории "группы, объединенной общими интересами". Наиболее заметным сторонником такого подхода был Д. Хоф. Суть идеи состояла в том, чтобы представить СССР как еще одно многополярное государство, что во многом совпадало с тем, как с помощью модели ВНП доказывалось, что советская система была лишь разновидностью универсальной современной экономики. Этот постулат достиг своей кульминации в работе Д. Хофа "Как управляют Советским Союзом" (1979 г.)[11], которая символически изничтожила высшее достижение "тоталитарного подхода" - книгу М. Файншо "Как правят Россией", вышедшую первым изданием в 1953 г. [12] Итак, как по отношению к политической системе, так и к экономике, нам обещали целый кладезь конвергенции в конце советского пути, но опять-таки история пошла по другому направлению. Подлинный плюрализм самых разных учреждений - от фабрик до Академии наук и местных органов власти - смог возникнуть только после уничтожения "сверхучреждения" - института партии-государства, или, как его называли, "центра".

Социология

Нужно ли доказывать в деталях, что такой же сдвиг парадигмы, достигнутый путем проецирования западных моделей на советскую действительность, произошел и в социологических исследованиях системы коммунизма? Достаточно сказать следующее: как и в случае с экономикой и государственным строем, утверждение, что советская система является вполне уникальным процессом строительства социализма, не воспринималось всерьез, а расценивалось как идеологическое очковтирательство. Советский опыт считался разновидностью всеобщих общественных процессов.

Короче говоря, сначала к советскому обществу попытались приложить каноны структурного функционализма. Классический труд в рамках данного направления появился в 1956 г. под названием "Как работает советская система" в результате коллективного творчества психологов, социологов и антропологов головного института академической советологии, Центра русских исследований в Гарварде. Его авторы соглашались с положением об уникальности советской системы и воспринимали базовые предпосылки тоталитарной модели, но насытили последнюю конкретным анализом ее многочисленных структур и их "фунциональных особенностей". В итоге последователями делался вывод, что советские структуры функционировали успешно, и что система работала потому, что была подлинной социальной системой, а не просто политическим режимом.

Но в эпоху радикализма 1960-х гг. эта попытка привнести нюансы в тоталитарную концепцию, как и все прочее в советологии, уступила место подходу, который в конечном итоге свел коммунизм к варианту всеобщего общественного процесса. Данный подход представлял собой комбинацию теории модернизации с ревизионистской формой марксистского классового анализа, и его главным детищем стал труд Б. Мура "Социальные формы диктатуры и демократии" (1966 г.)[13]. Для Мура главной нитью всей современной истории был переход от традиционного к индустриальному, или развитому обществу. Но этот переход осуществлялся весьма по-разному, в зависимости от того, какой общественный класс доминировал в революции, направленной против старого порядка. В Англии, Франции и США ее возглавила буржуазия, и результатом был капитализм и демократия (очень ущербная). В Германии и Японии капитализм устанавливала аристократия, проведя "революцию сверху", и в результате там возник фашизм. Применительно к России *Б.* Муром был косвенно использован китайский вариант, но в обеих этих странах "великой аграрной бюрократии" старый порядок был свергнут крестьянами и итогом стал коммунизм, который затем начал осуществлять индустриализацию деспотическими бюрократическими мето-

дами. Но в этом классическом анализе опыта Китая и России у Б. Мура не нашлось места для партии или марксистской идеологии как необходимых катализаторов коммунистического финала. В исследуемых им революциях он не обнаружил и того, что политические силы играли в них роль самостоятельных величин. Согласно Б. Муру, они вообще не играли никакой реальной роли; в его мире происходили лишь чисто социальные процессы.

Естественно, что ученица Б. Мура, Т. Скочпол почувствовала себя призванной совершить "большой концептуальный скачок", "вернув государство" в дискуссию об "аграрных революциях" против бюрократии во Франции, России и Китае[14]. Согласно ее выводам, во всех трех случаях результатом якобы крестьянской революции был триумф новой деспотической "бюрократии развития". Однако т. Скочпол не заметила, что в России и Китае эта бюрократия была коммунистической и тотальной, в то время как во Франции бюрократия была инструментом на службе у конституционного бюрократического порядка, основанного на всеобщем избирательном праве. Более того, она не заметила, что социология, которая настолько далеко зашла в социальном редуцивизме, что "возвращение государства" становилось для нее великим методологическим свершением, превращалась в социологию, непригодную для понимания коммунистических партий-государств.

История

И наконец, что же происходило с прародительницей всех общественных наук - историей? Да примерно то же самое, потому что старейшая социальная дисциплина была в "бихевиористскую эру" глубоко модернизирована новыми общественными науками. Исторические труды по-прежнему соблюдали хронологическую последовательность в изложении событий по мере того как после Второй мировой войны исследователи переходили от анализа 1917 г. к сталинской эпохе; одновременно это поступательное движение начинало сочетаться со знакомым методологическим сдвигом от тоталитарной к ревизионистской концепции. Таким образом, на долю истории выпало суммировать итоги всего процесса "нормализации" советской системы в западной науке.

В послевоенные годы западный подход к советской истории был преимущественно политическим и идеологическим. Основополагающей книгой дня стала работа Л. Шапиро "Корни коммунистической автократии" (1955 г.)[15], изображавшая советский режим как направленный уже при Ленине на уничтожение всех сил, могущих соперничать с ним в борьбе за власть и тотальную ее концентрацию в руках партии; эта тема была позже развита им в "Коммунистической партии Советского Союза"[16] (1960 г.). И этот взгляд на СССР как на тоталитарный монолит перекликался с классическими формулировками Файншо, выведенными в его книге "Как правят Россией".

Однако даже главный противник Л. Шапиро Э. Х. Карр, благожелательно настроенный к советскому эксперименту, предлагал в основном политическое истолкование большевизма. Он не возражал и против того, что последний являлся жесткой автократией, объясняя это тем, что жесткость была необходима для самого выживания социализма[17]. А союзник Э. Х. Карра по советологии, троцкист И. Дойчер также предлагал политическую интерпретацию предмета, хотя и делал значительно больший упор на идеологию, чем Карр[18]. Необходимо отметить, что оба эти автора были особенно популярны в разгар "холодной войны", когда, по распространенному мнению, в советологии господствовала тоталитарная модель.

Революция в исторических исследованиях, посвященных советской тематике, свершилась в 1964 г. в статье Л. Хеймсона, опубликованной в журнале "Славик ревью", в статье, при упоминании которой с тех пор неизменно и заслуженно употреблялся эпитет "основополагающая". В те времена, когда она появилась, относительно 1917 г. господствовало мнение, что революция была катаклизмом, возникшим под влиянием Первой мировой войны, расшатавшей неустойчивые политические и экономические структуры императорской России, до того развивавшиеся в направлении конституционализма западного типа. Однако Хеймсон утверждал, что революцию следует понимать как порождение двойной "поляризации" русской жизни, во-первых, между государством и обществом и, во-вторых, между рабочими и буржуазией. Он также утверждал, что к лету 1914 г. этот процесс поляризации уже достиг решающей стадии. Следовательно, подразумевалось, что Октябрь не был "несчастным случаем", вызванным войной, а являлся логическим следствием социальных процессов, протекавших в России, и был тем, что русские называют "закономерностью", а германские марксо-гегельянцы - "Gesetzmassigkeit" [19].

Подобно тому как классический русский роман, по известному выражению Достоев-

ского, возник из гоголевской "Шинели", так и последующие американские исследования по социальной истории советской системы взросли на почве не менее плодотворных усилий Хеймсона. Эта традиция в социальной истории, если и не обязательно в ее эмпирических разработках, то в основе своей, может быть определена как неоменьшевистская. Или, точнее, она ведет свою интеллектуальную родословную от левых меньшевиков-интернационалистов, таких как Ю. Мартов, который был действительным автором теории поляризации. Согласно неоменьшевикам, большевизм, при всех его эксцессах, представлял собой подлинно рабочее движение, а следовательно, советское государство было действительно социалистическим, хотя его качество и оказалось деформированным последующими крайностями сталинизма. Вследствие этого советская система обладала способностью к самореформированию, ведущему к созданию того, что чехи и словаки в 1968 г. назвали "социализмом с человеческим лицом". Принимая во внимание этот обычно открыто не декларируемый, но всегда подразумеваемый постулат, можно сказать, что в основном западная историография истории Советской России, несмотря на все ее эмпирические метатезы, в реальности поддерживала идею конечной эволюции коммунизма в определенный тип социальной демократии.

Эта попытка исторической реабилитации советской системы прошла четыре основных стадии. Для первой характерна волна исследований событий 1917 г., призванных доказать, что Октябрь был не государственным переворотом, как утверждала тоталитарная школа, а подлинно пролетарской революцией, и что большевистская партия являлась не монолитом, руководимым сверху, а открытой, "демократической" организацией, движимой радикальными импульсами "снизу"[20]. И хотя эта точка зрения верна во многом, что касается самого 1917 г. и исключительно рабочего класса, она полностью игнорирует все остальное общество, экстраординарные политические условия, созданные войной, а также долгосрочные идеологические цели партии, которые в целом были несовместимы с каким-либо демократическим разделением власти с другими группировками или же с принципом ее сменяемости. Тем не менее, эти факторы полностью игнорировались неоменьшевистскими аналитиками, и их исследования фокусировались на поиске доказательств "пролетарской легитимности" Октября, так как им было необходимо подтвердить легитимность советской истории в целом.

На второй стадии этого неоменьшевистского начинания появляется утверждение, что истинным достижением Октября был не военный коммунизм, а ленинский нэп в том виде, каким он развивался Н. Бухариным вплоть до 1929 г. Это было резонно, поскольку экономическая политика на рельсах нэпа представляла собой меньшевистскую программу спасения социалистических завоеваний революции в двадцатые годы. Соответственно утверждалось, что если бы нэп не был грубо прерван Сталиным, Россия смогла бы "врасти" в социализм, понимаемый как полурыночная, квазисмешанная экономика. И опять же, такая характеристика 1920-х гг., пусть и в минимальной степени, но эмпирически правдоподобна, но правдоподобие это достигается аналитиками ценой игнорирования не только сохранявшейся гегемонии партии над экономикой, но и стремлением коммунистов рано или поздно социализировать все аспекты общественной жизни. Тем не менее, на протяжении почти 20 лет у ученых сохранялась привычка идеализировать нэп - экономический, политический и культурный - как золотой век советской системы, причем подразумевалось, что будущим реформам было предначертано с успехом вернуться к этому источнику[21].

Третья фаза социально-исторической ревизии тоталитарной модели ознаменовалась выходом за рамки неоменьшевизма и дрейфом в сторону того, что может быть в лучшем случае названо "мягким сталинизмом". Согласно его адептам, первая пятилетка была вызвана импульсом "снизу" в виде "культурной революции" рабочего класса и партактива. Ее результатом стало интенсивное "выдвиженчество" рабочих-активистов на руководящие и партийные посты, которое в конечном счете создало кадры "брежневского поколения". Каждый гражданин Запада вероятно признает такой поступательный процесс демократическим общественным продвижением. И действительно, "выдвиженчество" происходило в массовых масштабах. Но этим далеко не исчерпывалась вся суть сталинской революции, которая, кроме того, явно шла "сверху". Эта концепция совершенно игнорирует коллективизацию и чистки. Значимость последних сведена к минимуму замечанием, что численность их жертв сводилась к "немногим сотням тысяч". Эту частичную реабилитацию событий сталинской эпохи чаще всего связывают с именем Ш. Фитцпатрик; она также явно перекликается с концепцией позитивной эволюции зрелой советской системы, которую привнес в политическую науку Д. Хоф[22].

Но на этом дело не кончилось, наступила четвертая фаза ревизионизма, которая не замедлила реабилитировать и все остальные "подвиги" Сталина. Сталинская коллективизация была отображена в значительной степени как продукт энтузиазма трудящихся в деле построения социализма, а его чистки представлены результатом борьбы "центра" за установление контроля над якобы анархической "периферией", борьбы, в которой Сталин предположительно играл роль третейского судьи. Доказывалось также, что количество жертв не может быть предметом подлинно научного исследования, поскольку современные событиям, т. е. официальные, источники хранят об этом молчание[23]. Но никакой "подлинно социально-научный метод" не смог бы затуманить советскую действительность сильнее, чем эти штудии.

Это косвенное оправдание зрелого сталинизма приводит процесс ревизионизма к определенной кульминации: каждой фазе развития советской системы со времен Октября до окончательного построения социализма в 1930-х гг. придается оттенок целесообразности, пусть и не каждая его составляющая, но процесс в целом складывается в достижения и успех. Разумеется, адепты бухаринского нэпа яростно отвергают постулаты защитников культурной революции как "крайние" и так же далекие от правды, как сам сталинизм - от подлинного ленинизма. Тем не менее и те и другие работают в одной и той же струе социального редуцивизма, а результатом в обоих случаях является отображение советского эксперимента в целом как способного к реформированию. Более того, и те и другие связаны между собой тем очевидным фактом, что 25 лет сталинизма занимают слишком важное место в советской истории, чтобы их можно было списать со счета как "отклонение", не имевшее соответствующей "социальной базы". Таким образом, более смелое течение ревизионизма, ориентированное на 1930-е гг., на деле логически развивается из более осторожного неоменьшевизма и яснее последнего обнажает неудачи ревизионистского начинания в целом. А суть этих неудач состоит в невозможности достоверно доказать, что ленинизм и сталинизм не обладали какой бы то ни было классовой или социальной основой. Советский режим определял социальные процессы, а не определялся ими.

Итак, в середине 1980-х гг. и к началу перестройки ревизионистские исторические труды с помощью конкретной терминологии "разложили по полочкам" период за периодом все советское прошлое и вывели в основном позитивную оценку советской системы в ее различных ипостасях - экономике, политической науке и социологии. Из всего этого совместного междисциплинарного начинания делался вывод, что зрелый коммунизм, поскольку он породил индустриально развитую урбанизированную сверхдержаву, был готов к либеральной "реформе", которая превратила бы Россию в полностью "современное" общество. Итак, горбачевская перестройка была воспринята большинством советологов с энтузиазмом; пропущенная через горнило прогнозирующих моделей, она благополучно превратилась в знамение успеха. Но, как уже отмечалось, перестройка не обновила коммунизм; она убила его. Поэтому для того, чтобы реструктурировать наши "больные" дисциплины, нам, возможно, следует обратить свой взгляд на Восток в поиске если и не готовых моделей, то хотя бы понимания и интуиции.

ВОСТОЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

На Востоке мы наблюдаем картину, прямо противоположную ситуации в западной советологии. Вплоть до середины эпохи перестройки официальной оценкой советской системы там была марксистско-ленинская догма, что тамошний строй представляет собой "реальный" или "развитой" социализм. Но в конце 1970-х гг., когда в Восточной Европе система начала деградировать, диссиденты-теоретики взяли на вооружение термин "тоталитаризм". Разумеется, эти мыслители также восприняли и некоторые построения западной социальной науки об обществе, но они почти всегда покрывали эти конструкции куполом тоталитарной концепции. К 1988 г., с приходом гласности этот термин открыто выплывает в Советском Союзе, и им пользуется даже сам Горбачев, а в 1991 г. правительство Ельцина провозглашает своей политикой антикоммунизм и "выход из тоталитаризма". Столкнувшись с таким всеобъемлющим единодушием в "восточных" представлениях о природе системы, западная советология со временем тоже должна была к ним адаптироваться.

В период от начала перестройки до 1989 г. западный неоменьшевистский ревизионизм был приемлемой позицией для советологии и на Востоке, и на Западе. Это было логически оправданным, так как политика Горбачева представляла собой разновидность неонэпа; были переизданы избранные труды Бухарина и переведена книга С. Коэна о Бухарине. Даже

более смелые западные панегиристы советских 30-х годов оказались полезными в этой ситуации, и весь спектр американских ревизионистов читал лекции в Историко-архивном институте Ю. Афанасьева. Но этот период миновал. Чехословацкий министр финансов В. Клаус начал выступать с заявлениями, что теперь "главная опасность для Востока - это идеологическое проникновение с Запада". Итак, для того, чтобы продолжать вести дела с Востоком и, возможно, даже внести вклад в его "исход из тоталитаризма", западная советология должна будет вступить в интеллектуальное совместное предприятие с постсоветскими демократами, желательно в качестве их младших партнеров. Институт по изучению проблем безопасности в отношениях между Западом и Востоком уже пошел на это, заключив соглашение с учеными из Восточной Европы в Штиринском замке в Богемии - несомненно, что такие же начинания скоро распространятся на Россию и другие бывшие советские республики.

Какое же представление о тоталитаризме сложилось в бывших коммунистических странах в течение последних 15 лет? Прежде всего, его нельзя назвать моделью в социально-научном смысле. Скорее это концепция, обобщающая и гибкая, но в то же время достаточно точная в своих основных положениях. Данная концепция рассматривается как простое отражение реальных жизненных фактов, имевших место после Октября 1917 г. Более того, эта концепция не является повторением или простым подтверждением взглядов Арендт, Фридриха и Бжезинского, или Файншо, хотя она и основана на их работах Модель тоталитаризма, предложенная Фридрихом и Бжезинским, имеет тенденцию к статичности и абстрактности, и представляется, что именно эта версия признана в качестве тоталитарной модели как таковой. Но подходы Арендт и Файншо были более историчными, и потому они ближе к современной восточно-европейской методологии, одновременно историчной и динамичной, что проистекает из менявшегося характера тоталитаризма в период его заката или упадка. Эта модель не изложена и не систематизирована в каком-либо классическом трактате или формальном исследовании в рамках науки об обществе. Скорее, ее можно обнаружить в богатых воображением полемических сочинениях авторов из Восточной Европы, таких как Л. Колаковский, А Михник и Т. Конвиский в Польше, В Гавел в Чехии, Я Киш и Я. Корнай в Венгрии, а также в работах А. Солженицына, А. Сахарова, А. Синявского и А Зиновьева. Она проявляется в творчестве российских социологов А. Мигранян, А. Ципко и И. Клямкина, С. Кулешова, В. Шостаковского и др.

Основные положения этой концепции не нуждаются в обязательной кодификации или теоретизации, но для удобства их можно обобщить следующим образом Во-первых, коммунистический тоталитаризм не является вариантом, хотя бы и деформированным, некоего всеобщего процесса модернизации. Это исторически самостоятельная, качественно новая линия развития человечества. Иностранцам было трудно понять это из-за ее радикально новой природы. Как говорил А. Безансон в 1970-е гг., когда его работы считались классическими среди советских социологов-диссидентов, проблема понимания Советского Союза заключалась в том, чтобы "поверить в невероятное". Этот мир настолько радикально отличался от нормального, что для его характеристики Безансон смог найти только одно определение: слово "сюрреальный"[24].

Во-вторых, фундаментальная особенность советской системы в плане ее организации состояла в том, что все в ней подчинялось политике, что политика сводилась к "построению социализма" и что решение этой всемирно-исторической задачи являлось монополией партии, которая сама себя на эту роль назначила. Конкретно это означает, что управление государством, экономика, культура и даже частная жизнь являлись объектом непосредственного контроля со стороны партии. Это достигалось с помощью иерархической системы управления обществом сверху донизу партийными ячейками, замкнутой системы партийной "номенклатуры", назначавшейся на руководящие посты во всех ключевых областях, и постоянного потока агитпропа, призванного регулировать ситуацию в стране в целом. Короче говоря, советское общество было тотальным, или тоталитарным обществом, где все организационно контролировалось вездесущей партией-государством, его планом и его полицией. Конечно, такой абсолютный контроль на деле не осуществлялся никогда, даже в худшие сталинские годы. Тем не менее, с самого начала партийной диктатуры системы постоянно стремилась к установлению именно такого контроля, и подобный тотальный порядок повсеместно являлся идеалом коммунизма. Иными словами, система имела свою сущность, логику, или, если угодно, "генетический код", который всегда в ней присутствует и проявляется независимо от того, сколь сильно варьировались эмпирические и исторические случайности, определявшиеся условиями места и времени[25].

Но эта сущность, или логика коммунизма отнюдь не была статичной в своих конкретных

проявлениях. Система имела свою историю, свой жизненный путь с его началом, серединой и, как мы теперь знаем, концом. Хотя ее генетический код оставался неизменным, он раскрывал свой потенциал лишь поэтапно, с течением времени. Степень же приближения системы к обладанию тотальным контролем над обществом зависела от конкретной исторической стадии, на которой она находилась в каждый данный момент.

Итак, западные критики тоталитарной модели не имеют абсолютно никаких оснований утверждать, что хотя советская система, возможно, и была тоталитарной при Сталине, она эволюционировала в обычный авторитаризм при Брежневе, поскольку уровни террора и партийно-государственного контроля уменьшились. Такое снижение, конечно, имело место, и для людей, вынужденных жить в коммунистических странах, это изменение имело большое практическое значение. И все же западные критики тоталитарной модели приняли это количественное изменение за качественное.

Сущность системы оставалась прежней, хотя ее мускулы и воля начали атрофироваться Все функциональные учреждения, от фабрики до школы, по-прежнему подчинялись партии-государству, и при таких обстоятельствах "институциональный плюрализм", как и раньше, ограничивался непосредственными, функциональными вопросами. В последние брежневские годы мы имели дело, по выражению А. Михника, с "тоталитаризмом с выбитыми зубами", а отнюдь не с "нормальным" обществом, в создании которого видели свою конечную цель восточно-европейские диссиденты. Этим и предопределился резкий разрыв в Восточной Европе в 1989 г. и его несколько менее радикальное повторение в СССР в 1991 г. Согласно "la these de la revolution" (теории революции), только после этих прорывов стало возможно движение от реформированного коммунизма (сколь прогрессивным бы он ни был) к подлинному исходу из системы.

На этом необходимо настаивать, так как то, что должно быть самоочевидным в связи с концом коммунизма, иногда оспаривается в форме посмертного продолжения ревизионистской линии. Одним из последствий "la these de complot" (теории заговора) и преуменьшения значения прорыва в августе 1991 г. стала вера в то, что перестройка в действительности была переходом России к демократии. Утверждается, что Горбачев разрешил гласность, а также завел парламент и выборы, и что эти реформы стали возможными благодаря прежним успехам советского режима в деле индустриализации, урбанизации и народного образования. Такая точка зрения явно ведет свою родословную от трудов М. Левина, чья концепция была суммирована в его "Феномене Горбачева" (1988 г.)[26]: несмотря на все общепризнанные ужасы коммунистической истории, системой был создан потенциал самотрансформации. И следовательно, переход России к демократии был не революционным, а эволюционным процессом.

Хотя приводимые в качестве доказательств правомерности таких утверждений доавгустовские перемены в системе были достаточно реальны, полностью игнорируется тот факт, что базовые ее компоненты - партия, план, полицейские структуры и "Союз" - не были ими затронуты; они были ликвидированы в течение короткого трехмесячного промежутка после августа. Перед тем, как Россия смогла пуститься на поиски демократии, должны были быть разрушены все учреждения, которые делали коммунизм тем, что он собой представлял. Утверждение, что этот разгром на деле был эволюцией, в чем-то похоже на попытку доказать, что поскольку Людовик XVI создал Генеральные Штаты, то события 1789 г. знаменовали собой скорее эволюционный, чем революционный отход от абсолютизма.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

Но российская революция 1991 г. означала нечто большее, нежели замену ряда институтов, хотя бы и базовых; в основе трансформации лежало изменение определяющей черты жизни, т. е. отказ от Идеи Социализма. Для понимания значимости этого факта более полезен Аристотель, нежели вся наука об обществе "эпохи бихевиоризма" В аристотелевской "Политике" экономика и государственное устройство рассматриваются как часть этики. Другими словами, этика определяет цель и решающие причины развития — то, что в функциональных терминах может быть названо сегодня системой ценностей общества, которая оправдывает существование всех его институтов и делает возможной саму их жизнедеятельность. И эта этическая цель должна быть превосходящей по отношению к любому из ее частных проявлений.

Итак, сущность коммунистической системы и единство советского опыта определяются высшей целью - "построением социализма". И именно потому, что западная наука об

обществе в целом отказывалась воспринимать всерьез эту идеологическую цель, советология потерпела столь жалкое поражение в ее попытках понять предмет своих собственных исследований. Но что же подразумевается в данном случае под обманчивым многоликим понятием "социализм"?

В основе своей оно состоит из двух элементов. Во-первых, в нем присутствует этическая цель - высшее общественное благо, заключающееся в демократическом равенстве всех людей. Во-вторых, подразумевается существование программы действий - поскольку неравенство в благосостоянии создает неравенство в условиях жизни, важным средством достижения демократического равенства является отмена частной собственности. Так, действительно определялась сущность коммунистической программы, как ее сформулировал Маркс в своем "Манифесте". Но если частная собственность отменена, то ее продукт - прибыль и средство реализации прибыли - рынок также должны уйти в прошлое. Таким образом, моральная цель, предусматривающая равенство людей, влечет за собой внедрение программы полного контроля государства над экономикой. В то же время считается, что этот скоординированный контроль является более рациональным и потому более продуктивным, чем эгоистические мотивы получения прибыли и "рыночная анархия". А сочетание демократической морали с плодотворной рациональностью, согласно чаяниям социалистов, сможет обеспечить этическое оправдание принуждения в интересах достижения таких безусловно благородных целей.

Когда же дело дошло до реализации этой программы, принуждение действительно оказалось необходимым. Согласно марксистской теории, ожидалось, что логика истории, выраженная как в самом импульсе к демократизации общества, характерном для современности, так и в постоянном росте производительных сил, сама по себе обеспечит переход от капитализма к социализму. Однако на практике логика истории не сработала подобным образом. Для "построения социализма" потребовалось использование особого политического инструмента - ленинской партии. Не "развитие" или модернизация, а стечение ряда обстоятельств идеологического и политического порядка дает ключ к пониманию коммунистической системы и причин ее превращения в тоталитарную структуру.

К НОВОЙ Т-МОДЕЛИ

Советский режим стартовал в Октябре 1917 г. захватом власти - актом, призванным насильственно направить ход истории в русло социалистической революции.

Когда же в сумятице неотвратимо последовавшей Гражданской войны социалистический порядок не возник сам по себе, историю пришлось подстегивать введением милитаризированной экономики "военного коммунизма" и первыми попытками "планирования". Однако эти начинания превысили пределы того, что могло выдержать разоренное войной общество, и потому первая попытка построения социализма сменилась в 1921 г. временным отступлением к полурыночной, полукапиталистической экономике нэпа. В этом чередовании "социалистического наступления" и частичного отступления к более нормальному обществу и содержится основной ритм советского эксперимента.

Этот ритм, однако, едва ли можно назвать равномерным, так как он делает резкий всплеск, достигая своей кульминации в период реального "построения социализма" в 1930-е гг. при Сталине. Когда в конце 20-х гг. минимальные уступки нормальности в рамках нэпа стали угрожать монопольной власти партии над страной, Сталин перешел к полной реализации первоначальной программы - отмене частной собственности и рынка в сельском хозяйстве и в промышленности, подчинению всей экономической жизни плану, а общества и культуры в целом - партии-государству и его полиции. Уже к началу 30-х годов советский социализм успешно уничтожил все самостоятельные силы в обществе и методично атомизировал его. Именно в этой сталинской "революции сверху" коммунизм подошел по своим возможностям максимально близко к воплощению в жизнь идеального типа тоталитаризма. Несмотря на известные оговорки, этого оказалось достаточно, чтобы создать дискомфорт для всех, кто жил при нем, и оставить вне подозрений законность приложения к нему понятия "тоталитаризм". Сталинский социализм совершенно очевидно превзошел и нацизм, и фашизм как по тотальности контроля над обществом, так и по продолжительности пребывания у власти.

Без сомнения, все это действительно представляло собой "развитие", урбанизацию и все остальное, приписывавшееся советской власти теорией модернизации. Однако эта "модернизация" была подчинена политическим целям коммунизма. Поэтому она и оказалась бесплодной. В рамках "модернизации" могли имитироваться и умножаться по команде

партии индустриальные модели, заимствованные у Запада, но будучи командной структурой, она не обладала способностью усовершенствовать заимствованные и изобретать свои собственные модели. Это было нечто вроде грандиозного робота на службе "строительства социализма".

Именно это бесплодное, свойственное разве что роботу, качество советской системы стало причиной того, что после первоначальных успехов ее строительства в 1930-е гг. и победы во Второй мировой войне при наследниках Сталина начались стагнация и упадок режима. Поэтому после большого сталинского пика базовый ритм колебаний от жесткого военизированного коммунизма к его "мягкой", реформированной разновидности и обратно возобновился. Это произошло, однако, уже на нисходящей фазе существования системы. На этой стадии следовавшие одна за другой попытки либерализации постепенно разлагали систему, тогда как казалось, что они ее совершенствуют. Но вместе с тем эти усилия порождали иллюзии относительно способности коммунистической системы самореформироваться, что на время придало правдоподобие рассмотренным нами вариантам ревизионистской критики тоталитарной модели.

Попытка либерализации была впервые сделана при Хрущеве. (В период его правления советология тоже впервые обратилась к ревизионизму.) Однако проведенная им десталинизация серьезно дестабилизировала систему, и потому он был смещен. При Брежневе и Суслове советская система вернулась к мягкому, или рутинизированному, сталинизму, превратившись в командно-административную партократию без массового террора, но с новой "спокойной" идеологией. И эта стабильная и загнивающая советская система настолько отличалась от своей великой и грозной предшественницы, что сошла на Западе за авторитарный, с элементами плюрализма, режим, основанный на том, что получило несколько странное название "ассиметрично выгодного общественного договора" между партией и народом. Но эта загнивающая система делала советскую сверхдержаву все менее конкурентоспособной на международной арене, и потому потребовалась еще одна попытка либерального, реформистского коммунизма создать новую этику, возродить энергию и стимулировать нововведения. Таков был смысл горбачевской перестройки, гласности и демократизации.

В результате все, наработанное ревизионистской американской советологией за 25 лет, было отдано Горбачеву в знак уважения: в нем видели второе пришествие Бухарина, показатель зрелости современной советской системы, архитектора перехода от коммунизма к демократии. Но на сей раз реформа коммунизма зашла слишком далеко, чтобы можно было вернуться назад. Гласность дала людям возможность сказать открыто, что система обернулась неудачей и обманом, в то время как демократизация дала возможность бросить вызов партийной гегемонии. Поэтому когда аппарат предпринял в августе 1991 г. неизбежную для него попытку повернуть реформу вспять, его действия позорно провалились, и вся система рухнула в течение трех дней.

Таким образом, генетический код, заданный октябрьским переворотом 1917 г., наконец выработал свой потенциал до конца, что привело к гибели всего организма. Будь советская авантюра лишь делом "развития и модернизации", так бы не случилось. Но задача, которую она была призвана решить, называлась "построением социализма". Под последним подразумевается комплексный, полный социализм, в смысле "не капитализм", или подавление частной собственности и рынка. Он имеет мало общего с половинчатой скандинавской разновидностью, сохраняющей рынок и частную собственность и лишь облагающей их максимальными налогами, чтобы финансировать государство сверхблагосостояния.

Но комплексный социализм в конечном счете абсолютно неисполним и саморазрушителен, так как всеопределяющая программа "огосударствления" всей собственности не приводит к достижению моральной цели - приходу демократического равенства. Напротив, в результате появляется тотальная тирания государства. Подчинение рынка командно-административному плану также не породило экономическую рациональность и материальное изобилие. Снова случилось прямо противоположное: после начальной фазы стремительного роста пришли стагнация, отсталость и повсеместно распространенная бедность. Перед лицом таких фатальных внутренних противоречий система могла удерживаться на своей восходящей фазе, не распадаясь только до тех пор, пока социалистический миф еще пользовался доверием, т. е. пока его реализация еще была делом будущего. Однако как только социализм был построен, сами итоги сделанного трансформировали этот миф в ложь. Такая трансформация произошла на пике социалистического развития при Сталине в 1930-е гг., и начиная с этого времени и до его смерти для сохранения "завоеваний" социализма был необходим узаконенный террор. Но такая система правления подрывала

работоспособность самой системы, и поэтому преемники Сталина смягчили ее, чередуя реформы и непреклонность, что перевело систему в режим длительной нисходящей фазы. Так что после Сталина стало лишь вопросом времени проявление внутренних противоречий, коренившихся в невыполнимой задаче "построения социализма"; это привело к полной дискредитации системы, а отсюда и к резкому отказу от нее.

Короче говоря, нет такой вещи как социализм, но Советский Союз его построил. Когда катастрофическая неконкурентоспособность "социализма" сделала этот парадокс очевидным, вся официально утвержденная фантазия "реального социализма" исчезла полностью и без следа. "Сюрреальность" советской жизни внезапно прекратилась, и Россия опять стала "нормальной" страной. Но теперь это страна, существующая среди обломков и глыб, оставшихся от ее бесплодного "развития". Именно в таких катастрофических условиях она должна начинать свой переход к подлинной "современности", т. е. должна снова превратить "рыбный суп" истощившегося социализма в плюралистический рыночный "аквариум".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ ОТТЕНКОМ

А что же с "рыбным супом" американской советологии? Прежде всего, на повестке дня явно стоит переучет и пополнение ее "запасов". Теперь, когда мы имеем представление о том, каким образом сошла на нет динамика советской системы, нам следует повернуть вспять и вновь заняться экономическими, социальными и историческими выкладками, заново оценивая каждый период советского эксперимента от Октября и нэпа до самой перестройки. Такой общий пересмотр необходим и для общественных наук в целом, потому что провал советологии, возможно, самого обширного комплекса исследований отдельной проблемы "эпохи бихевиоризма", является также и провалом общественных наук как таковых.

Эта попытка исправления - отнюдь не просто чистый академизм: заблуждения советологии имели самые серьезные практические последствия. Например, переоценка показателей советской экономики оказала очевидное влияние на оборонную политику Запада и, следовательно, - на наш бюджет и внутреннюю политику. Есть даже основания полагать, что Советы воспринимали оценки ЦРУ настолько серьезно, что сделали вывод о наличии у них больших ресурсов для милитаризации, чем те, которыми в реальности располагала их экономика. На деле это неправильное суждение могло стать одной из побочных причин, способствовавших ее гибели. Вкладом Запада в советскую политику, как мы знаем, стало то, что теоретик перестройки Александр Яковлев в бытность свою директором ИМЭМО - мозгового центра общественных наук - познакомил своих аналитиков с трудами Д. К. Гелбрейта о постиндустриальных обществах, В. Леонтьева - об экономическом росте и Д. Белла - о конце идеологии, представив их как доказательства того, что зрелое советское общество стало готовым к "конвергенции". Примером служит и судьба тезиса Лёвенталя о том, что коммунизм фактически означает развитие: следовавшие ему западногерманские социал-демократы в надежде провести постепенные реформы в ГДР холили и лелеяли коммунистов Восточной Германии, что на деле привело просто к поддержке ими восточногерманского режима. Правившие в Западной Германии христианские демократы во многом разделяли иллюзии социалистов, в результате чего и те и другие оказались абсолютно не подготовленными к развалу Восточной Германии. Действуя в том же духе весной 1991 г., ряд профессоров из Школы управления им. Кеннеди при Гарвардском университете с благословения газеты "Нью-Йорк Тайме", предоставившей в их распоряжение свою редакционную полосу, предложили своего рода "План Маршалла" -передачу примерно 30 млрд. долларов ежегодно в течение 5 лет (что было названо ими "Великой сделкой") советскому правительству В. Павлова, которое готовилось тогда к августовскому путчу, призванному спасти систему.

Тем не менее, задачи по реформированию советологии гораздо легче осуществить, чем реформу самого Советского Союза. Теперь мы получили полную возможность общения с российским обществом, а скоро будем иметь такой же доступ и к жизненно важной информации о нем. Мы не должны более подразумевать или фантазировать, что специфически советские формы и учреждения имеют самоценность и будущее, которые нам следует уважать. Теперь мы имеем дело с чем-то вроде "просто еще одного общества", страной, если и не тождественной Западу, то имеющей родственный ген с другими урбанизированными индустриальными обществами. Некоторые наши, основанные на опыте Запада или третьего мира, модели и концептуальные схемы развития, модернизации, перехода к демократии и т. д. более или менее пригодны для трактовки ушедшей в прошлое

советской ситуации. Но они пригодны для этого только при условии, что мы признаем, что эта былая ситуация по-прежнему находится в глазах аналитика как бы под чарами советского прошлого, опыта, который радикально и сюрреалистически отличается от нашего собственного мира. А для этого уникального опыта единственно правильной является исторически корректная и динамичная тоталитарная модель. Избрав такую перспективу как основу и фон исследований, наши общественно-научные методики, будь то в области экономики, политологии, науки, социологии или истории, смогут наконец принести отдачу, пропорциональную усилиям, затраченным на их разработку. Они несомненно смогут также помочь нашим коллегам на Востоке осуществить "возвращение в Европу", о котором они мечтали с начала перестройки.

Советология и исследования проблем коммунизма не должны разделить судьбу СССР и коммунизма, обреченных на забвение. Еще в течение нескольких десятилетий будет сохраняться обширное и плодородное поле для постсоветских, посткоммунистических исследований региона, простирающегося от Карибского до Китайского морей, земель, где треть человечества на тот или иной срок становилась объектом марксистско-ленинских фантазий. И этот губительный опыт будет предопределять отношения этих народов с остальным миром до тех пор, пока они, наконец, не интегрируются полностью в подлинно современный мир и не станут его частью.

Примечания

[1] Malia M. The Soviet Tragedy. A History of Socialism in Russia. N. Y.: The Free Press. 1994

[2] См.: Mises L., von Die Gemeinwiitschaft. Jena: Fischer, 1922. Книга развивает положения, содержащиеся в его статье "Анализ экономической деятельности в социалистическом содружестве: Idem. Die Wirtschaftsrechnung im sociahstischen Gemeinwesen// Archiv fur Sozialwissenschaften (Tubingen). Vol. 47. S 86-121

[3] См.: Dobb M. Soviet Economic Development Since 1917 Revolution. L.: Routledge and Keagan Paul, 1948

[4] См., напр., книгу, написанную им в соавторстве с Ф. М. Тейлором: Lange O, Taylor F. M. On the Economic Theory of Socialism. Minneapolis University of Minnesota Press, 1938

[5] См.: Jasny N. The Socialized Agriculture of the USSR. Stanford: Stanford University Press, 1949; Idem Soviet Industrialization, 1928-1952. Chicago: University of Chicago Press, 1960

[6] Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia Since 1928. Cambridge: Harvard University Press, 1961

[7] См., напр., Birman I. Personal Consumption in the USSR and the USA L Macmillan, 1989

[8] Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N. Y., 1951

[9] Friedrich C. J. Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge: Harvard University Press, 1956

[10] Löwenthal R. Development vs. Utopia in Communist Policy // Johnson C, ed. Change in Communist Systems. Stanford: Stanford University Press, 1970, P 33-116

[11] Hough J. F., Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. Cambridge: Harvard University Press, 1979

[12] Fainsod M. How Russia Is Ruled Cambridge Harvard University Press, 1953

[13] Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of the Modern Road. L., 1966

[14] Skocpol T. States and Social Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1979

[15] Schapiro L. The Origins of the Communist Autocracy: Political Opposition in the Soviet State. N. Y.: Praeger, 1955

[16] Idem. The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., Random House, 1960

[17] См. его монументальную "Историю Советской России": Carr E. H. A History of Soviet Russia. Vols. 1-3. N. Y.: Macmillan, 1951-1953

[18] Основным трудом Дойчера безусловно были его выдающиеся биографии Троцкого: Deutscher I. The Prophet Armed: Trotsky, 1879-1921. N. Y.: Oxford University Press, 1954; Idem. The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921-1929. L. and N. Y.: Oxford University Press, 1959; Idem. The Prophet Outcast: Trotsky, 1929-1940. L. and N. Y.: Oxford University Press, 1963, а также Сталина: Idem. Stalin: A Political Biography. N. Y. and L.: Oxford University Press, 1949

[19] Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia//Part I: Slavic Review; December 1964. P. 619-642; Part II: Ibid. March 1965. P. 1-22

[20] Список книг, составивших эту волну, слишком длинен, чтобы приводить его здесь целиком. Хороший

"краткий курс" истории данного явления можно найти в сборнике статей под редакцией Д. Кайзера. См., Kaiser D, ed. The Worker's Revolution in Russia. 1917: The view from Below. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

[21] Эта тенденция прекрасно отражена в двух ее классических образчиках: См.: Cohen S. F. Bukharin and the Bolshevik Revolution., Oxford: Oxford Universtity Press, 1973; Lewin M. Lenin's Last Struggle. N. Y.: Pantheon, 1968.

[22] См., напр.: Fitzpatrick S., ed. Cultural Revolution in Russia, 1928-1931. Bloomington: Indiana University Press, 1978; Idem. Education and Social Mobility in the Soviet Univon, 1921-1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; Idem. The Russian Revolution. Oxford and N. Y.: Oxford University Press, 1982; Hough J. The Soviet Prefects: The Local Party Organs in Industrial Decisionmaking. Cambridge: Harvard University Press, 1979.

[23] Здесь я имею в виду следующие книги: Viola L. The Best Sons of the Fatherland. Oxford: Oxford University Press, 1987; Getty J. A. The Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

[24] См.: Besançon A. The Soviet Syndrome. Transl. by R. Ranum. N. Y., Harcourt, Brace, Jovanovich, 1978. В книге приводится удачное изложение сути этой идеи.

[25] Данную позицию энергично и вместе с тем лаконично отстаивал Л. Колаковский. См.: Kolakowski L. Marxist Roots of Stahnism // Tucker R. C., ed. Stalinism:Essays in Historical Interpretation. N. Y.: Norton, 1977

[26] Lewin M. The Gorbachev Phenomenon. Berkeley: University of California, Press, 1988.

© 1997 **г. М. И. МЕЛЬТЮХОВ***

РЕПРЕССИИ В КРАСНОЙ АРМИИ: ИТОГИ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К теме репрессий в Советском Союзе вообще и в Красной Армии, в частности, впервые обратились отечественные историки в середине 50-х - начале 60-х гг. в период критики "культа личности". В многочисленных работах тех лет показаны судьбы отдельных репрессированных военачальников, обоснован вред, нанесенный офицерскому корпусу, указаны виновные в этих беззакониях и приведены цифровые данные о масштабах репрессий. Отмечалось, что репрессии офицерских кадров стали одной из причин поражений в начале войны. Поскольку репрессии связывались исключительно с личностью Сталина, но после 1965 г, в связи с реабилитацией вождя, эта тема стала нежелательной и вскоре полностью исчезла из исследований предыстории войны.

Лишь на новой волне осуждения сталинизма во второй половине 80-х гг. этому вопросу уделили пристальное внимание публицисты, а затем и историки. За последние десять лет было опубликовано значительное число работ, в которых рассматриваются проблемы репрессий в Красной Армии, что породило мнение о довольно полной изученности этой темы. Утверждению подобного мнения способствовало и то, что эти труды оставались за рамками историографического анализа. В итоге наметился явный спад интереса и резкое сокращение количества исследований по этой проблематике. В предлагаемой статье автор стремится показать степень изученности темы репрессий в РККА, основываясь на анализе новейших публикаций.

Новое обращение к этой теме первоначально проявилось в форме общего осуждения репрессий в отношении офицерского корпуса Красной Армии. Основное внимание исследователей сосредоточилось на военачальниках, осужденных по "делу Тухачевского", чьи судьбы были довольно подробно освещены преимущественно в публицистических работах[1]. В них давалась противоречивая оценка влияния германских документов о сотрудничестве этих военачальников с рейхсвером на возникновение и исход этого " дела". В литературе дебатировались две основные версии германская ли это интрига против руководства Красной Армии, или это сталинская интрига, организованная внешней разведкой

***Мельтюхов Михаил Иванович** кандидат исторических наук, научный сотрудник ВНИИДАД

НКВД. Наиболее четко первая версия изложена в работе И. Пфаффа, считающего, что именно документы, переданные через президента Чехословакии Э. Бенеша в Москву, послужили причиной репрессий в армии, приведших к падению международного престижа СССР[2]. Правда, факт передачи советским послом в Праге документов в Москву был поставлен под сомнение, как и его беседы с Бенешем 24, 26 апреля и 7 мая 1937 г. [3], причем и по сей день эти события остаются неисследованными.

Я. Валента предлагает гипотезу, согласно которой Москва и Берлин проводили в отношении Праги скоординированный курс. Слухи о возможном военном перевороте в СССР циркулировали в Европе с лета 1936 г., а осенью разведка НКВД через своего агента генерала Н. Скоблина, работавшего и на германские спецслужбы, информировала шефа СД Р. Гейдриха, что эти слухи имеют определенные основания. Немцы изготовили фальшивые документы о связи Тухачевского с руководством рейхсвера, но не послали их в Москву, опасаясь, что сторонники маршала могут скрыть этот сигнал от Сталина. Поэтому начинается дипломатическая игра с Прагой, и документы поступают от Бенеша прямо к Сталину. С другой стороны, в январе 1937 г. в ходе политического процесса "Антисоветского троцкистского центра" К. Радек озвучивает версию о намерении оппозиции разорвать советско-чехословацкий договор о взаимопомощи и прямо называет имя Тухачевского. По мнению Я. Валенты, все это преследовало цель убедить Бенеша в существовании заговора, что наносило удар по франко-чехословацко-советскому союзу[4].

Ю. В. Емельянов приводит версию, изложенную в книге П. Карелла, о том, что заговор военных существовал в действительности, и Сталин просто переиграл Тухачевского. Гитлер якобы знал о контактах военного руководства обеих стран и, опасаясь аналогичного заговора в Берлине, сообщил о них Сталину, который уже располагал определенными сведениями о заговоре[5]. И Я. Валента, и Ю. В. Емельянов специально оговаривают, что речь идет лишь о возможных версиях событий и призывают к тщательному исследованию все еще недоступных советских документов. Ф. Сергеев и С. З. Случ считают, что германские материалы не были причиной репрессий и не фигурировали при разбирательстве "дела о заговоре", а П. А. Судоплатов вообще отрицает их существование[6].

Д. А. Волкогонов полагает, что на решение Сталина начать репрессии в армии повлияли циркулировавшие за рубежом слухи о подготовке антисталинского заговора среди военных. Поскольку подобных сигналов было много (в том числе и германские документы), Сталин дал указание НКВД присмотреться к М. Н. Тухачевскому. Одновременно в аппарате НКВД у арестованных военачальников выбивали показания о заговоре в армии, которые также докладывались в Кремль. Определенное влияние на решение вождя, по мнению автора, оказала статья Л. Д. Троцкого в "Бюллетене оппозиции" о недовольстве военных диктатом Сталина. Все это вместе взятое и подтолкнуло его к решительным действиям, причем борьба с Троцким предопределила дальнейший размах репрессий среди армейской верхушки[7].

В. З. Роговин приводит список причин репрессий в Красной Армии. Он считает, что, во-первых, офицерский корпус был более самостоятельным и независимым от политических структур, нежели гражданские учреждения; во-вторых, в армии было много сторонников и сослуживцев Троцкого; в-третьих, армия отражала недовольство крестьян коллективизацией; в-четвертых, Тухачевский спорил со Сталиным по вопросам советской военной доктрины и по проблемам развития вооруженных сил; в-пятых, Тухачевский боролся с Ворошиловым за влияние в Наркомате обороны; в-шестых, Сталин завидовал популярности военачальников, и, в-седьмых, военные позволяли себе дискуссии о роли Сталина в Гражданской войне. Кроме того, разведка докладывала в Кремль фабрикуемые Западом версии о подготовке военного переворота в СССР, что также подогревало подозрительность Сталина. Получив германские документы, составленные при содействии НКВД, Сталин смог расправиться с Тухачевским. Вместе с тем, автор не исключает и того, что заговор военных действительно существовал. В подтверждение он ссылается на гипотезу А. Орлова, согласно которой Сталин был агентом царской охранки. Антисталинская оппозиция узнала об этом и стала готовить заговор с целью отстранения Сталина от власти, в котором и участвовали военные. Однако Сталин узнал об этом и организовал свой контрзаговор против военных[8]. Нетрудно заметить, что даже перечень причин репрессий, приводимый автором, довольно дискуссионен, не говоря уже о версии А. Орлова.

В работе В. М. Иванова отмечается, что все сведения об "антисоветской" деятельности будущих обвиняемых концентрировались в НКВД, а само дело было построено на оговорах и признаниях без приведения каких-либо доказательств[9]. Поскольку именно органы внутренних дел информировали вождя о заграничных слухах, получается, что мнительность

и внушаемость Сталина были использованы НКВД против руководства Красной Армии. Наиболее четко эту версию формулирует О. Ф. Сувениров, который считает, что "самым страшным преступлением НКВД перед Советскими Вооруженными Силами стала сознательная фабрикация его аппаратом заведомо ложной версии о существовании в РККА антисоветской военной заговорщической организации"[10]. Правда, эта гипотеза так и не получила однозначного решения, как и вопрос о том, какой именно процесс отразился в этих событиях - межведомственная или внутрипартийная борьба?

Источниковая база исследований проблемы репрессий в Красной Армии за последнее десятилетие, несмотря на ослабление, а затем и упразднение жесткого идеологического контроля, расширилась крайне незначительно. Внимание историков главным образом сконцентрировалось на документах, связанных с "делом Тухачевского"[11]. Но они, как правило, лишь пересказывались в различных трудах. Кроме того, эти материалы, безусловно интересные и необходимые для изучения судеб осужденных по этому делу военачальников, не отражают общих аспектов чистки офицерского корпуса. В последние годы в литературе вновь стали широко использоваться материалы, введенные в научный оборот в период хрущевской критики "культа личности".

Только в 1994 г. было опубликовано выступление Сталина на заседании Военного совета при наркоме обороны 2 июня 1937 г., в котором он, оперируя выбитыми у арестованных показаниями, аргументировал перед высшим комсоставом необходимость очищения Красной Армии от шпионов и вредителей. Как показывает стенограмма этого заседания, военачальники с пониманием отнеслись к содержанию речи и в целом поддержали подобную политику, причем уже в ходе выступлений среди присутствовавших проявились определенные трения и подозрения[12]. Признавая важность этой публикации, хотелось бы отметить необходимость ознакомления исследователей со всеми материалами заседания Военного совета, состоявшегося 1-4 июня, что позволит показать полную картину этого события и, скорее всего, даст новый материал для выявления реакции высшего комсостава Красной Армии на новый виток политической чистки.

В литературе серьезное внимание было уделено вопросу о виновниках и исполнителях репрессий. Большинство авторов довольно единодушно возлагают ответственность за чистку офицерского корпуса на Сталина и его окружение[13]. Как правило, причиной этих чисток считается стремление Сталина к устранению из политической жизни страны реальных и потенциальных претендентов на власть и упрочению личной диктатуры и другие черты личности этого человека. По мнению авторов справки «Дело о так называемой "антисоветской троцкистской военной организации" в Красной Армии» расширение репрессий в стране порождало у Сталина опасения за позицию армии, в которой было много крупных военачальников, критиковавших К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, Г. И. Кулика, Е. А. Щаденко и имевших свое мнение. Тем самым не исключалась возможность колебаний в военном руководстве относительно поддержки сталинского политического курса. Поэтому возникала необходимость устранить всех, кто вызывал у Сталина и его окружения хотя бы малейшие сомнения[14].

При этом взаимоотношения армейского и политического руководства остаются совершенно не изученными. Правда, по мнению В. В. Захарова, "основной причиной уничтожения руководства армии явились опасения, что оно может попытаться играть самостоятельную политическую роль, угрожая тем самым положению Сталина как единственного вождя армии и народа", а П. А. Судоплатов передает мнение Л. П. Берии, что М. Н. Тухачевский "осмелился поставить вопрос о смене военного руководства (Ворошилова - члена Политбюро), что свидетельствовало о том, что "он мог создать потенциальную независимую от правительства военную силу"[15].

Как отмечает Б. Викторов, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, А. И. Корк и В. К. Путна признали на суде, что разговоры об устранении Ворошилова между ними велись. Уборевич уточнил: когда решили поставить в правительстве вопрос о Ворошилове, то "нападать на Ворошилова по существу уговорились с Гамарником, который сказал, что крепко выступит против Ворошилова". Естественно, суд расценил намерения подсудимых обратиться в правительство как вынашивание террористических намерений в отношении наркома обороны[16]. Таким образом, заговор в Красной Армии существовал, но не "антисоветский", а "антиворошиловский", что требует более подробного изучения роли наркома обороны в организации и реализации "дела Тухачевского".

Кроме того, остаются практически не исследованными взаимоотношения внутри офицерского корпуса. Наиболее популярны утверждения о борьбе в высшем комсоставе "мотористов" (Тухачевский, Уборевич и др.) и "кавалеристов" (Ворошилов, Буденный и др.).

Однако, поскольку армия в 30-х гг. постоянно насыщалась новыми техническими средствами борьбы, остается неясным, насколько указанная полемика в верхах реально влияла на этот процесс. Кроме того, известно, например, что среди комсостава ВВС накануне войны существовали две точки зрения на основные способы завоевания господства в воздухе. Одна группа (генерал-майор Е. П. Птухин, генерал-лейтенант Ф. И. Кузнецов и др.) отдавала предпочтение одновременному массированному авиаудару по аэродромам противника, а другая (генерал-майор Г. П. Кравченко, генерал-лейтенант Я. В. Смушкевич, генерал-майор Т. Ф. Куцевалов и др.) - воздушным боям[17]. Но эти разногласия не привели к репрессиям, что позволяет усомниться в том, что именно профессиональные дискуссии спровоцировали их. Скорее всего, их причиной могла стать борьба внутри руководства Наркомата обороны за власть. Тем более что, как стало известно, в мае 1936 г. Тухачевский и его сторонники уже ставили перед Политбюро вопрос об отставке Ворошилова с поста наркома[18].

Рассматривая чистку офицерского корпуса как борьбу политического руководства за полный контроль над армией, следует отметить противоречивость ее результатов. Так, по мнению П. А. Судоплатова, "репрессии приучили командование не выступать с инициативами кардинального характера, затрагивавшими политические интересы государства или расстановку сил в руководстве". Авторы же новейшего обобщающего военно-исторического труда отмечают, что репрессии порождали у офицерского корпуса безынициативность, и боязнь ответственности, что явно снижало боевые возможности армии[19].

Попытки приписать Сталину непонимание важности механизации армии наталкиваются на его собственное утверждение: "... чтобы отстоять свое существование, страна должна иметь квалифицированную армию. <... > Должна быть постоянная, обученная, квалифицированная армия, подкованная на все четыре ноги, армия, которая будет иметь первоклассную авиацию, химию, танки, артиллерию, инженеров, техников, потому что тут все решает техника"[20]. Думается, все эти противоречия диктуют необходимость изучения вопросов о наличии группировок среди высшего комсостава, их влиянии на политическое и военное руководство. В связи с отсутствием документальных источников этот аспект проблемы пока еще не может быть освещен сколько-нибудь удовлетворительно.

В литературе был затронут вопрос о реакции армии на чистку. В. Н. Раппопорт и Ю. А. Геллер отмечают, что высший комсостав предпочел не спорить со Сталиным, что и развязало ему руки. Однако они не дают ответа на вопрос о причинах такой пассивности[21]. Авторы справки «Дело о так называемой "антисоветской троцкистской военной организации" в Красной Армии» указывают, что к началу июня 1937 г. двадцать членов Военного совета при наркоме обороны уже были арестованы, и именно это в совокупности *с* материалами следствия сделало высший комсостав более сговорчивым[22]. По мнению С. Мишанова, к 1937 г. Красная Армия была "деполитизирована", т. е. военных отучили вмешиваться в политику, и они не играли в ней сколько-нибудь существенной роли. Армейские парторганизации занимались либо текущими делами, либо единодушно одобряли деятельность руководства ВКП(б), поэтому комсостав и не выступил против репрессий[23]. Правда, подобные безусловно интересные наблюдения вряд ли можно считать окончательным ответом на этот непростой и слабо исследованный вопрос.

Л. М. Спирин, С. Мишанов, Ю. Я. Киршин и Н. М. Раманичев показали, что у Сталина была собственная концепция строительства Красной Армии, и репрессии способствовали созданию в армии корпуса исполнителей сталинской воли[24]. Конечно, Сталин мог сводить счеты с людьми из высшего комсостава, которых он знал лично, но чистки на местах этим объяснить невозможно. Наиболее подробно вопрос о целях репрессий в армии разбирает Л. М. Спирин, по мнению которого, Сталин осуществлял подбор преданных идее, а следовательно, и ему лично, людей, поскольку считал, что управлять страной и армией должны новые люди, для которых он является непререкаемым авторитетом. Не случайно в своем выступлении на Военном совете при наркоме обороны 2 июня 1937 г. Сталин дал установку на выдвижение людей "снизу". У него были собственные принципы отбора руководителей, готовых безоговорочно выполнять указания высших инстанций. Он считал, что "если человек 1) силен (духовно), 2) деятелен, 3) умен (или способен)", то он "хороший", независимо от любых других "пороков", к которым вождь относил слабость, лень и глупость, считая, что "все остальное при отсутствии вышеуказанного составляет несомненную добродетель". Л. М. Спирин справедливо видит в этих установках моральную неразборчивость советского руководителя при подборе кадров[25], что, впрочем, вполне логично, так как Сталин подбирал преданных исполнителей, игра на слабостях которых позволяла держать этих людей под контролем, используя их профессиональные знания.

Таблица

Переформирование стрелковых войск*

Подразделения	1937г.	1938г.	1939г.
Кадровые дивизии	58	60	98
Смешанные -"-	4	2	-
Территориальные -"-	35	34	-
Отдельные бригады	-	-	5
Территориальные полки	2	2	-

* История Второй мировой войны. 1939-1945. М. 1974. Т. 2. С. 199. Данные приводятся на 1 января.

По мнению Ю. Ю. Юмашевой, главной отличительной чертой полководцев войны был профессионализм, т. е. умение и способность соответствовать нужным в данный момент требованиям. Выявив четкую зависимость военной карьеры от образовательного уровня, наличия боевого опыта и опыта службы в армии, автор делает вывод, что "ни национальность, ни социальное происхождение, ни предыдущая служба в царской или Белой армиях, ни осложнения в биографиях (носившие политический или любой другой оттенок), ни временные военные неудачи во внимание всерьез не принимались, и карьера зависела только от профессиональных черт данного человека. Государство делало ставку на профессионализм и работоспособность"[26]. На наш взгляд подобная, излишне оптимистическая оценка вряд ли применима в полном объеме к периоду 1937-1939 гг. Однако нельзя не отметить, что Ю. Ю. Юмашева перечисляет практически полный набор анкетных данных, которые в случае необходимости могли послужить поводом для устранения любого командира, если он вдруг оказывался ненужным политическому руководству, под полным контролем которого проходила профессиональная деятельность военачальников. Поэтому трудно не согласиться с мнением С. З. Случа и С. Мишанова, что целью репрессий в армии было создать послушный и преданный Сталину военный механизм, сделав комсостав марионеткой в руках политического руководства[27]. Тем самым репрессии получают определенное объяснение.

Во второй половине 80-х гг. в литературе преобладало мнение, что именно организованные Сталиным и НКВД репрессии привели к ослаблению Красной Армии и были одной из главных причин неудач в начале войны. И сейчас версия об ослаблении офицерского корпуса репрессиями не оспаривается никем из исследователей этого вопроса, однако, когда речь заходит о конкретных примерах этих негативных последствий, мнения расходятся. Некоторые авторы констатируют сам факт ослабления армии, не расшифровывая его[28]. Д. А. Волкогонов, С. И. Исаев, Н. М. Раманичев, П. П. Чевела, А. Г. Хорьков, Ю. Я. Киршин, Ф. Б. Комал, В. Д. Данилов, В. А. Анфилов и Ю. А. Горьков[29] указывают, что качество офицерского корпуса снизилось в результате устранения опытных офицеров, частых перемещений по службе, создания дефицита военных кадров, снижения образовательного уровня комсостава, особенно высшего.

Однако нельзя не отметить, что частые перемещения по службе и дефицит военных кадров были порождены не столько репрессиями, сколько техническим переоснащением, организационным совершенствованием и форсированным развертыванием новых частей и соединений Красной Армии. Как отмечает Ю. А. Горьков, именно это привело к частым перемещениям офицеров на новые должности[30].

Как показывают материалы Наркомата обороны, этот процесс нарастал как минимум с 1935 г., когда начался перевод советских вооруженных сил на кадровую систему комплектования. При этом основные организационные мероприятия пришлись на 1937-1938 гг. Именно в этом время завершился перевод стрелковых войск на кадровую систему (см. табл. 1), в 1938 г. было осуществлено переформирование бронетанковых войск, в которых вместо моторизованных создавались оснащенные большим числом боевых машин танковые корпуса и бригады. К началу 1939 г. в Красной Армии имелось 4 танковых корпуса, 24 отдельные легкие, 4 тяжелые и 3 химические танковые бригады[31].

В 1939 г. в Красной Армии было развернуто 4 фронтовых, 8 армейских управлений, 19 управлений стрелковых корпусов, 111 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, 12 запасных стрелковых бригад, 42 военных училища, 52 курса усовершенствования начсостава

запаса, 85 запасных полков, 137 отдельных батальонов (дивизионов) и значительное число тыловых и санитарных учреждений. Только эти мероприятия потребовали привлечения 117 188 человек начсостава (40, 8% к численности начсостава на 1 января 1939 г.). Во время войны с Финляндией общая численность офицерского корпуса еще более возросла, составив к 1 апреля 490 640 человек[32].

После частичных демобилизаций в мае-июне 1940 г. штатная численность комсостава вновь несколько снизилась. Однако во второй половине 1940 - первой половине 1941 г. было сформировано 18 управлений армий, 16 управлений стрелковых корпусов, 29 управлений механизированных корпусов, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 86 стрелковых, 61 танковая, 31 моторизованная дивизии, 16 воздушно-десантных бригад, 10 противотанковых артиллерийских бригад и т. д. Были полностью переформированы на дивизионную структуру ВВС и продолжалось развертывание новых авиаполков[33]. Естественно, столь широкомасштабный процесс создания новых воинских формирований не позволил решить проблему дефицита военных кадров. По данным В. П. Бородина, некомплект комсостава изменялся следующим образом: 1935 г. - 17, 9%, 1936 г. - 18, 7, 1937 г. - 21, 7, 1938 г. - 34, 4, 1939 г. - 31, 6, 1940 г. - 19, 7, 1 января 1941 г. - 13%. При том, что только за 1938-1940 гг. армия получила 271, 5 тыс. офицеров[34], подобный дефицит нельзя объяснить ничем иным. Проанализировав расходы на содержание армии и флота, В. И. Ивкин пришел к выводу, что «Красная Армия была "отягощена" средним, старшим и высшим командно-начальствующим составом», составлявшим 15, 5% штатной и 13, 3% списочной численности советских Вооруженных Сил. Другими словами, в Красной Армии 1 офицер приходился на 6 солдат и сержантов, тогда как в английской армии этот показатель был равен 1: 15, в японской - 1: 19, во французской - 1: 22, а в вермахте - 1: 29[35]. Дальнейшее изучение этого аспекта поможет прояснить вопрос о реальной нехватке комсостава в РККА.

Оценивая репрессии, Д. М. Проэктор высказал наиболее распространенную точку зрения: "это был удар, который подорвал Вооруженные Силы страны перед самой войной. Новые неопытные, малоподготовленные «выдвиженцы» должны были осваивать все сначала. На их плечи легла непосильная задача подготовки к войне... "[36] Ему вторит Л. М. Спирин, который отметил, что в результате репрессий "Красная Армия лишилась подготовленного командного состава и прежде всего его высшего звена, сильно затормозилось развитие военной науки"[37]. А. Филиппов оспаривает версию об устранении наиболее опытных офицеров, отмечая, что они в лучшем случае имели опыт Гражданской войны, а служба в территориально-кадровой Красной Армии 20-х — начала 30-х гг. вряд ли способствовала получению опыта современной войны. По его мнению, подготовленные в стенах Академии Генерального штаба командиры и штабные работники высшего звена были "грамотной, перспективной когортой высшего комсостава, достойно восполнившей потерю репрессированных высших командиров-практиков"[38]. Ю. Ю. Юмашева считает, что "высший командный состав Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны представлял собой новую, молодую (средний возраст 43 года), созданную и воспитанную за годы советской власти **высокопрофессиональную военную элиту,** занявшую руководящее положение в военной сфере в конце 30-х гг. В это время на командные должности в РККА пришли не "зеленые лейтенанты" (как утверждает общепринятая точка зрения), а опытные (хотя и молодые) военачальники"[39]. Наличие диаметрально противоположных оценок свидетельствует прежде всего о слабой изученности этой проблемы, об отсутствии у исследователей четких критериев для выводов и доступного документального материала для изучения.

Популярным мотивом историографии являются утверждения о наличии к 1 января 1941 г. 12, 4% комсостава, не имевшего военного образования. Авторы новейшего обобщающего труда по истории войны отмечают, что в сухопутных войсках было 15, 9% офицеров, не имевших военного образования. Однако В. П. Бородин указывает, что большая часть этих офицеров находилась на политических, военно-хозяйственных, административных и военно-юридических должностях, а командные должности занимали лишь 4% из них. Причем на должностях от командира батальона до командира корпуса таковых было всего 0, 1%[40]. Данные, приводимые В. Д. Даниловым, показывают, что, несмотря на расширение сети военно-учебных заведений, значительно повысить образовательный уровень комсостава не удалось, так как в условиях нехватки людей приходилось использовать офицеров запаса, в основном не имевших высшего военного образования[41]. Поэтому число офицеров с высшим и средним военным образованием снизилось с 79, 5% (на 1 января 1937 г.) до 63% (на 1 января 1941 г.)[42]. Правда, в абсолютных цифрах при

увеличении офицерского корпуса в 2, 8 раза число офицеров с высшим и средним военным образованием возросло в 2, 2 раза - с 164 309 до 385 136 человек[43]. Как справедливо отмечают авторы книги "1941 год - уроки и выводы", на невысоком образовательном уровне офицерского корпуса РККА не могло не сказаться увольнение из армии бывших царских офицеров, в результате чего произошел определенный разрыв в процессе формирования комсостава вооруженных сил[44]. Ю. Ю. Юмашева, анализируя сведения о 321 высшем военачальнике периода войны, отмечает, что 72, 3% из них имели высшее военное образование, причем 94 человека получили его еще в дореволюционное время, 12 имели ученую степень к 1941 г., 165 владели иностранными языками. Именно этот достаточно высокий, по мнению автора, образовательный уровень являлся одним из критериев, от которого в то время зависела военная карьера[45].

Д. М. Проэктор, В. А. Анфилов, А. М. Самсонов, Л. А. Киршнер, В. М. Кулиш[46] считают, что репрессии сказались на уровне военно-научных разработок, и это повлекло отказ от многих положений военной теории, разработанных в конце 20-х - 30-е гг. Так, Д. М. Проэктор полагает, что репрессии способствовали отказу от теории "глубокой наступательной операции", к которой вновь вернулись лишь в 1940 г. Автор не только не объясняет, почему произошел этот поворот, но и не приводит никаких доказательств тому, что он вообще имел место[47]. Ведь если бы это действительно случилось, армия получила бы новые воинские уставы и наставления, кардинально отличающиеся от принятых до 1937 г., и в 1940 г. этот процесс пошел бы в обратном направлении. Однако ничего подобного не происходило, поэтому версия Д. М. Проэктора повисает в воздухе. Столь же надуманной представляется версия А. Н. Мерцалова и Л. А. Мерцаловой, считающих, что после репрессий в РККА у Советского Союза не было военной доктрины[48]. Поскольку военной доктриной называется "принятая в государстве в данное определенное время система взглядов на сущность, цели и характер будущей возможной войны, на подготовку к ней страны, вооруженных сил и на способы ее ведения"[49], устранение части командного состава отнюдь не отменяет ее наличия, так как ее принципы закреплены в воинских уставах и наставлениях вооруженных сил.

В. Д. Данилов считает, что отход от теории глубокой операции" был преодолен лишь в ходе Великой Отечественной войны, которая доказала ее правильность[50]. Однако автор не учитывает данных о предвоенном советском военном планировании, исходившем именно из этой теории. Л. А. Киршнер утверждает, что отказ от теории "глубокой операции" привел к гипертрофированному положению кавалерии в Красной Армии[51]. Но с этих позиций совершенно необъяснимо сокращение конницы с 32 кавалерийских дивизий на 1 января 1937 г. до 26 к 1 января 1939 г. К началу войны в Красной Армии осталось всего 13 кавдивизий[52], и утверждения о преобладании в ней кавалерии выглядят несколько странно. Другие авторы в подтверждение своей точки зрения приводят лишь общие рассуждения. Наиболее серьезный аргумент - указание на то, что военно-научные труды "врагов народа" были изъяты из библиотек. Однако не следует забывать, что войска обучаются не по трудам отдельных военачальников, пусть даже гениальным, а по воинским уставам и наставлениям, которые никто не отменял. Как правило, из инструкций, руководств и наставлений просто изымали титульные листы или замазывали подписи репрессированных лиц, и до нового издания все эти документы продолжали действовать и использовались в войсках[53]. В ряде работ было показано, что идеи Тухачевского не только не были отброшены, но, наоборот, были к 1941 г. претворены в жизнь[54]. Тем самым нельзя не признать, что вышеприведенные версии вряд ли будут когда-либо доказаны.

Наибольшие разногласия вызвал вопрос о масштабах репрессий в Красной Армии. Вначале исследователи обходились общими фразами об обезглавленной армии, затем в литературе были повторены данные А. И. Тодорского, опубликованные в начале 60-х гг. Но до сих пор нет ясности в этом вопросе. Так, В. С. Коваль считает, что погиб весь офицерский корпус[55]; Л. А. Киршнер же полагает, что лишь 50% офицеров были репрессированы[56]. Д. А. Волкогонов и Д. М. Проэктор пишут о 40 тыс. репрессированных, А. М. Самсонов - о 43 тыс., Н. М. Раманичев - о 44 тыс., Ю. А. Горьков - о 48 773, Г. А. Куманев - о 50 тыс.[57] В книге В. Н. Рапопорта и Ю. А. Геллера говорится о примерно 100 тыс. офицеров, однако при этом приводятся сведения лишь о 651 репрессированном, т. е. 64, 8% высшего комсостава на 1 января 1937 г. О. Ф. Сувениров дает список на 749 человек[58]. Сведения об остальных репрессированных до сих пор отсутствуют.

В. Д. Данилов, ссылаясь на архивные материалы, приводит цифру - 24 574 офицера, репрессированных в 1937-1939 гг., из которых 9579 было арестовано, 14 968 - уволено из

армии, а возвращено в армию 11 178 человек[59]. Данные, используемые Ф. Б. Комалом, показывают, что в 1937-1939 гг. из сухопутных войск и ВВС было уволено 42 514 офицера, из них возвращено в армию 12 070, т. е. всего уволено 30444 человека, из которых 9579 арестовано. Автор совершенно справедливо указывает на то, что недопустимо смешивать понятия "уволенные" и "репрессированные", к которым следует относить лишь арестованных и уволенных по политическим мотивам[60]. По мнению А. Филиппова, всего было уволено 38 тыс. офицеров, причем 9 тыс. увольнений пришлось на естественную убыль, 12 тыс. офицеров были восстановлены в кадрах. Следовательно, фактически уволено было 17 тыс., из них 9, 5 тыс. арестовано[61]. А. Т. Уколов и В. И. Ивкин на основе данных судебных органов РККА отмечают, что в 1937-1939 гг. было осуждено за политические преступления примерно 8624 человека, при этом указывая, что вряд ли стоит причислять к репрессированным осужденных за уголовные и морально-бытовые преступления[62].

Кроме того, появились свидетельства, что одновременно с увольнением офицеров из армии шел процесс восстановления в кадрах РККА несправедливо уволенных. Ф. Б. Комал показал, что только в 1937-1939 гг. в армию было возвращено 12 070 уволенных, и этот процесс продолжался[63]. Известно, что только в сухопутные войска из уволенных в 1937-1939 гг. к 1 мая 1940 г. был возвращен 12461 офицер[64]. По мнению В. П. Бородина, к 1 января 1941 г. в армию вернулось свыше 13 тыс. офицеров, а из почти 16 тыс. уволенных было арестовано от 6 до 8 тыс. человек[65]. Н. И. Кузнецов считает, что до начала войны число вновь принятых в кадры офицеров составило 25% от числа уволенных[66], хотя только вышеприведенные данные по сухопутным войскам дают 30, 9% на 1 мая 1940 г.

Из источников, дающих представление о динамике формирования офицерского корпуса, в научный оборот были введены две докладные записки начальника Управления по начальствующему составу РККА НКО Е. А. Щаденко[67]. Эти материалы отражают общее положение с накоплением комсостава в армии, которого в условиях перехода на кадровую систему комплектования явно не хватало, и мерами, предпринимавшимися для его восполнения. В исследованиях гораздо шире используется отчет Е. А. Щаденко о работе управления за 1939 г. с конкретными цифровыми данными, характеризующими масштаб репрессий. Однако в этих документах речь идет лишь о сухопутных войсках и только о периоде до 1940 г. Все это позволяет составить полную картину чистки комсостава. Эти материалы взяты из архива ЦК ВКП(б), хотя основной массив документов хранится в архивах Министерства обороны. Зная советскую систему отчетности, можно уверенно предположить, что подобные отчеты по комначсоставу имеются за все предвоенные годы, и их комплексное изучение даст окончательный ответ на вопрос о масштабах репрессий в сухопутных войсках.

Пока же источниковая база не позволяет однозначно ответить на этот ключевой вопрос. Наиболее полные сведения по увольнениям комсостава имеются по сухопутным войскам, согласно которым в 1937-1939 гг. было уволено 36898 офицеров. Однако к репресированным можно отнести лишь арестованных, уволенных за связь с заговорщиками и по национальному признаку, которых было 28 685 человек. В 1938-1939 гг. было восстановлено 11 178 уволенных из армии; таким образом, к 1 января 1940 г. репрессированных оказалось 17 981 человек[68]. К 1 мая 1940 г. число восстановленных в армии офицеров составило 12461. Однако эти данные не позволяют представить, какие категории офицеров были реабилитированы, и уточнить число репрессированных. Реабилитация уволенных продолжалась до начала Великой Отечественной войны, но из-за отсутствия информации нельзя назвать число репрессированных.

Ф. Б. Комал приводит данные, согласно которым в 1937-1939 гг. из ВВС было уволено 5616 человек, а восстановлено в кадрах 892 человека, т. е. всего уволено 4724 человека[69]. Однако при этом неясно, по каким причинам увольнялись эти люди, что затрудняет оценку масштаба репрессий в авиации. Относительно уволенных офицеров флота в литературе упоминается более чем о 3 тыс. человек, но опять же без указания причин их увольнения[70]. Кроме того следует учитывать, что увольнения комначсостава проводились и в пограничных и внутренних войсках, входивших в состав советских Вооруженных сил. Таким образом, вопрос о масштабах репрессий все еще остается открытым, хотя министерства обороны и государственной безопасности не могут не располагать исчерпывающими материалами на этот счет. В частности, это утверждал Д. А. Волкогонов, который писал о наличии томов "со списками репрессированных военачальников"[71]. К сожалению, в этом вопросе отечественная традиция пренебрежения к собственным гражданам предстает во всей своей неприглядности.

О. Ф. Сувениров, Л. А. Киршнер и А. М. Самсонов[72] отмечают, что репрессии подрывали дисциплину в Красной Армии, и некоторые авторы (в том числе В. Д. Данилов[73]) повторяют высказывания Г. К. Жукова, опубликованные в 1987-1990 гг. о том, что армия оказалась фактически обезглавленной и деморализованной, что репрессии дезорганизовали управление войсками[74]. Повторяются и утверждения А. М. Василевского о том, что без 1937 г. не было бы войны в 1941 г.[75] Подобные взгляды недостаточно обоснованы и требуют дальнейших исследований. Представляется более справедливым мнение В. Д. Данилова о том, что в "армии, как и в стране в целом, была создана деспотичная обстановка: для одних - практически неограниченная власть, вседозволенность, безнаказанность, беззаконие; для других - неуверенность в завтрашнем дне, страх, пассивность"[76]. К сожалению, автор не уточнил, кто именно скрывается за словами "одни" и "другие", да и никто из исследователей не стал развивать этот очень интересный социальный аспект темы.

С. Мишанов считает, что в армии репрессиям подверглось несколько категорий офицеров: 1) военспецы (офицеры и генералы до 1917 г.); 2) сторонники Троцкого или считавшиеся таковыми; 3) люди, замешанные в различных партийных оппозициях; 4) знакомые или связанные по службе с вышеперечисленными; 5) ветераны ВКП(б) и Гражданской войны[77]. Правда, можно привести не один пример, когда люди, подпадавшие под одну или несколько вышеуказанных категорий, не были репрессированы, поэтому не следует считать это деление универсальным. Автор справедливо отметил, что репрессии одних означали быстрое продвижение по службе для других, а Н. М. Якупов и О. Ф. Сувениров упоминают о распространении в армии доносов, которые, по мнению последнего, способствовали продвижению по службе[78]. Однако эти темы не получили серьезного освещения, и остается неясным, влияли ли доносы на карьеру их авторов и насколько случайно заполнялись образовавшиеся вакансии.

Как показали в своих работах Ф. Б. Комал и О. Ф. Сувениров[79], в конце 30-х гг. была увеличена сеть военно-учебных заведений и курсов комсостава, улучшено материальное положение офицеров, ширилась подготовка офицеров запаса, что, по мнению Ф. Б. Комала, позволило обучить немало хороших офицеров[80]. В работах С. Мишанова и В. И. Ивкина отмечается, что во второй половине 30-х гг. быстро растет материальное благосостояние офицеров, зарплата которых за 1934-1939 гг. выросла на 268%, и советские офицеры были одной из самых высокооплачиваемых категорий населения[81]. Но это лишь фрагменты, не позволяющие представить полную картину материально-бытового положения офицерского корпуса в конце 30-х - начале 40-х гг. Это свидетельствует о свойственном отечественной исторической литературе отсутствии исследований социальных аспектов советского общества.

О. Ф. Сувениров показал, что хотя репрессии 1937-1938 гг. явились самыми крупными, они не были чем-то необычным в строительстве Красной Армии. Чистки комсостава велись с середины 20-х гг., и в этот период Наркоматы обороны и внутренних дел действовали согласованно[82]. Д. М. Проэктор отмечает, что "кампания обвинений во вредительстве и оппортунизме против ряда руководящих офицеров, вызвавшая тревогу, замешательство и раскол среди военных, стала разворачиваться еще с начала 30-х гг. Начались "разоблачения", сеявшие взаимную подозрительность и недоверие"[83]. В 1924-1936 гг. из армии было уволено 47 тыс. бывших офицеров русской армии[84]. К сожалению, все эти вопросы еще не изучены и очень слабо отражены в литературе.

Рассматривая судьбу армейского партаппарата в 1937-1939 гг., О. Ф. Сувениров отмечает, что политическая чистка в армейских парторганизациях шла с 1935 г. под непосредственным руководством Политуправления РККА. До июня 1937 г. главными врагами считались троцкисты, зиновьевцы, правые уклонисты и связанные с ними, а позднее - заговорщики и шпионы. Только в 1937 г. к партийной ответственности было привлечено 23 599 человек, из которых 10 341 были исключены из партии. Попытки объективного рассмотрения партийных дел в Парткомиссии Политуправления Красной Армии были довольно быстро пресечены арестами ее членов. Показывая активную роль армейских политуправлений в организации чисток, автор отмечает, что они сами находились под бдительным контролем НКВД, и все армейское политическое руководство был репрессировано[85].

По мнению О. Ф. Сувенирова, с мая 1937 г. НКВД перестал считаться с руководством НКО и до конца 1938 г. проводил репрессии без оглядки на военное руководство. С начала 1939 г. взаимодействие этих ведомств было восстановлено, и в начале 1941 г. органы НКВД, действующие в армии, были подчинены также и НКО, хотя особые отделы продолжали находиться в привилегированном положении. Вопрос о взаимодействии НКВД и руко-

водства НКО в осуществлении репрессий требует более тщательного изучения. Как показано в работе НМ Якупова, 21-22 ноября 1937 г на заседании Военного совета при наркоме обороны, посвященном чистке в армии, руководство округов отчитывалось о больших успехах в деле выявления вредителей. Скорее всего, механизм репрессий был таким же, как и в стране: каждый округ получал разнарядку на определенное количество врагов народа и должен был ее выполнить, а еще лучше - перевыполнить. Командующие на заседании, упоминавшие о снижении боеготовности войск из-за чисток, сами оказывались репрессированы[87]. Кроме того, не следует забывать, что высший комсостав входил в номенклатуру ЦК ВКП(б), где и решалась его судьба. Это опять возвращает нас к изучению вопросов о взаимоотношениях внутри офицерского корпуса и о принципах формирования руководящего слоя в стране и армии.

Комплексное рассмотрение исследований о репрессиях в Красной Армии показывает, что широко распространенная версия об их катастрофических для армии последствиях требует дальнейшего тщательного изучения. К сожалению, пристальное внимание к 1937-1938 гг. приводит к выпячиванию этих событий как некой аномалии в истории советских Вооруженных Сил. Однако более глубокое изучение связанных с этим проблем ставит правильность подобного подхода под сомнение. Все еще остаются слабо иследованными вопросы о месте 1937-1938 гг. в системе чисток офицерского корпуса РККА, их связи с планами Сталина в отношении армии, боевой и политической подготовкой комсостава и реальной боеготовностью Красной Армии накануне войны. Пока все эти проблемы содержат гораздо больше вопросов, чем ответов. Центральный же из них - последствия репрессий для боеготовности Красной Армии - пока не может считаться окончательно решенным, поскольку не были сформулированы объективные научные критерии для его решения, и ученые не получили доступа к необходимому документальному материалу.

В имеющейся отечественной литературе по проблеме довольно четко выделяются две основные тенденции. Одну из них можно условно назвать "проармейской", так как в ней довольно четко проводится мысль, что офицерский корпус - элита не только армии, но и страны в целом, а поэтому организованные и проводившиеся НКВД репрессии не только необоснованны, но и преступны в отношении судеб страны и являются самым страшным преступлением органов. Другая тенденция имеет явно антисталинскую направленность, поскольку в ней акцентируется внимание на роли Сталина в организации беспричинных и самоубийственных для страны репрессий офицерского корпуса. Думается, что подлинно научное изучение этих трагических событий возможно лишь за рамками вышеуказанных тенденций, и оно еще впереди.

Углублению изучения этих вопросов препятствует недостаточно широкая источниковая база. Несмотря на довольно бурное обсуждение этой проблематики в конце 80-х - начале 90-х гг., введение в научный оборот документов было не столь значительно, как можно было бы ожидать. Появившиеся документы, хотя и конкретизировали некоторые аспекты, но не позволили всесторонне рассмотреть данную проблему. В результате в литературе сохраняется разноголосица по основным вопросам темы. Тематика исследований проблемы репрессий в Красной Армии, к сожалению, почти не вышла за рамки, сложившиеся в 50-60-х гг., что определялось наличной источниковой базой. Примерно на уровне того десятилетия остаются и общие выводы исследователей. Не только не решены, но зачастую даже не поставлены вопросы о целях чисток офицерского корпуса, о межведомственных трениях в те годы, о наличии и взаимоотношениях различных группировок в Красной Армии, о месте и роли офицерского корпуса в тоталитарном государстве. Поэтому трудно отказаться от мысли, что прошедшее десятилетие оказалось не очень плодотворным в разработке данной тематики.

Примечания

[1] См., напр., Викторов Б. Заговор в Красной Армии // Правда, 1988, 29 апреля, Иссерсон Г. Судьба полководца // Дружба народов, 1988, №5, Тухачевская Е. Н. В тени монумента // Огонек, 1988, №17 Хорев А. Маршал Тухачевский // Красная Звезда, 1988 4 июня, Жохов М. Гамарник Ян // Коммунист Вооруженных Сил, 1988 №17, Хорев А. Комкор Примаков // Красная Звезда, 1988, 1 октября и др.

[2] Пфафф И. Прага и дело о военном заговоре // Военно-исторический журнал, 1988, № 10 С 44-53 № 11 С 47-56, № 12, С. 61-69

[3] Абрамов Н. Дело Тухачевского: новая версия. Рассекреченные документы из Архива внешней политики СССР // Новое время, 1989, № 13, С. 36-39, Судоплатов П. А. Разведка и Кремль, М., 1996, С. 103-106

[4] Валента Я. "Дело" маршала М. Н. Тухачевского (к вопросу о хронологии и интерпретации) // Советское славяноведение, 1991, №4, С. 37-48

[5] Емельянов Ю. В. Был ли заговор Тухачевского? // Слово, 1991, № 12, С. 8-11

[6] Сергеев Ф. Нацистская разведка против СССР: "дел" Тухачевского, операция "Цеппелин" //Новая и новейшая история, 1989, № 1, С. 114-132, Случ С. 3. "Дело Тухачевского": велика ли заслуга СД? (по поводу новой книги немецкого историка) // Советское славяноведение 1992 *№* 1 С 27-29, Судоплатов П. А. Остаюсь единственным живым свидетелем // Молодая гвардия 1995 № 5 С. 25, его же: Разведка и Кремль, С. 100-108

[7] ВолкогоновД. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И В Сталина. В 2 кн., М., 1989, Кн 1, Ч. 2, С 254-271

[8] Роговин В. З. 1937 год. М., 1996, С. 363-448

[9] Иванов В. М. Маршал М. Н. Тухачевский М, 1990 С 295-318

[10] Сувениров О. Ф. Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории 1991 №6 С 28, е г о же. Трагедия первых командармов//Отечественная история 1996 №4 С 172-173

[11] См., напр., 1937. Показания маршала Тухачевского//Военно-исторический журнал 1991 *№* 8 С 44-53 № 9, С. 55-63, Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре//Военные архивы России 1993 *№* 1 С 30-111

[12] " Невольники в руках германского рейхсвера " // Источник, 1994, № 3, С. 72-88

[13] Данилов В. Д. Советское Главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история, 1988, №6 С. 3-12, Сувениров О. Ф. Всеармейская трагедия // Военно-исторический журнал, 1989, № 3, С. 39-47, Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2, Ч. 1, С. 51-55, Самсонов А. М. Вторая мировая война, 1939-1945, М., 1990, С. 102, Роговин В. 3. Указ. соч. С. 363-404

[14] Известия ЦК КПСС 1989 №4 С 42-43

[15] Захаров В. В. Политика Советского государства по отношению к Германии в военной области и ее влияние на обороноспособность СССР (1921 -июнь 1941 гг.). Автореф. дис. докт. ист. наук, М., 1993 С 33, Молодая гвардия 1995 № 5 С. 26

[16] Викторов Б. Указ. соч.

[17] Решение проблемы отражения агрессии противника в начальном периоде Великой Отечественной войны / Рук. авт. кол. В А Пронько М, 1989 С. 26

[18] Известия ЦК КПСС, 1989 № 4 С. 52-53, Версию о борьбе за власть в НКО поддерживает П. А. Судоплатов Разведка и Кремль С 103-105

[19] Молодая гвардия, 1995, № 5, *С* 26, Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания М, 1995, С. 62

[20] И. В. Сталин о "Кратком курсе истории ВКП(б)"//Исторический архив 1994 *№5 С 22*

[21] Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А. Измена Родине, М., 1995, С. 291, 277-279

[22] Известия ЦК КПСС, 1989 № 4 С 52

[23] Мишанов С. Расчетливое безумие (Причины и последствия чисток в Красной Армии) // Военные знания 1994 № 1 С 12

[24] Спирин Л. М. Сталин и война // Вопросы истории КПСС, 1990 № 5 С. 90-96, Киршин Ю. Я., Раманичев Н. М. Накануне 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история 1991 *№ 3 С* 4-6, Мишанов С Расчетливое безумие // Военные знания 1994 № 2 С 15

[25] Источник, 1994 № 2 С. 83, Спирин Л. М. Указ. соч. С. 92, 94

[26] Юмашева Ю. Ю. Высший командный состав советских Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Опыт историко-статистического анализа). Автореф. дис. канд. ист. наук, М., 1994, С. 12

[27] Мишанов С. Расчетливое безумие // Военные знания, 1994, №2 С. 15

[28] Павленко Н. Г. На первом этапе войны // Коммунист, 1988, №9, С. 88, Ржешевский О. А. Как начиналась война // Партийная жизнь, 1989 №13 С. 71, Дружба О. В. Политическая история советского общества. Вторая мировая война. Советское общество в годы Великой Отечественной войны. Ростов-на-Дону, 1991, С. 30-31, Язов Д. Т. Впереди была война//Военно-исторический журнал, 1991 №5, С. 14, Мельтюхов М. И. 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют // История СССР 1991 № 3 С 27, Кузнецов Н. И. Генералы 1940 года // Военно-исторический журнал 1988 *№* 10 С 29, Перечнев Ю. Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии // Военно-исторический журнал, 1988, № 4, С. 44-45, Соколов Б. В. Красная Армия в межвоенный период, М., 1990, Отечественная история, 1996, №4, *С.* 180

[29] Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2. Ч. 1. С. 49-55; Исаев С. И., Раманичев Н. М., Чевела П. П. Советский Союз накануне Великой Отечественной войны, М., 1990. С. 33; Хорьков А. Г. Грозовой июнь. Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны М, 1991, С. 8-13, Киршин Ю. Я., Раманичев Н. М. Указ. соч.

С 4-6, Комал Ф. Б. Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал, 1990, №2, *С.* 21-28, Данилов В. Д. Указ. соч. С. 4-8, Анфилов В. А. Грозное лето 41 года, М., 1995, С. 14-19 Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995, С. 16-17, 47-51

[30] Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 47, Великая Отечественная воина 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки, Кн. 1, С. 62

[31] История второй мировой войны 1939-1945. В 12 т. Т. 2, Накануне войны, М., 1974, С. 201

[32] Известия ЦК КПСС, 1990, № 1, С. 186, Российский государственный военный архив (далее - РГВА) ф. 7, оп. 15, д. 151, л. 129

[33] 1941 год - уроки и выводы / Рук. авт. кол. В. П. Неласов, М., 1992, С. 178-179

[34] Бородин В. П. День Победы, М., 1996, С. 35, Данилов В. Д. Указ. соч. С. 5

[35] Ивкин В. И. Вопросы военного строительства в деятельности Верховного Совета СССР в пред военные годы (1937 - июнь 1941 г). Автореф. дис. канд. ист. наук, М., 1993, С. 20

[36] Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989, С. 304

[37] Спирин Л. М. Указ. соч. С. 91

[38] Филиппов А. О готовности Красной Армии к воине в июне 1941 года // Военный вестник АПН, 1992, № 9, С. 6

[39] Юмашева Ю. Ю. Указ. соч. С. 11

[40] Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 28, Военная энциклопедия, Т. 3, М., 1995, С. 444, Печенкин А. А. Была ни возможность наступать? // Отечественная история 1995 *№ 3 С* 49, Великая Отечественная воина Военно-исторические очерки. Кн. 1, С. 63, Бородин В. П. Указ. соч. С. 37 Скрытая правда воины 1941 год Неизвестные документы, М., 1992, С. 340-342

[41] Данилов В. Д. Указ. соч. С. 5-6

[42] Савушкин Р. А. Развитие советских Вооруженных Сил и военного искусства в межвоенный период (1921-1941 гг.), М., 1989, С. 39, Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 28

[43] Подсчитано по: Якупов Н. М. Сталин и Красная Армия (Архивные находки) // История СССР 1991, №5, С. 170; Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 28

[44] 1941 год - уроки и выводы, С. 47-49

[45] Юмашева Ю. Ю. Указ. соч. С. 12

[46] Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 302-304; Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941 год. М., 1989, С. 76; Самсонов А. М. Указ. соч. С. 102-103; Кулиш В. М. О некоторых актуальных проблемах историографии Великой Отечественной войны // История и сталинизм, М., 1991 С 335-336; Канун и начало войны Документы и материалы / Сост. Л. А. Киршнер, Л., 1991, С. 30-33

[47] Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 310

[48] Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930-1990-е) М, 1994. С. 210-211

[49] Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия, М., 1985 С 246

[50] Данилов В. Д. Указ. соч. С. 15

[51] Канун и начало войны. С. 30

[52] См.: История второй мировой войны, Т. 2 С 202; 1941 год - уроки и выводы С 30

[53] РГВА, ф. 29, оп. 41, д. 193, л. 283-296

[54] Филиппов А. Указ. соч. С. 7, Мельтюхов М. И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии//Отечественная история 1994 №3 С 12-14

[55] Коваль В. С. Барбаросса. Киев, 1989, С. 593-594

[56] Канун и начало войны, С. 31-32

[57] Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2 ч. 1, С. 51; Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 304; Самсонов А. М. Указ. соч. С. 102; Раманичев Н. М. Красная Армия всех сильней? // Военно-исторический журнал, 1991, № 12, С. 3; Военная энциклопедия Т. 3. С. 444; Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 16; далее на с. 47 автор указывает, что это количество командиров и политработников было уволено за 1935-1939 гг.; Куманев Г. А. 22-го, на рассвете // Правда, 1989, 22 июня

[58] Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А. Указ. соч. С. 289, 291, 407-415, 417-437, Военно-исторический журнал 1993 № 2, 3, 5-12

[59] Данилов В. Д. Указ. соч. С. 5

[60] Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 24-25

[61] Филиппов А. Указ. соч. С. 6

[62] Уколов А. Т., Ивкин В. И. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал, 1993, № 1, С. 56-59

[63] Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 24-25

[64] Известия ЦК КПСС, 1990, № 1, С. 189

[65] Бородин В. Репрессии 30-х годов и реальное состояние офицерских кадров Красной Армии накануне второй мировой войны//Военный вестник АПН, 1988 №20 С. 9-12

[66] Кузнецов Н. И. Указ. соч. С. 29

[67] Известия ЦК КПСС, 1990, №1, С. 177-192

[68] Там же, С. 188-189

[69] Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 24

[70] Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2 Ч. 1. С. 51

[71] Там же, С. 274-276

[72] Военно-исторический журнал, 1989, № 3 С 39-47; Канун и начало войны, С. 32-33; Самсонов А. М. Указ. соч. С. 103

[73] Данилов В. Д. Указ. соч. С. 7-8

[74] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, М, 1990 Т. 1 С. 219-237; Маршал Жуков полководец и человек, М, 1988, Т. 2. С. 203

[75] Симонов К. Глазами человека моего поколения, М, 1989 С. 446

[76] Данилов В. Д. Указ. соч. С. 7

[77] Мишанов С. Расчетливое безумие// Военные знания, 1994, № 1, С. 13

[78] Якупов Н. М. Указ. соч. С. 175, Сувениров О. Ф. Против репрессий в Красной Армии (1937-1940 гг.) // Коммунист, 1990, № 17 С. 65-75, его же: Репрессии в парторганизации РККА в 1937-1938 гг. //Вопросы истории КПСС, 1991, №6, С. 24-25, Отечественная история, 1996, №4, С. 171-172

[79] Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 21-28, Сувениров О. Ф. Приказ отменять не будем // Военно-исторический журнал, 1989, № 4, С. 32-39

[80] Комал Ф. Б. Указ. соч., С. 25-28

[81] Мишанов С. Расчетливое безумие // Военные знания, 1994, №2, С. 14, Ивкин В. И. Указ. соч. С. 20

[82] Вопросы истории, 1991, №6, С. 26-28

[83] Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 302

[84] Известия ЦК КПСС, 1989, №4, С. 42-43

[85] Вопросы истории КПСС, 1991, №6, С. 18-31; Сувениров О. Ф. Трагедии не избежал никто (Судьба первых армейских комиссаров РККА) // Кентавр, 1992, Ноябрь-декабрь, С. 41-58; Роговин В. 3. Указ. соч. С. 378

[86] Вопросы истории, 1991, №6, С. 28-35

[87] Якупов Н. М. Указ. соч. С. 171-172

[65] Бородин В. Репрессии 30-х годов и реальное состояние офицерских кадров Красной Армии накануне второй мировой войны//Военный вестник АПН, 1988 №20 С. 9-12

[66] Кузнецов Н. И. Указ. соч. С. 29

[67] Известия ЦК КПСС, 1990, №1, С. 177-192

[68] Там же, С. 188-189

[69] Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 24

[70] Волкогонов Д. А. Указ. соч. Кн. 2 Ч. 1. С. 51

[71] Там же, С. 274-276

[72] Военно-исторический журнал, 1989, № 3 С 39-47; Канун и начало войны, С. 32-33; Самсонов А. М. Указ. соч. С. 103

[73] Данилов В. Д. Указ. соч. С. 7-8

[74] Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, М, 1990 Т. 1 С. 219-237; Маршал Жуков полководец и человек, М, 1988, Т. 2. С. 203

[75] Симонов К. Глазами человека моего поколения, М, 1989 С. 446

[76] Данилов В. Д. Указ. соч. С. 7

[77] Мишанов С. Расчетливое безумие// Военные знания, 1994, № 1, С. 13

[78] Якупов Н. М. Указ. соч. С. 175, Сувениров О. Ф. Против репрессий в Красной Армии (1937-1940 гг.) // Коммунист, 1990, № 17 С. 65-75, его же: Репрессии в парторганизации РККА в 1937-1938 гг. //Вопросы истории КПСС, 1991, №6, С. 24-25, Отечественная история, 1996, №4, С. 171-172

[79] Комал Ф. Б. Указ. соч. С. 21-28, Сувениров О. Ф. Приказ отменять не будем // Военно-исторический журнал, 1989, № 4, С. 32-39

[80] Комал Ф. Б. Указ. соч., С. 25-28

[81] Мишанов С. Расчетливое безумие // Военные знания, 1994, №2, С. 14, Ивкин В. И. Указ. соч. С. 20

[82] Вопросы истории, 1991, №6, С. 26-28

[83] Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 302

[84] Известия ЦК КПСС, 1989, №4, С. 42-43

[85] Вопросы истории КПСС, 1991, №6, С. 18-31; Сувениров О. Ф. Трагедии не избежал никто (Судьба первых армейских комиссаров РККА) // Кентавр, 1992, Ноябрь-декабрь, С. 41-58; Роговин В. 3. Указ. соч. С. 378

[86] Вопросы истории, 1991, №6, С. 28-35

[87] Якупов Н. М. Указ. соч. С. 171-172

© 1997 г.

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ДЖЕФФРИ ХОСКИНГОМ

Профессор Дж. Хоскинг родился в 1942 г в Шотландии. Русский язык и литературу изучал на филологическом факультете Кембриджского университета. Общеисторическое образование получил в Оксфорде. Являясь одним из ведущих западных специалистов по русской истории, он - ученый с мировым именем - работает в Школе славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете. Им написаны книги "The Awakening of the Soviet Union" (1990), "A History of the Soviet Union" (1985), "Homo Sovieticus or Homo Sapiens? Perspectives From the Past" (1987)* и ряд статей.

Интервью с ним было записано **М. В. Зеленовым** (Нижний Новгород) 25 ноября и 4 декабря 1996 г и печатается с сокращениями.

Чем можно объяснить Ваш интерес к истории России?

Во-первых, тем, что русский язык в моей школе не преподавали. Это был не то чтобы запретный плод, а соседнее поле, куда мы не заходили. Но гораздо важнее, что в конце 50-х гг., будучи школьником, я читал "Анну Каренину", "Преступление и наказание", "Доктора Живаго". Эти три романа изменили мою жизнь. Кроме того, мне было интересно

*Пробуждение Советского Союза" (1990), "История Советского Союза" (1985) Американское издание этой книги вышло под названием "Первое социалистическое общество История Советского Союза - взгляд изнутри " (1985), "Хомо советикус или хомо сапиенс? Перспективы из прошлого" (1987)

узнать, почему социализм, такая прекрасная идея, приобрел в СССР столь уродливые формы. То была эпоха "секретной речи" Хрущева на **XX** съезде КПСС, когда миру стало известно о сталинском терроре. Для меня это был импульс к изучению российской истории. До этого времени серьезно занимались Россией только коммунисты или антикоммунисты, а после 1956 г. все нормальные люди стали интересоваться страной, которая была нашим союзником в годы войны. До середины 50-х гг. в Великобритании было в-общем положительное отношение к СССР, но речь Хрущева и подавление венгерского восстания 1956 г. изменили ситуацию. Большое влияние на мой интерес к России оказал, конечно же, русский язык, который мне казался самым прекрасным языком в мире, даже когда я не понимал ни слова в нем!

Русский язык Вы освоили великолепно. Но смогли ли Вы постичь русский стиль мышления?

Об этом нужно судить другим. Я только что написал книгу "Русский народ. Российская империя", которая основана не только на достижении общественных наук, но и на моем интуитивном понимании России. Об этих проблемах я начал размышлять еще 30 лет назад. Я чувствовал, что в России между государством и народом произошел разлад, и что народ до XX в. сохранил какие-то особенные, свои местные обычаи и институты. Определенный разлад всегда существует в любой стране, но в России он глубже. Народные традиции дальше от государственных традиций во взглядах на право, закон, власть, культуру, собственность, т. е. на все главные вопросы политической и культурной жизни. Мне всегда казалось, что в России раньше существовала общенациональная традиция, которая была подорвана и ослаблена. В последней книге я показываю, как была создана эта общенациональная традиция во время освобождения от монголо-татарского ига, и особенно при Иване IV, и как этот национальный миф был подорван в середине XVII в., во время церковного раскола. Работа над источниками подтвердила это интуитивное заключение, сформировавшееся отчасти под влиянием Лескова, который лучше других русских писателей показывает этот разлад между народными и авторитарными традициями.

Народ в России сохранил какую-то особую теплоту и человеческую близость, чего нам, на Западе, отчасти не хватает, но которая была у нас, может быть, в средние века. Именно это, мне кажется, и привлекало меня в русской культуре. В каком-то смысле я славянофил, хотя далеко не русский националист (в традиционном смысле), и ценю соборность. По вине своего государства русские люди часто попадали в трудные, порой невыносимые условия, но они находили выход в использовании собственных, существовавших параллельно с государственными структурами институтов (община, земства, разного рода артели, в том числе и армейские и т. д.), которые облегчали им жизнь, но и нередко мешали государству в осуществлении его замыслов. Эта диалектика, как мне кажется, и составляет стержень русской истории.

Интуиция Вас не подвела, когда Вы предсказали нашу перестройку в учебнике по истории СССР, который вышел в тот самый день, когда к власти пришел Горбачев.

Я не то чтобы предсказал перестройку и тем более разрушение СССР, но говорил, что в России возможны глубокие перемены, так как все компоненты системы были тесно взаимосвязаны. Поэтому я предположил, что если начнется изменение одного из элементов системы, то она вся изменится очень быстро. Тоталитарная модель помогла мне найти эти взаимопереплетения внутри советского общества. Упомянутый учебник был первым, который обращал серьезное внимание на социальную историю СССР, на историю межнациональных отношений, на историю религии. Эти главы были написаны в 1982-1984 гг. так, что мне по существу не пришлось в них ничего менять при втором и третьем переизданиях книги, так как из них можно было вывести все последующие события.

Вы были в России, когда работали над своей первой монографией о Государственной думе. Кто из российских ученых оказал на Вас влияние, скорректировал Ваши взгляды?

Из русских ученых того времени на меня повлияли двое. Это Е. Д. Черменский, который был моим научным руководителем. Тихий, скромный человек, очень добросовестный, он не старался влиять на мою концепцию, но иногда давал некоторые общие указания. Видимо он полагал, что я уже владею предметом, и как профессионал считал своим долгом лишь помогать мне, но не влиять в идеологическом плане.

Вторым был А. Я. Аврех - человек с более широким кругозором, чем Черменский, и интересный в личном плане. Он со мной во многом не соглашался, у нас бывали долгие дискуссии. Аврех не был моим руководителем, просто его заинтересовало, что молодой западный ученый занимается его тематикой. У него были свои концепции. Как известно, он начал историографическую дискуссию конца 60-х гг. о природе российского абсолютизма.

Как вы оцениваете в связи с этим российскую историографию, кого Вы можете выделить как хороших теоретиков?

На меня произвел большое впечатление П. А. Зайончковский. Я не только читал его книги, но помню его еще по работе в архивах: он был научным руководителем нескольких американских историков, заинтересовался также и моими занятиями и дал мне несколько ценных указаний, так что я увидел в нем и профессионала и не безразличного к другим человека. Не могу не сказать также о В. П. Данилове, который впервые, по-моему, серьезно поставил вопрос о том, что же случилось с крестьянством в Советской России. Я читал его работы с большим вниманием и могу сказать, что с течением времени его книги и статьи становились все более интересными.

Конечно же, на меня оказал большое влияние В. О. Ключевский, и, по-моему, моя концепция очень похожа на его. Я помню его реплику о том, что после Ивана IV "государство все пухло, а народ хирел". Это как бы ключ к моему собственному пониманию российской истории.

Меня всегда интересовало то, что писал Натан Эйдельман. Он всегда был интересен тем, что показывал дух эпохи, хорошо улавливал особенности того или иного исторического персонажа. Хотелось бы назвать также Бориса Миронова, который много писал о XVIII в. Меня недавно заинтересовали книги В. И. Буганова о национальном самосознании русских крестьян (хотя я не во всем согласен с ним) и книга М. М. Громыко, которая тоже очень интересно пишет о крестьянстве.

Какие Вы можете выделить сейчас достоинства и недостатки российской исторической науки?

Сейчас трудно сказать, поскольку она находится на переходном этапе. Но все-таки следует отметить высокий профессиональный уровень российских историков, которые очень добросовестно относятся к своему ремеслу. И даже если у них бывали трудности с публикацией их работ из-за цензурных стеснений или партийного давления, они делали много, очень много. И именно благодаря своему профессионализму. Но в то же самое время была какая-то замкнутость в исторической профессии, они вращались в круге одних и тех же проблем и не искали новую методологию. Как мне кажется, впервые профессиональное отношение к провинциальным архивам России я встретил у американских, а не у русских историков.

В XIX в. русские историки одними из первых стали интегрировать в историографию социальные науки. Я имею в виду В. О. Ключевского и его учеников, которые хорошо знали социальную науку своего времени. И ранние марксистские историки тоже. Я всегда находил интересным читать русских историков Европы конца XIX - начала XX в. - А. Н. Савина, Д. М. Петрушевского, Н. И. Кареева и др. Историю европейского средневековья они описывали очень хорошо и очень интересно; теоретические основы у них были глубже, чем, например, у английских историков. Может быть, лишь французы были лучше оснащены в этом отношении. Так что у русских, безусловно, хорошая историографическая традиция, и сейчас, как мне кажется, делаются попытки ее возродить.

Вернемся к Вашим книгам. Вы опубликовали первую статью об октябристах и Думе в 1969 г., а в 1973 г. вышла первая Ваша книга о Государственной думе. Она сразу же обратила на себя внимание тем, что была насыщена документальным материалом, в том числе и архивным. Это было несвойственно английской историографии того времени. Что Вы думаете об историках, которые не пользуются источниками, а компилируют текст из других книг?

Вы знаете, мне повезло. Я отношусь к первому поколению наших историков, которое действительно могло работать в русских архивах. Это было в середине 60-х гг. Тогда еще были трудности для тех, кто занимался революционным движением, историей внешней политики и т. п. Но мне было сравнительно легко, поскольку я занимался буржуазными партиями - вопросом не слишком тогда актуальным, так что я получил более или менее свободный доступ в архивы. Правда, описи нам не давали, архивисты подбирали документы для нас сами, и я не был уверен, что получаю исчерпывающие материалы. И были известные пробелы, например, мне не давали фонд Джунковского, видимо, из-за документов, раскрывающих его связь с Р. Малиновским.

С тех пор многие западные историки работали в российских архивах намного больше меня. Я же в последнее время занимался крупными темами, для которых не нужна работа в архивах. Если обратиться к историкам, изучающим различные слои российского общества, особенно американцам, то их книги насыщены хорошим архивным материалом. Вообще же серьезные историки всегда работают в архивах.

Во всех своих работах Вы писали о гражданском обществе. В чем отличие, на Ваш взгляд, гражданского общества от негражданского? И когда оно появилось в России?

Наличие гражданского общества предполагает существование специальных институтов, которые играют автономную роль в обществе, не зависят всецело от государства и не являются ячейками бюрократии. В российском обществе такие институты существовали со второй половины XIX в. Они были еще слабыми, неустоявшимися. Я имею в виду земства, выборные органы в городах, которые МВД хотело прибрать к рукам и, как известно, через контрреформы 90-х гг. отчасти сумело это сделать. Кроме того, к атрибутам гражданского общества можно отнести суды, профессиональные организации, высшие учебные заведения Сюда же относится и художественная жизнь России. Литераторы, художники, музыканты играли здесь особенно значительную роль, потому что брали на себя задачи, которые в иных странах решали другие институты. Всем известно, что русская литература в XIX в отчасти заменяла собой независимую прессу, отчасти выполняла задачу благотворительных обществ, отчасти - Церкви, которая подпитывает духовную жизнь общества. Тогда Церковь не могла по ряду причин это делать в полной мере.

То есть, Вы относите становление гражданского общества в России ко второй половине XIX в., так я понял?

Да. Мне кажется, что декабристы хотели построить гражданское общество. Это были в подавляющем большинстве мирные люди, которые хотели создать внутри существующего общества ячейки общества гражданского, независимой общественной гражданской жизни, но постоянно входили в столкновение с правительством. Поэтому и произошло восстание 1825 г Это была первая попытка создать в России гражданское общество.

Были ли это только зачатки гражданского общества или оно уже существовало, начиная с 60-х гг. XIX в. ?

Были, скорее всего, лишь элементы, которые развивались независимо друг от друга Ведь российское общество конца XIX в. было сегментировано. Каждое сословие развивалось по-своему, отдельно от других, и не было связующих организаций, как, скажем, в Великобритании (политические партии, парламент), которые могли бы плодотворно влиять на государственную жизнь. Вообще же создание гражданского общества - это эволюционный процесс. Нельзя указать точно год, когда появилось гражданское общество.

В полном смысле слова, мне кажется, его в России еще нет до сих пор. П. А. Столыпиным была сделана серьезная попытка превратить Государственную думу в потенциальный собиратель элементов гражданского общества. И действительно, какое-то время Государственная дума играла эту роль, и если можно условно говорить о гражданском обществе в России, то применительно именно к тому времени.

Вы, как я понимаю, являетесь проводником той мысли, что в России во время революции 1905-1907 гг. установился конституционный порядок. Но М. Вебер считал, что это была лишь "псевдоконституция".

Полуконституция, да. Я бы не возражал Веберу. Как сказано в "Основных законах" 1906 г., монарх является самодержцем. Кстати говоря, закон 1906 г. противоречил здесь самому себе. В одной его статье говорилось о царе-самодержце, а в других - о том, что ни один закон не может войти в силу без одобрения Государственного совета и Государственной думы. Значит, какой же царь самодержец? Сама суть этой конституции была двусмысленной, и Вебер был прав, когда говорил о псевдоконституционализме. Я писал о двусмысленном конституционализме. Это почти то же самое. И император нарочно оставил себе такие полномочия, которые разрешали ему препятствовать законодательному процессу. И он препятствовал. Но, с другой стороны, Дума и Государственный совет были очень реальные учреждения, сильно влиявшие на политический процесс. Нельзя сказать, что они были совершенно беспомощны.

Вопрос о бунтах и революциях - третий большой вопрос, который пронизывает все Ваши книги. Как Вы считаете, чем являются революции для России и вообще была ли в 1917 г. у нас революция? Что это такое, какое значение имеет это понятие?

Революция - это насильственная, длительная и радикальная перемена в обществе. Если 1917 год в России - не революция, то я не знаю, что вообще в истории человечества можно назвать революцией. Больше того, 1917 год - это, без сомнения, самая радикальная революция в истории человечества. События 1905 г. представляют собой неудавшуюся революцию, причем одно время казалось, что крушение царизма уже близко.

В 1917 г. в России была одна революция или две, одна в феврале, другая - в октябре?

Мне кажется, тут немного пахнет схоластикой. Это одна большая революция, состояв-

шая из двух частей. Сначала - свержение старого строя и неудачная попытка установить новую систему на принципах общественности. Потом была вторая часть революции -свержение общественности и установление так называемой "диктатуры пролетариата", большевистской диктатуры.

Когда она закончилась? Или мы тоже не можем назвать конкретной даты? Как поется в известной песне: "Нет у революции начала, нет у революции конца"?

Условно я мог бы назвать середину или конец тридцатых годов, когда сталинское советское общество начало как бы закостеневать. Создалась новая элита, которая фактически будет все держать в своих руках до конца советской власти. Но я бы не возражал, если бы мне сказали, что "смутное время" началось с 1905 г. и длится до сих пор: многие вопросы, поднимавшиеся в 1905 г., не решены до конца и в той или иной форме продолжают волновать российское общество до сих пор. Так что тут действительно имеет место длительный процесс. Но я считаю, что в 1917 г. произошла радикальная революция, а то, что случилось в 1991 г., было не совсем революцией, а скорее трансформацией советского общества. Хотя налицо были почти все элементы революции - драматический конец старой власти и ее свержение (более мирное по сравнению с 1917 г.). Хотя коммунистическая партия была низложена, большая часть номенклатуры все-таки так или иначе осталась у власти, пересела в другие кресла и продолжала функционировать.

Сейчас существуют совершенно различные оценки личности В. И. Ленина и его деятельности. Что же все-таки выделяет его среди других политиков? Является ли он на Ваш взгляд хорошим политиком или просто гениальным человеком?

Я никогда серьезно не занимался этим вопросом. "Развитие капитализма в России" -хорошая книга, с которой можно спорить (и многие историки спорили), но это уже показывает, что перед нами серьезный материал. Но политик он был, конечно, отличный. Трудно представить себе человека, более способного разобраться в столь трудной ситуации и осуществить свой замысел. Ленин имел перед собой конкретную цель и достаточно политической гибкости, чтобы идти верным путем почти на всех перекрестках тогдашней сложнейшей истории. Другое дело, что его цели, мне кажется, были неосуществимы. Но он страдал от извечной болезни русской интеллигенции. Как и она, он был как бы незаконным сыном Петра Великого. Он хотел великих преобразований, видел цель, но не видел, как эти преобразования могут сказаться на жизни простых людей. Вот этого он не понимал. И никто из российских администраторов высшего ранга никогда этого не понимал.

Я бы сказал, что Ленина можно назвать самым решительным царским бюрократом в духе Петра Великого. Во второй половине XIX в. имперская бюрократия стала очень осторожна, а Ленин как бы возродил петровский дух с разрушительными последствиями для простого народа.

Был ли, на Ваш взгляд, хорошим политиком Сталин?

Он был искусным политиком. Вероятно, после крушения старого общества только его путем можно было восстановить великодержавность России.

В чем его заслуга перед историей, российской или всемирной?

Мы доходим до рубежа, когда говорить о недостатках и заслугах даже бессмысленно, столь огромен был феномен Сталина. Советский Союз и Россию невозможно сейчас представить без Сталина.

Был ли феномен Сталина органичен для истории России?

Нет, не совсем. В истории России произошел такой сдвиг, что даже нельзя сказать, было ли это стихийное или органическое явление. Но какие-то тенденции в истории российского общества были гипертрофированы Сталиным до немыслимых размеров. Конечно, влияние Сталина было разрушительным с очень многих точек зрения. Так, я не знаю более разрушительного процесса, чем коллективизация сельского хозяйства. Трудно представить себе, чтобы нэп продолжался бесконечно, но и столь насильственная коллективизация не была необходима. Хотя насилие было уже в самой логике действий большевистской партии. Если взять начало гражданской войны, то большевики могли бы объединить вокруг себя другие социалистические партии, т. е. превратить гражданскую войну в войну социалистов всех толков против несоциалистических сил. Но они этого сознательно не сделали, хотя меньшевики охотно пошли бы тогда вместе с большевиками, и левые эсеры тоже. В конце гражданской войны опять можно было бы предложить всем социалистам войти в коалиционное правительство, чтобы взяться за те серьезные проблемы, которые проявились в ходе междоусобиц. Ленин сделал противоположное. Он фактически разогнал тогда все социалистические партии и запретил даже фракции внутри собственной партии, т. е. путь насилия, принуждения был заложен в самой структуре большевистской партии. И поэтому

трудно себе представить, чтобы Сталин мог действовать в ином направлении в 1929-1930 гг. Тем не менее он лично сделал свой выбор, и в этом его, конечно, следует обвинить.

Скажите, пожалуйста, Вы признаете какие-либо положительные стороны марксистской теории?

Нельзя себе представить современные западные социальные науки и историографию без марксизма. Его влияние было огромно. Марксизм как анализ буржуазного общества, по-моему, оправдал себя, пусть не во всех деталях, но в целом. Другое дело, что за последнее столетие эта теория намного изменилась по сравнению с тем, какой она была при Марксе. Иначе ее никто не стал бы применять сейчас. Я сам не марксист, но нахожусь отчасти под влиянием марксизма.

Мне кажется, что и как система общественных наук марксизм в большой степени оправдал себя. Но существует огромная разница между общественными науками и политическим действием. Между тем Ленин (да и сам Маркс, как мне кажется) не признавал этого различия. Он считал: раз существует общественная наука, значит, существует и правильное указание к политическому действию. А, по-моему, это не так. Там, где марксизм переходит от анализа прошлого к предсказанию будущего, вся его система начинает сильно хромать. Мне кажется, что этот разрыв между наукой и прогнозированием носит роковой характер. Возьмем хотя бы классовое сознание пролетариата. Оно оказалось совсем не таким, как предполагали Маркс и Ленин. И когда Ленин встал перед дилеммой - осознавать эту реальность или проводить свою политику дальше - тогда решил продолжать насильственную политику, следуя своим теориям.

В человеческих делах никакая теория не может предсказать будущее. Это невозможно. И если политик исходит из того, что общественные науки могут безошибочно предсказать будущее, то он, как и Ленин, наделает очень много дорогостоящих ошибок. Конечно, политический деятель должен интересоваться социальными науками, иначе он не будет иметь ориентира. Но предположить, что существует прямая безошибочная связь между наукой и политическим действием, в высшей степени пагубно.

Значит, история как наука не имеет никакого прагматического значения?

История формирует человеческое сознание. И очень важно, чтобы историки говорили правду так, как они ее понимают согласно доступным им источникам. Но, повторяю, прямого пути от истории к политической деятельности нет, потому что роль индивидуальности, роль случайности в социальных процессах очень велика. Поэтому опасно выводить будущее из исторических предпосылок. Ведь человек сам, тем, что он создает свою историю, меняет эту историю. Он сам — часть исторического процесса, который изучает.

Вы не относите себя к марксистам. Но, может быть, Вы принадлежите к другой школе или создаете свою собственную школу?

Конечно, нет! Мне кажется, что для этого я недостаточно размышлял о теоретической стороне исторической науки. Я всегда был практиком. И всегда руководствовался собственной интуицией. Конечно, нужно было больше думать о собственной теории, потому что иначе можно оказаться в плену чужой, зачастую отсталой теории. Когда я читаю чужую книгу, то очень часто беру из нее то, что мне интересно, не обращая внимания на концептуальные взгляды автора. А потом узнаю со слов других людей о его общих взглядах. Это плохо, конечно, нужно больше обращать внимания на историографию. Но я говорю, как есть.

Семь лет Вы писали статьи о русской литературе, потом выпустили оригинальную книгу "По ту сторону социалистического реализма". В 1989 г. Вы написали обширную статью об институционализации русской литературы. Каким образом связан интерес к советской и шире - российской литературе (эмигрантской в том числе) с Вашим пониманием истории? Помогают ли литературные интересы научному творчеству?

Безусловно. Я помню, как в конце 60-х гг. кто-то мне подарил книгу Василия Белова. Я стал читать ее с восторгом, я чувствовал, что это существенная часть русской жизни, которую я до сих пор не знал. Я читал других "деревенских" писателей, и мне показалось, что я обнаружил целые пласты русской жизни, которые я не могу понять через свои исторические занятия, но которые являются, тем не менее, очень важными для понимания всей русской культуры и истории. Вероятно, я стал их читать потом уже слишком много, но мне было захватывающе интересно.

Было и другое соображение: эти писатели рассказывали историю советского крестьянства так, как ее не могли передать историки. Об истории коллективизации можно было прочитать у Абрамова, Астафьева, Белова, но не в учебниках по истории.

Помню, в середине 60-х гг. я попал в общество хорошо образованных, очень интересных

советских людей. Среди них были члены Союза писателей, ученые. Я помню, как мы собирались по кухням, пили чай, иногда что-нибудь покрепче. Поэты читали свои стихи, мы слушали музыку, но главное - обсуждали все на свете. Это была, я бы сказал, уникальная интеллектуальная среда. Нет такой в мире, и, вероятно, не будет. Уют сельской общины сочетался там с высочайшим интеллектуальным уровнем собеседников. Они любили встречаться с людьми с Запада и говорить с ними обо всем. Я потом повторял много раз, что в Москве искусство разговора поддерживается на самом высоком уровне в мире. Сейчас, к сожалению, эта среда уже распалась, потому что те высокоодаренные люди занимаются "настоящим" делом или отчаянно борются за деньги и не имеют времени вести такие мирные, многочасовые беседы.

Конечно, всегда был какой-то страх: нужно ли собираться снова, говорить так свободно? Но могу сказать одно: то, что я искал в русской культуре, что меня привлекало еще школьником, я нашел. Нашел интеллектуальную и духовную жизнь такой насыщенности и глубины, какой нет нигде - ни в Англии, ни во Франции, ни в Америке - нигде.

Дискуссии и обсуждения

© 1997 г. В. Э. МОЛОДЯКОВ

НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
некоторые геополитические аспекты

О книгах Виктора Суворова (В. Б. Резуна) "Ледокол" и "День-М"[1] написано достаточно много[2], но вызванная ими дискуссия об истинных причинах и виновниках Второй мировой войны далека от завершения.

В общем виде концепция Резуна выглядит так: задуманные Сталиным война против Германии, а затем и "освободительный поход" в Европу, в которых боевые действия начинает советская сторона, были частью его многолетнего глобального плана (т. е. того, что по-английски называется "grand design"), в то время как Гитлер к началу боевых действий против СССР не готовился. По моему мнению, это никем и никак документально не доказано, а следовательно может рассматриваться только как версия, притом очень спорная и не лишенная внутренних противоречий.

Самый теплый прием книги Резуна встретили в Польше. Это естественно и в комментариях не нуждается. Его осторожно поддержали многие историки в Германии, стремящиеся снять монопольную ответственность за Вторую мировую войну не столько с Гитлера и нацистов, сколько с Германии в целом, что тоже понятно. Впрочем германские историки используют не столько аргументы Резуна, сколько сам факт появления его книги. Их работы на эту тему требуют отдельного рассмотрения[3]. Позволим в этой связи единственное замечание: видный германский историк и философ (близкий по своей точке зрения к Резуну) Эрнст Нольте не является специалистом по военной или дипломатической истории. Как и сам Резун, кстати.

Однако "случай" Германии сложнее - те, кто там поддерживает Резуна, должны каждый раз отмежевываться от неонацистов, которые видят в "Ледоколе" оправдание не столько Германии, сколько именно нацизма и Гитлера. Неонацисты в Германии вынуждены вести себя очень осторожно из-за опасности постоянных преследований со стороны властей, но их товарищам за границей легче. Английский неонацистский журнал "Руна" (The Rune) поместил восторженный отклик на английский перевод "Ледокола" своего ведущего автора Пола Балларда[4], также не специалиста в области истории. Поэтому не удивительно, что Баллард ограничился лишь пересказом отдельных положений книги. Столь же восторженно оценил ее известный канадский публицист немецкого происхождения Эрнст Цюндель[5], не скрывающий своих симпатий к германской стороне в годы войны и также не являющийся ученым-историком.

Высоко оценивают книги Резуна и так называемые "ревизионисты" - представители диссидентского направления в западной исторической науке, избравшего своим девизом слова известного американского историка Гарри Элмера Барнеса о необходимости "привести историю (писаную - *В. М.)* в соответствие с фактами". Впрочем, они всегда открыты для полемики и просто добросовестно заблуждаются в отношении Резуна, не зная многих обстоятельств, известных русским читателям.

Наиболее интересной была реакция на книги Резуна в России. Миллионные тиражи и бросовые цены при видимом отсутствии ажиотажного спроса наводят на мысль об организованной рекламно-пропагандистской кампании. Эти книги, особенно "Ледокол", читали больше в метро, и читали непрофессионалы, как правило, до того не державшие в руках ни одной серьезной (особенно зарубежной) книги по этому вопросу, будь то труды Алана Тэйлора или Дэвида Ирвинга. Книга была принята "на ура" на волне тотальной "деста-

---

***Молодяков Василий Элинархович,** докторант Токийского университета.

линизации" сначала идеологии, а затем и истории бывшими советскими диссидентами в Европе, а потом и отечественными демократами.

На наш взгляд, приняли концепцию Резуна и некоторые отечественные историки, хотя сделали это не прямо, поскольку солидаризоваться со столь одиозным и профессионально не безупречным автором многим не хотелось. Но к этому мы еще вернемся.

Критиков Резуна оказалось не меньше, чем апологетов, но историков-профессионалов (не будем сейчас спорить об их квалификации) среди них значительно больше.

Против Резуна выступило большинство отечественных историков старшего поколения, хотя только наиболее последовательные приверженцы догматизма продолжали отстаивать версию сталинско-брежневского времени в ее неприкосновенности. Другие, подвергая прежнюю официальную советскую точку зрения жесткой, порой безжалостной критике (Д. А. Волкогонов, А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова и др.), столь же яростно, но далеко не всегда аргументированно выступили с критикой "Ледокола" (заметим, что "День-М" вообще вызвал гораздо меньше интереса и, в отличие от остальных книг Резуна, до сих пор не издан на английском языке). О причинах неубедительности этой критики скажем позже, а пока отметим еще один момент. Резун, как известно, строит свою версию почти исключительно на официальных советских источниках, прежде всего на военно-исторических работах и мемуарах, т. е. практически на том же самом материале, на котором основывались и труды его нынешних критиков. Конечно, это ставит их в очень неловкое положение, тем более что не будучи публицистами они - в глазах читателей — выглядят гораздо менее выигрышно, чем "блистательный" Резун.

В западной, прежде всего англо-американской историографии против Резуна выступило большинство представителей "главного направления" (mainstream), ориентированного на апологию Рузвельта и Черчилля, "Великого Союза", "Большой Тройки" и т. д. Типичный пример - изданная в России книга Г. Городецкого «Миф "Ледокола"»[6], в целом заслуживающая, по моему мнению, высокой оценки, но также недостаточно убедительная в своей критической части. "Главное направление" отвергло книгу Резуна прежде всего как оправдание не только Германии, но и Гитлера, и нацистского режима. Позволим также предположить, что одной из причин принятия этой книги ревизионистами было именно отвержение ее историками истеблишмента. Добавлю, что искреннее удивление вызвало сообщение известного американского историка-ревизиониста, что взгляды Резуна не являются в США "политически корректными", в то время как в России они фактически положены в основу одного из наиболее "политически корректных" и "прогрессивных" изданий, выпущенных на грант Фонда Форда[7].

Что касается эмоционального отрицания книг Резуна в России, то в этом была едина так называемая "национал-патриотическая оппозиция", причем не только ее старшее поколение.

Знакомство с откликами на книги Резуна или с исследованиями, вызванными ими к жизни, приводит к весьма неожиданному заключению. И апологеты Резуна, и его критики держатся строго в рамках того круга проблем, который очертил сам автор "Ледокола", сведя разговор на такую сложнейшую тему как причины и виновники Второй мировой войны (не больше, не меньше) исключительно к анализу советских военных приготовлений 1939-1941 гг., в ряде случаев затрагивая также события 1929-1938 гг. Все остальные аспекты проблемы просто оставлены в стороне. Таким образом, впечатляющая история советских военных приготовлений словно повисает в безвоздушном пространстве. Как будто никто нигде больше не готовился к войне. Как будто не было вовсе никаких международных отношений, и никто даже не учитывал позицию соседа. Г. Городецкий верно заметил: "Дискуссии (о "Ледоколе" - *В. М*) совершенно не касались политических и дипломатических структур, в рамках которых принимались военные решения"[8]. Добавим, что практически никто из спорящих даже не произнес слова "геополитика", предпочитая углубляться в детали, порой далеко не столь важные.

В этом главная причина неубедительности (но вовсе не неосновательности) большинства критиков Резуна. Однозначно относя себя к последним, мы сознательно избираем то поле, на котором Резун изначально решил не "играть".

Итак, постараемся ответить на вопросы, которые не ставятся в книгах Резуна, да и во всей литературе, вызванной появлением его книг.

Вопрос первый: кому и зачем нужна была Вторая мировая война? В попытках ответа на него написаны сотни, нет, тысячи книг, а к единому мнению так и не пришли. Разумеется, полностью изложить здесь свою версию мы не можем, а потому ограничимся лишь некоторыми соображениями непосредственно по теме. Но сначала поставим вопрос в более

общем виде: что стоит за решением того или иного государства (точнее его руководства) начать войну против другого государства?

В самом общем виде можно сказать, что войнами движут или стремление к внешней экспансии (неважно, по каким причинам и тем более под какими лозунгами) или стремление разрешить за счет войны сугубо внутренние проблемы - политические, экономические и социальные. Первая причина традиционно лежала в основе большинства войн. Во Второй мировой войне этим стремлением последовательно руководствовались Гитлер, Муссолини (хотя в его "исполнении" это нередко походило на карикатуру) и японские лидеры в своей экспансии в Азии. По моему мнению, это очевидно

Что же такое решение сугубо внутренних проблем путем внешней экспансии? В общих чертах модель такова: в стране наличествуют нестабильность или кризис, угрожающие самому существованию правящей элиты, причем кризис внутреннего характера - развал финансовой системы, резкое усиление оппозиции, социальная напряженность и т. д. Отягчающим обстоятельством является очевидная неспособность правительства выполнить данные ранее обещания или реализовать пышно провозглашенную программу, особенно если нынешняя правящая элита пришла к власти под лозунгами этой программы. В таком случае необходимо нечто, что позволит правящей элите одновременно сплотить народ вокруг себя, заставить его забыть о всех экономических и социальных трудностях, а заодно -добровольно или принудительно - заткнуть рот оппозиции и лишить ее массовой поддержки Выход один: война, причем только под лозунгом защиты. Защиты Отечества от напавшего врага (но для этого необходимо, чтобы кто-то напал) или защиты свободы, демократии и т. д. (тогда можно смело нападать самому). Естественно, что это крайнее средство, когда все рычаги внутреннего давления уже не действуют. Иными словами, "война все спишет". В случае победы все забудут и все простят, в случае поражения уже никто не будет вспоминать, что было до войны, и почему она началась Таким образом, для вынесения вердикта о причинах войн надо прежде всего оценить внутреннее положение воюющих держав.

Можно смело утверждать, что в 1939 г. ни перед Гитлером, ни перед Муссолини не стояло таких внутренних проблем, которые невозможно было бы решить внутренними средствами Концепция "жизненного пространства" была, по нашему мнению, лишь оправданием, но никак не причиной. Кому действительно не хватало Lebensraum, а точнее источников сырья и рынков сбыта, так это Японии, но она до конца 1941 г. придерживалась стратегии "малых войн". Случай Сталина и СССР будет разобран ниже.

Но создается впечатление, что до сих пор никто не задался вопросом, какие же действительные причины побудили Чемберлена и Даладье объявить войну Гитлеру 3 сентября 1939 г. Оставляем в стороне лозунги о верности союзническим обязательствам и защите демократии, поскольку поведение обоих премьеров и их правительств на протяжении предшествующего года наглядно продемонстрировало как наивность (Чемберлен), так и полную беспринципность (Даладье) вкупе с полной неспособностью обоих адекватно воспринимать ситуацию. Во главе Англии и Франции оказались третьеразрядные, бездарные политики, чьи действия только усугубляли как внешнеполитическую обстановку, так и внутренний кризис

Насколько прогнила изнутри и разложилась Третья республика, очевидно из всей истории 1939-1940 гг. Это был крах не только французской армии (считавшейся одной из самых мощных в Европе и в мире), но и всей государственной, политической и социальной системы страны. Кризис этот в общем-то не был заметен, хотя события 6 февраля 1934 г., когда народное возмущение едва не переросло в восстание, заставили кое-кого призадуматься. Но в целом крах Франции - столь быстрый и тотальный - изумил всех.

Но поскольку роль Франции была явно второстепенной, надо обратиться к Англии В 1940 г. английский нацист Вильям Джойс, перешедший за неделю до объявления войны на сторону Гитлера, выпустил книгу "Закат над Англией", в которой он дает краткую историческую панораму британской политической, экономической и социальной жизни XX в. применительно к причинам мировой войны (типологически Джойс и его книга вполне идентичны Резуну и "Ледоколу"). Книга Джойса, разумеется, использовалась в пропагандистских целях, так что с его выводами можно спорить или соглашаться, но, по крайней мере, приводимые им материалы и данные (в основном из английских "открытых источников") достоверны и заслуживают внимания. Он убедительно рисует картину тяжелейшего финансового и экономического кризиса, на грани которого стояла Англия на рубеже лета-осени 1939 г. из-за бездарной экономической политики правительства (что вполне вероятно) и махинаций мирового финансового капитала (что, как и все конс-

пирологические схемы, требует осторожного обращения), так что ей не оставалось ничего, кроме войны[9]. Однозначно утверждать это я не берусь, но исследовать данную проблему безусловно необходимо.

Ну, а что же Черчилль? Официальные биографы вроде М. Гилберта, разумеется, представляют его исключительно идеалистом и борцом за свободу и демократию. Автор настоящей статьи не считает себя специалистом по истории Великобритании, а потому полагается на тщательно документированные и достаточно объективные работы Д. Ирвинга и Д. Чармли[10], которые вызвали ожесточенную полемику, но так и не были опровергнуты по существу. Выскажем свое мнение с вынужденной краткостью. Как геополитик-атлантист Черчилль видел свою цель в максимальном ослаблении, а если получится, и полном уничтожении евразийского Советского Союза и Германии; как представитель идеологии так называемого "правого мондиализма" он одинаково ненавидел коммунизм и национал-социализм (коммунизм, пожалуй, больше, чего никогда и не скрывал). Как ставленник международного финансового капитала (непосредственная связь через Б. Баруха исследована и тщательно задокументирована Д. Ирвингом[11]) Черчилль стремился к уничтожению его главных экономических конкурентов - опять же СССР и Германии; как сильный и властолюбивый человек он желал остаться у власти как можно дольше и понимал, что у него нет конкурентов, пока идет война; наконец, у него была персональная "фобия" в отношении Германии, с которой он готов был сражаться "до последнего англичанина".

Но мы забыли о Рузвельте, как "забыл" о нем и Резун. США официально и открыто вступили в войну только после Пёрл-Харбора, вокруг которого уже больше полувека ломаются копья. К предмету настоящей статьи - творчеству Резуна - это не имеет непосредственного отношения, но понять причины Второй мировой войны без американского фактора невозможно. По причине отсутствия места, ограничимся следующим заявлением: в отношении событий в Пёрл-Харборе и внешней политики Рузвельта в целом мы стоим на позициях американской школы ревизионистов (Чарльз Остин Бёрд, Гарри Элмер Барнес, Джон Толанд и др.)[12]. Не имея возможности повторить всю имеющуюся аргументацию (это десятки книг и сотни статей), считаем - не снимая ответственности с Японии! - что Пёрл-Харбор был спровоцирован Рузвельтом и необходим ему для безусловного оправдания вступления США в войну в условиях исключительно сильной оппозиции этому со стороны как политиков, так и избирателей. Иначе говоря, как геополитик-атлантист Рузвельт так же, как и Черчилль, стремился к уничтожению СССР, Германии и -добавим - Японии. В отношении идеологии Рузвельт как "левый мондиалист" был гораздо терпимее и к нацизму, и к коммунизму, у которых были несомненные общие черты с его "тоталитарным либерализмом" (термин Г. Э. Барнеса)[13]. Рузвельт был непосредственно ставленником финансового капитала Уолл-стрита (что с исчерпывающей полнотой доказано Э. Саттоном)[14] и проводил его политику. В экономическом плане его "New Deal" (Новый курс) по мнению ряда американских историков, окончился неудачей[15] - а именно под его лозунгами Рузвельт пришел к власти и более 10 лет удерживал ее. Он был в очередной раз избран президентом в 1940 г. под лозунгом неучастия в войне за пределами американского континента, но всеми силами стремился на помощь Черчиллю[16], о чем свидетельствует хотя бы их секретная переписка 1940 г., обнародованная Тайлером Кентом и Арчибальдом Рэмзи (оба поплатились за это тюрьмой)[17]; наконец, изоляционисты в США были настолько сильны, что сторонникам Рузвельта грозило вполне вероятное поражение на выборах в конгресс в 1942 г. с возможной перспективой импичмента, расследований и даже суда. Этот вопрос достаточно исследован[18], поэтому не будем подробно на нем останавливаться.

Не менее, если не более кризисной была ситуация в Японии, лишенной американских поставок сырья, с замороженными вкладами в американских банках и постоянной борьбой внутри правящей элиты. Откровенно обструкционистская политика Рузвельта и Хэлла в отношении Японии не оставляла надежд на компромисс, как ни стремился к нему премьер-министр принц Коноэ[19]. Маховик войны раскручивали с двух сторон.

Даже этот краткий и по необходимости недостаточно обоснованный анализ убеждает, что у Германии, Италии, Японии, Великобритании и США были основания желать "большой войны". Но до сих пор, кажется, никто не задумался над очевидным вопросом: зачем была нужна "большая война" Сталину? А ведь "превентивная война" против Германии и тем более "освободительный поход" в Европу - это именно "большая", мировая война.

В. Б. Резун и его сторонники этот вопрос не ставят: для них очевидно, что Сталин войны хотел. Менее искусные сторонники этой версии традиционно ссылаются на два "фактора": манию "мировой революции" и личную "паранойю" Сталина. Второй аргумент не следует

рассматривать в научном историческом исследовании, тем более что этот термин употребляется применительно к Сталину не в клиническом, а в публицистическом смысле.

Что касается "мировой революции", то ограничимся мнениями авторов, которых мы считаем вполне компетентными и с которыми согласны: «Числить Сталина приверженцем идеи "мировой революции" или, выражаясь словами Д. А. Волкогонова, лидером, руководствующимся "коминтерновским мышлением", - верх нелепости... "Революционаризм" Сталина - легенда, порожденная сталинской историографией и поддержанная антикоммунистической пропагандой... Многие сталинские высказывания на тему о революционных пожарах в тылу у стран, готовых развязать военную агрессию, - всего лишь наивная и неумная попытка испугать противника» (М. Г. Николаев)[20]. Луис Фишер, известный американский журналист и историк, человек редкой осведомленности и редкого аналитического дара, сделал вполне однозначный вывод, что Сталин перестал мечтать о "мировой революции" после поражения восстания в Германии в 1923 г. и неудачной попытки повернуть ход войны в Китае в 1924-1925 гг. [21] Именно отступничество Сталина от дела мировой революции стало главной темой антисталинской публицистики Троцкого, особенно в конце 1930-х гг. [22].

Думаем, не вызовет принципиальных и аргументированных возражений тезис о том, что территориальные претензии Сталина за пределами границ СССР лета 1939 г. сводились к возвращению в границы Российской империи 1917 г. Он планомерно присоединял "утраченные" территории, в ряде случаев идя на естественные компромиссы (раздел Польши был осуществлен в целом по "линии Керзона", т. е. по Версальскому договору 1919 г., о чем не любят вспоминать ни Резун, ни его польские поклонники, хотя именно этому договору Польша была обязана своим существованием как независимое государство; Сталин вернул России то, что она потеряла из-за авантюры Тухачевского 1920 г., в которой не последнюю роль сыграл и сам Сталин). В этот ряд логично укладываются его территориальные претензии к Японии (Рузвельт и Черчилль в 1945 г. были поражены их скромностью, но не знали, что японцы были готовы предложить и больше)[23] и позднее сожаление о том, что Карс, Ардаган и Эрзерум так и остались в "чужих руках". Отметим также, что Сталин с самого начала войны с Финляндией (бывшей частью Российской империи) не собирался формально присоединять ее к СССР[24].

Таким образом, границы потенциальной территориальной экспансии Сталина очерчены. Все, что он получил к 22 июня 1941 г., он получил без "большой войны", в то время как для Гитлера эта "масленица" кончилась в Польше почти на два года раньше, т е. 3 сентября 1939 г. Конечно, как любой империалист (а именно им Сталин и был) он был бы не прочь поживиться тем, что "плохо лежит", но не вступая для этого в войну. Так что абсолютно прав был Л. Д. Троцкий, когда в декабре 1939 г. писал: Сталин "не может вести наступательной войны с надеждой на успех. К тому же она не нужна ему. В случае вовлечения СССР в мировую войну с ее неисчислимыми жертвами и лишениями все обиды и насилия, вся ложь официальной системы вызовут неизбежно глубокую реакцию со стороны народа, который совершил в этом столетии три революции. Никто не знает этого лучше, чем Сталин. Основная идея его внешней политики - избежать большой войны"[25].

Стояли ли перед Сталиным внутренние проблемы, которые он не мог разрешить внутренними средствами? Беремся утверждать, что нет. Не прибегая к войне, руководство СССР провело варварскую коллективизацию, закончившуюся беспримерным голодом и экономическим хаосом. В любой другой стране это наверное закончилось бы гражданской войной, в СССР - даже ни одного серьезного выступления. Без войны Сталин физически уничтожил всю реальную и потенциальную оппозицию - и вновь ни одной сколько-нибудь доказанной попытки дворцового переворота, не говоря уже о чем-то вроде революции. В 1939-1941 гг. Сталин и Советский Союз находятся в апогее своего могущества. Исполнены практически все их желания. Подписаны договоры с потенциальными геополитическими союзниками - Германией и Японией. Земли бывшей Российской империи вновь вошли в состав СССР, и их надо срочно "советизировать", иначе эта работа затянется на годы. СССР все еще не вовлечен в "большую войну". Реорганизация и перевооружение армии требуют многих лет упорного труда. Нужно вырастить новое офицерство и новый генералитет, чтобы лейтенанты не командовали полками, а полковники - корпусами (в книгах Резуна приведено множество примеров, но выводов из этого он никаких не делает и снова "не замечает", что очень уж не ложится это в схему коварного grand design). Огорчает лишь то, что Гитлер отказался рассматривать советские условия присоединения к Тройственному пакту. Тогда Сталин окончательно понял, что война неизбежна, и что начнет ее Гитлер...

По-прежнему не найдено ни одного официально утвержденного плана (или хотя бы

относящегося к нему документа), предусматривающего начало боевых действий советской стороной против Германии или ее союзников и тем более никаких документов и планов советизации территорий, которые заняла бы Красная Армия. По нашему мнению, начинать войну без таких планов не только самоубийственно или нелепо, но просто технически невозможно. И даже если предположить, что все эти документы уничтожены, то обязательно должны были остаться какие-то следы, например, в провинциальных или ведомственных архивах меньшей значимости. Но пока и таких документов не найдено. В качестве важнейшего козыря представлены лишь "Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками", подготовленные в мае 1941 г. (обратим внимание) заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал-майором А. М. Василевским и правленные заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным[26]. Основная идея документа - учитывая намерение и готовность Германии напасть на СССР, нанести упреждающий удар - хорошо известна. Известно и другое, что причиняет особое неудобство сторонникам версии Резуна: под документом нет предполагавшихся подписей наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова, не говоря уже о визах более высокого начальства. Так что можно сказать однозначно: документ, вероятно, был прочитан "кем надо", но одобрен не был и в дело не пошел! Чуть-чуть не хватило, но "чуть-чуть", как говорится, не считается. Иными словами, вариант, проработка были, а решения - не было!

Более чем странно выглядят утверждения В. Д. Данилова: "Основной вывод В. Суворова о проработке и практической подготовке по указанию Сталина упреждающего удара против Германии верен"[27]; «получив "добро" (Сталина - *В. М.*), маршал С. Тимошенко и генерал Жуков развернули широкомасштабную подготовку упреждающего удара против Германии[28]; «внимательное прочтение "Соображений" приводит к заключению, что это был "действующий" документ»[29]. Отметим, что между "проработкой" и "практической подготовкой" акции такого масштаба дистанция огромного размера - хотя бы потому, что проработка в общем никого ни к чему не обязывает, а подготовка требует принятия решения. Что касается интервью А. М. Василевского, на котором основано второе утверждение, то, как уже установлено[30], В. Д. Данилов просто перепутал события мая 1940 г. и мая 1941 г. Наконец, слова о "внимательном прочтении" могут трактоваться только таким образом: каждый видит в документе то, что хочет. Других документальных доказательств нет, а этого единственного не достаточно во всех отношениях.

В. Д. Данилова активно поддерживает М. И. Мельтюхов, также смешивающий проработку варианта с принятием и реализацией решений[31], чего не допускает, например, Ю. А. Горьков[32]. Неудивительно, что и к выводам он приходит другим. М. И. Мельтюхов поднял еще один пласт архивных материалов, а именно идеологические документы мая- июня 1941 г. (опять обратим внимание на дату)[33], которые он считает доказательством подготовки Советского Союза к началу боевых действий. С этим смыкается публикация речи Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. и ее анализ В. А. Невежиным[34]. О чем же в ней говорится?

Снова повторяются все те же слова о "наступательной стратегии" и "наступательном духе", который, конечно, каждый волен трактовать по-своему. После речи все инстанции аппарата агитации и пропаганды (прежде всего армейского) заработали на новую идеологическую ориентацию, где будущим главным противником называлась Германия. Это достаточно бесспорно, и оснований не соглашаться с этим нет.

Но почему же до сих пор нет прямых доказательств решения Сталина напасть на Германию и упредить Гитлера?! Утвержденных идеологических документов много, а военных - нет, ни стратегических, ни тактических. Создается впечатление, что к мысли о войне с Германией народ готовили (пусть даже к наступательной), а к самой войне не готовились. Уж больно странно.

Приходится возвращаться к "наступательной" войне. К маю 1941 г. Сталин был уверен, что война с Германией будет, допускал, что Германия нападет, и предполагал в этом случае действовать согласно доктрине перенесения боевых действий на территорию противника. Именно это и называлось "наступательной войной", "наступательной стратегией".

Можно допустить (но не более!), что Сталин распорядился "просчитать" вариант начала боевых действий СССР против Германии (что собственно и вызвало к жизни "Соображения... " А. М. Василевского)[35]. Только надо точно датировать момент, начиная с которого он мог дать такое распоряжение, и обосновать его выбор. Этот момент - первая половина мая 1941 г. Основные факторы, повлиявшие на решение Сталина - игнорирование

Гитлером советских условий присоединения к Тройственному пакту и фактический отказ от дальнейших переговоров зимой и весной 1941 г., события в Югославии присоединение ее к Тройственному пакту переворот в Белграде и приход к власти проанглийского, а фактически просоветского правительства, подписание последним договора с СССР и по следовавшее за этим германское вторжение (с 25 марта по 6 апреля 1941 г.) наконец полет Рудольфа Гесса в Англию 10 мая 1941 г. На последнем остановимся подробнее, потому что считаем это событие ключевым моментом[36].

Гесса никто в Англию не делегировал - ни Гитлер, ни верхушечная оппозиция режиму Гесса не заманивали в Англию - ни партия мира, ни английская разведка. Наконец, Гесс не бежал в Англию от расправы. Гесс полетел туда сам, умело направляемый Карлом Хаусхофером единолично через своего сына Альбрехта Хаусхофера. Это была последняя отчаянная попытка старшего Хаусхофера предотвратить войну на два фронта, о готовившемся нападении на СССР Гесс, как это ни дико звучит, не знал[37]. Он полетел в Англию фактически с пустыми руками, с одними благими намерениями, без какого-либо плана.

Но этого никто не знал. Ни Рузвельт, ни Гитлер ни Сталин. Черчилль обманул всех[38]. Он пугал Гессом, т. е. возможностью заключения мира с Германией и СССР и США, добиваясь вступления их в войну любой ценой. Отгороженный от Европы океаном, Рузвельт мог особенно не нервничать и ограничиваться помощью, не рискуя ни собственной безопасностью, ни безопасностью страны, как Черчилль ни старался. Появилась даже интересная, хотя и не бесспорная, книга о том, что Черчилль знал секрет нападения на Пёрл-Харбор (а Рузвельт не знал) и специально скрыл его, чтобы хоть как-то втянуть США в войну[39].

А Сталин и его окружение (ср. свидетельство В. М. Молотова[40]) и без того находились в тяжелейшем нервном напряжении, явно не зная, что делать и как реагировать, Г. Городецкий доказательно продемонстрировал: внешняя и военная политика Сталина весны и начала лета 1941 г - это непрерывные шарахания из стороны в сторону. И в этих условиях Сталин мог (опять-таки повторяем - только мог) решиться на крайний, отчаянный шаг -начать боевые действия против Германии. Но это было бы именно последним средством, актом крайнего отчаяния, а не grand design. Таков наш главный вывод.

Примечания

[1] См.: Суворов В. Ледокол, М., 1992; его же: День-М, М., 1993

[2] См.: библиографию. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия, М., 1995. С. 170-183

[3] Напр., Topich F. Stalin's War a Radical. New Theory of the Origins of the Second World War, N. Y., 1987 (немецкое издание München 1985)

[4] The Rune, 1995, №11. P. 14-16

[5] Zundel E. My Impiessions of the New Russia // The Journal of Historical Review (далее JHR), vol 15. № 5 (September-October 1995)

[6] Городецкий Г. Миф Ледокола. Накануне войны, М., 1995

[7] Другая война 1939-1945. Под общей ред. Ю. Н. Афанасьева, М., 1996 (издание РГГУ)

[8] Городецкий Г. Указ. соч. С. 11-12

[9] Joyce W. Twilight over England. The Path to Democracy is the Road to Oblivion. Np. nd. P. 48-72, 109-128 (впервые на немецком языке - 1940, на английском - 1942)

[10] Irving D. Churchill's War. Vol. 1. The Struggle for Power Australia, 1987 (второй том выходит в 1997 г); Charmley J. Churchill the End of Glory, L., 1993; idem: Churchill's Grand Alliance, L., 1995

[11] См. подробнее: Irving D. Op. cit. P. 11-17, 117-118

[12] Из обширной литературы по этим вопросам укажем наиболее важные работы: Beard Ch. A. American Foreign Policy in the Making 1932-1940, New Haven, 1946; idem President Roosevelt and the Coming of the War 1941. New Haven, 1948; Morgenstern G. A. Pearl Harbor. The Story of the Secret War (Costa Mesa), 1991 (впервые - 1947), Tansill Ch. C. Back Door to War the Roosevelt Foreign Policy 1933-1941, Chicago, 1951, Perpetual War for Perpetual Peace. A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and its Aftermath (Newport Beach), 1993 (впервые - 1953); Barnes H. E. Barnes Against Blackout Essays Against Inteiventionism (Costa Mesa), 1991, Martin J. J. Beyond Pearl Harbor. Little Current, 1981; Toland J. Infamy Pearl Harbor and its Aftermath, N. Y., 1992 (впервые - 1983)

[13] См. трилогию Э. Саттона: Sutton A. Wall Street and the Bolshevik Revolution, N. Y. 1974, Wall Street and FDR, N. Y., 1975, Wall Street and the Rise of Hitler, N. Y., 1976, О том как современники сближали New Deal фашизм и нацизм, см. Под маской планирования, М., Л., 1933 (предисл. Н. М. Ильюхова)

Мацуока Есукэ (эинэн е окитэ (Молодежь, поднимайся!)), Токио, 1933. С. 22-23, 58, 125-126, 152-159

[14] См. Sutton A. Wall Street and FDR

[15] См. Flynn J. T. The Roosevelt Myth, N. Y., 1948, 1956, Watershed of Empire. Essays in New Deal. Foreign Policy. Ed Leonard Liggio and James J. Martin, Colorado Springs, 1976 (особенно статья Мэтью Ротбэрда, P. 19-65). Наиболее фундаментальный критический анализ внутренней, в том числе экономической, политики Рузвельта дан в работах Лоуренса Денниса: Dennis L. The Coming American Fascism. The Crisis of Capitalism (Newport Beach), 1993 (впервые - 1936); idem The Dynamics of War and Revolution. A Study of the Hidden Economic. Origins of Conflict (Newport Beach), 1993 (впервые - 1940)

[16] См.: Charley J. Churchill's Grand Alliance // JHB, Vol 4, № 2 (Summer 1983), Roosevelt and War in Europe, 1938-1940, Origins and Interventions. Special Issue (особенно статья Дэвида Хоггана, P. 205-256)

[17] См.: Show J. H. The Case of Tyler Kent (Costa Mesa), 1982 (впервые - 1946), JHR, Vol 4, № 2, P. 173-203, воспоминания Кента - депутата английского парламента от консервативной партии; Ramsay A. H. M. The Nameless War, Np nd P. 73—82 (воспоминания депутата английского парламента от консервативной партии, впервые - 1951)

[18] Наиболее полное и объективное исследование: Cole W. S. Roosevelt and Isolationists 1932-1945, Lincoln, 1983 (см. также предыдущие монографии этого автора). Обширная литература по этому вопросу описана в аннотированной библиографии: Doenecke J. D. The Literature of Isolationism. A Guide to Non Interventionist Scholarship 1930-1972, Colorado Springs, 1972

[19] Из обширной литературы по этому вопросу укажем: Toland J. The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936-1945, N. Y., 1970. P. 89-208 (часть II); Yoshitake Oka, Konoe Fumimaro A political Biography, Lanham, 1992 P. 141-191

[20] Готовил ли Сталин?.., С. 32-33

[21] Fisher L. Russias Road from Peace to War Soviet Foreign Relations, 1917-1941, N. Y., 1969 P. 116-143

[22] См.: Троцкий Л. Портреты революционеров, М., 1991

[23] Славинский Б. Н. Ялтинская конференция и проблема северных территорий, М., 1996

[24] Об этом говорилось уже в радиоперехвате обращения компартии Финляндии в день начала боевых действий (Большевик, 1939 № 1). Ныне установлено по архивным источникам, что текст обращения был написан А. А. Ждановым

[25] Троцкий Л. Указ. соч. С. 32

[26] Полный текст см.: Другая война, 1939-1945, С. 175-183, анализ документа Ю. А. Горьковым см. там же, С. 157-174

[27] Готовил ли Сталин?..., С. 83

[28] Там же, С. 85

[29] Там же, С. 87

[30] Там же, С. 80-91

[31] Там же, С. 94-95

[32] Другая война, 1939-1945, С. 157-174

[33] Мельтюхов М. И. Идеологические документы мая-июня 1941 года о событиях Второй мировой войны // Другая война, 1939-1945, С. 76-105; другой вариант: Готовил ли Сталин?.. С. 122-146 (под псевдонимом М. Никитин, что оговорено в примечании)

[34] Невежин В. А. Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны // Другая война, 1939-1945, С. 106-135 в несколько отличающемся виде Готовил ли Сталин С. 147-167

[35] Другая война, 1939-1945, С. 111

[36] Молодяков В. Последний полет Рудольфа Гесса // Подмосковье, 1996, См. также Fisher L. Op. cit. P. 444-455; Городецкий Г. Указ. соч. С. 224-280 (этот автор первым использовал рассекреченные в 1992 г английские документы), Irving D. Hess the Missing Yars, 1941-1945, L., 1989

[37] Городецкий Г. Указ. соч. С. 229, 241

[38] Irving D. Hess the Missing Years, 1941-1945, P. 332-358

[39] Rusbridger J. and Nave E. Betrayal at Pearl Harbor. How Churchill lured Roosevelt into World War II, N. Y., 1992

[40] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева, М., 1991, С. 38—39

От редакции. Статья В. Э. Молодякова, разумеется, не закрывает дискуссию о начале германо-советской войны и тем более всей Второй мировой войны, а скорее, наоборот, ставя новые вопросы, стимулирует научный поиск в нескольких направлениях, и в то же время позволяет подвести некоторые промежуточные итоги

Уже сейчас можно констатировать, что дискуссия оказалась в целом полезной. В ходе обсуждения было обращено внимание на ряд общих особенностей развития современной историографии кануна и начала Второй мировой войны. Так, материал, приводимый В. Э. Молодяковым, прежде всего убедительно демонстрирует, что историографическая ситуация, сложившаяся в современной России в связи с новой постановкой вопросов о планах и действиях советского руководства накануне войны с Германией, далеко не оригинальна. Нечто похожее еще раньше началось в других странах-победительницах, прежде всего в США и Великобритании, где, наряду с показом поведения *собственных* правительств в канун войны как *жертв агрессии,* заявил о себе и сугубо *разоблачительный* подход к их деятельности, ведущий порой к будирующим общественное мнение выводам о провокационной роли таких лидеров западных демократий, как У. Черчилль и Ф. Рузвельт, в развязывании войны с Германией и Японией. В связи с этим наблюдается резкое противостояние историков-"ревизионистов" и представителей так называемого научного истеблишмента, по-прежнему видящих главную причину войны в планах и действиях держав "оси". Тот факт, что поводом для начала аналогичной дискуссии в России стала публикация книг автора, имеющего сомнительную репутацию "перебежчика", в то время как на Западе вызов общепринятому мнению бросили *профессиональные* историки левых взглядов, дела в общем-то не меняет, поскольку в настоящее время можно говорить уже о расхождениях *внутри* самой профессиональной российской историографии. Кроме того, как явствует из статьи В. Э. Молодякова, некоторые "новые" идеи современных западных "ревизионистов", как и взгляды В. Суворова, независимо от того, верны они или нет, документированы или повисают в воздухе, тоже близки к отдельным положениям не вполне "чистых" в морально-политическом отношении источников, созданных нацистской идеологией и пропагандой. Во всяком случае, безоговорочно поддержанный автором тезис об У. Черчилле как *ставленнике международного финансового капитала* наводит на подобные подозрения, хотя в статье и сделана справедливая оговорка о том, что "все конспирологические схемы требуют осторожного обращения". Выступая в поддержку мнения о заинтересованности правительства Великобритании в войне с Германией по мотивам внутриполитического характера, В. Э. Молодяков прямо указывает источник подобных взглядов - книгу английского нациста, перешедшего к Гитлеру, добавляя, что и сам автор, и его книга «типологически... вполне идентичны Резуну и "Ледоколу"».

Вероятно, есть основания для постановки вопроса об известном типологическом сходстве дискуссий о начале Второй мировой войны, идущих на Западе и в современной России. Вряд ли правильно в связи с этим отказывать в праве на самостоятельность и ряду российских историков, зачисляя их всех в разряд скрытых сторонников В. Суворова..

Кто бы ни был прав в этой международной дискуссии, очевидно одно: на смену самосознанию победителей, которые "всегда правы", рано или поздно везде приходит стремление разобраться в том, как было на самом деле, "привести историю в соответствие с фактами". Поэтому и в нынешней российской полемике вряд ли следует винить чей-то "злой умысел". Вполне естественным, а вовсе не злонамеренным или подсказанным чужой волей, выглядит в связи с этим и сосредоточение внимания российских историков на планах и действиях Сталина, всего советского руководства в канун войны с Гитлером.

Возникающие при этом вопросы *предельно конкретны,* и их нельзя решить путем глобальных рассуждений о причинах и виновниках Второй мировой войны без тщательного анализа всей совокупности фактов, характеризующих предвоенную внутреннюю и внешнюю политику СССР. Между тем именно в этом плане дискуссия начинает "буксовать". Научный поиск тормозит искусственно создаваемый нынешней архивной политикой российских властей дефицит новых источников, а их отсутствие зачастую некорректно используется в полемике. Всем, кто знает особенности работы в российских архивах, ясно, что документов нет не потому, что их искали и не нашли, а потому, что ко многим фондам просто не подпускают неангажированных исследователей. В этих условиях им приходится обращаться преимущественно к более доступным идеологическим и пропагандистским материалам, что, впрочем, не означает, будто эти документы вовсе лишены самостоятельного научного значения. Вопрос о соотношении идеологии, пропаганды и реальной политики, конечно, непрост. Справедливо говорится о необходимости различать идеологические догмы, пропагандистские лозунги и реальные политические шаги и намерения. Например, о том, как Сталин трактовал и использовал в реальной политике пропагандистский лозунг активной обороны (оборона через наступление), свидетельствует опыт войны с Финляндией. Сначала эта маленькая страна будто бы напала на Советский Союз, а потом Красная

Армия, "обороняясь", перешла в наступление! Аналогичный прием чуть раньше использовал Гитлер в отношении Польши.

Развернувшийся в связи с публикациями нашего журнала спор о репрезентативности советских идеологических и пропагандистских документов кануна Великой Отечественной войны с точки зрения того, насколько они отражают действительные военно-стратегические намерения СССР, составляет лишь часть более широкой дискуссии о роли *идеологической составляющей* в менталитете и политике советского руководства всего сталинского периода. Распространенное ныне мнение о "прагматизме" тогдашнего советского лидера, во всяком случае, нуждается в дополнительной проверке, ибо оно слишком явно расходится с его общими стратегическими установками и "свершениями" в области внутренней и внешней политики.

Таким образом, сравнительно частный, в рамках глобальной истории, вопрос о планах и действиях советского руководства в канун Великой Отечественной войны оказывается на перекрестке научных поисков и процессов, идущих как в мировой историографии, так и в сфере разработки ключевых проблем отечественной истории и источниковедения советского общества.

Публикации и сообщения

© 1997 г.

ЛИДЕР МОСКОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА Н. А. НАЙДЕНОВ

(по воспоминаниям **Н. А.** Варенцова)

Среди опубликованных произведений мемуаристики, отражающих жизнь и деятельность торгово-промышленного сословия России в конце XIX - начале XX вв., количество воспоминаний и записок, оставленных видными отечественными предпринимателями того времени, не велико. К их числу следует отнести уже известные, опубликованные и изученные мемуары П. А. Бурышкина, Н. А. Найденова, В. П. Рябушинского, М. В. Сабашникова, И. Д. Сытина, С. И. Четверикова и некоторые др. Поэтому каждая находка нового документального памятника, а тем более принадлежащего перу активного участника предпринимательской жизни, является событием, имеющим важное значение для характеристики экономической ситуации в стране, быта и уклада пореформенного российского купечества.

В 1980 г. в фонд 458 Отдела письменных источников Государственного Исторического музея поступила авторская рукопись воспоминаний видного фабриканта, коммерсанта и общественного деятеля Николая Александровича Варенцова (1862-1947), хранившаяся в семье его потомков. Изучение этой рукописи показало, что выявлен исторический документ, не имеющий аналогов по широте охвата всех сторон жизни торгово-промышленной России с середины 1880-х г. и до первых лет XX столетия. Он содержит многочисленные личностные характеристики деятелей делового мира Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и других городов Центра России, Урала и Сибири, Туркестанского края, а также описание зарождения, становления, развития и, зачастую, угасания и краха многих торговых, промышленных и финансовых предприятий - акционерных обществ, фирм, банков и др. Воспоминания Н. А. Варенцова ценны тем, что их автор, человек умный и наблюдательный, в силу обстоятельств семейного и делового характера, очень хорошо знал практически весь круг российского купечества и имел полное представление о деятельности как крупных фирм, так и отдельных фабрик.

Мемуары Н. А. Варенцова являются, прежде всего, единственным полным документальным источником по истории старинного купеческого рода Варенцовых, выходцев из города Переславля-Залесского Владимирской губернии. Прадед автора воспоминаний Марк Никитич Варенцов (1770-1845) торговал москательным товаром и обосновался в Москве в конце XVIII в. Он стал купцом 1-й гильдии, потомственным почетным гражданином, награжденным золотой медалью на анненской ленте "За усердие", полученной за труды на ниве благотворительности и общественной деятельности в Москве. Его торговое дело наследовали сыновья Михаил Маркович (1795-1853) и Николай Маркович (1800-1878), которые были известными московскими коммерсантами. Дед автора воспоминаний Николай Маркович Варенцов перешел в 3-ю гильдию купеческого состояния, торговал чаем и мануфактурой, был гласным городского суда, членом комиссии строений, а в 1850-х гг. - членом Московской городской шестигласной думы. После 1860 г. он передал свое дело сыну Александру Николаевичу, который в 1863 г. умер в возрасте 39 лет.

При создании родословной Варенцовых автор воспоминаний, безусловно, опирался на семейные предания, рассказы матери, других родственников. Достаточно полно описаны основные генеалогические ветви семьи, отмечены все фамильные связи, в частности с купеческими родами Мишкиных, Лаврентьевых (из этих семей были жены Михаила и Николая Марковичей), Корзинкиных, Четвериковых, Прохоровых, Алексеевых, Казновых, с которыми породнилось следующее поколение семьи. Повествование Н. А. Варенцова содержит интересные факты, характеристики, бытовые подробности. Например, он упоминает о том, что на широко известной картине В. В. Пукирева "Неравный брак"

первоначально в виде шафера невесты был изображен Сергей Михайлович Варенцов (1833-1874), друг художника и двоюродный дядя мемуариста.

Рано оставшись без отца на попечении матери Александры Федоровны, урожденной Рябиновой (1837-1908), Николай Александрович был определен в Московское коммерческое училище, но полный курс обучения он не кончил. Получив в это время, после смерти деда Н. М. Варенцова, небольшое наследство, он решает затратить эти средства на занятия с опытными педагогами, которые смогли его подготовить к блестящей сдаче в 1878 г. вступительных экзаменов в Императорское Московское техническое училище (в списке принятых в училище его фамилия была третьей по баллам среди 500 абитуриентов, претендовавших на 50 мест приема).

После окончания училища в 1885 г. Н. А. Варенцов женится на Марии Николаевне Найденовой (1865-1915), дочери Николая Александровича Найденова (1834-1905) - признанного лидера московского купечества, мецената и общественного деятеля. Таким образом к варенцовским семейным связям присоединяются и обширные найденовские. Свою коммерческую деятельность Н. А. Варенцов начал в 1886 г., став кандидатом в члены правления вновь образованного Среднеазиатского товарищества "Н. Кудрин и К°" (вскоре он был избран на пост директора). С 1889 г. Н. А. Варенцов становится активным сотрудником в коммерческих делах своего тестя, назначившего его директором "семейной" фирмы Найденовых - Московского Торгово-промышленного товарищества (ТОРГОПРО). Высокие деловые качества молодого директора, его недюжинный талант предпринимателя и упорство в достижении поставленной цели позволили ТОРГОПРО занять одно из первых мест среди фирм, ведущих оптовые закупки хлопка, шерсти и каракуля в Средней Азии.

В конце 1880-х гг. ТОРГОПРО взяло под контроль находившееся на грани краха Товарищество мануфактур Н. Разоренова и М. Кормилицына в Кинешме. Н. А. Варенцов становится директором и этого текстильного предприятия, а с 1897 г. он избирается председателем правления Товарищества, преобразованного в 1909 г. в Большую Кинешемскую мануфактуру. На этом посту он оставался вплоть до 1918 г. Во время его правления Большая Кинешемская мануфактура превратилась в процветающее предприятие, на котором работало до 4000 человек.

В сферу его предпринимательских интересов к 1913 г. попадает и промышленность строительных материалов: он становится, вместе с дочерью Ниной Николаевной Лист (урожденной Варенцовой) и своим шурином А. Н. Найденовым, соучредителем товарищества по обработке камня "Н. Н. Лист и К°", торгующего под фирмой "Георгий Лист".

Уже с конца 1880-х гг. Н. А. Варенцов приобретает известность и авторитет в российских деловых кругах. Так, в воспоминаниях рассказывается, как он, в числе трех видных представителей московского купечества, был приглашен на торжественную церемонию высочайшего выхода на пасхальную службу в Кремлевском дворце. Предпринимательской деятельности автора мемуаров был свойственен широкий размах. Он не искал только собственной выгоды, а умел видеть проблемы развития отечественной промышленности в целом. Во многом благодаря его усилиям, в российской текстильной промышленности утвердился хлопок из Туркестанского края, вместо американского, египетского и индийского. В 1889 г. Н. А. Варенцову вместе с директором Большой Ярославской мануфактуры Н. В. Игумновым, как представителям Общества хлопководов, приходилось добиваться отмены разработанной правительством системы налогообложения отечественного хлопка. Варенцов принимает участие в ряде общественных начинаний: становится активным членом Дамского попечительства о тюрьмах и попечителем женской гимназии Ежовой в Москве, участвует в проекте основания новой политической газеты.

Как и большинство представителей крупной буржуазии, Варенцов был членом партии октябристов, А. И. Гучков даже уговаривал его войти в ЦК партии.

Не только у друзей, но и у деловых партнеров, многие из которых тоже стали его многолетними друзьями, за Варенцовым закрепилась репутация честного и справедливого человека. Примечательно, что очень многие выбирали его в посредники при разрешении своих трудных семейных проблем. Например, А. И. Коновалов, студент университета, будущий министр Временного правительства, обращался к Варенцову с просьбой уговорить его отца, И. А. Коновалова, разрешить продолжить обучение за границей.

Николай Александрович Варенцов совершал большое число деловых поездок по всей России, многократно выезжал в Среднюю Азию для организации хлопкового дела. Он часто путешествовал за границей, был в Египте, Франции, Италии, Германии, Австрии и других странах.

С начала своей деловой карьеры Н. А. Варенцов становится московским домовладельцем,

а затем и помещиком. Ему принадлежали комплекс доходных домов под № 4 на Старой Басманной улице (снесены в 1930-х гг.), старинная усадьба с садом и вместительными амбарами для хлопка в Токмаковом переулке под № 21 (которую ныне занимает резиденция Общества купцов и предпринимателей России), а также имение Бутово под Москвой.

Брак Н. А. Варенцова с М. Н. Найденовой, матерью его пятерых детей, был недолговечным. После 1896 г. супруги расходятся, позже Мария Николаевна вновь выходит замуж за присяжного поверенного В. А. Александрова, а Н. А. Варенцов женится на Ольге Флорентьевне Перловой (ок. 1870-1933), тем самым он оказывается в родстве с обширным семейством Перловых и Хлудовыми.

Трудной, а подчас и трагичной, была впоследствии судьба его детей от двух браков: на фронте в Первую мировую войну пал старший сын Сергей, в белой армии воевали Марк и Лев, последний вместе с армией Колчака покинул Родину; в 1927 г. был расстрелян по ложному обвинению ГПУ Иван, погиб в ополчении в 1941 г. Константин. Многие из его родных после революции были репрессированы и отбывали ссылку.

В первые месяцы после революции Н. А. Варенцов жил под постоянной угрозой ареста. Все перипетии этого времени он хотел позже описать в воспоминаниях под названием "Жуткие годы" (работа над вторыми мемуарами была только начата автором).

В 1918 г. Варенцов уехал из Москвы в Кинешму, но здесь был арестован; его выпустили из заключения по ходатайству рабочих, просивших об освобождении своего бывшего хозяина. В этом же году Варенцов перебирается на Украину, в Киев, а затем в Одессу, надеясь выехать оттуда за границу. Однако это не удалось, в 1922 г. он вместе с семьей возвращается в Москву. В годы НЭПа пытается возродить оптовое торговое дело. Но в 1924 г. правительство запрещает частное предпринимательство, и Н. А. Варенцов, уже в возрасте более 60 лет, остается не у дел. По воспоминаниям его близких, Николай Александрович предлагает свои услуги в качестве консультанта ВСНХ по хлопководству и текстильному делу, становится даже автором ценного изобретения в области переработки хлопковых волокон.

В годы войны Николай Александрович жил в коммунальной квартире на первом этаже дома № 25 по Старой Басманной улице, бедствовал, голодал и часто болел. Скончался 22 января 1947 г. от простуды и был похоронен на 12-м участке Введенского (Немецкого) кладбища. Его могила у Большой Боковой аллеи, осененная простым белым крестом, хорошо сохранилась[1].

Работу над своими воспоминаниями, получившими авторское название "Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое", Н. А. Варенцов начал в 1930-е гг. Их основой явились отдельные дневниковые записи, деловые заметки, письма, документы, часть которых, по свидетельству автора, погибла в 1918 г. Первоначальный, черновой вариант, записанный на отдельных листах бумаги, был выбелен и переписан в восемь общих тетрадей, пронумерованных с I по VIII и имевших карандашную пагинацию нечетных страниц, причем текст вновь подвергся небольшой авторской правке стилистического характера, внесенной по большей части карандашом, изредка чернилами. В начале каждой тетради автором было сделано краткое рабочее оглавление. В одной из тетрадей помещена дата - 13 мая 1933 г. О том, что работа над мемуарами была закончена во второй половине 1930-х гг., свидетельствует и внучка Николая Александровича - Ирина Андреевна Глинская, читавшая их в том году. Имеются сведения о том, что содержание воспоминаний обсуждалось, и отрывки из них читались близким автору людям: Ф. Н. Малинину, Н. Е. Пестову, Н. П. Понятовскому, А. А. Солодовникову.

Воспоминания были доведены автором до 1905 г. и содержали 86 глав без названия. Как удалось обнаружить, помимо семи тетрадей, переданных в ГИМ, у родственников сохранилась и первая тетрадь мемуаров.

Ценность данных воспоминаний как исторического источника не подлежит сомнению: они принадлежат человеку, благодаря своим обширным семейным и деловым связям хорошо знавшему большинство описываемых персонажей и в силу прямоты своей натуры старавшегося излагать события и факты по возможности объективно.

Н. А. Варенцов рассказывает о своих родственниках, деловых партнерах, друзьях, знакомых - членах известных купеческих семей Морозовых, Хлудовых, Рябушинских, Ермаковых, Бахрушиных, Алексеевых, Четвериковых, Корзинкиных, Боткиных и многих других, об известных политических и общественных деятелях: С. Ю. Витте, И. А. Вышнеградском, И. Л. Горемыкине, А. И. Коновалове, А. С. Суворине, Д. И. Менделееве, Н. М. Баранове, В. И. Ковалевском, великом князе Николае Константиновиче и др.

Безусловно интересен его рассказ о Николае Александровиче Найденове - одной из самых ярких фигур делового и общественного мира Москвы.

Биография Н. А. Найденова и его деятельность хорошо известны по воспоминаниям его современников и потомков, а также по работам историков[2]. Однако до сих пор остававшиеся неизвестными мемуары его зятя, постоянно общавшегося с ним в течение 20 лет, пользовавшегося его расположением и доверием, содержат новые биографические факты, любопытные сведения о бытовых привычках и характере этого талантливого, разностороннего и своеобычного человека.

Воспоминаниям о Найденове и его семье посвящена полностью 43-я глава мемуаров, однако отдельные сведения разбросаны и по многим другим главам, например, в 42-й главе подробно рассказана история с владельцем Бабкинской мануфактуры Н. К. Баклановым, который одновременно занимал пост председателя совета Московского Торгового банка.

В своих воспоминаниях Варенцов помещал не только пространные рассказы, касающиеся жизненных обстоятельств Найденова, но припоминал и мелкие, казалось бы, факты. Таким образом создавался всесторонний портрет этого необыкновенного человека. "Вообще, -пишет мемуарист, - за Найденовым закрепилась слава большого хитреца". Но эта "хитрость" по большей части касалась его собственных предпринимательских дел *и* была сродни предусмотрительности. С одной стороны, он мог оформить протоколами обязательное получение процентов по учредительским паям Торгового банка и тем самым добиться их выплаты вопреки желанию большинства акционеров, но с другой - он не находил для себя возможным извлекать выгоду из простой оплошности своего делового партнера. Варенцов вспоминает, что на 9 мая, день ангела Найденова, один елецкий купец ему всегда присылал «пирог-торт из кондитерской "Эйнем"; представлявший из себя пирог, на котором лежал очень большой рог изобилия, наполненный лучшими шоколадными конфетами» - это была форма искренней благодарности за то, что в свое время Найденов не опротестовал его вексель, поскольку заподозрил здесь какое-то недоразумение, что и было в действительности, но поступи Найденов иначе, у этого солидного и богатого купца были бы крупные неприятности.

Уже в первые годы своей работы в Московском Торгово-промышленном товариществе Варенцов смог убедиться в высочайшем авторитете, который снискал Найденов в деловых кругах. Многие промышленники в трудных для них обстоятельствах нередко обращались к нему за советом и всегда получали продуманные, дельные рекомендации.

Подробности бытового уклада найденовской семьи также находили отражение в литературе, даже под пером такого острого наблюдателя и тонкого стилиста, каким был его племянник А. М. Ремизов. И все же повествование Варенцова заслуживает внимания, существенно дополняя картину жизни братьев Найденовых.

В. А. Любартович, Е. М. Юхименко
(Москва)

Примечания

[1] Авторы публикации признательны за сообщение биографических сведений о Н. А. Варенцове его родственникам: Ирине Андреевне Глинской, Елене Львовне Юдиной, Людмиле Натановне Варенцовой, Лидии Петровне Варенцовой, Константину Марковичу Варенцову и Георгию Александровичу Андрееву

[2] Бурышкин П. А. Москва купеческая, М., 1990. С. 129-134; Рябушинский В. П. Купечество московское // Былое. 1991. № 1. С. 9 (публикация Ю. А. Петрова); Лебедев И. А. Николай Александрович Найденов, 1834-1905: Очерк жизни и деятельности. М., 1915. Вып. 1; Алпатов М. В. Воспоминания. М.,. 1994. С. 14-21; Иванова Л. В. Коммерции советник Николай Найденов // Неделя. 1991. № 27; Иванова Л. В., Петров Ю. А Коммерции советник // Былое. 1992. № 3 (9); Найденов Н. Найденовы // Былое. 1992. № 12. С. 4; Бовыкин В. И., Петров Ю. А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 212-223 (глава "Николай Найденов и его банк"); Иванова Л. В. Общественное служение Н. А. Найденова // Отечество. М., 1994. С. 162-177; ее же. "Издатель и писатель по старой Москве" Николай Александрович Найденов. 1834-1905 // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). М., 1995. С. 65-82.

Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое

Глава 43

Я познакомился с Н. А. Найденовым в 1885 г., кода ему было лет пятьдесят с чем-нибудь, роста был небольшого, носил бородку, глаза были живые, черные; плешь прикрывал длинной прядью волос, оставленных назади. Все его лицо, фигура, движения давали понять, что он состоит из сплошного клубка нервов. Он не мог даже сидеть неподвижно на одном месте, быстро вскакивал со стула, чтобы достать что-нибудь, то побежит к ящику с папиросами, то за коробкой спичек, то побежит поправлять пачку бумаг, лежащих на другом столе, то полетит за пепельницей, чтобы поставить ее к себе поближе, и если кто, желая услужить ему, предупреждал его и подвигал пепельницу, хотя он и благодарил за любезность, но по всему было видно, что он этой помощью недоволен. Когда он ходил, то как будто бежал маленькими шажками, и в это время успевал замечать все, что делается вокруг него. Таковая его подвижность осталась до старости лет: еще незадолго до его смерти я видел, как он поднимался по крутой лестнице банка на третий этаж, перепрыгивая сразу через несколько ступеней,

Беседуя с кем-нибудь из своих близких, он не стеснялся упираться ногами в крышку письменного стола, делая это не только у себя в доме, но и в банке, так что его колени были выше головы; и как было видно, такое положение тела доставляло ему удовольствие, в это время он либо курил, либо кусал на своих пальцах место, где по законам природы полагается быть ногтям, а ногтей у него не было, они были сглоданы им давно, еще в детские времена его жизни.

Приходящих к нему лиц он принимал по-разному: одних, кого он желал расположить к себе, говорил с ними мягко, с улыбающимися ласковыми глазами, кого он не любил, считал за ничтожество, с тем говорил довольно надменно, часто обрывал, глаза делались у него насмешливыми и резкими. Лица, которые ему были нужны, выслушивались внимательно, с частыми восклицаниями междометий: "Что Вы!.. Как так!.. Да не Может быть!" и тому подобное. Между тем, зачастую все, что он слушал, ему было известно раньше из других источников; делалось это, я думаю, с целью не лишить удовольствия рассказывающего поделиться волнующим его предметом, а в свою очередь убедиться еще раз в правильности изложения.

Вообще за Н. А. Найденовым была слава большого хитреца. Когда ему хотелось узнать что-нибудь, то он с большим искусством подходил к лицу с расспросами и в большинстве это ему удавалось. Когда ему приходилось задумать какое-нибудь дело, он нужных для этого лиц заблаговременно подготавливал к этому, и ему даже приходилось делать это за много лет до того, когда оно могло быть осуществлено. Подготовив таким образом, он оформлял все это письмами, протоколами, и в свое время благодаря документам [дела] должны были приводиться в исполнение к огорчению подписавшихся.

Об одном таком случае я рассказал в своих воспоминаниях, другой случай, мне известный, был с учредительскими паями Торгового банка[1]: хитроумный Николай Александрович лет за 8-10 предусмотрел, что может наступить такой момент, когда по этим учредительским паям придется получить кое-что. Он знал, что большинству акционеров выдача по учредительским паям не будет желательна, и они постараются так распределять, что на учредительские паи получить ничего не придется; чтобы устранить это, он через совет банка поднял вопрос - раз навсегда закрепить постановлением о распределении прибыли к моменту окончания срока учредительских паев. Сделать это ему было легко, т. к. член[ам] совета в то время и в голову не приходила возможность такого случая, и такое постановление состоялось, с занесением в протокол за подписью всех членов совета, с председателем его П. И. Саниным[2].

За этот долгий срок времени Николай Александрович скупил учредительские паи за бесценок, и они у него оказались почти все целиком.

Все так и случилось, как предполагал Николай Александрович: собравшийся совет решил распределить прибыль по акциям в таком виде, что по учредительским паям не пришлось бы получить; Найденов запротестовал, но, видя, что доводы его не принимаются во внимание, он достал протокол членам совета, подписанный ими 8 лет тому назад, из которого ясно было видно, что вопрос был решен и перерешать его не представляется возможным.

Этот момент напомнил мне картину известного немецкого художника, принадлежащую И. Ю. Крафту[3] "Игра в шахматы кончилась". На ней изображен проигравший со злобным раздражением на лице, не имеющий возможности излить свою обиду и горечь над выигравшим партнером, старался придать лицу, как говорят французы, faire bonne mine a mauvais jeu[4], выигравший старается подавить свою радость на лице и быть равнодушным, что ему не удается.

Я уверен, что у Н. А. Найденова было такое же выражение, как у счастливого партнера, он радовался выигрышу не из-за того, что благодаря своей предусмотрительности положил в карман несколько десятков тысяч рублей, но главное, из-за того, что сумел поставить в смешное положение умного и осторожного П. И. Санина, закатив ему хороший шах и мат на коммерческом поприще.

Трудоспособность Н. А. Найденова была изумительна, он с 9 часов утра до часу ночи, почти ежедневно, был занят. На плечах его находилась масса дел, и к ним он относился серьезно, а не кое-как.

Состоял председателем в Московском Торговом банке, в Московском Торгово-промышленном товариществе[5], председателем совета Александровского Коммерческого училища[6], им основанного, куда он вкладывал много времени и внимания как своему детищу; в этом училище была тысяча человек учащихся. [Был] председателем Московского Биржевого комитета[7], Московского Мануфактурного совета [8], гласным Московской городской думы[9], участвуя там в нескольких комиссиях; состоял выборщиком в Московском Купеческом обществе[10], был председателем серьезных комиссий, где очень много работал и пользовался там большим влиянием и авторитетом*.

Н. А. Найденов был одним из самых аккуратнейших посетителей всех общих собраний Товариществ, где он принимал денежное участие и председательствуя всегда на них. Кроме этих дел, он известен своими трудами по описанию московских церквей, материалами к истории Москвы, купечества и Московской биржи, и еще у него было много разных письменных трудов, которые я не припоминаю[13]. Известный археолог и историк И. Е. Забелин[14] и многие другие относились к его историческим трудам с особым уважением.

Н. А. Найденов работал даже в праздничные дни. Обыкновенно утром уходил в церковь, после чего садился за работу, отрываясь от нее лишь для обеда и чая, работал даже в то время, когда у него бывали гости: прибежит в гостиную или столовую, поговорит немного и опять убежит работать. Меня всегда удивляло, как его голова вмещала и разбиралась в делах с таким разнообразием, его способность сразу обхватить и учесть положение дела, благодаря чему с ним приятно и легко было работать.

Конечно, все его достоинства были оценены: у купечества он пользовался почетом и уважением и у большинства оставил добрую по себе память, правительством он был награжден всеми орденами, какие только были возможны для лица дворянского сословия, включая звезду "Белого Орла". Но что удивительно, Н. А. Найденов не был дворянином и был единственный купец в царской России, получивший их все. Случилось же это так: представляясь министру финансов Вышнеградскому[15] с очередным докладом в год пятидесятилетия Московской биржи, министр при расставании, прощаясь с Найденовым, сказал: "Зная и оценивая Ваши заслуги, я буду ходатайствовать у государя о награждении Вас званием дворянина". Найденов поблагодарил министра и ответил: "Ваше Высокопревосходительство! Мне было бы весьма тяжело и нежелательно покинуть свое сословие, в котором родился и значительную часть жизни прожил: связан с купечеством родственно и душою, и в свою очередь мне не хотелось бы, чтобы мой сын отошел от купеческого быта, в своей жизни я наблюдал: купцы, получившие дворянство, теряли связь с купечеством - от купцов отстали и к дворянам не пристали!... с дворянством у них не получилось должной близости".

---

*Мне пришлось слышать от Ивана Григорьевича Простякова[11], тоже принимавшего участие в этом обществе, обладающего громадным капиталом, прибыль с которого шла исключительно на благотворительные учреждения, [что] неприход своевременный Н. А. Найденова к открытию заседания смущал старшину, старавшегося задержать открытие заседания, чем однажды вызвал недовольство у уважаемого Павла Михайловича Третьякова[12], спросившего старшину: "Почему не открывается собрание, кворум полный?" Наивный старшина ответил: "Прошу немного еще подождать прихода Н. А. Найденова, он сейчас придет, вопрос на рассмотрении серьезный". Третьяков молча встал и уехал из собрания. Я предполагаю, что этот протест П. М. Третьякова не относился к Н. А. Найденову, а к бестактному старшине, т. к. мне приходилось очень часто видеть П. М. Третьякова у Найденова, к которому он относился с большим уважением.

Вышнеградский, пожав ему руку, сказал, что понимает его и доложит об этом государю.

Найденову вместо дворянства был пожалован орден Станислава первой степени. За этой наградой потекли очередные звезды, и после получения им звезды "Белого Орла" уже не было орденов, чтобы наградить его, тогда ему был прислан портрет государя Николая II с его подписью, с чиновником, на то уполномоченным.

Отказом от дворянства Николай Александрович произвел среди купечества некоторое смятение; приходилось слышать: "Вот молодец!., он этим дал понять, что и купечество принимает участие в создании силы и могущества государства в области торговли и промышленности и заслуги купечества не должны оцениваться меньше дворян". С другой стороны, его отказ от дворянства послужил осуждению со стороны правой части печати; так, известный журналист Меньшиков в "Новом времени" писал: "Удивляюсь, как могли допустить, чтобы купчишка смел отказаться от столь высокого звания, как дворянство!"

Найденовская семья не была из известных и богатых лиц московского купечества, она принадлежала к лицам среднего достатка мелких промышленников, вышедших из рабочих. Славу и положение ее составил Н. А. Найденов.

Мне мало известно о жизни Николая Александровича до 1885 г., т. е. года моего первого знакомства с ним; слышал, что учился хорошо и окончил курс в немецкой Петропавловской школе при лютеранской церкви; говорили, что маленьким был большим забиякой, был любимчиком своей матери, которую он тоже сильно любил, вспоминал о ней всегда с особым теплым чувством.

Родился Николай Александрович в 1834 г., женился в 1864 г. на падчерице Евгении Ивановны Расторгуевой, Варваре Федоровне, родившейся [в] 1847 г., ее отец был торговец золотыми, серебряными и бриллиантовыми вещами в Харькове, после его смерти вдова Евгения Ивановна вышла замуж за служащего покойного мужа Василия Васильевича Дегтярева; будучи ревнива и боясь, что ее супруг увлечется ее молоденькой падчерицей, Варвару Федоровну поспешила выдать замуж за подвернувшегося жениха Н. А. Найденова, в то время мало известного, давши за ней приданого 75 тысяч рублей. Эти деньги, нужно думать, в значительной степени поспособствовали его благополучию, и ко дню смерти Варвары Федоровны капитал его возрос до 600 т[ысяч] рублей.

Варвара Федоровна была молчаливая, с виду кроткая и без всякой воли, как бы разбитая; мне пришлось только раз увидать с ее стороны желание проявить свое неудовольствие, быстро подавленное резким окриком Николая Александровича, и она немедленно сделалась молчаливой и послушной.

Варвара Федоровна получила хорошее домашнее образование, но по свойству своего характера, а может быть, под гнетом властного мужа, она ни в чем не могла проявить влияния на воспитание детей, отличалась только особой любовью к чистоте; во всем доме нельзя было найти пылинки, на что уходила у ней вся ее энергия.

Варвара Федоровна была крайне неразвитая женщина, с жизнью совершенно незнакомая; с людьми не сходилась, подруг не имела, родственников по возможности избегала; к посещающим во время семейных торжеств выходила смущенной и сконфуженной, сидела, как было видно по всей ее фигуре, взволнованная, с раскрасневшимся лицом, потупя глазки и отвечала на вопросы только "да", "нет". При первой возможности старалась скорее уйти от гостей в свою спальню, где и оставалась до разъезда их. Не любила посещать своих родственников, знакомых, бывать на разных увеселениях.

Мне рассказывал Николай Александрович: однажды он отправился с ней в какой[-то] загородный сад, где пели цыгане; их пение, пляска с подергиванием бедрами и грудями произвели на нее сокрушающее впечатление, она горько заплакала и с настойчивостью, не свойственной ей, потребовала от мужа ухода из сада. Хозяйство ее простиралось до разливки чая, все же остальное вела старая нянька, а после ее смерти дальняя родственница Пелагея Андреевна Торубаева.

Николай Александрович был чадолюбивым отцом, но не мог уделять сколько-нибудь времени своим детям, ему приходилось их видеть только по праздникам и говорить с ними, т. к. в будни он вставал в 9 часов утра, когда они [уже] ушли в школу, а приезжал домой, когда они уже спали. На воспитание детей смотрел как на бесполезный труд, говоря: "Дети должны расти и развиваться, как цветы в поле, без вмешательства посторонних". Уже когда я с ним познакомился, он мне об этом не говорил, т. к. взгляд на это переменился с того времени, как дети его подросли, а это мне пришлось слышать от его брата, Виктора Александровича [18], настоявшего на приглашении опытной и образованной гувернантки в период детства детей.

Невольно у меня явилась мысль: женись бы Найденов на другой женщине с более требовательным и самостоятельным характером, сделался бы он таким крупным деятелем? Пришел к заключению: нет! Не найдя в своей семье удовлетворения душевных потребностей, он всей своей даровитой натурой отдался всецело трудовой жизни.

Н. А. Найденов по окончании школы работал в деле своего отца, но оно по своей незначительности не могло увлечь его, занять же положение в каком-либо другом более крупном деле - не было для этого нужных денежных средств, а потому ему пришлось начать работать с самых маленьких должностей, чуть ли не с торгового рыночного смотрителя.

Николай Александрович понял, что служебная карьера не вытащит его на вершину волны житейского моря и придется добиваться этого на общественном поприще; естественно, он обратил внимание на Московское Купеческое общество, с которым пришлось иметь дело по делам его отца. Выступая на собрании, он не мог не обратить на себя внимание со стороны купечества, состоящего в то время из лиц мало образованных, а потому он вскоре в Купеческом обществе занял подобающее положение. Особенно в этом ему помогла безвозмездная работа для Купеческого общества по выхлопатыванию в министерстве по весьма нужному вопросу для общества. В то время адвокаты были мало знакомы с требованием, условиями и бытом торгового клана, из них некоторые, более известные, брались за проведение этого дела в министерстве, но [в] затраты назначали [такие] громадные суммы, что от их услуг приходилось отказаться. Вот это-то дело Н. А. Найденов взялся провести в министерстве, что ему и удалось блестяще. Купечество в благодарность за его работу поднесло громадный ящик со столовым серебром с его вензелями.

После этого его положение совершенно упрочилось в Купеческом обществе навсегда. В то же время произведенная им работа в Петербурге дала возможность познакомиться с важными чиновниками министерства, которые в будущем ему сильно пригодились.

Около семидесятых годов прошлого столетия в Москве образовалось Общество взаимного кредита[19], в это Общество попал Н. А. Найденов; желая занять в нем доминирующее положение, он начал критиковать действия некоторых директоров, которые в свою очередь приняли меры, и на ближайшем собрании членов Общества взаимного кредита он был забаллотирован.

Обиженный этим, он собрал из своих знакомых купцов группу для учреждения в Москве частного банка под наименованием Московского Торгового. Разрешение на открытие ему удалось получить благодаря ранее завязанному знакомству в министерстве, но после многих трудов и хлопот. Единовременно с ним вместе хлопотала другая группа лиц на открытие Московского Учетного банка[20]. Министерство и этой группе лиц дало разрешение на открытие, но постановило вновь на открытие банков в Москве разрешений не давать, находя Москву достаточно насыщенной ими.

Открытие Московского Торгового банка совпало с годами наивысшей спекуляции на бирже[21] с акциями и другими ценными бумагами. Найденов, записавшийся на большое количество акций им учрежденного банка, успел значительную часть акций продать с хорошим лажем[22], и ему оставшаяся часть досталась почти даром - это и послужило началом его личного денежного благополучия.

Положение Найденова среди купечества вполне упрочилось с устройством Московского Торгового банка, выбором его в председатели правления банка и избранием председателем Московского Биржевого комитета. Благодаря всем этим делам ему приходилось часто посещать Петербург, с представлением министру и другим крупным чиновникам, у которых он получил к себе полное расположение; ему легко было разобраться в сложном чиновничьем аппарате, насыщенном интригами, коварством и завистью, и он ловко пользовался этими эмоциями у других чиновников, ниже рангом стоящих, чтобы иметь их как поддержку своим желаниям. Об этом мне пришлось слышать от одного моего знакомого чиновника Сергея Сергеевича Захарова, уверявшего меня, что с Н. А. Найденовым считаются и даже побаиваются, из-за опасения, что умело и вовремя сказанное Найденовым слово на приемах у сильных мира сего могло значительно способствовать понижению или повышению в их служебном положении. Еще в самом начале деятельности Найденова [ему] предлагали занять довольно высокий пост директора торговли и мануфактур, но он уклонился от этого, и когда я задал ему вопрос, почему он не взял его, он ответил, смеясь: "Нахожу, лучше быть в первом десятке в деревне, а не в последнем десятке в столице".

Многие из московских купцов, зная отношения Н. А. Найденова к крупному чиновному

миру, часто прибегали к его советам и заступничеству, что он делать не отказывался, давал им указания, письма к влиятельным лицам, что способствовало к благополучному окончанию.

[Был] случай с Николаем Ивановичем Прохоровым[23], владельцем Трехгорной мануфактуры, о запрещении спуска отработанных вод с фабрик в Москву-реку генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем[24], это запрещение было равносильно закрытию фабрик, а следовательно, прекращению дела. Хотя на фабрике были приняты меры к очищению воды от грязи и красок, но [ОНИ] попада[ли] все-таки в незначительном количестве в реку.

Прохоров, имевший в Петербурге большие знакомства и связи, поехал туда и начал хлопотать. Явившись к министру внутренних дел, изложил ему все дело с просьбой защитить его интересы. Министр ему задал вопрос: "Следовательно, Вы приехали жаловаться на дядю государя?" Прохоров оставил свою просьбу, испугавшись еще больших неприятностей. Обратился за советом к Н. А. Найденову, отнесшемуся весьма сочувственно к положению Прохорова, [он] поехал лично сам в Петербург, где и добился того, что распоряжение великого князя Сергея Александровича не было приведено в исполнение.

Оказывая покровительство некоторым купцам, Николай Александрович не стеснялся других ставить в тяжелое положение, если они некогда ему вставляли спицы в колеса, так было с московским купцом Петром Дмитриевичем Сырейщиковым[25], оказавшимся в числе тех лиц, способств[овавших] к удалению его из совета Общества взаимного кредита.

Состоя председателем в комиссии о назначении лиц на общественные должности при Купеческом обществе, обязательные купцам, уплачивающим гильдию, Найденов настоял назначить П. Д. Сырейщикова первоприсутствующим в Сиротский суд [26] — должность по своей ответственности крайне неприятная и хлопотливая, кроме того, она лишает назначенного занимать другую выбранную должность в Товариществе или в Обществе, но оплачиваемую. Сырейщиков был директором в Обществе взаимного кредита, откуда получал хорошее вознаграждение, а потому назначение его в Сиротский суд ставило его в неприятное положение остаться без хорошего места и хорошо оплачиваемого. К благополучию П. Д. Сырейщикова, удалось избежать такого назначения. Он, по совету известного присяжного поверенного Плевако[27], вступил членом в какое-то благотворительное учреждение в Петербурге, дающее право лицам, состоящим в нем членами, отказываться от общественных служб по назначению Купеческого общества.

У меня сохранились в памяти некоторые рассказы Н. А. Найденова из его общественной служебной практики.

Как раз во время страстной недели Великого поста в Биржевой комитет поступило заявление от кредиторов Стоецкого, имевшего публичный дом на Сретенке, в Соболевом переулке, о назначении лица из среды купцов по принятию мер к охране имущества от несостоятельного должника. Найденов наметил лицо, и послано [было] извещение о немедленном принятии всего имущества публичного дома. Вскоре к Найденову явился назначенный купец и со слезами умолял освободить его от этой обязанности, говоря: "Я человек семейный, говею на этой неделе, придется туда часто ездить, могут увидать и подумать, что я езжу туда кутить... " Николай Александрович его освободил и назначил другого, с которым получилась такая же история, и его пришлось освободить. Найденов увидал, что найти человека для этой обязанности не так-то просто, начал внимательно
просматривать список всех купцов и остановился на богатом армянине Халатове[28]. владельце большого торгового дела, домовладельце и [владельце] имения Свиблово, близ Останкино. Халатов не приехал просить об освобождении, а наоборот, по окончании им принятия имущества этого заведения приехал выразить свою благодарность за оказанное ему доверие. Найденов, смеясь, говорил: "Наконец нашелся человек, вполне удовлетворенный этим делом, чему от души радуюсь!., а то не знал, что делать!"

Министерство финансов решило выстроить новый дом для Государственного банка,

29

помещавшегося на Солянке во владении Опекунского совета[29], в доме крайне старом и неудобном. В образовавшуюся комиссию был приглашен и Н. А. Найденов, убеждавший их строить на Мясницкой улице, на углу Банковского переулка, так названного от бывшего там в старое время Государственного банка, но чиновники, бывшие в комиссии, не согласились с ним, и решено [было] начать стройку на Неглинной улице.

Министр Вышнеградский, будучи в Москве, приехал на одно из заседаний комиссии, где выяснилось неприятное положение от увеличения цен на строительные материалы против утвержденных смет; произошло это от того, что члены комиссии, уполномоченные по

закупкам материала, пропустили выгодное время из-за своей неопытности: так, цена кирпича успела подняться до 26 руб., когда его можно было бы купить по 22 руб., как было утверждено по смете. Всем было известно, что Вышнеградский был расчетливый человек, а следовательно, останется недовольным упущением момента, отчего стоимость стройки сильно удорожится. Члены, закупающие материалы, во главе с архитектором сильно волновались и употребляли все усилия купить подешевле у каких-нибудь кирпичных заводчиков, всех их вызывали, но ни один из них не согласился снизить цены с 26 руб. за тысячу. Найденов, приехавший на это собрание, предложил свои услуги по способствованию к торговле с заводчиками. Председатель комиссии обратился к Николаю Александровичу и сказал: "Мы, уполномоченные по закупкам, конечно, будем рады, если к нам войдет еще новый член, но вряд ли этим удастся снизить цену на кирпич, т. к. все заводчики опрошены и никто не пожелал уступить". Тогда Вышнеградский обратился и сказал: "Попросим Николая Александровича взять этот труд на себя - нам, чиновникам, трудно состязаться с людьми практики". Найденов по телефону вызвал известного заводчика Байдакова[30] и уговорил его согласиться на цену кирпича по 22 руб., здесь же получив от него запродажное письмо, Найденов вошел в залу заседания, вручив запродажную в руки министра, к удивлению всех присутствующих членов комиссии.

Проезжая в Среднюю Азию, мне довольно часто приходилось останавливаться в Баку и даже жить по несколько суток, по случаю скупки Товариществом там персидского хлопка. Меня поражали богатства Баку, с добычей нефти на сумму большую 20 миллионов руб. Русских предпринимателей там почти не было, а преимущественно были армяне и другие национальности. Можно сказать, что золото Баку текло рекой, особенно это было видно при посещении банков и клубов, где процветала азартная игра исключительно на золотые монеты, и я видел счастливчиков, загребающих золото кучами. Рассказывая об этом Н. А. Найденову, я ему высказал однажды, что меня удивляет "почему Вы не выхлопочете землю в Баку" - ведь на этом деле можно нажить миллионы! На это Найденов мне ничего не ответил, но я заметил, он задумался и долго просидел молча <... >.

Но мои слова и разные рассказы из жизни бакинских предпринимателей запали в душу Н. А. Найденова, приблизительно в 1901-1902 гг. ему удалось выхлопотать нефтеносную землю в Баку, организова[ть] Московско-Кавказское нефтяное общество[31] с 10-мил[лионным] капиталом, в большинстве своем распределенным между фабрикантами-текстильщиками. Дела этого Общества шли хорошо, давая ежегодно большую прибыль (20%).

Один из участников этого предприятия, армянин Гукасов[32], прельстил Н. А. Найденова продать ему пай и уговори[л] остальных пайщиков сделать то же за сумму в четыре раза дороже, чем у них было заплачено, и таким образом сделался единственным владельцем этого золотого дела.

Учреждение этого Нефтяного общества произошло как раз во время возникновения недоразумений моих с Н. А. Найденовым, несмотря на это, он счел своим долгом предложить мне паи на выгодных для меня условиях; предполагаю, что это им [было] сделано потому, что он считал справедливым отблагодарить меня как внушившего ему эту идею.

Обиход жизни Н. А. Найденова был чрезвычайно прост и скромен, только в нем можно было заметить чрезмерную страсть к курению, он даже курил во время мороза, едучи на своей лошадке. Меня удивляла его малая потребность в пище. Утром выпивал два стакана чая с хлебом и маслом, с очень тонкими и небольшими двумя кусками; когда он приезжал в банк, буфетчик ему приносил на маленьком подносике два стакана чаю, молошничек с молоком и четыре куска сахару и три сдобных булочки, продаваемых в то время по копейке за штуку; он клал сахар в чай и все это оставлял у себя на столе; вернувшись с Биржи в 2 часа, наливал в стаканы молока, размешивал и выпивал один стакан холодного чая, съедал одну из булочек, а зачастую даже половину булочки. Приезжая домой в двенадцать или час ночи, съедал оставленное в столовой второе блюдо из обеда семьи, причем очень небольшую часть.

Я у него обедал почти каждое воскресенье. Ему наливали полтарелки супу, он посыпал укропом, из второго блюда брал маленький кусочек и немного гарниру, а от других блюд отказывался. В четыре часа выпивал стакан чаю, съедал иногда яблоко из своего сада, умело сохраняемое до Пасхи его братом Виктором Александровичем, любителем плодоводства и цветоводства. Семья в 8-9 часов ужинала, он же никогда. В молодые года, как он говорил, ходил в трактир Лопашева, где съедал порцию какого-нибудь блюда и тогда, приезжая к себе ночью домой, ничего не ел.

Жил в своем родовом доме, напоминавшем дом купца среднего достатка. Поднимаясь по

лестнице во второй этаж, попадали в небольшую комнату, откуда прямо входили в зал, наполненный стульчиками, столами ломберными, расставленными по стенам. Украшением залы были живые цветы, состоящие из разных пальм, великолепно ухоженных, стоящих на гипсовых под мрамор тумбах, а некоторые в пробковых корзинках, искусно сделанных из пробковой коры; из всех пальм в зале выделялась финиковая пальма своими перистыми листьями упиравшаяся в потолок. Она была выращена из косточки финика, полученного Найденовым во время коронации Николая I в раздаваемых народу подарках. Из залы попадали в гостиную с мягкими креслами и стульями, с диваном и овальным столом. Низенькая столовая, со старинными иконами и старой малоинтересной мебелью, пришедшей от предков.

Кабинет хозяина представлял узкую комнату с низким потолком, с двумя окнами, выходящими на двор. Перед письменным столом стоял диван, наполненный разными бумагами и книгами, и было оставлено на нем только место для одного человека. По стенам тянулись книжные шкафы простой работы из соснового дерева, на полу по всей комнате лежали кипы разных бумаг. Николай Александрович, принимая кого-нибудь, усаживал на диван, а сам помещался на стуле, больше стульев в комнате не было.

В антресолях с очень низкими потолками жил Виктор Александрович, дети и прислуга.

Видно было, что такие комнаты с простой обстановкой вполне удовлетворяли братьев Найденовых, и они лучшего комфорта и удобства не желали.

Дом, расположенный в глубине двора, с фасада был окружен порядочным садиком, изящно убранным цветами и разными декоративными деревьями. Правая часть земли при входе в ворота была занята фруктовыми деревьями, здесь же находилась тепличка с парниками; за этим садом стоял пустой фабричный корпус, а за ним тянулся довольно большой пруд, вокруг которого был расположен сад с одной дорожкой, тянувшейся вокруг пруда. Сад этот описан известным писателем А. М. Ремизовым[33], племянником братьев Найденовых, в его романе "Пруд".

Старый дом представлял из себя томительную скуку от нелюдимости Варвары Федоровны и постоянного отсутствия в нем в дни будничные Николая Александровича, а в праздничные - [в связи] с углублением его в непрерывные умственные занятия. Дети без достаточного надзора и внимания к ним со стороны родителей стремились всеми способами проводить время вне дома у себя, к сожалению, попадая в общество лиц, малокультурных и по развитию низко стоящих, а потому в будущем испытали много неудач и горя.

Николай Александрович, как мне казалось, был счастлив и доволен своей жизнью, увлекшись общественной жизнью и получаемым от нее почетом, в дальнейшем в мечтах его рисовалась надежда блестящей будущности, одухотворявшая и наполнявшая его жизнь, отвлекая его от самого себя. Он, постепенно поглощаясь в общественный и умственный труд, втянувшись в него всеми фибрами души своей, стал находить счастье свое только в нем. Не трудясь или, вернее сказать, менее трудясь, он был бы выбит из жизненной колеи и потерял бы иллюзию в свою силу и волю.

У Николая Александровича было два брата и три сестры. Старший брат, Виктор Александрович, был замкнутым и скрытным человеком, с душою чистой и хорошей для лиц, близко знавших его. Назвать его коммерческим дельцом нельзя; он хорошо знал бухгалтерию, работал с молодых лет в фирме Ганешиных[34], сначала в качестве простого служащего, потом сделался главным бухгалтером и членом правления. Относился к делу с полной добросовестностью и вниманием, но в силу своего характера не сделался коммерсантом; что он внес в дело Товарищества Ганешиных, мне неизвестно, но оно закончилось ликвидацией.

Замкнутость его характера приписывали несчастной любви; как догадывались, он был влюблен в дочку англичанина, служившего директором на фабрике Ганешиных, сделал предложение, но получил отказ, хотя, как говорят, он вел с ней все время переписку по отъезде ее в Англию. Эта неудача оставила у него след на всю жизнь: он избегал женщин и их совершенно не знал, они были для него terra incognita. Он даже запрещал женской прислуге входить в свою комнату, обслуживал его белый дворник. Иногда к нему входил кто-нибудь из родственниц, и было видно, что их посещения ему неприятны.

Всю свою любовь он перенес на растения, цветы, а потом на своего племянника Александра Николаевича[35], сына Николая Александровича, полюбив его, как своего сына, отдавая ему все свободное время. Александр Николаевич в значительной степени обязан ему своим хорошим образованием, но Виктор Александрович дать ему хорошее воспитание не мог по незнанию жизни и по неимению жизненной опытности. Виктор Александрович,

будучи уже стариком, был в жизни наивным человеком и мало разбирался в житейских делах.

<... >

Другой брат Николая Александровича, Александр Александрович[36], из себя ничего не представлял, разве только, что был хороший строитель, любитель фотографии и сплетен. Он женат был на Александре Герасимовне Хлудовой[37], получившей после неожиданной смерти своего единственного брата многомиллионное наследство. Братья жили дружно и все относились друг к другу с большой любовью и уважением.

Московское Императорское техническое училище[38] обязано Николаю Александровичу тем, что не было закрыто министром финансов Вышнеградским, желавшим это сделать из-за сокращения бюджетных расходов. Найденов собрал купечество на Биржу, и на этом собрании было вынесено ходатайство о незакрытии училища, так полезного по выпуску хороших инженеров для промышленности. Министр исполнил просьбу купцов. Совет профессоров Императорского технического училища поднес Н. А. Найденову в благодарность за его хлопоты звание почетного члена совета училища.

Примечания

[1] Московский Торговый банк - акционерный коммерческий банк, основанный в 1870 г. по инициативе Н. А. Найденова с основным капиталом 2 млн. руб. Кредитовал в основном промышленные предприятия хлопкоперерабатывающей, бумагопрядильной и бумаготкацкой отраслей промышленности, а также оптовую торговлю хлопком, шерстью и нефтедобычу. После смерти Н. А. Найденова, с 1906 г. и вплоть до национализации банка в 1917 г., его правление возглавлял сын основателя А. Н. Найденов.

[2] Санин Петр Иванович (1840-1903), потомственный почетный гражданин, мануфактур-советник, действительный статский советник, директор правления общества Московско-Курской ж. д., председатель и член Советов Московского Купеческого и Московского Торгового банков, совладелец Торгового дома "П. И. Санин" (химические товары).

[3] Крафт Иоганн Юлиус (1845-?), потомственный почетный гражданин, в купечестве состоял с 1868 г., совладелец Торгового дома "Братья Крафт" (москательные товары, краски, хлопок).

[4] Дословно: делать хорошую мину при плохой игре - т. е. улыбаться при проигрыше *(франц.).*

[5] Московское Торгово-Промышленное товарищество, действия открыты в 1874г. для проведения торговых операций с хлопком и мануфактурными товарами в Туркестанском крае. Имело конторы в Коканде, Ташкенте, Андижане, Намангане, Хиве и на Нижегородской ярмарке. Вело комиссионную торговлю шерстью и каракулем.

[6] Александровское Коммерческое училище в Москве - среднее специальное учебное заведение для приготовления к торговой деятельности юношей, принадлежавших к купеческому, мещанскому, ремесленному и крестьянскому сословиям. Основано в 1880г. по инициативе Н. А. Найденова Московским Биржевым обществом. Закрыто в 1918 г.

[7] Московский Биржевой комитет учрежден в 1839 г. как исполнительный и рабочий орган Московского Биржевого общества для управления делами Московской Биржи. Ликвидирован в 1918г. Найденов состоял председателем комитета в 1878-1905 гг.

[8] Московское отделение Мануфактурного совета было учреждено Министерством финансов в 1828 г. для содействия развитию мануфактурной промышленности. В 1872 г. реорганизовано в Московское отделение Совета торговли и мануфактур.

[9] Московская городская дума - учреждение городского общественного управления, созданное в 1872 г. на основе Городового положения 1870 г. В ее ведении были вопросы управления и развития городского хозяйства, благоустройства, развития торговли и промышленности и т. п. Распущена в октябре 1917 г.

[10] Московское купеческое общество - купеческая сословная организация, объединявшая лиц торгового звания. В 1863 г. был образован исполнительный орган общества - Купеческая управа, занимавшаяся хозяйственными, учебными и благотворительными организациями купеческого сословия, выдачей документов на право торговли и занятий промыслами и проч. Упразднена в 1918г.

[11] Простяков Иван Григорьевич (1845-1915), потомственный почетный гражданин, купец 2 гильдии, коммерции советник. Член правления и директор фирмы "Василий Солодовников и К°", товариществ льнопрядильной и полотняной фабрик В. Ф. Демидова и Большой Кинешемской мануфактуры. Крупный благотворитель.

[12] Третьяков Павел Михайлович (1832-1898), коммерции советник, действительный статский советник. Совладелец Торгового дома "П. и С. бр. Третьяковы и В. Коншин", член правления Московского Купеческого банка. Действительный член Петербургской Академии художеств. Коллекционер русской живописи, меценат, основатель Третьяковской галереи в Москве.

[13] Н. А. Найденов был издателем нескольких серий документальных трудов по истории Москвы, московского купечества, памятников церковной старины и собственных историко-краеведческих исследований и воспоминаний. Библиографию этих работ см.: Иванова Л. В. "Издатель и писатель по старой Москве" Николай Александрович Найденов. 1834-1905 // Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). М., 1995. С. 81-82.

[14] Забелин Иван Егорьевич (1820-1908), действительный тайный советник, историк, археолог, музейный деятель, коллекционер. Почетный член Академии наук. Один из главных организаторов Исторического музея в Москве. В 1879 г. по предложению Н. А. Найденова возглавил работу по составлению истории Москвы.

[15] Вышнеградский Иван Алексеевич (1831-1895), действительный тайный советник, ученый, предприниматель, финансист. Почетный член Академии наук, министр финансов в 1887-1892 гг.

[16] Меньшиков Михаил Осипович (1854-1918), дворянин, штабс-капитан. Известный журналист и публицист, с 1901 г. сотрудничал в издаваемой А. С. Сувориным газете "Новое время".

[17] Мужское Петропавловское евангелическо-лютеранское училище в Москве было основано в Москве при лютеранском церковном приходе. С 1865 г. в училище существовали гимназическое и реальное отделения, большинство предметов преподавалось на немецком и французском языках. Н. А. Найденов окончил училище в 1848 г.

[18] Найденов Виктор Александрович (1831-1919), потомственный почетный гражданин, член правления Московского Торгово-Промышленного товарищества и товарищества братьев Ганешиных, председатель совета Московского Торгового банка. Совладелец Торгового дома "А. Найденова сыновья".

[19] Московское Купеческое общество взаимного кредита основано в 1869 г. Ликвидировано в 1918 г.

[20] Московский Учетный банк - акционерный коммерческий банк, основан в 1870г., с основным капиталом 2 млн. руб., крупными представителями московских деловых кругов: Г. М. Вогау, Л. Г. Кнопом, И. В. Щукиным, А. И. Абрикосовым и др. Финансировал экспортно-импортные сделки, хлопководство, горнозаводскую, текстильную отрасли промышленности и т. д. Ликвидирован в 1917 г.

[21] Биржа - купеческое собрание особого рода для совершения оптовых сделок. Биржа в Москве была открыта в 1837 г., торговавшее при ней купечество 1-ой и 2-ой гильдий составляло Биржевое общество, избиравшее Биржевой комитет.

[22] Лаж — выгода при совершении сделки, прибавка к цене товара в пользу продавца.

[23] Прохоров Николай Иванович (1860-1915), потомственный дворянин с (1910 г.), мануфактур-советник, кандидат прав. Председатель правления товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры, член Совета Русского для внешней торговли банка.

[24] Великий князь Сергей Александрович Романов (1857—1905), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, с 1891 г. — московский генерал-губернатор, с 1896 г. - командующий войсками Московского военного округа. Дядя императора Николая II. Убит эсером И. П. Каляевым.

[25] Сырейщиков Петр Дмитриевич (1825-1901), потомственный почетный гражданин, банкир, финансист. Директор Московского Купеческого общества взаимного кредита, владелец банкирской конторы.

[26] Сиротский суд - городской сословный орган в России в 1775-1917 г. Возглавлялся городским головой, ведал опекой над имуществом купцов, мещан, ремесленников и беспоместных личных дворян.

[27] Плевако Федор Никифорович (1842-1908), крупный юрист, присяжный поверенный, публицист. Выступал защитником на крупных политических судебных процессах.

[28] Халатов Аршак Бакшиевич (Александр Борисович) (1847-?), потомственный почетный гражданин, купец 2-ой гильдии, в купечестве состоял с 1876г. Торговал шелковыми и восточными товарами в Голофтеевском пассаже в Москве. Присяжный попечитель Московского Купеческого суда в 1888-1895 гг.

[29] Опекунский совет, учрежден в 1763 г. для управления московским воспитательным домом и состоявшими при нем приютами, богадельнями и учебными заведениями. С 1873 г. преобразован в Московское присутствие Опекунского совета учреждений Императрицы Марии.

[30] Байдаков Леонид Андреевич (?), потомственный почетный гражданин, купец 2-ой гильдии, торговал кирпичом и строительными материалами. Владелец кирпичного завода в селе Троицкое-Голенищево под Москвой. Старшина Московского Купеческого собрания, член финансовой и ревизионной комиссии Купеческой управы.

[31] Московско-Кавказское нефтепромышленное общество было основано в 1902г. для организации добычи и переработки нефти в Бакинском нефтедобывающем районе. Во главе акционерного общества стояли А. Н. Найденов и П. О. Гукасов.

[32] Гукасов Павел Осипович (1858—1937), инженер, купец 1-ой гильдии, коммерции советник, финансист. Член правления Товарищества "П. О. Гукасов и К°" и других фирм. Член Государственного Совета. Председатель Совета Русского торгово-промышленного банка.

[33] Ремизов Алексей Михайлович (1877-1957), писатель, поэт, драматург, философ, художник. Племянник

Н. М. Найденова, сын его сестры Марии Александровны и Михаила Алексеевича Ремизова, купца 2-ой гильдии. В своих произведениях "Пруд", "Подстриженными глазами" описал детские впечатления о своем дяде, жизни семьи Найденовых и их родственников.

[34] Товарищество суконной и прядильной фабрики "Братья Ганешины и К°" существовало в Москве, в Хамовниках, с 1871 г.

[35] Найденов Александр Николаевич (1866-1920), потомственный почетный гражданин, председатель правления Московского Торгового банка, член правления Московского Торгово-Промышленного товарищества, первый заместитель председателя Московского Биржевого комитета.

[36] Найденов Александр Александрович (1840-1916), потомственный почетный гражданин, мануфактур-советник, купец 2-й гильдии, директор правления товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики А. и Г. Хлудовых. Член правления Северного Страхового общества, совладелец Торгового дома "А. Найденова сыновья".

[37] Найденова Александра Герасимовна, урожденная Хлудова (1856-1924), потомственная почетная гражданка, член правления товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики А и Г. Хлудовых, совладелица Хлудовских (ныне Центральных) бань в Москве. Наследница своего брата Павла Герасимовича Хлудова (1862-1884).

[38] Императорское Московское техническое училище, высшее специальное учебное училище, реорганизованное в 1868 г. из ремесленного училища, учрежденного в 1826 г. Находилось в ведении Министерства народного просвещения. Ныне: Московский государственный технический университет.

© 1997 г.

ПРОТОКОЛЫ ВСЕРОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА

В отечественной исторической литературе несколько десятилетий господствовала тенденция изображать течения, оппозиционные большевизму и советской власти, враждебными народу. Весомую лепту в формирование подобного подхода внесла двухтомная документальная публикация "Красная книга ВЧК", изданная под редакцией известного чекиста М. И. Лациса[1]. Материалы книги призваны были разоблачить и покарать врагов нового режима. К сожалению, в отечественной историографии возобладал не тщательный анализ и осмысление опубликованных документов, а именно их идеологическая интерпретация в сугубо политических целях. В этом ключе материалы книги были использованы в двухтомной монографии Д. Л. Голинкова, выдержавшей за сравнительно короткий срок четыре издания[2].

Во второй том "Красной книги ВЧК" вошли следственные материалы, раскрывающие отдельные стороны деятельности московской и отчасти петроградской организации Всероссийского Национального центра (ВНЦ), что, однако, не давало возможности представить общую картину и масштабы сопротивления оппозиционных сил большевистскому режиму в 1918-1920 гг. Серьезную попытку расширить источниковую базу данной проблемы предприняла Н. Г. Думова, впервые в своей монографии использовавшая весьма значительные, а главное ранее недоступные исследователям материалы Пражского архива[3]. Вместе с тем, на наш взгляд, проблема организации сопротивления большевизму нуждается в дальнейшем изучении, что возможно на основе объективного анализа как уже введенных в научный оборот источников, так и малоизвестных архивных документов. Публикуемые протоколы ВНЦ в значительной мере позволяют восполнить те весьма важные источниковые звенья, которые помогут исследователям восстановить объективную картину противостояния различных политических лагерей в годы Гражданской войны.

Известно, что первым мощным толчком в деле объединения всех "государственно мыслящих сил" перед угрозой левоэкстремистской опасности явились июльские события 1917 г. в Петрограде. В августе 1917 г. в Москве начало свою деятельность "Совещание общественных деятелей", предпринявшее попытку мобилизации либеральных и монархических сил для отпора надвигающейся национальной катастрофе, а возможно, и Гражданской войне. После октябрьского переворота 1917 г. Москва становится центром

Н. М. Найденова, сын его сестры Марии Александровны и Михаила Алексеевича Ремизова, купца 2-ой гильдии. В своих произведениях "Пруд", "Подстриженными глазами" описал детские впечатления о своем дяде, жизни семьи Найденовых и их родственников.

[34] Товарищество суконной и прядильной фабрики "Братья Ганешины и К°" существовало в Москве, в Хамовниках, с 1871 г.

[35] Найденов Александр Николаевич (1866-1920), потомственный почетный гражданин, председатель правления Московского Торгового банка, член правления Московского Торгово-Промышленного товарищества, первый заместитель председателя Московского Биржевого комитета.

[36] Найденов Александр Александрович (1840-1916), потомственный почетный гражданин, мануфактур-советник, купец 2-й гильдии, директор правления товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики А. и Г. Хлудовых. Член правления Северного Страхового общества, совладелец Торгового дома "А. Найденова сыновья".

[37] Найденова Александра Герасимовна, урожденная Хлудова (1856-1924), потомственная почетная гражданка, член правления товарищества Егорьевской бумагопрядильной фабрики А и Г. Хлудовых, совладелица Хлудовских (ныне Центральных) бань в Москве. Наследница своего брата Павла Герасимовича Хлудова (1862-1884).

[38] Императорское Московское техническое училище, высшее специальное учебное училище, реорганизованное в 1868 г. из ремесленного училища, учрежденного в 1826 г. Находилось в ведении Министерства народного просвещения. Ныне: Московский государственный технический университет.

© 1997 г.

ПРОТОКОЛЫ ВСЕРОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА

В отечественной исторической литературе несколько десятилетий господствовала тенденция изображать течения, оппозиционные большевизму и советской власти, враждебными народу. Весомую лепту в формирование подобного подхода внесла двухтомная документальная публикация "Красная книга ВЧК", изданная под редакцией известного чекиста М. И. Лациса[1]. Материалы книги призваны были разоблачить и покарать врагов нового режима. К сожалению, в отечественной историографии возобладал не тщательный анализ и осмысление опубликованных документов, а именно их идеологическая интерпретация в сугубо политических целях. В этом ключе материалы книги были использованы в двухтомной монографии Д. Л. Голинкова, выдержавшей за сравнительно короткий срок четыре издания[2].

Во второй том "Красной книги ВЧК" вошли следственные материалы, раскрывающие отдельные стороны деятельности московской и отчасти петроградской организации Всероссийского Национального центра (ВНЦ), что, однако, не давало возможности представить общую картину и масштабы сопротивления оппозиционных сил большевистскому режиму в 1918-1920 гг. Серьезную попытку расширить источниковую базу данной проблемы предприняла Н. Г. Думова, впервые в своей монографии использовавшая весьма значительные, а главное ранее недоступные исследователям материалы Пражского архива[3]. Вместе с тем, на наш взгляд, проблема организации сопротивления большевизму нуждается в дальнейшем изучении, что возможно на основе объективного анализа как уже введенных в научный оборот источников, так и малоизвестных архивных документов. Публикуемые протоколы ВНЦ в значительной мере позволяют восполнить те весьма важные источниковые звенья, которые помогут исследователям восстановить объективную картину противостояния различных политических лагерей в годы Гражданской войны.

Известно, что первым мощным толчком в деле объединения всех "государственно мыслящих сил" перед угрозой левоэкстремистской опасности явились июльские события 1917 г. в Петрограде. В августе 1917 г. в Москве начало свою деятельность "Совещание общественных деятелей", предпринявшее попытку мобилизации либеральных и монархических сил для отпора надвигающейся национальной катастрофе, а возможно, и Гражданской войне. После октябрьского переворота 1917 г. Москва становится центром

организации сопротивления новой большевистской власти. Здесь в октябре 1917 г. состоялось второе "Совещание общественных деятелей", избравшее для руководства текущей мобилизационной работой "Совет" во главе с Д. М. Щепкиным. В феврале-марте 1918 г. в Москве было создано надпартийное объединение "Правый центр", в состав которого вошли: "Совет общественных деятелей", "Торгово-промышленный комитет", "Союз земельных собственников", а также отдельные представители руководящих органов кадетской и правомонархических партий. "Правый центр" возглавил бывший министр царского правительства А. В. Кривошеим.

Однако это надпартийное объединение оказалось весьма непрочным и раскололось сразу же после заключения большевиками Брест-Литовского сепаратного мира с Германией. Первопричиной раскола послужил спор о выборе внешнеполитической ориентации: соглашение с Германией или же сохранение верности союзническим обязательствам Антанте. Разумеется, внутри "Правого центра" существовали и другие принципиальные разногласия как по программным, так и по тактическим вопросам. Кадеты, осудившие на своей майской конференции 1918 г. германофильскую ориентацию партийного лидера П. Н. Милюкова, вышли из "Правого центра". Вскоре вслед за ними покинули центр и представители "Торгово-промышленного комитета" во главе с С. Н. Третьяковым. Еще в мае 1918 г., в противовес "Правому центру", занявшему германофильскую позицию, были созданы две автономно действующие организации — ВНЦ и "Союз возрождения". В конце июля - начале августа 1918 г. "Правый центр" фактически прекратил свое существование.

Судя по показаниям С. А. Котляревского, опубликованным во втором томе "Красной книги ВЧК"; и неопубликованным воспоминаниям Н. И. Астрова, инициатива создания ВНЦ принадлежала трем членам ЦК партии кадетов - Н. И. Астрову, В. А. Степанову и Н. Н. Щепкину. В руководящее ядро ВНЦ ими были приглашены Д. Н. Шипов и М. М. Федоров. В источниках и литературе высказываются различные точки зрения о том, кто являлся председателем правления ВНЦ. Так, по мнению С. А. Котляревского, до января 1919 г. председательские функции в московской организации ВНЦ выполнял Д. Н. Шипов, который "был важен для инициаторов НЦ как человек, пользующийся крупным нравственным авторитетом. Его очень уважали даже люди, политически с ним весьма не согласные. Он сразу стал как бы председателем и руководителем кружка. Его влияние в течение всего 1918 г. было очень сильно"[4]. С конца января 1919 г., по мнению Котляревского, председательские функции на совещаниях стал осуществлять Н. Н. Щепкин. По утверждению же Н. И. Астрова, на наш взгляд, более аргументированному, с момента образования ВНЦ его председателем был М. М. Федоров[5].

В отличие от преимущественно социалистического по своему составу "Союза возрождения", ВНЦ объединял представителей либерально-демократических и либерально-консервативных партий, а также представителей различных внепартийных общественных групп (Церковного Собора, старообрядческих общин, земских и городских учреждений, торгово-промышленного класса, кооперативных учреждений и др.). Руководящим ядром московского НЦ была разработана и принята программа, включавшая следующие пункты: "борьба с Германией, борьба с большевизмом, восстановление единой и неделимой России, верность союзникам, поддержка Добровольческой армии как основной русской силы для восстановления России, образование Всероссийского правительства в тесной связи с Добровольческой армией и творческая работа для создания новой России, России после февральского переворота, форму правления которой может установить сам русский народ через свободно избранное им народное собрание"[6]. В Москве НЦ энергично занимался разработкой законодательных проектов по всем отраслям государственного управления (по аграрному, рабочему, национальному вопросам, по железнодорожной программе, по министерствам юстиции, внутренних дел и др.). "Национальный центр, - писал Н. И. Астров, - полагал, что недостаточно сломать большевиков, но одновременно необходимо создать условия, обеспечивающие быстрое восстановление нормальной жизни в опустошенной большевиками стране"[7].

Московский и петроградский НЦ поддерживали связи со своими единомышленниками на Юге, Севере и Востоке, а через них - с командованием Добровольческой армии (сначала с М. В. Алексеевым, которого прочили в военные диктаторы, а затем с А. И. Деникиным, А. В. Колчаком, Н. Н. Юденичем, представителями союзнического командования, а также с нелегально действовавшими московскими военными организациями). Эти стороны деятельности московского (и отчасти петроградского) НЦ получили отражение в документах и материалах, опубликованных во втором томе "Красной книги ВЧК".

Однако главной операционной базой деятельности ВНЦ с осени 1918 г. являлись все же

не Москва и Петроград, где работу приходилось вести в подполье, ежеминутно подвергаясь угрозе ареста и расстрела, а на Юге России - в Екатеринодаре, а затем в Ростове-на-Дону, т. е. в районах дислокации Добровольческой армии. Это само по себе обеспечивало здесь возможность открытой и планомерной деятельности, регулярное проведение заседаний руководящих органов ВНЦ, которые, в отличие от московских конспиративных заседаний, протоколировались.

По существу, исследователи имеют дело с двумя видами источников: во-первых, с документами и материалами, полученными в ходе московского следствия, когда арестованные старались дать как можно меньше объективной информации об их подпольной антибольшевистской деятельности, и, во-вторых, с подлинными протокольными записями заседаний ВНЦ в Екатеринодаре и Ростове-на-Дону за период с декабря 1918 г. по декабрь 1919 г. Сопоставление этих двух групп источников позволяет исследователям всесторонне проанализировать деятельность ВНЦ в масштабах всей России.

Известно, что окончательному передислоцированию на Юг Правления ВНЦ предшествовало прибытие из Москвы в Екатеринодар членов ЦК кадетской партии В. А. Степанова (в июне 1918 г.) и Н. И. Астрова (в сентябре 1918 г.). В ноябре 1918 г. сюда прибыли члены Правления В. Н. Челищев, М. М. Федоров, а несколько позднее - Н. К. Волков, А. С. Салазкин, А. А. Червен-Водали и П. И. Новгородцев. После их приезда в Екатеринодаре был создан Центральный отдел ВНЦ. Председателем правления был вновь избран М. М. Федоров, а его заместителем князь Пав. Д. Долгоруков. С перебазированием Особого Совещания при Добровольческой армии в Ростов-на-Дону сюда, в августе 1919 г., было перенесено Правление ВНЦ. В Екатеринодаре же осталось его отделение. Помимо московской, петроградской, екатеринодарской организаций у ВНЦ были свои отделения в Киеве, Одессе, Новороссийске, Таганроге, Харькове, Батуми, Тифлисе, Баку, Кисловодске, Симферополе.

Деятельность ВНЦ в Екатеринодаре и Ростове-на-Дону имела разноплановый характер. Во-первых, была продолжена начатая еще при Временном правительстве работа по подготовке законопроектов общероссийского масштаба.

Во-вторых, участники ВНЦ представляли собой своеобразный "мозговой центр" по разработке оперативных мер для решения наиболее острых текущих вопросов (земельный, продовольственный, финансовый и т. п.) на территории, находящейся под контролем Добровольческой армии. Ряд членов ВНЦ входили в состав Особого совещания при генерале Деникине, они оказывали определенное влияние на выработку и принятие решений по самому широкому кругу вопросов.

В-третьих, члены ВНЦ большое внимание уделяли получению и обработке информации военно-стратегического характера, которая непосредственно передавалась командованию Добровольческой армии. К сожалению, эта сторона деятельности, видимо из конспиративных соображений, не протоколировалась.

В-четвертых, члены ВНЦ проводили большую агитационно-пропагандистскую работу среди населения: издавались журналы и газеты, прокламации и листовки, читались доклады и лекции.

Правление ВНЦ через своих представителей установило двусторонние связи с правительством А. В. Колчака (через В. Н. Пепеляева, А. С. Белецкого, Н. А. Бородина, Н. К. Волкова и А. А. Червен-Водали), с "политическим совещанием" в Париже (через П. Б. Струве, В. А. Маклакова, князя Г. Е. Львова, Н. В. Чайковского), с Лондоном (через П. Н. Милюкова), с Константинополем (через Ф. И. Родичева, Н. В. Дмитриева), с Грецией, Сербией, Чехией, Польшей. Члены Правления ВНЦ поддерживали тесные контакты с союзническими миссиями, участвовали в совещаниях с представителями союзнических держав в Киеве и Яссах, где обсуждался комплекс мер помощи со стороны союзников Добровольческой армии, а также вопрос о признании за ее командованием статуса политического представительства России. Кроме участия в официальных переговорах с союзниками члены ВНЦ имели тесные личные контакты с крупными политическими и общественными деятелями Запада.

На совещания ВНЦ приглашались представители других политических группировок -Союза возрождения, Совета государственного объединения России.

Впервые публикуемые протоколы ВНЦ хранятся в ГА РФ (Ф. 5913). Они представляют собой трудночитаемые машинописные копии журналов заседаний ВНЦ с 4 декабря 1918 г. по 7 декабря 1919 г. Фактический материал выверен по другим источникам.

Предлагаемая вниманию читателей публикация представляет фрагмент готовящегося к печати полного издания протоколов ВНЦ.

Публикацию подготовили **Н. И. Канищева, К. Г. Ляшенко, В. В. Шелохаев (Москва).**

Примечания

[1] Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1920, Т. 2. М., 1922. В 1989 г. "Красная книга ВЧК" была переиздана под редакцией профессора А. С. Велидова.

[2] Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2 т. М., 1986.

[3] Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917-1920 гг.). М., 1982.

[4] Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 141.

[5] ГА РФ, ф. 5913, оп. 1, д. 272, л. 6.

[6] Там же, л. 4 об.

[7] Там же, л. 5.

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

ЖУРНАЛ ЗАСЕДАНИЙ № 1

Екатеринодар, 4(17) **декабря 1918 года**

Присутствовали: **Н. И.** Астров[1], кн. П. Д. Долгоруков[2], Г. А. Мейнгардт[3], А. А. Нератов[4]. гр. С. В. Панина[5], В. А. Степанов[6], кн. Г. Н. Трубецкой[7], М. М. Федоров[8], В. Н. Челищев[9], А. А. Червен-Водали[10] и Э. П. Шуберский[11].

При открытии заседания в 4 часа дня председатель М. М. Федоров огласил разработанный Национальным Центром в Москве проект основных законов[12] и предложил членам совещания обменяться взглядами по поводу общих основ проекта.

В. Н. *Челищев* возбудил сомнение относительно предоставляемого правителю статьями 2 и 14 права признавать образование автономных областей и несуверенных государств. Провести точную грань между этими видами государственных образований довольно трудно, тем более что и самая терминология проекта имеет скорее научный, чем законодательный характер. Ввиду этого указанные статьи могут вызвать недоразумения.

Кн. Г. Н. Трубецкой полагал, что проект является слишком централистическим: авторы его, по-видимому, исходили из предположения, что взаимоотношения отдельных частей России будут устанавливаться единой центральной властью. Эта мысль правильна в качестве общей директивы, но с точки зрения политической обстановки надо считаться с неизбежностью соглашений.

Известное удовлетворение областным стремлениям могло бы быть дано путем введения их представителей в особый законосовещательный орган при правителе: создание такого органа представлялось бы и технически целесообразным, так как избавило бы Совет Министров от обременительной законодательной работы.

Н. И. Астров указал, что пожелания кн. Г. Н. Трубецкого могли бы быть удовлетворены путем введения в проект более развитой схемы организации власти. Если Национальный Центр высказывается за единоличную диктатуру, возникающую как факт, а не в порядке соглашения, то отсюда не следует, что Центр готов допустить поглощение этой властью всего окружающего. Сами представители командования Добровольческой армии признают необходимость законодательного нормирования состоящих при нем органов, и в существующем Особом Совещании[13] видят зародыш будущего Совета Министров. Поэтому было бы вполне целесообразно развить главу о правительстве, дополнив ее, в частности, указанием на участие в законосовещательном органе краевых представителей.

Точно так же следовало бы, по мнению Н. И. Астрова, несколько полнее определить взаимоотношения центральной власти к краевым образованиям, подчеркнув, что власть не намерена покушаться на областную самостоятельность.

Что касается прочих частей проекта, то лучше было бы их сократить, приняв за основу более сжатую схему К. Н. Соколова[14]. В особенности это относится к правам граждан, которые, в силу обстоятельств, будут неизбежно постоянно нарушаться диктатурой; при таких условиях подробное определение этих прав звучало бы не искренне.

Возражая на последнее замечание Н. И. Астрова, ***В. А. Степанов*** полагал, напротив, что точное указание прав граждан желательно для того, чтобы подчеркнуть и выяснить в глазах общества принципиальные взгляды командования Добровольческой армии и тем

снять с него незаслуженные подозрения в реакционности. Необходимо принять этот отдел хотя бы в формулировке проекта К. Н. Соколова, который, ввиду своей сжатости, вообще заслуживает предпочтения.

Касаясь далее областного вопроса, В. А. Степанов заметил, что всякая попытка заранее нормировать отношения областей к Центру была бы нереальной, так как фактически они будут зависеть от соглашений. VI Отдел, трактующий частный вопрос о Кубанском крае, следовало бы вовсе выбросить.

Э. П. Шуберский полагал, что речь должна идти не о желательности, а о возможности осуществления проекта. Кто может его сейчас обнародовать. Единая Россия составляет пока лишь мечту, к воплощению которой в жизнь стремятся авторы проекта, между тем как краевые новообразования - непреложный факт действительности. Ближайшей целью должно быть сейчас установление единого военного командования, а затем превращение его в единую власть. Сообразно с этим, проект должен регулировать переходную фазу строения власти.

Обращаясь затем к мысли кн. Г. Н. Трубецкого о законосовещательном органе, Э. П. Шуберский поддерживал ее с деловой точки зрения. Опыт Временного правительства показал, что законодательствующие министры совершенно лишены возможности управлять своими ведомствами, отчего сильно страдает деловая работа, так как товарищи министра вполне естественно не решаются брать на себя всю ответственность. Неудобство это устраняется предложением кн. Г. Н. Трубецкого о законосовещательном органе; что же касается Совета Министров, то он должен быть организован на началах как бы рабочей артели, ведущей деловую работу и связанной солидарной ответственностью.

А. А. Червен-Водали заметил, что проект в вопросе об областях дает как бы среднее решение между предложением кн. Г. Н. Трубецкого с обратным взглядом; как более гибкое и дающее возможность точнее учитывать степень того или другого областного влияния, оно заслуживает предпочтения.

Что касается раздела о правах граждан, то его сокращать не следует, так как важно установить в этом отношении принципы, определяющие миросозерцание власти, хотя бы обстоятельства и заставляли ее допускать изъятия из общего порядка: даже исключительное положение основывается на известных нормах, сдерживающих импульсы произвола.

Кроме того, в данном вопросе надо иметь в виду созыв, после достижения успокоения, народного собрания; очевидно, что к этому моменту должен быть введен порядок, обеспечивающий права граждан, иначе свободные выборы в Собрание будут невозможны.

Возражая Э. П. Шуберскому, ***М. М. Федоров*** указал, что основные законы будут обнародованы не сейчас, а тогда, когда единое военное командование, получив союзное признание, овладеет всей полнотой власти, т. е. превратится в диктатуру; издание основных законов как раз имеет в виду эту диктатуру надлежащим образом обставить. Но создание при ней выборного законосовещательного органа было бы нецелесообразно: такого рода органы обладают свойством стремиться к расширению своих функций в направлении надзора и давления на власть, между тем ослаблять последнюю в условиях данного момента недопустимо.

Более уместно было бы устройство такого законосовещательного органа на основе подбора, а не выбора его членов; в таком случае можно было бы скорее рассчитывать вовлечь приглашенных в состав совещания местных деятелей в русло общегосударственной мысли.

По вопросу о дальнейшем направлении дела М. М. Федоров полагал, что следует просить В. Н. Челищева как управляющего ведомством юстиции, подвергнуть предварительному рассмотрению как настоящий проект, так и схему К. Н. Соколова[15], а затем представить их с своим заключением Национальному Центру.

По мнению В. А. Степанова, основное различие между проектами состоит в том, что схема К. Н. Соколова исходит из условий данного момента, тогда как проект, рассматриваемый ныне Совещанием, рассчитан на более отдаленное будущее. Урегулирование сложившихся и продолжающих складываться форм власти не терпит отлагательства, поэтому проект К. Н. Соколова должен быть рассмотрен в первую очередь.

Кн. П. Д. Долгоруков высказался за возможное сокращение всех тех частей проекта, которые, по условиям момента, имеют характер заведомо невыполнимых обещаний. Сообразно с этим все постановления ст. 36-47[16] надо изложить возможно короче, придав им при этом условную форму.

В. Н. Челищев, соглашаясь с мыслью о необходимости прежде всего озаботиться организацией существующей и продолжающей развиваться власти в лице командования Добровольческой армии и состоящего при ней Особого Совещания, полагал, однако, что этим не исключается желательность теперь же попытаться наметить и более отдаленные перспективы строения власти, в частности, и в вопросе областном. Надо заметить, что кое-какой материал для работы мысли в этом направлении уже имеется, например, в виде уже заключенных с Доном соглашений о путях сообщения, почте и государственном банке.

Возражая М. М. Федорову, Э. П. Шуберский заметил, что он имеет в виду образование законосовещательного органа по принципу назначения, а не избрания. Такой орган нисколько не ослабит единство и твердость власти, а только поможет ей в деловом отношении. Пример этого мы видим в приглашении членов без портфелей в состав Особого Совещания.

Н. И. Астров находил, что мысль Э. П. Шуберского вполне может уложиться в намечаемую схему устройства власти. Но вопрос о представительстве частей государства должен быть еще обдуман, так как вряд ли удобно назначать местных деятелей в состав совещательного органа.

А. А. ***Нератов*** ставил вопрос о целесообразности издания основных законов в зависимости от того, как Совещание представляет себе будущий ход событий. Если ожидается возникновение диктатуры, располагающей реальной силой и потому имеющей возможность проводить свою волю, то ей не представит труда разработать и обнародовать законоположения, отвечающие сложившейся обстановке. Пока же этой реальной силы нет, и будущее представляется неясным, всякие предположения о государственном устройстве будут неизбежно носить условный характер.

М. М. Федоров в ответ на сообщения А. А. Нератова высказал, что, как бы власть ни была сильна и уверена в себе, она вынуждена искать опоры в тех или иных общественных слоях; опора найдется лишь в том случае, когда власть заранее поставит себе определенные задания, отвечающие взглядам указанных кругов. Без этого никакая диктаторская власть удержаться не может. Отсюда вытекает, что надо заранее подготовить условия успеха диктатуры; эту цель преследует, между прочим, и установление основных законов.

Э. П. Шуберский дополнил свои прежние соображения указанием на желательность при устройстве власти устранить влияние ведомственного соперничества, столь вредившего правильному ходу дел и при старом строе, и после революции. Зло это будет преодолено, если Совет Министров получит значение органа, назначаемого правителем по представлению премьера и связанного общей ответственностью перед правителем.

М. М. Федоров, признавая за мыслью Э. П. Шуберского положительные стороны, полагал, однако, что она не может быть принята сразу и без оговорок. Так, в Яссах[17] подобная же схема Н. В. Савича[18] встретила возражение, состоявшее в указании на нецелесообразность применения в диктаторском режиме начала парламентаризма, хотя бы и в форме общей ответственности кабинета перед правителем. Так или иначе, при более подробном обсуждении вопроса можно будет изыскать способ примирить мысль Э. П. Шуберского с отмеченным возражением

Подводя затем итоги суждениям членов Совещания, председатель контролировал[19], что, по-видимому, Совещание склоняется к мысли о рассмотрении в первую очередь проекта К. Н. Соколова, как приуроченного к условиям настоящего момента, а затем, притом тоже без замедления, проекта Национального Центра. Наиболее целесообразным было бы возложить предварительное обсуждение обоих проектов, для последующего доклада Совещанию, на В. Н. Челищева. При этом в комиссию, которая будет образована для этой цели, следовало бы ввести некоторых членов Национального Центра.

Соглашаясь с предложением председателя, Совещание признало желательным, чтобы в комиссии приняли участие Н. И. Астров, К. Н. Соколов, В. А. Степанов, кн. Г. Н. Трубецкой и Э. П. Шуберский.

По предложению председателя Совещание постановило избрать в члены Национального Центра В. Ф. Зеелера[20].

Заседание было закрыто в 6 час. вечера.

Председатель Секретарь Б. Малютин

ГА РФ, ф. 5913, оп 1, д 262, л 6-9

ЖУРНАЛ ЗАСЕДАНИЙ №2

Екатеринодар 10(23) **декабря 1918 года**

Присутствовали. Кн. Долгоруков, Н. Н. Львов[21], Г. М. Мейнгардт, А. А. Маратов, С. Д. Сазонов[22], К. Н. Соколов, М. М. Федоров, А. А. Червен-Водали и приглашенный на заседание К. И. Зайцев[23].

По открытии заседания в 7 час. 40 мин. вечера А. А. Червен-Водали был прочитан проект декларации и программы по продовольственному вопросу[24].

Поясняя оглашенный проект, председатель ***М. М. Федоров*** высказал, что его следовало бы уточнить[25] и пополнить указанием на закупочные торговые товарищества, о которых почти не говорится. Эти закупочные товарищества, к участию в коих должен быть широко привлечен торговый аппарат, будут пользоваться правом приобретения приходящих из-за границы на адрес Добровольческой армии товаров, для чего их, может быть, придется снабдить и кредитом из государственных средств. Что касается их роли внутри страны, то здесь они выступят на равных правах с частными предпринимателями, так как все ограничения с частной торговли должны быть сняты; но ввиду полного расстройства транспорта придется им предоставить первую очередь в погрузке, благодаря чему для них фактически создается монополия. Таким образом, проектируемый порядок, в основу которого кладется отмена твердых цен и монополий, явится переходом от системы регулировки к режиму свободной торговли.

К. И. Зайцев заметил, что записка правильно указывает на крушение идеи государственной регламентации; надо добавить, что это получилось не в силу технических недочетов, а вследствие ее внутреннего порока. Твердые цены, вообще говоря, недопустимы, как таящие в себе зародыши и логически ведущие к социальной революции. Ввиду этого от регулировки и твердых цен надо безусловно отказаться. Что касается закупочных торговых товариществ, то создание их не должно служить препятствием к провозглашению свободной торговли, особенно потому, что последняя быстрее приспособится к острому положению, чем первые.

М. М. Федоров подчеркнул, что с чисто политической точки зрения создание торговых товариществ под руководством власти представляется весьма важным, так как власть должна не только отвоевывать территории, но и заботиться об их пропитании, устраняя при этом конкуренцию краевых новообразований. В этих целях важно иметь в своих руках надлежащий аппарат, но, разумеется, нельзя его устраивать так, как делалось при старом режиме и во время революции, т. е. с устранением торгового элемента, последний, в лице торговли и кооперации, должен быть, напротив, широко использован.

А. А. Червен-Водали полагал, что ближайшей задачей закупочных товариществ должно являться сосредоточение везде, где только возможно, больших запасов хлеба для прокормления голодающих частей России. Так, уже теперь можно было бы приступить к заготовке хлеба в Новороссийске, оборудование коего позволяет накопить до 6-7 миллионов пудов. Ранней весной хлеб этот мог быть бы отправлен морем, кругом Европы, в северные губернии. Кроме того, хотя волжский флот пострадал очень сильно от большевиков, важно использовать его по мере возможности для доставки хлеба из Сибири и приволжских губерний. На южные железные дороги, в виду их развала и перегруженности, рассчитывать не приходится. Само собой разумеется, что власть при этом не должна нести самостоятельных хозяйственных функций. Ее задача - лишь оказывать материальное организационное содействие торговым товариществам. Равным образом и распределение подвозимых припасов должно быть возложено не на государственный аппарат, а на органы местного самоуправления и кооперативы. Впрочем, последний вопрос является уже с технической стороны чисто ведомственным, и упоминать о нем сейчас незачем.

М. М. Федоров находил, что вырабатываемый план программы должен все же определять в общих чертах устройство продовольственных органов, особенно важно разрешить вопрос о центральном продовольственном учреждении. Принимая во внимание, что к делу будет широко привлечен торговый аппарат, следовало бы сосредоточить руководство и в Министерстве торговли, возложив его на одного из товарищей министра, снабженного особыми полномочиями.

А. А. Червен-Водали возбудил вопрос, не следует ли по соображениям политическим, допустить на некоторое время продажу той части хлеба, которая будет выдаваться по карточкам, по несколько пониженной, хотя бы и убыточной цене. Система эта и сейчас

применяется в Советской России, где пайковый хлеб продается по 60 коп. фунт, между тем как вольная его цена много выше. Точно также в Риге пайковый хлеб стоил 42 коп. фунт, причем, однако, всякий мог купить недостающее ему количество по вольной цене 1 руб. 20 коп. Вызываемый этой мерой убыток с излишком покрылся бы теми сбережениями, которые даст полное упразднение ныне существующего и стоящего огромных денег продовольственного аппарата.

Ссылаясь на затронутый А. А. Червен-Водали вопрос о морской перевозке хлеба, ***А. А. Нератов*** выразил сомнение в возможности найти необходимый для этого тоннаж.

М. М. Федоров высказал предположение, что задача пропитания севера России разрешится, вероятно, путем ввоза американского хлеба. Здешние же запасы, равно как сибирские и волжские, будут использованы для удовлетворения потребностей Москвы и прилегающего района. Хлеб с Кубани может быть вывозим, между прочим, и на тех союзных судах, которые будут подвозить сюда товары.

Кн. П. Д. Долгоруков заметил, что, по словам кубанских мукомолов, местные излишки хлеба совсем не так значительны, как полагают.

К. И. Зайцев указал, что точных данных об урожае хлеба у нас теперь вовсе нет. Только практический приступ к заготовке может пролить некоторый свет на положение дела.

Н. Н. Львов полагал, что главная опасность для будущего состоит в сокращении посевной площади. По имеющимся сведениям, посев озимых на Кубани составляет лишь $^1/_2$ обычного количества.

А. А. Червен-Водали полагал, что должно быть обращено самое серьезное внимание на снабжение посевным зерном тех местностей, где его не хватает, и вообще все дело продовольственной организации при командовании Добровольческой армии должно быть двинуто как можно быстрее, так как через 1-2 месяца может быть уже нельзя будет удовлетворительно разрешить вопрос, несмотря на то, что по существу дела, в России еще вполне достаточно хлеба, чтобы свободная торговля могла ее прокормить.

Резюмируя высказанные суждения, ***М. М. Федоров*** полагал, что следует несколько пополнить и уточнить заслушанный Совещанием проект продовольственной программы. Прежде всего, следует указать на состав и значение закупочных торговых товариществ, подчеркнув, что они пользуются монопольным правом получения из-за границы товаров и преимущественным правом на очередь при железнодорожных перевозках. Наряду с этим, можно еще определеннее указать, что отменяются твердые цены, и вообще снимаются постепенно все ограничения, препятствующие свободной торговле. Общее руководство делом должно быть возложено на товарища министра торговли с правами министра.

Далее, согласно справедливому замечанию А. А. Червен-Водали, следует оговорить, что на севере, может быть, придется временно допустить продажу хлеба по цене ниже заготовленной. Наконец, должна быть отмечена необходимость заготовки посевного материала.

Соглашаясь с соображениями председателя, Совещание постановило просить К. И. Зайцева переработать в указанном смысле проект продовольственной программы.

Заседание было закрыто в 10 $^1/_2$ час. вечера.

Председатель Секретарь Б. Малютин. С подлинным верно: В. Челноков.

ГА РФ, ф. 5913, оп 1, д. 262, л 10-13.

ЖУРНАЛ ЗАСЕДАНИЙ № 3

Екатеринодар, 12(25) **декабря 1918 года**

Присутствовали: кн. П. Д. Долгоруков, Н. Н. Львов, Г. А. Мейнгардт, К. Н. Соколов, М. М. Федоров, В. Н. Челищев, А. А. Червен-Водали, Э. П. Шуберский и приглашенный на заседание К. И. Зайцев.

Открыв заседание в 7 час. 45 мин. вечера, председатель ***М. М. Федоров*** огласил проект разработанной в Москве железнодорожной программы[26], добавив, что за отъездом из Москвы главных работников не удалось закончить специальную, техническую часть программы.

Кн. П. Д. Долгоруков заметил, что осуществление всего намеченного в программе по-

требует десятилетий. Поэтому следовало бы дополнить программу платформой, т. е. планом деятельности на ближайшее время.

М. М. Федоров пояснил, что мысль кн. П. Д. Долгорукова заслуживает полного внимания, и план ближайшей деятельности должен быть разработан Министерством путей сообщения, но этим не исключается необходимость в общей декларации правительства по транспорту, свидетельствующей о широком взгляде власти на предстоящие ей задачи.

Э. П. Шуберский высказал, что он в общем согласен с проектом программы и готов был бы ее подписать. Однако некоторые ее частности требуют исправления.

Что касается критической части записки, то представляется не вполне справедливым указание на бездействие ведомства путей сообщения в отношении железнодорожного строительства и обновления подвижного состава. Действительно, в течение пятилетия 1907-1912 гг. в строительстве наступил перерыв вследствие финансовых затруднений, вызванных японской войной, но уже в 1913 году последовало разрешение на постройку до 10 тыс. верст новых линий. Более обширная программа была невозможна за отсутствием средств. Французский денежный рынок давал не более полумиллиарда.

Что касается подвижного состава, то в этом отношении значительная доля вины падает на Государственную думу, неоднократно отклонявшую представления ведомства о кредитах.

Далее, записка несколько преувеличивает дефекты ведомства и в отношении вопроса о служащих. В действительности, железнодорожные служащие никогда не были переобременены работой, так как уже давно на всех больших линиях были введены занятия в 3 смены. В тяжелом положении находились лишь чины товарных контор, которым нередко приходилось работать с 6 час. утра до 9 час. вечера.

Напротив, указание на неумелый подбор высшего персонала, нередко зависевший от соображений политического свойства, не только вполне справедливо, но и могло бы быть даже особо подчеркнуто.

В связи с вопросом о личном составе уместно затронуть и вопрос о децентрализации управления. Сосредоточение власти в твердых руках для приведения в повиновение развращенной событиями армии железнодорожников безусловно необходимо, но нисколько не устраняет желательности децентрализации в смысле самого управления. В прежнее время самые мелкие и ничтожные дела не могли быть разрешены без рассмотрения в центре; понятно, что такой порядок крайне вреден для дела. Необходима передача всех таких дел, в частности, второстепенных назначений, начальникам дорог. Кроме того, подлежит разработке вопрос о создании окружных управлений.

Желательно, далее, определенно указать в записке на упразднение выборного начала, принесшего столько вреда делу.

Необходимо также пересмотреть и упростить порядок делопроизводства по коммерческой части, в настоящее время необычайно сложный. Работа эта уже производится.

Что касается рабочего вопроса, то при решении его надо исходить из того, что на железных дорогах, ввиду их общегосударственного значения, нет противоположения интересов рабочего класса и капитала, и что борьба рабочих организаций с предприятием, т. е. с государством в данном случае, недопустима. Поэтому при образовании профессиональных союзов должно быть ясно оговорено, что стачки и забастовки наказуются.

С другой стороны, однако, необходима самая деятельная забота о материальном положении низших служащих, в особенности об их продовольствии и условиях труда.

Вопрос о дальнейшем железнодорожном строительстве стоит в тесной зависимости от ремонта подвижного состава. Дело в том, что по имеющимся данным, из общего числа 21 000 паровозов не менее 13 000 больных, из них 11 000 требуют капитального ремонта. Между тем, производительность наших ремонтных мастерских не превышает 3500 паровозов в год. Таким образом, понадобилось бы не менее 3-х лет на приведение в порядок парка, а до этого момента приступить к сооружению новых линий будет нельзя, т. к. и существующие уже страдают от недостатка подвижного состава. Некоторое смягчение кризиса может быть достигнуто путем расширения деятельности ремонтных мастерских и приспособления для ремонта заводов. Но и эта мера требует значительного времени. Точно так же нельзя рассчитывать на получение большого количества паровозов из-за границы.

Ввиду всего сказанного лучше не давать в отношении строительства широких обещаний, а ограничиться разработкой общего его плана с одновременным изменением концессионных порядков, ныне очень неудобных.

Что касается водных путей, то здесь, наоборот, возможна более обширная деятельность уже в ближайшем времени, т. к. главные материалы для всякого рода водных сооружений -

камень и цемент - имеются в достаточном количестве. По поручению Э. П. Шуберского инженер Юркевич[27] уже занят более тщательной разработкой этого вопроса.

М. М. Федоров заметил, что в программе следовало бы подчеркнуть тесную связь между речными путями и морскими.

А. А. Червен-Водали возбудил вопрос, не представлялось бы целесообразным, в особенности в целях сокращения огромного железнодорожного дефицита, достигшего, по-видимому, цифры в 9 миллиардов, объединение управления казенными и частными линиями.

Э. П. Шуберский разъяснил, что в сущности и в настоящее время управление является более или менее единым, т. к. ведомство путей сообщения не только утверждает высшие назначения на частные линии, но и располагает многими средствами для воздействия на направление деятельности частных обществ. В смысле хозяйственном последние вовсе не стоят выше казны, скорее наоборот; казна охотнее идет на разные нововведения.

Сокращение дефицита может быть вернее достигнуто путем уменьшения непомерных окладов и увольнения лишних служащих. Выдвигается еще одна радикальная мера, именно передача некоторых линий в концессионное пользование американцам с обязательством произвести на них необходимые улучшения. Но эта мера представляется очень рискованной, хотя, может быть, на нее и придется пойти под давлением союзников; но в таком случае следовало бы выговорить для России максимум выгод в смысле ликвидации наших финансовых обязательств или поставки материалов.

М. М. Федоров находил, что устранение железнодорожного дефицита последует в порядке общегосударственного разрешения нашего финансового кризиса. Другими словами, это будет зависеть от урегулирования валютного вопроса, улучшения продовольственного дела и сокращения в связи с этим прожиточных норм и окладов и, наконец, - от повышения производительности труда. В чисто техническом смысле уменьшение расходов может быть достигнуто путем упрощения в деле оборудования железных дорог при их постройке и более целесообразных условий эксплуатации.

Далее, М. М. Федоров указал на желательность постройки подъездных путей и шоссейных дорог.

Э. П. Шуберский заметил, что подъездные пути могут оказаться бесполезными, если обслуживаемые ими магистрали загружены. Вопрос о шоссейных дорогах заслуживает внимательного рассмотрения и разработки. Представлялось бы целесообразным передать сооружение и эксплуатацию шоссе земствам с тем, однако, что общий план строительства будет создаваться центром, а именно - особым шоссейным съездом и постоянным бюро при нем.

А. А. *Червен-Водали* осведомился, не представляется ли возможным несколько ускорить ремонт паровозов путем приспособления предприятий, работавших на оборону, и улучшения самого способа ремонта.

Э. П. Шуберский заметил, что некоторой разгрузки ремонтных мастерских можно добиться посредством приспособления предприятий, работавших на оборону, к выделке запасных частей. В смысле улучшения способа ремонта имеется мысль о приглашении иностранных специалистов для обслуживания одной из мастерских; такая мастерская имела бы учебно-показательное значение.

Обращаясь к вопросу о водных путях, Э. П. Шуберский заметил, что развитие водных перевозок тормозилось у нас тарифной системой, дававшей железным дорогам легкую возможность подавлять конкуренцию водных путей.

Необходимо поэтому внести в это дело большую равномерность, быть может, правильнее затронуть этот вопрос в общей финансовой программе.

А. А. *Червен-Водали* полагал, что ввиду той важности, которую в настоящих условиях приобретает развитие водных путей, следовало бы сосредоточить заведование ими в руках одного из товарищей министра.

Г. А. Мейтардт предложил иллюстрировать программу яркими цифровыми данными, характеризующими тяжелое положение железнодорожного дела.

Подводя итоги прениям, М. М. Федоров указал, что проект программы в общем одобряется Совещанием, но требует некоторой переработки с принятием во внимание сделанных в заседании замечаний.

В частности необходимо:

1. несколько смягчить, согласно замечаниям Э. П. Шуберского, критическую часть;

2. внести указание на желательность децентрализации управления при сохранении общего твердого руководства в центре;

3. развить рабочий вопрос в смысле указаний Э. П. Шуберского;

4. коснуться технической стороны железнодорожного дела с точки зрения пересмотра строительных и эксплуатационных требований;

5. сохранить указание на общий план строительства, но сделать это осторожно ввиду трудности расчета на его быстрое осуществление;

6. пополнить программу данными, наглядно характеризующими тяжелое положение железнодорожного дела;

7. пополнить программу шоссейным строительством, указав на передачу его земствам, при сохранении общего руководства за центром:

8. развить и дополнить раздел о водных путях.

Разделяя заключение председателя, Совещание постановило просить Э. П. Шуберского взять на себя переработку программы в указанном смысле.

По предложению председателя Совещание постановило привлечь в состав Национального Центра С. В. Гоппера.

Председатель М. М. Федоров сообщил Совещанию, что в Особом Совещании возбужден вопрос о необходимости правильно и широко поставить при Добровольческой армии дело агитации и осведомления. Разработка вопроса возложена на комиссию под председательством М. М. Федорова, который пользуется настоящим заседанием, чтобы просить членов Центра помочь делу. В частности, желательно участие С. В. Гоппера, кн. Долгорукова П. Д., Н. Н. Львова, К. Н. Соколова и Э. П. Шуберского. Далее М. М. Федоров в кратких чертах ознакомил Совещание со своими соображениями о задачах комиссии.

По обмене замечаниями по возбужденному вопросу, Совещание признало мысль об энергичной пропаганде идей Добровольческой армии заслуживающей полного внимания и поддержки.

Вслед затем Совещание перешло к заслушанию переработанной К. И. Зайцевым по поручению Совещания продовольственной программы.

М. М. Федоров заметил, что К. И. Зайцевым чрезвычайно обстоятельно и подробно освещен вопрос о постановке деятельности закупочных торговых товариществ, хотя с отдельными его положениями и нельзя согласиться. Дело, однако, не в этих разногласиях, а в том, что труд К. И. Зайцева вряд ли можно признать соответствующим заданию. В сущности, первоначальный проект был одобрен Совещанием, и требовалось лишь несколько уточнить и пополнить его указанием на роль закупочных товариществ; но более подробная разработка их организации должна была бы составить предмет отдельного частного проекта.

По дальнейшем обмене взглядов Совещание признало желательной новую переработку программы в смысле указаний М. М. Федорова.

Заседание было закрыто в $10^1/_2$ часов вечера.

Председатель Секретарь Б.
Малютин Верно В. Челноков

ГА РФ, ф, 5913, оп. 1, д. 262, л. 14-17.

ЖУРНАЛ ЗАСЕДАНИЙ № 4

Екатеринодар, 16(29) декабря 1918 года

Присутствовали: кн. П. Д. Долгоруков, Г. А. Мейнгардт, К. Н. Соколов, М. М. Федоров, В. Н. Челишев и А. А. Червен-Водали.

Заседание было открыто в $8^1/_2$ час. вечера.

В. Н. Челищев огласил разработанную в Москве программу правительственной деятельности по Министерству юстиции[28]. Со своей стороны, В. Н. Челищев находил возможным и желательным изменить ее в двух отношениях. Во-первых, при восстановлении мирового суда вполне возможно сохранить должности за теми судьями, которые уже были утверждены Сенатом; такова была и практика Добровольческой армии в занятых ею местностях, давшая вполне удовлетворительные результаты. К назначению придется прибегать в тех случаях, когда выборы судей вовсе не состоялись или состоялись с нарушением закона.

Точно также представляется возможным, как показал опыт Кубанской области, составлять списки присяжных заседаний не по прежнему закону, как намечалось в программе, а по новому, введенному Временным правительством в октябре 1917 года.

Кн. П. Д. Долгоруков осведомился, как будет поступлено с мировым судом, уже налаженным в Крыму, на Дону и на Украине.

В. Н. Челищев разъяснил, что эти суды должны будут быть сохранены, с тем что вопрос о них будет разрешен впоследствии в общегосударственном порядке.

А. А. *Червен-Водали* возбудил вопрос о том, на ком будет лежать проверка выборных производств.

В. Н. Челищев указал, что по этому предмету существуют два предложения. Одно сводится к воссозданию Сената на освобожденной территории. Мысль эта соответствовала бы формуле, вынесенной самим Сенатом при уничтожении его большевиками и гласившей, что разогнанный силой сенат сохраняет потенциально свои функции. Вряд ли, однако, эта мысль осуществима; если удастся собрать достаточное количество сенаторов, то во всяком случае, нельзя будет разыскать выборные производства.

Ввиду этого заслуживает предпочтения, как более практичная, схема, указанная В. Н. Челищевым в начале заседания, т. е. сохранение утвержденных Сенатом судей и назначение их в прочих случаях.

А. А. *Червен-Водали* заметил, что следовало бы в тех случаях, когда выборы судьи, хотя не утверждены еще Сенатом, но удовлетворяют требованиям закона, санкционировать эти выборы назначением тех же лиц.

В. Н. Челищев указал, что такой способ замещения вакансий, разумеется, не может встретить возражений.

К. Н. Соколов осведомился, могут ли быть приняты какие-нибудь меры в отношении сенаторов, назначенных после революции и скомпрометировавших себя своим политическим поведением, а также можно ли вернуть в Сенат лиц, неправильно уволенных Керенским[29].

Г. А. Мейтардт полагал, что против недостойных высокого звания сенатора лиц может быть возбуждено дисциплинарное производство.

В. Н. Челищев добавил, что возвращение прежних сенаторов может быть достигнуто путем применения предоставленного Сенату права самовосполнения. Что касается запятнавших себя предосудительным поведением в период большевизма судейских чинов, то вопрос об их удалении разрешен был на Кубани путем оценки их общими собраниями служащих судов; этот порядок придется применить и в прочих местностях.

После дальнейшего краткого обмена мнени[ями]. Совещание одобрило программу с поправками к ней, предложенными В. Н. Челищевым.

Совещанием был затем заслушан и принят проект положения об Особом Совещании при верховном Командовании Добровольческой Армии[30].

Председатель ***ММ. Федоров*** сделал Совещанию сообщение о возникающем при Добровольческой армии отделе пропаганды. Комиссия, разрабатывающая план деятельности отдела, остановилась, между прочим, на мысли о привлечении к трудам по распространению идей армии местных торгово-промышленных кругов, учительского союза, кооперативов и других общественных объединений. Было бы желательно, чтобы члены Центра оказали содействие к установлению связи с указанными группами.

Совещание, относясь сочувственно к мысли М. М. Федорова, постановило просить кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. В. Панину взять на себя указанную задачу.

По предложению М. М. Федорова Совещание постановило принять в члены Национального Центра А. В. Десятова.

Заседание было закрыто в 10 час. вечера.

Председатель Секретарь Б. Малютин С
подлинным сверил Б. Малютин

ГА РФ, ф. 5913, оп. 1, д. 262, л 18-19.

(Окончание следует)

Примечания

[1] Астров Н. И. (1868-1934) - член ЦК кадетов с октября 1911 г. В ноябре 1918 г. ему был предложен пост управляющего отделом внутренних дел в Особом совещании при генерале А. И. Деникине, однако он отказался; принимал участие в работе Особого совещания в качестве его члена "без портфеля". Возглавлял комиссию местного самоуправления при Особом совещании.

[2] Долгоруков Пав. Д. (1866-1927) - князь, постоянный член ЦК кадетов с I съезда, ряд лет был председателем партии. В 1918 г. руководил в Москве работой организационного бюро ЦК. Товарищ председателя ВНЦ.

[3] Мейнгардт Г. А. — кадет, председатель комиссии по расследованию злодеяний большевиков.

[4] Нератов А. А. (1863-1928) - и. об. начальника управления иностранных дел Особого совещания. Входил в Совет государственного объединения России.

[5] Панина С. В. (1871-1957) - графиня, член ЦК кадетов с апреля 1917 г. Была избрана в комиссию пропаганды при ВНЦ.

[6] Степанов В. А. (1873-1920) - горный инженер, член ЦК кадетов с VIII съезда. Товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства. С целью координации деятельности входил одновременно в состав Правого центра и Союза возрождения России. Занимал в Особом совещании пост государственного контролера.

[7] Трубецкой Г. Н. (1873-1930) - князь, бывший российский посол в Сербии, член Совета государственного объединения России, позже, летом 1919 г., был назначен начальником управления исповеданий Особого совещания.

[8] Федоров М. М. (1855-1948) - предприниматель, кадет. Вошел в Правый центр в качестве представителя Торгово-промышленного комитета. Председатель правления ВНЦ. Член Особого совещания "без портфеля".

[9] Челищев В. Н. (1870-1952) - бывший председатель Московской судебной палаты, кадет. Начальник управления юстиции Особого совещания. Возглавлял созданную совещанием комиссию по разработке аграрного проекта, входил также в комиссию по формированию гражданской власти при Особом совещании

[10] Червен-Водали А. А. (? — 1920) — нотариус, кадет. После октября 1917 г. принял деятельное участие в Торгово-промышленном комитете Москвы и в Совете общественных деятелей. Член Правого центра, однако, несогласный с его германской ориентацией, вышел из состава центра и был одним из основателей ВНЦ. В Екатеринодаре участвовал в составлении проектов гражданского устройства местностей, находящихся под контролем Добровольческой армии. В 1919 г. выехал, по поручению ВНЦ, в Омск, где активно содействовал работе Восточного отдела партии; был введен в состав колчаковского Совета министров

[11] Шуберский Э. П. - финансист, беспартийный. Начальник управления путей сообщения Особого совещания.

[12] В проекте, состоявшем из 10 разделов, зафиксированы основные положения об унитарном устройстве России; структуре представительной, исполнительной и судебной власти; о правах и обязанностях российских граждан; аграрном вопросе, принципах внешней политики и т. п. На данном заседании обсуждались основы государственного устройства, суть которых в проекте сводилась к следующему: "государство Российское едино и нераздельно"; "все народности... имеют право охранять и развивать свою национальную культурную жизнь"; "русский язык есть общегосударственный"; "верховная власть... принадлежит Правителю", который "осуществляет законодательную власть при участии Совета Министров", ему также принадлежит "власть управления" (Полный текст проекта см.: ГА РФ, ф. 6088, оп. 1, д. 11, л. 64-85).

[13] Особое совещание при Главнокомандующем Добровольческой армии - совещательный орган, созданный для "содействия в делах законодательных и административных" (Архив русской революции. Т. IV Берлин, 1922. С. 245). Первоначальное положение об Особом совещании было составлено по наброску В. В. Шульгина и утверждено генералом М. В. Алексеевым 18 августа 1918 г. Совещание возглавлял генерал А. М. Драгомиров (помощник Главнокомандующего по политической части), а после его ухода - генерал А. С. Лукомский. Совещание начало свою работу 28 сентября 1918 г., упразднено - 16 декабря 1919г.

[14] Соколов К. Н. (1883-1927) - профессор, юрист, член ЦК кадетов с 1917 г Осенью 1918 г. кооптирован в Правление ВНЦ. С января 1919 г. - управляющий отделом законов при Особом совещании, позднее возглавил Осваг. Основал в Екатеринодаре (в ноябре 1918 г.) кадетскую газету "Свободная Речь". До января 1919 г. читал курс государственного права в Северо-Кавказском политехническом институте.

[15] Возможно имеется в виду та концепция "демократической диктатуры", которую К. Н. Соколов изложил в разработанном им проекте "Временного положения об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией". По мысли Соколова, вся полнота власти в этих областях должна принадлежать Верховому главнокомандующему, но одновременно подтверждалась незыблемость гражданских свобод. В целом предполагалось сохранить в силе законодательство Временного правительства, за исключением того, что будет отменено или изменено новой властью. После обсуждения с генералом Деникиным 21 сентября 1918г. Положение было в общих чертах одобрено.

[16] Статьи 36-47 проекта фиксируют права и обязанности российских граждан.

[17] Ясская конференция, проходившая 1(14) - 10(23) ноября 1918 г., была созвана с целью обсуждения вопроса о возможной помощи союзников антибольшевистским силам России В ней, наряду с представителями ВНЦ, принимали участие посланцы Совета государственного объединения России, Союза возрождения России, а также представители союзных держав: Франции, Англии, Америки, Италии.

[18] Савич Н, В. (1869-1942) - октябрист, член бюро Совета государственного объединения России; член Особого совещания "без портфеля".

[19] Так в тексте.

[20] Зеелер В. Ф. (1874-1954) - присяжный поверенный, председатель Донского отдела кадетской партии, преобразованного в годы Гражданской войны в Донской краевой кадетский комитет.

[21] Львов Н. Н. (1867-1944) - юрист, на I и II съездах кадетов избирался в состав ЦК, позднее вышел из партии из-за несогласия с ее аграрной программой. Редактор выходившей в Екатеринодаре газеты "Великая Россия".

[22] Сазонов С. Д. (1860-1927) - бывший министр иностранных дел царского правительства (1910-1916 гг.). В ноябре 1918 г. был назначен председателем Совета по делам внешней политики при управлении иностранных дел Особого совещания. В середине декабря 1918 г. выехал в Париж для участия в мирной конференции в качестве "общего представителя государства Российского". В Париже вошел в состав Русского Политического совещания. В начале января 1919 г. адмирал А. В. Колчак назначил его министром иностранных дел Омского правительства.

[23] Зайцев К. И. (1887-1975) - экономист, юрист, богослов. Ученик П. Б. Струве. Эмигрировал в 1920 г.

[24] Согласно программе по продовольственному вопросу правительство должно было отменить продовольственные комитеты; создать в стране хлебные запасы, привлекая к этому частных торговцев и кооператоров, которым предоставлялась возможность покупать хлеб по вольной цене (Полный текст программы см.: ГА РФ, ф. 6088, оп. 1, д. 11, л. 73-74).

[25] Так в тексте.

[26] В проекте подчеркивалась мысль, что руководство железными дорогами "должно быть вверено исключительно лицам, обладающим надлежащей подготовкой и опытом". При этом "всякое вмешательство низших служащих и рабочих в это дело будет устранено". Предполагалось организовать систему административного управления, с одной стороны, "на принципах широкой децентрализации, обеспечивающей проявление инициативы, а с другой - "на принципах строгой согласованности в решениях, принимаемых по вопросам, имеющим государственное значение" (Полный текст проекта см.: ГА РФ, ф. 6088, оп. 1, д. 11, л. 101-105).

[27] Юркевич В. И. (1885-1964) - инженер-кораблестроитель, штабс-капитан.

[28] В проекте указывалось на необходимость немедленной отмены всех постановлений, принятых судебными органами после 25 октября 1917 г., а также упразднение созданных в этот период судебных учреждений. Предполагалось восстановить независимый суд, принцип несменяемости судей (Полный текст проекта см.: ГА РФ, ф. 6088, оп. 1, д. 11, л. 71-72).

[29] Керенский А. Ф. (1881-1970) - адвокат, эсер с марта 1917 г. Во Временном правительстве занимал пост министра юстиции (март-май 1917 г.), военного и морского министра (май—сентябрь 1917 г.), министра-председателя (с 8 июля 1917 г.).

[30] Образованная в ноябре 1918 г. так называемая юридическая комиссия (первоначально в ее состав входили Н. И. Астров, К. Н. Соколов, В. А Степанов) пересмотрела Положение об Особом совещании от 18 августа 1918 г. В новом проекте специально оговаривались совещательные функции этого органа "в области законодательства и Верховного Управления". В компетенцию совещания включалось обсуждение 1) законодательных предположений; 2) правительственных мероприятий общегосударственного значения; 3) назначения на высшие гражданские должности центрального и местного управления. Постановления Особого совещания должны были представляться на утверждение Главнокомандующему (см.: Архив русской революции. Т. VI. С. 256). 25 января 1919 г. проект был одобрен Особым совещанием и 2 февраля 1919 г. утвержден генералом Деникиным По его словам, в основу Положения 2 февраля 1919 г. легло "в известной степени, совмещение круга деятельности Совета Министров и старого Государственного Совета" (Деникин А. И Очерки русской смуты. Т. IV. Берлин, 1925. С. 203).

© 1997 г. И. В. БЕЗБОРОДОВА*

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ В СССР:

из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР в послевоенный период (1945-1953 гг.)

Многие годы наше знание о судьбах людей, попавших в плен во время Второй мировой войны, ограничивалось представлением об ужасах фашистских концлагерей. А что произошло с теми, кто оказался в плену или был мобилизован на работы нашими войсками? Большая часть архивных документов, которые могли бы дать ответ на эти вопросы, оставалась закрыта для изучения. На грифах этих документов значилось "Совершенно секретно". Только последние несколько лет частично эти документы стали рассекречиваться. Это обстоятельство активизировало научную разработку этих сюжетов.

Одной из первых тем, получивших новое освещение, стала катынская трагедия и судьба польских военнопленных и интернированных в лагерях НКВД[1]. Появились исследования о численности, правовом статусе военнопленных в СССР[2]. Пополнилась тема и публикациями документов[3]. Отдельно разрабатываются вопросы пребывания в плену военнослужащих японской армии[4]. Ставятся новые проблемы, привлекаются документы региональных архивов[5]. Новые архивные источники вызвали интерес у зарубежных исследователей[6].

История военного плена периода Второй мировой войны стала предметом обсуждения на международных конференциях[7], получила резонанс в публицистике[8].

Тем не менее, до сих пор далеко не все аспекты этой проблемы являются достаточно изученными. Мало знают историки о деятельности учреждения, которое непосредственно отвечало за прием, содержание, медицинское обеспечение, трудовое использование иностранных военнопленных и интернированных в советских лагерях, госпиталях и рабочих батальонах. Это учреждение при своем создании получило название Управление по делам о военнопленных и интернированных НКВД СССР (затем - Главное Управление...; (далее - ГУПВИ). Так сложилось, что словосочетание "лагеря НКВД" у большинства людей ассоциируются с ГУЛагом, который благодаря, в первую очередь, работам А. И. Солженицына, стал символом сталинской эпохи. Однако мало кто знает, что у ГУЛага был родной брат - ГУПВИ - особо секретное учреждение, документы которого до недавнего времени оставались недоступны специалистам.

Управление по делам о военнопленных и интернированных создано по приказу НКВД СССР от 19 сентября 1939 г. в составе Народного комиссариата внутренних дел[9]. Образование его можно объяснить появлением первых военнопленных и интернированных: польских солдат, офицеров и гражданских лиц, захваченных Красной Армией осенью 1939 г. после подписания Молотовым и Риббентропом пакта о ненападении между СССР и Германией.

По положению о ГУПВИ НКВД СССР на него возлагалась организация приемных пунктов и лагерей, прием и эвакуация военнопленных, их содержание, трудовое использование, проведение с ними политической работы. С конца 1942 г. в его функции была включена и оперативно-разведывательная деятельность.

В истории ГУПВИ можно выделить военный и послевоенный периоды. Первый обусловлен задачами военного времени - обеспечивать прием, содержание и лечение военнопленных вражеских армий, что предусматривалось международными конвенциями о военнопленных (Советский Союз не ратифицировал Женевскую конвенцию 1929 г., но основные пункты утвержденного СНК СССР "Положения о военнопленных" не противоречили нормам международного права).

Послевоенный период диктовался политической волей советских партийных и государственных властей и, прежде всего И. В. Сталина, стремлением удержать иностранных военно-

* **Безбородова Ирина Владимировна,** главный специалист объединения "Мосгорархив".

пленных на территории СССР, прежде всего, в качестве рабочей силы. Кроме того, обмен военнопленными в условиях начала "холодной войны" стал одним из острых вопросов большой политики.

За годы войны ГУПВИ выросло в огромное ведомство. В феврале 1945 г. его начальником назначен М. И. Кривенко, занимавший до этого пост начальника Управления конвойных войск НКВД. Брат Б. З. Кобулова - ближайшего сподвижника Л. Н. Берии -А. З. Кобулов стал серым кардиналом ГУПВИ. Вырос и статус ведомства - оно было отнесено к оперативно-войсковым подразделениям НКВД СССР.

Тогда же в составе ГУПВИ было образовано самостоятельное управление по делам интернированных и мобилизованных. Функции заместителей начальника ГУПВИ распределились следующим образом: Н. Г. Ратушный встал во главе Управления по делам военнопленных, С. И. Шемен возглавил Управление по делам интернированных, а первый заместитель А. З. Кобулов стал по совместительству начальником Оперативного управления. При этой реорганизации в функции ГУПВИ впервые включены подготовка и осуществление обмена военнопленными и интернированными[10].

С окончанием войны задачи фронтовых органов ГУПВИ значительно возросли, так как капитуляция Германии повлекла массовую сдачу в плен солдат и офицеров германской армии. В течение одного месяца после капитуляции от частей Красной Армии было принято 1 340000 человек, из которых 885 тыс. - за первые десять дней[11].

После войны основная масса фронтовых лагерей военнопленных передислоцировалась на территорию СССР. За границей оставалось по одному лагерю, одному сборному пункту и одному спецгоспиталю в каждой группе советских войск. Через них шли оставшиеся потоки иностранных военнопленных.

В это же время ГУПВИ проводило работу на Востоке по приему военнопленных японцев. Постановление ГКО предусматривало вывоз 520 тыс. военнопленных из Маньчжурии на Дальний Восток, в Восточную Сибирь и другие районы СССР[12].

По мере прибытия военнопленных из фронтовых лагерей все острее вставали задачи увеличения количества тыловых лагерей, расширения их жилого фонда, организации питания и медицинского обслуживания военнопленных. До 15% военнопленных нуждались в госпитализации. В декабре 1945 г. смертность немецких военнопленных на территории СССР в лагерях и госпиталях составила 0, 82% от их общего количества. К июню 1946 г. этот показатель снизился в 6 раз[13]. Отчасти это объясняется репатриацией в 1945-1946 гг. более 1 млн. 150 тыс. нетрудоспособных немецких военнопленных и около 80 тыс. - японских. Но сказывались и меры, предпринимаемые ГУПВИ по улучшению условий содержания и лечения людей. Организация питания постоянно оставалась одной из самых трудных задач в работе Управления. В марте 1945 г. норму питания военнопленных советских лагерей значительно увеличили, а для перевыполняющих норму выработки ввели горячее блюдо[14]. Для всех, занятых на подземных работах в угольной и горно-рудной промышленности, были установлены специальные нормы питания, практически одинаковые с нормами отечественных рабочих в этих отраслях. Однако в декабре 1946 г. в связи с экономическим кризисом и продовольственными затруднениями в стране эти нормы и дополнительное питание были сняты.

Такая ситуация привела к повышению уровня заболеваемости и смертности военнопленных в начале 1947 г., что побудило руководство МВД 28 января 1947 г. ввести "чрезвычайное положение" в лагерях ГУПВИ. Основная болезнь среди военнопленных -алиментарная дистрофия, наибольший удельный вес заболеваний приходился на зимнее время года. Для японских военнопленных наиболее распространенным заболеванием был туберкулез. Часто дистрофия отягощалась сопутствующими заболеваниями - дизентерией, туберкулезом, воспалением легких. В июне 1946 г. в ведомстве ГУПВИ насчитывалось 166 госпиталей для военнопленных. Получил распространение метод дробного переливания крови, применялось витамино- и дрожжелечение, диетическое питание и др. Делались попытки выращивать овощи в подсобных хозяйствах лагерей, собирать ягоды, грибы, лечебные травы. На работу в госпитали и лазареты привлекались военнопленные с медицинским образованием. В феврале 1947 г. состоялось оперативное совещание работников ГУПВИ, посвященное тяжелому положению в лагерях[15]. О голоде и низких нормах питания не говорил никто, истинное положение с продовольствием в стране скрывалось. Основными мерами, которые могло предпринять Управление, был контроль за распределением продовольствия и улучшение медицинской помощи. Специальные комиссии ГУПВИ обследовали 142 лагеря. Для восстановления физического состояния и трудоспособности военно-

пленных их направляли в оздоровительные учреждения - специальные лагеря, команды, комнаты отдыха - где предусматривалось улучшенное питание и щадящий режим.

В марте 1947 г. М. С. Кривенко сняли с поста в связи с неудовлетворительным положением в лагерях. На его место назначили генерал-лейтенанта Т. Ф. Филиппова. Новый начальник сформулировал новую установку: "Пребывание военнопленных в Советском Союзе в настоящее время надо рассматривать не только со стороны политической, но и со стороны экономической"[16]. В мае 1947 г. в Германию отправили 113 тыс. нетрудоспособных военнопленных. Уже в апреле показатель смертности среди немецких военнопленных сократился в 2, 5 раза, среди японских - в 2 раза. "Чрезвычайное положение" было снято.

Вопросы сохранения здоровья военнопленных напрямую были связаны с организацией их трудоиспользования. Около 300 тыс. военнопленных было направлено на восстановление и строительство промышленных предприятий металлургии, машиностроения, химической промышленности, транспортного машиностроения, авиапромышленности на Урале, в Центральной России, на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Около 200 тыс. работало на шахтах Донбасса, Кузбасса, Караганды, Кизела, Подмосковного угольного бассейна, Урала. Порядка 250 тыс. было занято на строительстве железных дорог. Особенно много военнопленных, в основном японских, работало на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Более 150 тыс. человек строили железные дороги. Они работали на строительстве портов, электростанций, добыче руды для черной и цветной металлургии, на нефтепромыслах. Их силами восстанавливались Смоленск, Брянск, Петрозаводск, Курск, Воронеж, Псков, Севастополь, Сталинград и многие другие города. Работали они на заготовке леса, в совхозах и колхозах.

ГУПВИ постоянно приходилось бороться с руководителями промышленных министерств, директорами заводов, начальниками строек, руководителями партийных организаций, которые стремились выжать из военнопленных максимум возможного, затратив при этом минимальные средства и усилия. Часто рабочий день в нарушение "Положения о трудовом использовании военнопленных" длился 10-12 часов, военнопленных выводили на работы при 30-градусном морозе, отсутствии соответствующей одежды и обогревательных пунктов. Нарушались требования техники безопасности, что вело к повышенному травматизму, особенно на шахтах и рудниках. Это происходило отчасти из-за объективных организационных и материальных трудностей, но в значительной степени потому, что план производства или строительства необходимо было выполнить любой ценой. В не менее тяжелых условиях на ударных объектах "сталинских пятилеток" трудились советские рабочие и колхозники. Защищать жизнь и здоровье бывших врагов, хотя и пленных, было крайне сложно. В качестве главного аргумента ГУПВИ выдвигало требование физического сохранения военнопленных для обеспечения их лучшего трудоиспользования. Наиболее эффективная мера - снятие военнопленных с объектов, где не обеспечивались допустимые условия жизни и труда. В ответ от руководителей предприятий и партийных организаций шли жалобы в высокие инстанции. Некоторые сотрудники Управления, включая Т. Ф. Филиппова, пытались внести изменения в организацию использования труда военнопленных, считая ее неэффективной. Они предлагали заменить сдельную систему оплаты труда на повременную, ввести денежное поощрение, т. е. создать стимулы для работы. Однако это расценивалось как покушение на добровольно-принудительную систему "социалистического труда", отлаженно действующую не только в лагерях ГУПВИ и ГУЛага, но и по всей стране. Руководство МВД упор делало не на нормальную организацию труда, а на показную сторону отчетов о работе. Среди военнопленных силами политорганов было организовано социалистическое соревнование - "геннековское движение", названное в честь немецкого шахтера - передовика производства. Некоторые ударники труда достигали - не без помощи администрации и политорганов лагерей, тоже соревновавшихся между собой, -фантастических результатов. Например, румын Рудолеску, вдохновленный политбеседой о подписании мирного договора с Румынией, работая кузнецом, перевыполнил план на 1150%, а немцы Шуйман и Бакус на заводе Ростсельмаш выполняли план на 500%[17]. В целях поощрения ударной работы за июль - сентябрь 1947 г. досрочно репатриировали 1 тыс. передовиков производства.

ГУПВИ проводило работу по выявлению высококвалифицированных специалистов из числа военнопленных и интернированных. Собирались их рационализаторские предложения, технические изобретения в области военного дела, энергетики, метеорологии и других сферах. ГУПВИ устанавливало контакты с техническими комитетами министерств для получения конкретных заданий по наиболее актуальным научно-техническим проблемам. В лагерях организовывались технические бюро. Многие их разработки внедрялись в про-

изводство[18]. В 1946-1947 гг. на учете ГУПВИ находилось до 2 тыс. иностранных специалистов, от которых получено более 350 технических предложений. Были среди военнопленных и довольно крупные ученые, такие как доктор технических наук, специалист в области низких температур, моторов внутреннего сгорания и ракетных агрегатов Хейландт; доктор физических наук, руководитель Центрального института дециметровых и сантиметровых радиоламп в Германии Эрнст Бусс, доктор Христиан Манфред - крупный специалист по реактивным двигателям. Ряд специалистов такого уровня были освобождены из плена для работы в Советском Союзе.

С начала 1945 г. серьезным направлением деятельности ГУПВИ НКВД СССР стала работа с интернированными иностранными гражданами. В декабре 1944 г. по договоренности с союзниками на работы в СССР были направлены все трудоспособные немцы, находившиеся на освобожденной Красной Армией территории Румынии, Югославии, Венгрии. Болгарии и Чехословакии. Тогда же мобилизовали и интернировали всех годных к физическому труду мужчин-немцев в возрасте от 17 до 50 лет, находившихся в тылу 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов (Верхняя Силезия и Восточная Пруссия)[19].

На освобожденных Красной Армией территориях в действие вступал СМЕРШ - Главное управление контрразведки НКО СССР или "Смерть шпионам". Эта организация, во главе которой стоял В. С. Абакумов, арестовывала тысячи людей - женщин, стариков и даже детей - по подозрению в шпионаже, за членство в массовых организациях фашистского режима, за наличие родственников в немецкой армии и многое другое Безусловно, среди этих людей были и шпионы, и пособники фашистов, но задерживались и люди, ни в чем не повинные. Их судьба часто складывалась трагично. Участь интернированных частями Красной Армии была несколько лучше, но часто интернировались не только нетрудоспособные, но и нетранспортабельные: старики, дети, беременные женщины. Через некоторое время нетрудоспособных и больных репатриировали, но многие не дожили до этого момента.

Мобилизованных немцев направляли на работу на предприятия Наркомугля, Наркомчермета и Наркомцветмета.

Организация приема, размещение и трудовое использование интернированных возлагались на представителей предприятий, комиссии под председательством секретарей обкомов партии, в составе председателей облисполкомов, начальников УНКВД и представителей наркоматов. В тех областях, где комиссии не были созданы, этими вопросами занимались секретари обкомов совместно с представителями предприятий. Обеспечивали все виды довольствия и охрану наркоматы, в распоряжение которых поступали интернированные. НКВД обладал контрольными функциями. Как правило, мобилизованные использовались не по специальности, на низкооплачиваемых работах, не в полном объеме. В результате их заработная плата часто не покрывала стоимости содержания, и они доходили до нищенского состояния. Естественно, что при таких условиях количество ослабленных росло, а производительность труда падала. В 1945-1946 гг. 41 539 из 98211 зарегистрированных интернированных этнических немцев умерли или сбежали, 40 070 -репатриированы. Ожидаемого эффекта от использования труда мобилизованных не достигли, Управление по делам интернированных в конце января 1946 г. было расформировано[20].

В ведении ГУПВИ находились рабочие батальоны не только интернированных, но и военнопленных - "особые рабочие батальоны" (далее - ОРБ), используемые на строительных и хозяйственных работах Народного комиссариата обороны СССР. Весь личный состав содержался за счет НКО СССР и ему подчинялся, в ведении НКВД состояли только оперуполномоченные по обслуживанию ОРБ и оперативные переводчики. В ОРБ сложилась та же ситуация, что и в рабочих батальонах интернированных. ГУПВИ осуществляло только контрольные функции. Физическое состояние военнопленных в ОРБ было намного хуже, чем в лагерях. Смертность среди военнопленных в рабочих батальонах была выше, чем в лагерях, в 5 раз, количество побегов - в 7 раз. За 1946-1947 гг. ГУПВИ направило на имя начальника тыла МВД более 150 писем с просьбой устранить выявленные недостатки, но существенного улучшения положения военнопленных в ОРБ не произошло.

Одним из основных направлений работы ГУПВИ в послевоенный период стала организация репатриации военнопленных и интернированных. Массовая репатриация началась почти сразу после окончания войны. Первые партии освобождаемых военнопленных состояли из нетрудоспособных, малотрудоспособных и небольшого количества отличников-производственников для стимуляции производительности труда у оставшихся. В 1945 г. репатриировали независимо от физического состояния только военнопленных французов и румын.

С началом репатриации руководство НКВД выдвинуло задачу фильтрации военнопленных, выявления военных преступников, участников зверств, профашистски или антисоветски настроенных и других "представляющих оперативный интерес элементов".

Оперативное управление ГУПВИ во главе с А. З. Кобуловым агентурную работу поставило на широкую ногу. Доносительство было очень развито. Оперуправление подготовило ряд открытых судебных процессов над немецко-фашистскими преступниками в декабре 1945 - январе 1946 г. Процессы проходили в Смоленске, Брянске, Ленинграде, Николаеве, Минске, Киеве, Риге и Великих Луках. Осудили 84 человека, из них 18 генералов[21].

ГУПВИ НКВД СССР приняло участие в подготовке материалов для заседания Международного военного трибунала в Нюрнберге, которое проходило с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.

В 1946 г. создан Международный трибунал с участием представителей Советского Союза для проведения в Токио процесса над главными японскими военными преступниками. МИД СССР выслал в МВД перечень тем, по которым ставилась задача подбирать материалы для Токийского процесса. Подразделение А. З. Кобулова провело большую работу по выявлению архивных документов, газетных публикаций. Главный итог - уточнены списки обвиняемых и подготовлены свидетели для выступления на заседаниях трибунала. Свидетели давали показания сотрудникам ГУПВИ, но отказывались выступать в Токио по этическим соображениям и из боязни попасть в руки американцев. Все-таки трех свидетелей подготовили, но в самый последний момент уже в Токио главный из них -Кусаба - покончил жизнь самоубийством. Процесс продолжался больше двух лет, приговоры были весьма суровы: семь человек приговорили к смертной казни, 16 - к пожизненному заключению.

Как и в предыдущие годы Управление активно вело политическую и антифашистскую работу среди военнопленных. Однако почти сразу после окончания войны изменилось отношение к антифашистским организациям. Уже в сентябре 1945 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия обратился к И. В. Сталину с предложением ликвидировать ставшие ненужными Национальный комитет "Свободная Германия" и "Союз немецких офицеров". 30 октября 1945 г. было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) по этому вопросу. Это решение было предварительно согласовано с ЦК Компартии Германии и руководством Национального комитета.

Решения Крымской и Берлинской конференций трех держав, определившие статус побежденной Германии, в частности, расформирование ее вооруженных сил и ликвидацию военной промышленности, а также наказание военных преступников, вызвали большое разочарование у военнопленных офицеров и генералов немецкой армии, принимавших участие в антифашистском движении. Они рассчитывали занять руководящие посты в послевоенной Германии. НКВД сразу же среагировало на изменение международной обстановки. Уже 3 ноября 1945 г. был издан приказ за подписью Л. П. Берии о лишении права ношения знаков различия и отличия военнопленными германской армии, предоставленного им в июле 1941 г. [22] 2 ноября 1945 г. состоялось пленарное заседание Национального комитета "Свободная Германия" совместно с бюро "Союза немецких офицеров", на котором было принято решение о самороспуске. Более 6 тыс. членов этих организаций прекратили свою деятельность. В этот же период сократили многих сотрудников Института № 99 - Комиссии по работе с военнопленными при ЦК ВКП(б), - немецких политэмигрантов-коммунистов, таких как Вальтер Ульбрихт, Антон Аккерман, Эрих Вайнерт и др. В июле 1946 г. предпринималась попытка создать новую организацию военнопленных для ведения пропагандистской работы и формирования сторонников Социалистической единой партии Германии под руководством фельдмаршала Паулюса - так называемый "Демократический союз немецких военнопленных в Советском Союзе". Вопрос рассматривался в ЦП ВКП(б), однако предложения Паулюса не получили одобрения - эта идея так и не осуществилась[23].

В конце 1945 г. ЦК ВКП(б) принял решение об издании бюллетеня для немецких военнопленных "Нахрихтен". Руководство новым изданием на первых порах осуществлялось Главпу Вооруженных Сил СССР, готовила издание редакция, входящая в аппарат Института № 99. Это была советская газета, ориентированная на немецких военнопленных, на страницах которой освещались важнейшие события происходящие в Советском Союзе и в Германии, газета содержала международную информацию, сообщения корреспондентов из лагерей о работе и жизни военнопленных[24].

В послевоенные годы появились и новые, вполне гуманитарные направления исполь-

зования военнопленных. В июле 1946 г. посольство США в Москве обратилось в МИД СССР с просьбой разрешить получить от военнопленных немецких офицеров сведения о военных операциях бывшей германской армии, сражавшейся против американских войск на европейском театре военных действий. Организовать эту работу было поручено Оперативному управлению ГУПВИ. К написанию военно-исторических мемуаров первоначально привлекли генералов Шмидта, Рауха, Клатта, полковника Маурера и др. Воспоминания написали японские генералы и офицеры. В этой работе позднее участвовали фельдмаршал Паулюс и генерал Зайдлиц[25].

В это же время началась работа над фильмом "Битва за Сталинград" режиссера В. М Петрова по сценарию Н. Е. Вирта. Министр внутренних дел С. Н. Круглов разрешил привлечь для консультаций генералов фон Зайдлица и фон Ленски и адъютанта Паулюса полковника В. Адама.

Однако съемки в кино - не самый характерный пример из жизни военнопленных и не главная проблема оперативных органов в лагерях.

К 1947 г. произошел окончательный раскол Европы на сферы влияния. Одним из инструментов политической борьбы стал и вопрос о военнопленных. В апреле 1947 г. в Москве состоялась конференция министров иностранных дел США, СССР, Великобритании, на которой было принято решение о репатриации немецких военнопленных до 31 декабря 1948 г. Правительство СССР определило сроки пребывания в советских лагерях и рабочих батальонах оставшихся иностранных военнопленных и интернированных. На практике репатриация затянулась до 1950 г., а для осужденных за политические или военные преступления еще почти на десятилетие. Тем не менее, все эти годы репатриация военнопленных и интернированных велась постоянно и в крупных масштабах. Процессу репатриации придавалось особенно большое государственное значение в условиях политической поляризации и раздела мира на две враждебные системы. Политическая фильтрация при решении вопроса о репатриации являлась одной из важнейших задач оперативно-чекистских органов ГУПВИ.

В конце 40-х годов в связи с обострением международной обстановки и внутреннего положения деятельность Главного управления по делам военнопленных и интернированных активизировалась. В эти годы военные трибуналы рассмотрели тысячи уголовных дел на военнопленных солдат разных национальностей, которые за кражу, как правило, продуктов питания или вещей для обмена на продукты по новому указу правительства, принятому 4 июня 1947 г., приговаривались к срокам от 5 до 25 лет. Следует отметить, что еще больше от этого указа пострадали граждане СССР. Проходили судебные процессы над членами СС, СД и гестапо. Эта категория подсудимых получала обычно максимальные сроки заключения (25 лет), так как смертная казнь в СССР в 1947 г. была отменена.

В конце 1947 г. ГУПВИ подготовило и провело 9 открытых судебных процессов над бывшими военнослужащими вражеских армий в городах Бобруйске, Сталине, Севастополе, Чернигове, Полтаве, Витебске, Кишиневе, Новгороде и Гомеле. Перед судом предстало 143 человека, из них 23 генерала. Эти процессы вызвали шок у большой части военнопленных, так как к суду стали привлекаться армейские генералы и офицеры, находившиеся в плену уже по нескольку лет. Многие считали, что генералы, а тем более низшие чины выполняли приказы и за это нельзя судить. Некоторые генералы и офицеры покончили жизнь самоубийством. В июне 1949 г. министр внутренних дел издал специальное распоряжение о предотвращении случаев самоубийства военнопленных, изобличенных в совершении преступлений[26].

В это же время Оперативное управление ГУПВИ подготовило следственные дела на более 3 тыс. военнопленных для проведения закрытых судебных процессов. Подавляющее большинство пленных генералов осудили на большие сроки. В течение 1947-1950 гг. было осуждено более 30 тыс. только немецких военнопленных и интернированных[27].

Политическая заданность этих и последующих судебных процессов сказывалась как всегда на методах и решениях судебно-следственных органов сталинской формации. Основой процессов стал принцип, разработанный бывшим Генеральным прокурором А. Я. Вышинским, по которому следствие не ставило задачу доказательства конкретной вины обвиняемых, достаточным считалось "соучастие в преступной организации".

В декабре 1949 г. прошел открытый международный процесс в Хабаровске, рассмотревший дела по обвинению 12 японских военнопленных в причастности к работам по подготовке бактериологического оружия, в ходе которых проводились опыты над людьми и было умерщвлено не менее 3 тыс. человек.

Заслуживающих доверия с точки зрения оперативных органов НКВД СССР антифашистов репатриировали. Решение о репатриации или ее отсрочке зависело от поведения военнопленного в лагере, его отношения к Советскому Союзу и ГДР, его планов и ориентации после освобождения. Антифашистов, проявляющих недовольство решениями, принятыми в отношении Германии, задержкой репатриации и т. п., обвиняли в совершении зверств и злодеяний во время войны. Не избежал этой участи и бывший президент "Союза немецких офицеров", столь много сделавший для подрыва боеспособности фашистской армии, генерал-майор Вальтер фон Зайдлиц. Заочно приговоренный фашистами к смертной казни 8 июля 1950 г., он был осужден военным трибуналом СССР на 25 лет и помещен в Бутырскую тюрьму, а затем - в Новочеркасскую. Трагично сложилась судьба его жены и четырех дочерей, пострадавших во время войны от фашистов - как семья изменника родине, а после войны от властей ГДР - как семья военного преступника.

Судьба фельдмаршала Паулюса сложилась более благоприятно, его не осудили. Однако репатриация, намеченная на 1949 г., под разными предлогами постоянно откладывалась. Семью Паулюса в 1944 г. тоже арестовали фашисты, она содержалась в тюрьмах и концлагерях Жена умерла, так и не дождавшись его возвращения. Фельдмаршал заболел. Его лечили, содержали в хороших условиях, возили на экскурсии, разрешили переписку с друзьями по лагерю, уже вернувшимися на родину, но просьбу о возвращении в Германию во французскую зону отклонили.

Задачей политической работы ГУПВИ среди репатриируемых являлось "перевоспитание" военнопленных, пропаганда среди них идеалов социализма. Для выполнения этих задач использовались как политические, так и экономические методы. Партии военнопленных перед непосредственной репатриацией освобождались от работы, обеспечивались дополнительным питанием, одеждой. Венгры, румыны и австрийцы направлялись в специальные лагеря для улучшения материально-бытовых условий перед репатриацией "в связи с особым положением этих государств и их демократическими преобразованиями". Особо тщательно готовилась репатриация активистов антифашистских организаций. Для них организовали двухмесячные курсы, на которых читались лекции по истории СССР, истории Германии, вопросам международной политики, политэкономии и марксистско-ленинской философии. Их возили на экскурсии, в музеи, театры, показывали кинофильмы, обеспечивали книгами и газетами. Их прием в Берлине согласовывался с маршалом В. Д. Соколовским и Вальтером Ульбрихтом.

Однако перевоспитать удалось не всех. Возвращенные военнопленные поделились с общественностью своими воспоминаниями о тяжелом положении в советских лагерях. В ответ на это в 1948-1949 гг. ГУПВИ развернуло широкомасштабную работу среди оставшихся военнопленных. Так были изданы два тома книги "Военнопленные в Советском Союзе"[28].

В пропагандистских целях инспирировалось художественное творчество военнопленных. Появились сотни пьес, романов, повестей, оперетт, акварелей и рисунков, созданных в советских лагерях военнопленными.

В 1949 г. Советский Союз принял активное участие в разработке и принятии новой конвенции о военнопленных. В состав комиссии вошли сотрудники МВД под председательством заместителя начальника ГУПВИ генерал-лейтенанта И. А. Петрова. Советская делегация сделала много поправок к тексту конвенции. Однако поправка СССР, ужесточающая формулировки по отношению к военным преступникам, была отклонена. Текст конвенции Советский Союз ратифицировал только в 1954 г., когда основную массу военнопленных уже репатриировали[29].

Об окончании репатриации немецких военнопленных объявили в сообщении ТАСС от 5 мая 1950 г., а японских - от 22 апреля 1950 г. После окончания репатриации в СССР остались только осужденные и подследственные заключенные, а также небольшое число задержанных от репатриации по болезни или другим причинам. Всего, по данным ГУПВИ, к этому времени было репатриировано 3 168 109 военнопленных. В том числе: в Германию -1 939 099 человек, в Японию - 510 409, в Венгрию - 377 411, в Румынию - 194 069, в Австрию - 120 619 человек[30].

Приказом МВД СССР от 20 июня 1951 г. ГУПВИ вновь лишается прилагательного "главное" в своем названии, подчеркивающего масштаб и значение деятельности этого учреждения. Начальником УПВИ МВД СССР назначается заместитель начальника ГУПВИ, начальник Оперативного управления ГУПВИ и заместитель начальника ГУлага А. З. Кобулов[31]. Близость двух управлений, ведающих лагерями, очевидна. Очевидно и то, что усиливается власть оперативных органов в деятельности Управления по делам военноплен-

ных и интернированных, в ведении которого остались только осужденные военнопленные и интернированные.

Осужденные военнопленные, по мнению руководства МВД, уже не имели статуса военнопленных, а рассматривались только как уголовные и военные преступники. Режим их содержания был ужесточен, питание и трудоиспользование офицеров приравнено к нормам, существовавшим для рядовых, рабочий день увеличивался до 10 часов. В декабре 1952 г. в лагерях МВД содержалось 19 164 осужденных военнопленных. Они работали на строительстве шахт Донбасса, на Урале, в районах Сталинграда и Хабаровска - в системе министерств угольной промышленности, строительства предприятий тяжелой индустрии, машиностроения, вооружения, черной металлургии, жилищно-гражданского строительства и др. [32]

15 марта 1953 г., почти сразу после смерти И. В. Сталина, министром внутренних дел становится снова Л. П. Берия. Пробыв на этом посту всего несколько месяцев до своего ареста, он успел провести некоторые изменения: МВД и МГБ вновь были объединены в одном министерстве, ГУПВИ ликвидировалось, его функции по обеспечению охраны, содержания, трудового использования, медико-санитарного обслуживания и снабжения осужденных военнопленных и интернированных передавались Тюремному управлению МВД СССР. Оперативную работу среди военнопленных возложили на I Главное управление МВД СССР[33].

Л. П. Берия был осужден как "враг народа" и расстрелян 23 декабря 1953 г. Пост министра внутренних дел занял С. Н. Круглов. В 1954 г. расстреляли и А. З. Кобулова. Хрущевская "оттепель" отразилась на военнопленных и интернированных. В 1953 г. была проведена крупная репатриация. В этом же году вернулся на родину и фельдмаршал Паулюс. Генерала Зайдлица репатриировали с последней крупной партией осужденных немецких военнопленных только в 1955 г. после визита в Советский Союз канцлера К. Аденауэра.

В феврале 1954 г., согласно приказу МВД, особые лагеря передали из ведения Тюремного управления в ГУЛаг МВД СССР. В составе Тюремного управления остался отдел по делам военнопленных и интернированных, на который возложили охрану, режим, трудовое использование, персональный учет и репатриацию осужденных военнопленных и интернированных, а также персональный учет и репатриацию всех осужденных иностранцев[34]. В 1954-1956 гг. постепенно расформировывались последние лагеря и спецгоспитали для военнопленных.

Таким образом, деятельность Управления по делам военнопленных и интернированных продолжалась с 1939 г. по 1953 г., хотя часть иностранных военнопленных и интернированных продолжала оставаться в лагерях и тюрьмах МВД СССР и после ликвидации этого учреждения.

Масштаб деятельности Управления весьма значителен. За период существования УПВИ НКВД-МВД СССР сформировано и действовало на территории СССР, а также других государств 24 фронтовых лагеря, 70 приемно-пересыльных пунктов и 18 отделов фронтовой сети, более 500 лагерей и специальных объектов для военнопленных, 214 спецгоспиталей, 400 рабочих батальонов, 322 лагеря органов репатриации военнопленных, интернированных и иностранных граждан. Согласно справкам, составленным Тюремным отделом МВД в 1956 г., через госпитали, лагеря и рабочие батальоны УПВИ прошло 3 486 206 военнопленных немецкой и 639 776 - японской армии и 128 477 интернированных[35].

Следует иметь в виду, что эти цифры отражают количество учтенных УПВИ военнопленных и интернированных, реальное же число прошедших через систему ГУПВИ, включая советских военнослужащих из спецлагерей, превышает 5 млн. человек.

Тема военнопленных продолжает оставаться одной из наименее изученных. Она имеет глубокий этический и гуманитарный смысл и нуждается в широком научно-обоснованном анализе. Особенно важно передать новому поколению людей тот опыт, который обрели воюющие государства в гуманизации отношения с военнопленными, но еще более важно на примере деятельности таких учреждений как ГУПВИ сделать вывод о недопустимости решения любых межгосударственных противоречий посредством войн.

Примечания

[1] См.: Ежевский Л. Катынь, 1940. Б. м. 1990; О с и п о в С. Н. Осень 1939 года: к вопросу о польских военнопленных // Военно-исторический журнал. 1990. №3; Парсаданова В. С. К истории катынского дела // Новая и новейшая история. 1990. № 3; Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991; Катынское дело. Можно ли поставить точку? // Военные архивы России. 1993. Вып. I; Katyn. Dokumenty zbrodny. T. 1. Jency nie wypowiedzianej womy sierpien 1939-marzec 1940. Warszawa, 1995.

[2] См.: Г алицкий В. А. Цифры, которых мы не знали // Новое время. 1990. № 24; его же. Вражеские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1990. № 9; е г о же. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10; е г о же Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10; е г о ж е. Там, в Бекетовке, под Сталинградом // Военно-исторический журнал. 1993. № 2; его же. Гитлеровцы против Гитлера // Военно-исторический журнал. 1995. № 1; Конасов В. В., Герещук А. В. Узники войны (К истории иностранного военного плена в России и СССР) // Новый часовой. 1994. № 1; их же. Долгий путь на родину (Репатриация немецких военнопленных из СССР) // Новый часовой. 1994. №2; Конасов В Б. К вопросу о численности военнопленных в СССР// Вопросы истории. 1994. № 11 и др.

[3] См.: Конасов В. Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР. Вологда, 1996. Наряду с очерками издание включает документальную подборку; "Большая часть военнопленных пополнит ряды Социалистической партии Германии". Неизвестный проект фельдмаршала Паулюса // Источник. Документы русской истории. 1994. № 3 и др.

[4] См.: Бондаренко Е. Ю. Конец молчанию. Новые страницы о жизни японских военнопленных в бывшем СССР // Россия и АТР. 1992. № 2; е е же. "Школы коммунизма" для японских военнопленных // Россия и АТР. 1994; № 1; е е же. Долгое возвращение из плена // Проблемы Дальнего Востока. 1994. №4.

[5] См. напр.: Семиряга М. Приказы, о которых мы не знали // Новое время. 1994. № 15; Ерин М. Е., Баранова Н. В. Немцы в советском плену (по архивным материалам Ярославской области) // Отечественная история. 1995. № 6.

[6] См. - Kainer St. Im Archipel GUPVI: Knegsgefangenschaft und Internierung in der Sowietunion 1941-1956. Wien - München, 1995.

[7] См.: НКСГ - 50 лет. Сборник материалов российско-германской научно-практической конференции Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1994; "Gefangen in Russland". Die Beitrage des Simposions auf der Schallaburg Graz - Wien, 1995.

[8] См.: Безыменский Л. Приговор остается в силе? // Новое время. 1994. №4; Конасов В. Последний рубеж генерала // Эхо планеты. 1994. № 18-19; Решин Л. Е Фон Зайдлиц против Гитлера // Кентавр. 1995. № 3, его же. Как из Паулюса Власова делали // Совершенно секретно. 1996. № 5 и др.

[9] См.: ГА РФ, ф. 9401сч, оп. 12, д. 205, л. 1-6.

[10] См.: Там же, оп. la, д. 174, л. 29, 33-47, л. 172.

[11] ЦХИДК. ф. 1п, оп. 23а, д. 6, л. 100.

[12] Там же, л. 112.

[13] Подсчитано по данным ежедекадных отчетов Медицинского отдела ГУПВИ.

[14] ЦХИДК, ф. 1п, оп. 37а, д. 3, л. 58-63. Приказом НКВД СССР от 19.05.45 г. введены 5 норм питания.

[15] ГА РФ, ф. 9401 сч, оп. 1. д. 2664, л. 149-174.

[16] ЦХИДК, ф. 1п, оп. 23а, д. 3, л. 39.

[17] ГА РФ, ф. 9401сч, оп. 1, д. 3112, л. 364-368; д. 2655, л 62-70.

[18] ЦХИДК, ф. 1п, оп. 21а, д. 5, л. 6-8. См. также: Безбородова И. В. Лагерь 27 // Независимое военное обозрение. 1997. № 20.

[19] Там же, оп. 24а, д. 8, л. 1.

[20] Там же, оп. 37а, д. 3, л. 154.

[21] ГА РФ, ф. 9401 сч, оп. 1, д. 2227, л. 56-60.

[22] Там же, д. 737, л 283-284.

[23] "Большая часть военнопленных пополнит ряды Социалистической единой партии Германии". Неизвестный проект фельдмаршала Паулюса // Источник. Документы русской истории. 1994. № 3.

[24] ЦХИДК, ф. 1п, оп. 23а, д 9, л. 7-117.

[25] Там же, ф. 4п, оп. 9, д. 1, л. 3-4.

[26] ГА РФ, ф. 9401сч, оп. 12, д. 205, т. 16, л. 73.

[27] Подсчитано на основании автоматизированного банка данных Центра хранения историко-документальных коллекций.

[28] ЦХИДК, ф. 1п, оп. 21 а, д. 61, 62.

[29] Там же, д. 41, 47 и др.

[30] Там же, оп. 34а, д. 8, л. 28.

[31] Там же, оп. 37а, д. 3, л. 154.

[32] ГА РФ, ф. 9401сч, оп. 12, д. 205, т. 16, л. 15-19; ЦХИДК, ф. 1п, оп. 34а, д. 9, л. 2-4, 14-16, 21-23.

[33] ГА РФ, ф. 9401сч, оп. 12, д. 205, т. 17, л. 42-43.

[34] Там же, л. 24-26.

[35] ЦХИДК. ф. 1п, оп. 19т, д. 6, л. 44; оп. 12т, д. 6, л. 38.